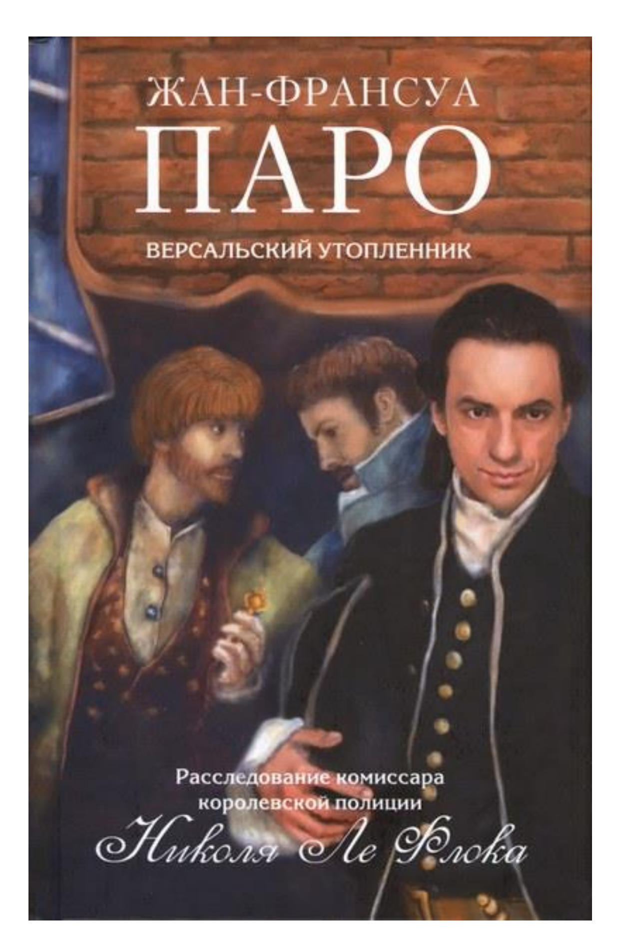
Паро Жан-Франсуа

Версальский утопленник

Посвящается Жаклин Корве

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николя Ле Флок — комиссар полиции Шатле
Луи де Ранрей — его сын, паж большой конюшни
Эме де Ноблекур — прокурор в отставке
Марион — его кухарка
Пуатвен — его лакей
Катрина Госс — кухарка
Пьер Бурдо — инспектор полиции
Папаша Мари — привратник в Шатле
Сортирнос — осведомитель
Рабуин — осведомитель
Гийом Семакгюс — корабельный хирург
Ава — его домоправительница
Шарль Анри Сансон — парижский палач

Полетта — содержательница борделя

Граф Прованский — брат короля

Герцог Шартрский — кузен короля

Ламор — его лакей

Сартин — Государственный секретарь, министр морского флота

Ленуар — начальник полиции Парижа

Д'Арране — адмирал

Эме д'Арране — его дочь

Трибopт — его дворецкий

Лаборд — генеральный откупщик, бывший первый служитель королевской опочивальни

Тьерри де Виль д'Аврэ — его преемник на посту первого служителя королевской опочивальни

Бальбастр — музыкант и композитор

Жанна Кампан — придворная дама королевы

Эммануэль де Риву — морской офицер

Пьер Ренар — инспектор полиции

Жанна Ренар — кастелянша королевы

Доктор Антон Месмер — эмпирист

Ратино — печатник

Винченцо Бальбо — певчий Королевской капеллы

Франческо Барбекано — бывший певчий Королевской капеллы

Жак Госсе — королевский водонос

Этьенетта Данкур — прислуга на кухне

Жак Саном, прозываемый д'Асси — проститут

Ретиф де ла Бретон по прозвищу Филин — писатель

Батист Гремийон — сержант караульной роты

Вдова Менье — хозяйка гостиницы

ПРОЛОГ

О, фортуна! Кто из богов терзает нас ужаснее, чем ты? Всегда любила ты играть судьбами несчастных смертных!

Гораций

26 февраля 1778 года, Жирный четверг. Бал в Парижской Опере.

Н-да, действительно, уж лучше запах конюшни! Над полом клубилась пыль, выбиваемая каблуками из старых досок, угарный свечной чад смешивался с тяжелым запахом потных, давно не мытых тел и резкими ароматами духов и румян. От смрада к горлу подступала тошнота. Вонь мешала внимать чудесным звукам музыки. Большой зал, отделанный золотом и пурпуром, гудел, словно пчелиный рой. Расставленные вдоль стен скамьи, светильники и жирандоли оставляли место для небольшого буфета. Ложи, напоминавшие ячейки сот, довершали сходство с ульем.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Николя разглядывал пестрые костюмы танцующих. Тут маски взялись за руки, образовав длинную, словно гусеница, цепочку, и в веселом танце заскакали по залу. Косолапый медведь держал за руку веселого полишинеля, сжимавшего руку закутанной в блестящие шелка султанши. Прямо на комиссара надвигался призрак в саване, с набеленным, мертвенно-бледным лицом, на котором карбункулами сверкали глаза. Подмигнув Николя, призрак показал ему зеленый язык. Венецианские маски с застывшими выражениями

безглазых лиц вносили диссонанс в атмосферу всеобщего оживления. Карнавальные костюмы не позволяли различить, где мужчина, а где женщина, и эта неопределенность придавала веселью еще большую пикантность. Устроившись в уголке своей ложи, он оперся подбородком на серебряный набалдашник трости. Трость с секретом преподнес ему на Новый год инспектор Бурдо. При помощи кольца и пружины набалдашник отделялся, обнажая скрытый в трости клинок. Английская пуля разбила рукоятку и снесла боек маленькому пистолету Николя[1], всегда сопровождавшему его в опасных предприятиях, и его верный помощник сказал, что, пока ему делают новый пистолет, с этой тростью он может чувствовать себя уверенно.

Сегодня вечером Николя обеспечивал безопасность королевы: дождавшись, пока король, сломленный усталостью, заработанной днем на охоте, отправится спать, она в компании близких друзей в очередной раз незаметно ускользнула из Версаля. Подобные эскапады королевы не могли не волновать начальника парижской полиции Ленуара, и тот поручил Николя осуществлять наблюдение. Королева не терпела, когда ей надоедали излишними, по ее мнению, предосторожностями. Право следовать за ней тенью она признавала только за своим верным Компьеньским кавалером, с которым ее связывали как услуги, оказанные лично ей, так и немало услуг, оказанных им королевской семье.

По мнению Николя, балы в Опере не таили в себе особых опасностей. На эти собрания — по крайней мере, когда они начинались в царствование покойного короля, — допускалась только избранная публика, там играли самые лучшие оркестры. Сезон открывался в день святого Мартина, продолжался до Рождества, возобновлялся в день Богоявления и завершался в последний день карнавала. Балы начинались в одиннадцать вечера и заканчивались в семь утра. Со временем в дни карнавала своеобразным пропуском стали оригинальность или роскошь костюма, и состав публики, посещавшей балы в Опере, расширился. Сейчас входной билет стоил шесть ливров, пропускали и в масках, и без масок, но непременно без шпаг. В любой лавке на улице Сент-Оноре можно было взять напрокат домино, как простое, поношенное, так и роскошное, украшенное серебряной и золотой отделкой. Помимо бального зала в распоряжение публики предоставлялась гостиная, где встречались обладатели житейской сметки; пользуясь инкогнито, они плели там свои интриги. Там велись не только серьезные беседы, но и звучали непристойные речи, позволяя посредственностям, неожиданно очутившимся в обществе умников и записных развратников, ощутить приятную дрожь от приобщения к запретному плоду. Там заключали сделки — как по сердечному согласию, так и по принуждению, и договаривающиеся стороны вели торги, поставляя пищу любителям сплетен и скандалов и авторам рукописных новостей. И, свидетельствуя о неизбежно надвигавшейся войне, балы эти притягивали все больше и больше шпионов всех мастей.

В соседней ложе раздался заливистый смех королевы. Высунувшись, Николя увидел Артуа: облокотившись о бархатную балюстраду, он что-то шептал на ухо своей невестке. Та шлепнула его по руке веером:

— Прекратите! Я больше не желаю ничего о ней слышать!

— Напротив, сестрица, вы только об этом и мечтаете! Ту, о ком вы говорите, ваше возмущение нисколько не обескуражило! А когда ваш сложенный веер коснулся ее правой щеки, красавица поняла, что ее удостоили великой чести. Если бы она подставила и левую щеку, я был бы готов держать пари, что она снова будет искать свидания с вами. Неужели вам в Вене об этом ничего не рассказывали?

Внимание Николя привлекла маска, уверенно двигавшаяся к ложе королевы. С торчащими во все стороны лохмами, в платье под стать прическе, она изображала рыночную торговку. Вскинув голову и уперев руки в бока, маска измененным голосом бесцеремонно обратилась к Марии-Антуанетте. Развязное поведение говорило о том, что женщина считала себя если не ровней, то, по крайней мере, достаточно знатной, чтобы на равных говорить с королевой. Впрочем, кто сказал, что под женским нарядом действительно скрывается женщина?

— Ну, что скажешь, прекрасная Антуанетта? Не стыдно ли тебе сидеть здесь, в окружении этих распушивших хвост павлинов? Сама небось знаешь, что сейчас твое место рядом с муженьком, одиноко храпящим в супружеской постели!

Изумленная Мария-Антуанетта не знала, что ответить, но веселое настроение взяло свое, и она невольно улыбнулась, тем более что свита ее во главе с Артуа даже не подумала сдержать хохот. Смех лишь подстегнул неизвестного. Несмотря на просторечный выговор, речь его отличалась остроумием и злободневностью, и, желая лучше слышать, королева высунулась из ложи и перегнулась через барьер, так что при желании собеседник мог коснуться ее груди. За этой сценой, бесспорно, ставшей главным событием вечера, наблюдало множество заинтригованных зрителей. После едва ли не получасового разговора королева наконец откинулась назад и заявила, что давно так не веселилась; ей даже есть захотелось. В ответ маска принялась упрекать королеву, что та хочет побыстрее от нее отделаться, на что Мария-Антуанетта пообещала снова подойти к краю ложи. Слово она сдержала; новый разговор оказался столь же оживленным, как и первый. В довершение фарса Ее Величество оказала маске неслыханную честь, позволив поцеловать ей руку.

Николя быстро вышел из своей ложи. Согласно правилам, он должен был проследить, чтобы Мария-Антуанетта беспрепятственно села к себе в карету. Но сейчас ему казалось, что гораздо важней найти таинственную маску. Сознавая, что шансов у него мало, он все же сбежал в партер, где увидел, как собеседница королевы направляется к выходу. Проложив дорогу среди танцующих, он попытался настичь маску. Однако когда он протиснулся к лестнице, он увидел валявшееся на полу платье, а на нем маску. Маска смотрела на него своими мертвыми глазами, гнусно ухмыляясь. Фарандола, составленная из Жилей и домино, вовлекла его в круг, и пока он из него выбирался, драгоценное время было упущено. Когда он, высвободившись, выскочил из здания Оперы, то увидел, как по улице Сент-Оноре в сопровождении эскорта гвардейцев удаляется карета королевы. В утешение он попытался убедить себя, что осведомители, во множестве присутствовавшие на балу, наверняка не преминули обратить на маску внимание, и в утренних докладах он найдет сведения, необходимые для установления личности неизвестного. Пытаясь среди толпы лакеев с факелами и скопления экипажей отыскать фиакр, он вдруг услышал голос, показавшийся ему знакомым:

— А я знаю, куда он поехал.

Из тени портика вынырнул субъект в таком же, как стена, темном плаще и в бесформенной шляпе; Николя тотчас узнал Ретифа де ла Бретона, именовавшего себя «пастухом, виноградарем, садовником, землепашцем, школяром, служкой, ремесленником, женатиком, рогоносцем, либертеном, мудрецом, дураком, спиритуалом, невеждой, философом, писателем». По ночам Ретиф бродил по улицам Парижа и при случае оказывал услуги полиции; Николя нередко прибегал к его помощи.

— О ком вы говорите?

— О том, за кем вы бегаете.

— А почему вы решили, что я за кем-то бегу?

— Полно, как тут не понять! Комиссар Ле Флок, запыхавшись, вылетает из Оперы и принимается все оглядывать и обнюхивать. Что прикажете мне думать? Вы ищите не королеву и не ее приближенных, ибо за ними вы бы спокойно проследовали от самой королевской ложи. Значит, вы ищите кого-то другого. А кто еще покинул Оперу, кроме Ее Величества и ее свиты?

— И кто же?

— Незнакомец, встретивший другого незнакомца. О чем они говорили? Мне не удалось разобрать, что они говорили. Но могу сказать, что первый взял фиакр.

— В каком направлении он отбыл?

— Направление я заметил: фиакр поехал по дороге в Версаль.

— А что другой?

— А-а, другой… Другой исчез где-то возле Пале-Руаяль. А точнее, поблизости от улицы Бонз-Анфан.

— Вы сами все это видели?

— Ха! Недаром меня прозвали Филином! А что вы хотите от этого типа?

— Скажем, меня интересует, чем он занимается. И хотелось бы узнать, о чем он разговаривал.

— Ого! Ну, тут я вам не помощник.

— А сами вы что делаете возле Оперы?

Осклабившись, Ретиф подпрыгнул, словно намеревался сплясать джигу.

— Я подсматривал за красотками, садящимися в кареты. Туфельки, чулочки, крошечные ножки, икры. Вы же знаете мою слабость.

— М-да, — отозвался Николя, у которого страсть Ретифа к подглядыванию всегда вызывала отвращение, — место самое подходящее.

— Помимо очаровательных ножек здесь удобно наблюдать за нравами, развлечениями, интригами и характером парижан. Если бы король захотел услышать, что на самом деле говорят его подданные, он бы, воспользовавшись случаем, сам бы явился сюда в маскарадном костюме, и то, что он узнал, будучи инкогнито, наверняка пошло бы на пользу всем тем, кто не решается поверить ему свои заботы и печали. Но что-то я заболтался; впрочем, я все понял. Прощайте.

И он исчез столь же неожиданно, как и появился. В задумчивости Николя остановил свободный фиакр и велел отвезти его на улицу Монмартр.

Пятница, 27 февраля 1778 года, Версаль.

Следовало признать: королева любила драгоценности, часто их меняла и относилась к ним бережно. Исключением стала сегодняшняя ночь, когда она вернулась из Парижа очень поздно — или очень рано. Впрочем, возвращение в три часа ночи можно было назвать вполне приемлемым, ибо обычно она прибывала на рассвете. А утром, как всегда, придворные устремились на церемонию одевания, определенную суровым этикетом. Прошел слух, что на рассвете король отправился в спальню к супруге, дабы исполнить супружеский долг; с некоторых пор исполнение сего долга нравилось ему все больше. Правда, это новшество вносило беспорядок в привычные ночные развлечения королевы и доставляло много хлопот слугам. Во время церемонии королева озабоченно прошептала на ухо своей доверенной придворной даме, что она не нашла украшение, которое накануне надевала на бал в Оперу. Украшение неимоверно дорогое, и к тому же его подарил ей сам король.

Вспоминая вчерашние сборы королевы на бал, госпожа Кампан припомнила, как одна из кастелянш, а именно любимица королевы госпожа Ренар, уколола себе палец, впопыхах прикрепляя драгоценность к платью. Тогда Ее Величество выразила нетерпение… Да, именно эта торопливость чуть не испортила королеве настроение, тем более что речь шла об универсальном ключе, или попросту отмычке[2], украшенном алмазами.[3] Подаренный королем в 1774 году по случаю праздника Вознесения, ключ символизировал вступление Марии-Антуанетты во владение Трианоном. Восхищаясь красотой подарка, королева попросила придворного ювелира повесить его на цепочку. Госпожа Кампан вздохнула. Исчезла не просто очень дорогая вещь: из-за этой потери под угрозой оказалась безопасность апартаментов королевы. А что скажет король, никогда не одобрявший ночных эскапад супруги? Австрийский посланник Мерси-Аржанто наверняка сочтет своим долгом вмешаться, а значит, о пропаже вскоре узнают Мария-Терезия и император Иосиф и наверняка выразят свое неудовольствие.

Желая уточнить, правильно ли она поняла, о какой драгоценности идет речь, госпожа Кампан, проходя мимо королевы, шепнула ей на ухо пару слов; и, получив в ответ тревожный кивок, удалилась.

Полотеры, горничные и пажи частыми гребнями прочесали все апартаменты королевы, все туалетные комнаты и даже большой зал для приемов. Безрезультатно. Универсальный ключ как сквозь землю провалился. Камеристка уговорила королеву сосредоточиться и вспомнить, когда она в последний раз видела ключ у себя на одежде. Ее Величество ответила, что, как ей кажется, войдя в свою ложу в Опере и сбрасывая плащ, она задела его рукой. Таким образом, приходилось признать, что украшение пропало в Париже во время бала. Неожиданно королева побледнела и чуть не упала в обморок. С трудом переводя дыхание, она рассказала о своем разговоре с неизвестной маской; чтобы лучше слышать собеседницу, она наклонилась к ней так низко, что едва ли ни касалась ее. Чем чаще она вспоминала этот разговор, тем больше в ней крепло убеждение, что кража произошла именно во время беседы. Стоило ей подумать, что придется сообщить королю о пропаже, на глазах у нее выступали слезы. Тогда госпожа Кампан посоветовала ей обратиться за помощью к маркизу де Ранрею, чья работа в полиции, верность и сообразительность являлись гарантией успешного исхода поисков. Согласившись с ее доводами, королева тем не менее отвергла это предложение. Именно безупречная честность Компьеньского кавалера, пользовавшегося ее доверием и уважением, побуждала ее отказаться от его услуг. «Я не могу заставить его скрыть что-либо от короля, он откажется это сделать», — с отчаянием в голосе произнесла она. Госпожа Кампан снова задумалась, а потом предложила воспользоваться услугами инспектора Ренара, мужа одной из служанок королевы, на чью скромность — принимая во внимание работу мужа — можно было положиться. В ответ королева захлопала в ладоши. Было решено обратиться к инспектору Ренару, а чтобы лишний раз не беспокоить короля, ничего ему не говорить.

Вторник, 21 апреля 1778 года. Версаль.

Зябко поводя плечами, вдова Манье завязала на тощей груди концы косынки. Конец апреля. Времена года сменяли друг друга, однако ни один сезон не отличался привычной, устоявшейся погодой: зимой властвовал долгий ледяной холод, а летом стояла страшная жара и, как следствие, засуха. Во времена ее молодости погода так резко не менялась; впрочем, если вспомнить, и тогда бывали свои неприятности. На память пришла засуха 1740 года, унесшая тысячи жизней. Вздохнув и водрузив на нос очки, она в который раз принялась перечитывать запись, сделанную в регистрационной книге. Собственные окуляры напомнили ей об очках с темными стеклами у того постояльца, что прибыл к ней в гостиницу вчера вечером. Интересно, заметил ли он через свои стекла, что на улице стемнело? Из-за надвинутой на лоб шляпы и высоко поднятого воротника она не смогла рассмотреть его. Если бы ее попросили описать постояльца, она вряд ли сумела бы это сделать, настолько неприметно он выглядел. Единственно, что бросилось ей в глаза, — так это некоторая странность в его фигуре, однако объяснить, что в ней странного, она бы затруднилась.

Не менее чудной показалась ей и его речь; беглая и правильная, однако отличавшаяся необычным выговором. Постоялец похвалил плющ, увивавший фасад гостиницы, и долго рассказывал об этом растении, углубляясь в мельчайшие подробности. Ах, этот hedera helix тут, ах, этот hedera helix там… зачем ей все эти глупости? А он продолжал многословно восхвалять полезные свойства этого растения. Из него, видите ли, можно готовить отвар для лечения ревматизма и болей в ногах. А в виде припарок он отлично помогает от зубной боли. Да уж, нашел панацею от всех болезней.

Лично она не видела в этом растении ничего, кроме змееобразного стебля, который растет, цепляясь за трещины в стене, и незаметно дорос до окна. Вот уж истинно отродье. Так и хочется подрезать его под корень, но, памятуя, какое оно живучее, понимаешь, что лучше не трогать. Ведь стены в любую минуту могут рухнуть, а разросшееся растение как-никак образовало дополнительный каркас и поддерживает их. И это не считая пташек, летучих мышей, ос и прочих тварей, нашедших среди его листьев и стол, и дом.

Ах, он и в самом деле заморочил ей голову этим плющом. Оглушенная таким потоком слов, она даже забыла спросить его имя и род занятий. А уж проверить, что он написал, и подавно. И только теперь поняла, какой ужасный промах допустила: имя постояльца скрыла большая жирная клякса, остался только род занятий: негоциант.

А утром она узнала, что постоялец уехал рано-прерано, и видел его только слуга, что работает на конюшне: постоялец шел ему навстречу с дорожной сумкой в руках. Слава богу, она хотя бы плату за ночлег потребовала у него вперед! На миг она задумалась. В ее тихой и чистенькой гостинице, снискавшей хорошую репутацию, останавливались почтенные клиенты. И она не желает иметь неприятности с полицией, которая чуть ли ни каждый день требует подавать списки постояльцев. Что делать? Лгать она не хотела. Она обмакнула в перо в чернила и на бумаге, которую предстояло отдать инспектору, с усердием вывела: «Гостиница Менье, улица Реколле, в ночь со вторника 21 апреля 1778 года, имя не читается, негоциант (полагаю, иностранец)». Ей показалось, что с таким отчетом вполне согласятся и ее совесть, и власти.

I
ЛАТАНИЕ ДЫР

Довольно, я согласен поставить справедливую свою обиду на службу богу Марсу.

Гораций

27 июля 1778 года, в открытом море, в виду Уэссана.

Изумленный Николя рассматривал свои покрасневшие руки. Ему казалось, что он стоит по пояс в крови, однако боли он не чувствовал. Находясь в самом центре канонады, он не мог пошевелить даже пальцем. Нельзя сказать, что ему было страшно, нет, охватившее его чувство скорее напоминало оцепенение. Он не раз испытывал страх, но впервые от страха у него случился паралич и тела, и воли. Он не понимал, что с ним происходит, казалось, от боли тело его превратилось в сплошной комок нервов. Неожиданно взгляд его упал на разрубленного пополам стрелка, и только тогда он осознал, что жив и невредим. Когда чувства вернулись к нему, то едва слышный, словно пробивающийся через толстый слой ваты, шум сражения мгновенно оглушил его своим грохотом. Свист пуль, угрожающее шипение ядер, треск падающих мачт и разбитых в щепки рангоутов сливались в единую жуткую симфонию. Дым закрывал от него ют и стоявших там людей, среди которых находился герцог Шартрский. Между двумя выстрелами он с трудом разглядел бледное лицо Ла Мотт-Пике, командира штандарта «Сент-Эспри», и тут же потерял его из виду. Когда корабль стал взбираться на волну, он, поскользнувшись в луже крови, потерял равновесие и непременно бы упал, если бы кто-то из офицеров, протянув руку, не помог ему удержаться на ногах. Раскатистый залп бортовых пушек, нацеленных на английские корабли, на время лишил его слуха. Слух постепенно возвращался к нему, и в ушах зазвучал свист ядер. Что все-таки произошло? В ожидании скорого продолжения дуэли между плавучими крепостями наступило временное затишье.

Углубившись в собственные мысли, он мгновенно вспомнил встречу, состоявшуюся в конце апреля в доме адмирала д’Арране. Комната полнилась ароматом белой сирени, и сидевшая рядом с вазой за вышиванием Эме время от времени прижималась лицом к крупным белым гроздьям. Отважный маневр старого офицера вынудил Николя выстроить линию обороны под прикрытием высокой скалы, и теперь, в ожидании следующего удара, он

любовался парком, окутанным шелестящей на весеннем ветру молодой листвой. Заслышав скрежет колес подъезжающего экипажа, адмирал вопросительно поднял голову. Заржали кони, захлопали дверцы, и на усыпанной гравием дорожке, что вела к крыльцу, раздались быстрые шаги. Зазвучали голоса, перекрываемые зычным басом дворецкого.

Дверь отворилась, и вошел Сартин, одетый в щегольский фрак цвета голубиной грудки. Шествуя под руку с начальником полиции Ленуаром, он широко улыбался. Начались приветствия, поклоны и обмен комплиментами. Возвращаясь в столь дивный вечер в Париж и проезжая мимо очаровательного жилища адмирала д’Арране, они ощутили неодолимое желание провести этот вечер в сем превосходном доме, окруженном деревьями и цветущими кустарниками. И хотя они прибыли без предупреждения, они смиренно просят адмирала пригласить их на ужин. Министр поклонился Эме, благосклонно приветствовал Николя и с видимым удовольствием взял из рук Триборта стакан с напитком, где, судя по аромату, преобладал ром. Все поделились своими тревогами по поводу необыкновенной жары, начавшейся накануне Пасхи и грозившей дурно повлиять на будущий урожай. Слухи о войне, которая непременно разразится, как только найдется хотя бы малейший предлог, ожидаемый с тех самых пор, как королевство в феврале подписало соглашение с инсургентами, министра, похоже, нисколько не беспокоили. Николя знал, что соглашение предусматривало помощь американцам людьми и оружием. Однако осмотрительный Людовик XVI сумел составить текст так, что помощь эта будет оказана только в том случае, если Англия разорвет отношения с Францией. Эме, бросив выразительный взгляд на Николя, удалилась, предоставив высокопоставленным собеседникам возможность поговорить в своем кругу.

Стол накрыли на английской лужайке, под большой липой. Принесли серебряные ведерки с гербом д’Арране, откуда выглядывали заиндевелые бока бутылок с шампанским. Николя задавался вопросом, каким образом Сартин очутился в доме адмирала в одно время с ним. Быть может, встречу запланировал адмирал, пожелавший свести комиссара с его бывшим начальником? Серьезные разногласия, случившиеся более года назад, развели Николя и Сартина в разные стороны[4], и возможно, адмирал хотел помирить их. Его размышления прервал Триборт: громким голосом, словно призывая идти на абордаж, бывший моряк, подмигнув Николя, начал зачитывать меню. Триборт знал, что комиссара всегда интересовали гастрономические подробности, а судя по блюдам, ожидавшим сегодня сотрапезников, ужин обещал быть исключительно изысканным.

— Господа, суп-потаж а ля-принцесса, с измельченным белым мясом птицы, пирожки с нарезанным полосочками сладким мясом и рагу из петушиных гребешков. Затем, словно заблудшие дети, проследуют зажаренные на сковороде перигорские голуби с начинкой из трюфелей с салом, коих сопровождает приготовленный по-итальянски пирог с телятиной и рубцом, к которому подается соус на бульоне из мозговой косточки. А в качестве арьергарда явятся артишоки, точнее, их донца в сопровождении мелких луковичек, обжаренных в сливочном масле, приправленных на славу с хлебными крошками и тертым пармезаном. Побывав в печи, они приобрели несравненный цвет. И напоследок крем а-ля султан, с шоколадной крошкой, цедрой, апельсиновыми дольками, обжаренным и засахаренным миндалем. Роскошь, приготовленная на паровой бане.

— У нас уже слюнки текут! — со смехом воскликнул Сартин. — Вот, значит, каков ежедневный сухарь и солонина нашего адмирала!

И с иронией, не ускользнувшей от Николя, добавил:

— Однако как замечательно являться к вам на ужин без предупреждения!

— Мой дом всегда в вашем распоряжении, — ответил адмирал, смущенно глядя на Николя.

Что ж, дело сделано. Само собой разумеется, Сартин и Ленуар давным-давно получили приглашение на этот ужин, на котором по каким-то, видимо, достаточно важным причинам должен был присутствовать и он, Николя. Очевидно, бегство Эме тоже является частью плана.

Пока он задавался вопросами без ответа, разговор перешел на пребывание в Париже Вольтера, главную тему разговоров как при дворе, так и в городе.

— Разумеется, никто не может воспрепятствовать Вольтеру жить в Париже, — произнес Ленуар, — но тем не менее Его Величество разрешения ему не давал.

— Именно об этом, — подал голос Сартин, — король и сообщил королеве, когда та пожелала, чтобы во Французском театре Вольтеру предоставили ложу рядом с королевской и украсили ее коврами; в свое время такой чести удостоились Корнель и Расин. Высказав свою просьбу, королева заметила, что, по ее мнению, Вольтера никогда официально не изгоняли из страны. «Вполне возможно, — решительным тоном и с превеликим неудовольствием ответил король, — но я не намерен обсуждать эту тему». Завершая сей неприятный для него разговор, он повернулся спиной к королеве и принялся насвистывать охотничий мотив, что у наших Бурбонов всегда является признаком крайне дурного настроения!

— Его так долго не было в Париже, что своих современников он вполне может считать своими потомками, — отозвался Ленуар; успев вкусить несколько ложек отменного супа, он даже закрыл глаза от удовольствия. — Воистину господин философ спустился из эмпирея![5]

Собеседники расхохотались.

— Ах, — вздохнул Николя, — парижане буквально летят впереди него, одурманивая его воскурениями своих восторгов. Вы только подумайте, даже Ноблекур, крайне редко выходящий из дома, велел своему кучеру ехать по той же улице, где должен проехать его однокашник по коллежу Луи-ле-Гран, дабы приветствовать его!

Сартин неодобрительно покачал головой.

— Да уж, просто эпидемия какая-то! Его возвращение является косвенным признаком слабости власти. Могущество известного клана столь велико, что никто не посмеет тронуть великого человека. Вольтера нельзя арестовать! Напрасно ярится духовенство — ему приходится молчать, равно как и Парламенту, ибо тон задает Париж, хотя тон этот и насквозь фальшив!

Николя вспомнил, что Сартин не всегда был настроен отрицательно по отношению к Вольтеру; отношение переменилось после того, как с Вольтером порвал Шуазель, обвинивший философа в неблагодарности.

— Если говорить обо мне, — произнес адмирал, — то меня по-прежнему возмущают его недостойные строки, осмеивающие наше горькое поражение при Росбахе.

— Я часто слышал, — вполголоса проговорил Николя, — как наш покойный король с грустью их цитировал.

Взволнованные, собеседники умолкли, обратив свои взоры на Николя и, без сомнения, вспоминая, насколько «наш дорогой Ранрей» был близок к покойному монарху.

Молчание нарушил Ленуар.

— Известна ли вам истинная причина приезда Вольтера в Париж?

— Держу пари, это нос Клеопатры! — воскликнул Сартин, положив себе на тарелку парочку пирожков с телятиной.

— Вы не далеки от истины, сударь, хотя речь идет не об этом органе чувств…

Так как все с любопытством ждали продолжения, он быстро осушил свой бокал.

— …полагаю, все знают господина де Ла Виллета? Так вот, маркиз, исповедующий любовь, строго запрещенную нашими мудрецами, но к которой весьма снисходительно относились в Древней Греции, шесть месяцев провел в Фернее, дабы все успели забыть об

одном из его неудавшихся похождений. Прошлой осенью он ударил кнутом по щеке танцовщицу из Оперы мадемуазель Тевенен за то, что та отказалась от его приглашения на ужин, заявив, что ей не пристало принимать приглашение мужеложца. Ну и так далее, слово за слово… эта история побудила Виллета вести себя осмотрительней, и впоследствии он даже женился на воспитаннице мадемуазель Дени, очаровательной Варикур по прозвищу Красавица и Разумница.[6] А так как великий человек не может обходиться без Варикур, он примчался в Париж и остановился у Виллетта, в его доме на набережной Бон, где беспрепятственно упивается ее обществом. Получается, что удар хлыста послужил причиной не только обращения еретика от любви, но и прибытия Фернейского отшельника в Париж!

— Итак, — с чувством воскликнул Сартин, — наш восьмидесятичетырехлетний патриарх снова в Париже, вместе со своей мочекаменной болезнью, которая убьет его, если раньше этого не сделает кофе, и, стряхнув с себя презрение двора, наслаждается триумфом, почти апофеозом, устроенным ему парижанами. Бюст его, увенчанный лавровым венком, выносят на сцену. Надо было видеть, сколько вокруг лилось слез! А все потому, что господин де Ла Виллет решил образумиться! Выше только эмпирей…

— Однако, черт побери, вы-то что там делали? Тоже ходили смотреть на триумф Вольтера?

— Как и все!

До Николя долетали слухи о связи министра с одной из актрис Французского театра; тогда понятно, что его занесло в театр.

— Итак, Виллетт привез в Париж, оэ-оэ, — принялся напевать Ленуар, — Вольтерье, Вольтерье, оэ-оэ…

— А еще говорят, — произнес Николя, — что Вольтер приехал специально, чтобы увидеть на сцене трагика Лекена, однако, когда он прибыл из Фернея, ему сразу сообщили и о болезни актера, и о его смерти.

— Да, да-а, вы пра-а-вы! — вполголоса пропел начальник полиции; он пребывал в отменном расположении духа, а вкусная еда и тонкие вина лишь усугубили его превосходное настроение.

Ах! Какое горе у меня случилось,

Говорит Харону Мельпомена.

Перебрался через Ахерон Лекен,

Не оставив ни таланта для Ларива.

— Надо ли понимать, что муза трагедии избрала себе нового любимца? — спросил адмирал.

— Все возможно. После смерти Лекена его роли поделили между собой его товарищи-актеры: Моле, Монвель и Ларив.

Николя понимал, что шутливый разговор, какие ведутся во всех парижских салонах, является веселой прелюдией к обсуждению неких серьезных вопросов, ставших поводом сегодняшнего собрания. Зная Сартина много лет, Николя не питал иллюзий относительно своего бывшего начальника; однако он по-прежнему испытывал к нему ностальгическую привязанность, нисколько не уменьшившуюся из-за их недавних серьезных разногласий. Взглянув на бывшего начальника полиции, Николя почувствовал, что сейчас тот затронет неизвестную пока ему, но очень важную тему.

Окинув подозрительным взором подступавший со всех сторон темный сад, министр понизил голос:

— Господа, раз уж сегодняшний вечер собрал вместе добрых и верных слуг короля, надобно поговорить о делах, тем более что мы находимся накануне войны, избежать которой нам не удастся. Во-первых, следует отметить факт, установленный и ставший достоянием

общества: королева беременна. Слишком много слухов ходило о неспособности короля. Наиболее хорошо осведомленные…

С довольным видом он поправил сдвинувшийся парик:

— …знали, что никакой операции не требуется. Врачи, с которыми проводились консультации, всегда утверждали, что он в состоянии выполнять супружеский долг. Никаких препятствий. Природа одарила Его Величество гораздо более щедро, нежели его коронованные предки.

— Хорошо сказано… — вздохнул Ленуар.

— Разумеется! Медики Сорбонны весьма изысканны в выражениях.

— Ну, и? — продолжал генерал-лейтенант. — В чем же была закавыка?

— Молодость и неопытность. Два неопытных супруга. Он слишком застенчив, а добродетель удерживала его от приобретения необходимого опыта, и потому ее естественное желание не получало удовлетворения и заглушалось бесплодными и слишком редкими попытками. Наконец благодаря Богу и советам императора[7] великий труд увенчался успехом! Но на смену опасностям преодоленным явились иные опасности, не менее грозные.

— Известие о беременности королевы, — подхватил Ленуар, — породило целый поток грязных пасквилей, направленных против Ее Величества. У нас не хватает агентов, чтобы выслеживать авторов памфлетов. Сколько помоев выливается к подножию трона! Увы, этому потоку во многом способствуют англичане, и не только они!

— Слухи действительно ходят весьма странные. У продажных писак поистине железные задницы! Говорят, некий принц, любитель интриг и жадный до сплетен, приложил к этим памфлетам не только свою руку, но и перо. Если признаться, переписка его наполнила меня ужасом.

На кого намекал Сартин? Для Николя только Артуа, Прованс и герцог Шартрский соответствовали этому портрету. В случае рождении дофина больше всех терял герцог Шартрский.

— Легкомыслие Ее Величества, небрежение этикетом, ее выходящие за рамки приличий игры и развлечения сами по себе питают всевозможные слухи. Называют придворных из ее окружения, которым приписывают… Ее кружок…

— Обуявшая королеву страсть к игре, — снова подхватил Ленуар, — позволяет любому приблизиться к ней как в Версале, так и в Марли, где ее салон открыт для всех, без различия званий и титулов, лишь бы человек был прилично одет. Беременность вряд ли повлияет на это увлечение, ибо многие другие забавы ей вскоре запретят. А тем, кто во время игры держит банк, придется принимать меры, дабы оградить ее от мошенников.

— А герцогини…

— Банкометы убедили Ее Величество перед началом игры обвязывать стол по кромке лентой, чтобы, когда ставки сделаны, высота столбиков луидоров не превышала высоты сей ленты; превышение банкометы сразу заметят.

— Подобная предосторожность, — заметил Николя, — препятствует мелким мошенничествам; однако есть мошенничества и более крупные, в чем я сам имел возможность убедиться. Например, легковерные игроки нередко доверяют свои деньги сидящим за игорным столом придворным дамам. Когда эти дамы выигрывают, многие из них отказываются отдавать выигрыш. А однажды какой-то тип попытался всучить банкомету под видом луидоров сверток с жетонами!

Сартин постучал ножом по пустому бокалу. Хрусталь зазвенел, призывая к тишине.

— Господа, мы отклонились от темы. Мы почитаем нашу королеву, и наш долг защищать ее даже от нее самой. Грядут не лучшие времена. Помимо войны с Англией королева опасается, что притязания Австрии на Баварию могут иметь печальные последствия. И хотя она уверена, что король Пруссии вряд ли сумеет подтолкнуть нас к разрыву союзнических отношений с Австрийским домом, ей известно, что, закрывая глаза на аннексии Австрии, мы не чувствуем себя обязанными оказывать ей поддержку, дабы она могла сохранить аннексированные земли.

А еще, подумал Николя, королева поддерживает Сартина в его беспрерывной вражде с Неккером, о чем без устали судачат досужие языки. Генеральный контролер финансов ловко воспользовался докладом вернувшегося из Бреста герцога Шартрского. Готовясь получить патент генерального контролера Морского министерства, герцог разоблачал злоупотребления в использовании крупных сумм, доверенных министру морского флота. Ходил слух, что в случае ухода Морепа Шартр надеялся занять его место. Ленуару, известному своей преданностью бывшему начальнику полиции, тогда пришлось явиться в парламент и отчитаться в расходовании сумм, выделенных его ведомству. Последствий сей инцидент не имел, и все же король, всегда дружелюбно относившийся к Ленуару, прислал ему свой портрет[8] в роскошной раме, дабы загладить нанесенную генерал-лейтенанту обиду и выразить свое доверие.

Ужин подходил к концу: гости выписывали ложками вензеля в вазочках с заварным кремом. Блаженное состояние, наступившее благодаря изысканным блюдам и обилию вин, не способствовало продолжению разговоров. Сартин встал и, взяв Николя под руку, увлек его в аллею сада. Аромат цветущей липы дурманил голову. Вдалеке кричали ночные птицы. Время от времени одна из них пролетала так низко, что почти касалась крылом уединившихся собеседников.

— Вы на меня сердитесь, — произнес Сартин. — Не возражайте. Я это чувствую.

— Сударь, вы слишком много для меня сделали, чтобы я мог держать на вас зло.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать. Чего еще вы от меня ждете? Наша последняя встреча завершилась к величайшему моему огорчению. Неужели я и в самом деле заслужил то жестокое обращение, коему вы меня подвергли, позабыв обо всем, что было прежде? Разве я когда-нибудь изменил своему долгу, изменил вам, которого я всегда почитал, как…

Горло у него сжалось, и он умолк. Закашлявшись, Сартин остановился и принялся носком башмака раскидывать в стороны усыпавший дорожки мелкий гравий.

— В самом деле, вы вряд ли мне поможете… Нас обоих обуревает гордыня, она не позволяет нам пойти на поводу у собственных чувств… Николя, я и в самом деле поступил несправедливо по отношению к вам.

— В самом деле?

— Полно, не стоит загонять меня в тупик. Разве сейчас мы не испытываем одни и те же чувства?

Он не собирался этого отрицать, хотя и не понимал — а потому не мог оценить — истинной причины такой откровенности своего бывшего начальника. И склонен был поверить ему, ибо давно мечтал помериться с ним.

— Я вам признателен за эти слова, сударь.

— Что ж, полагаю, на сей день мне следует этим удовлетвориться. Сейчас я намерен вам кое-что сообщить, что непременно вас заинтересует. Сами знаете, кто продолжает верно служить нашим интересам в Лондоне. Несмотря на угрозу войны, ей удалось ловко переправить нам важные сведения. Ее мужеству следует воздать честь.

— Благодарю вас за это сообщение, однако если ее разоблачат, жизнь ее окажется под угрозой.

— Такова наша общая судьба. А кому как не вам известно, что от судьбы не уйти никому. Женщины — прекрасные конспираторы, и нам следует учиться у них. Не беспокойтесь, ее пол защищает ее.

Министр мог говорить что угодно, но во время войны разоблаченному шпиону не позавидуешь ни во Франции, ни в Англии. Прошлое многому его научило, и теперь он лихорадочно соображал, чего добивается от него Сартин. Должен ли он понять, что ему протянута рука, что министр хочет засыпать ров, постепенно разделивший их? Но разве тогда он в глубине души не решил, что разрыв их окончательный? Хотя до сих пор втайне страдал от принятого решения. Разве не могло быть, что… Он украдкой наблюдал за лицом министра; освещенное отблесками факелов, оно казалось маской, вылепленной из воска. Как он постарел! Угловатое лицо избороздили глубокие морщины. В свое время, будучи молодым начальником полиции, Сартин изо всех сил старался выглядеть старше своих лет; сейчас, скорее всего, ему хотелось обратного. Оживление, охватывавшее его всякий раз, когда ему приходилось работать вместе с королем, прошло. Положение подсиживаемого со всех сторон министра, постоянно зависящего от королевской милости, разительно отличалось от положения начальника парижской полиции, знатока и хранителя тайн политических и сердечных.

Незаметно углубившись в парк, они подошли почти к самому краю леса. Спустились сумерки; Сартин рассуждал, обращаясь к высоким дубам, чьи ветви словно пригибались, чтобы его послушать:

— Вечный бой… не прекращается ни на миг… Они смеют утверждать, что от меня несет селедкой только потому, что мой отец торговал сардинами! А впрочем, действительно, кто я такой? Сын лионского купца, родившийся в Барселоне. Грамота о признании меня французом и дворянином датирована 1755 годом. А титул графа д’Альби я унаследовал от своей бабки, Катарины Витт, дочери министра Иакова II, ведавшего французскими делами. Она была фрейлиной испанской королевы… Могу я назвать свое происхождение благородным или нет? Впрочем, мне все равно.

Николя понимал, сколь глубоки раны, уже который год наносимые Сартину. Меж тем пылкая защитительная речь продолжалась. Оправдания и протесты доказывали, что заноза глубоко засела в душе обвиняемого.

— …но мой отец никогда не был ничтожеством! Его арестовали по приказу кардинала Альберони, который, будучи интендантом морского флота, преследовал его за его связи с Францией! Вы видите, все повторяется, меня тоже упрекают в неправедном использовании сумм, выделенных моему министерству. До самой смерти Дюбуа[9] отец исполнял его секретные поручения… Став интендантом Барселоны, он поставлял мулов, кареты, слуг и провизию для герцога Сен-Симона, французского посланника в Мадриде. Он сумел полностью снять с себя все подозрения. Вы это знали?

— Вы, сударь, упомянули об этом в тот день, когда мы ехали в вашей карете в Версаль, где я впервые[10] увидел нашего покойного короля.

Министр подошел к дубу и, приобняв его, принялся ласково гладить шершавую кору.

— Мы были молоды… Вы таким и остались… Мне казалось, что я исполнил пожелание маркиза де Ранрея, почтившего меня своей дружбой… маркиз мог бы быть моим отцом. Я радовался, когда вы были рядом со мной.

— Ничего не изменилось, — сдавленным голосом произнес Николя. — Я по-прежнему здесь.

Они замолчали.

— Смерть короля, — продолжил Сартин, — стала для меня концом славных дней. Мы все надеялись, что Шуазель вновь займет свое место… А колесница фортуны промчалась мимо, и я даже не попытался остановить ее. Я единственный, кто ввел короля в курс текущих дел в первые же часы после его восшествия на престол. А ради чего? Все министры видели короля во время болезни, и все боялись заразиться… Он был так юн. Я не хотел заставлять его. Казалось, он ждет всего лишь слова, но я не произнес его. Он не пожелал, а я не осмелился… Я едва не стал первым министром. И я в отчаянии, ибо Морепа навязали ему его тетки.

Владыка! Тешься сладостью обмана!

Тебе польстишь — и тут же тает гнев.[11]

Мне следовало бы петь песни, как поет Ленуар… Но я, трудясь денно и нощно, мечтаю вернуть Франции ее флот.

— Кто, кроме вас, сможет справиться с сей благородной задачей?

— Вы правы, задача благородная. При условии, что тебя поддерживают, что тебе не приходится день за днем сражаться с недостатком средств, с завистью и интригами, не говоря уж о клеветниках, чьи язвительные речи постоянно долетают до моих ушей. Морепа не любит королеву, потому что королева любит Сартина. Чтобы изменить положение вещей, требуется немногое: согласиться льстить его самолюбию, выказывая привязанность, преданность и полное доверие. Единственное, чего хочет Морепа, — это подольше удержаться на своем посту; он давно бы стал на сторону королевы, если бы был уверен, что найдет в ней прочную и гарантированную опору.

— Но разве Ее Величество, нарушая этикет, не принимала за ужином графиню Морепа вместе с супругами Сартина и Амло, женами министров, которые никогда прежде не удостаивались этой чести?

— Ерунда! Это сделано, чтобы угодить королю, всегда чувствительному к почестям, оказанным его старому Ментору; последствий сей ужин не возымел. Исключительное тщеславие, коим обладает графиня, ударило ей в голову, и она не отказывалась ни от чего, что предлагала ей Ее Величество. Заставляя себя есть все, она едва не скончалась от несварения желудка! А если говорить о Шуазеле, то он, увы, теперь лишь призрак, тень самого себя. Он в немилости, влияние его равно нулю, он запутался в долгах. Версаль, устроенный им в Шантелу, открытый стол… Неккер же просто узколобый чиновник, ненавидящий меня за те суммы, которые мне удается у него выдрать. Он постоянно следит за мной, его люди только и ждут, когда я на чем-нибудь споткнусь.

— Однако стоит лишь открыть глаза…

— А кто собирается их открывать? Наладить работу администрации в наших портах, наших арсеналах, наших литейных мастерских и на наших кораблях, омолодить офицерский состав и повысить уровень его образования, преумножить и обновить наши корабли, дабы Франция наконец получила такой мощный флот, которого у нее никогда не было… сделать это не так-то просто, особенно когда каждый твой шаг наталкивается на ненависть и сопротивление. Но только обновленный флот сможет противостоять англичанам. Как видите, из-за кое-чьих честолюбивых амбиций четыре квадратных метра министерского рабочего кабинета стали для меня полем боя, где каждый день приходится выходить из траншеи и идти в атаку.

— Но ведь король вас любит. Я не раз видел тому подтверждение.

— Вы так считаете? Даже если это и так, он никогда не скажет об этом в открытую… Тем более что он умеет разговаривать только с теми, кто постоянно болтается у него в покоях, а не с теми, кто ему преданно служит.

Николя подумал, что Сартин принадлежит именно к тем, кто «постоянно болтается».

— И вы — один из них.

Вскинув голову, Сартин кулаком стукнул по стволу, которому он адресовал свою речь.

— Этот человек — сплошная загадка. Да вот, к примеру, в феврале состоялся совет, в котором приняли участие военный министр Монбаррей, губернатор Бреста Ланжерон и ваш слуга. Выходя из галереи, Ланжерон сказал Монбарею: «Вы должны научить вашего повелителя убивать людей, его предок Людовик XIV сделал из сей науки искусство». Оно и понятно, ведь король в войне ничего не смыслит. Одному Господу известно, как высоко развито у него чувство справедливости и какими, зачастую совершенно удивительными, знаниями в самых неожиданных областях он обладает, однако его робость и нерешительность сводят все на нет. Дела накапливаются, время уходит, вопросы остаются нерешенными. А промедление в делах всегда имеет негативные последствия. Когда же его начинают торопить, он молча злится и ругается про себя. Но это не зловещее ледяное молчание покойного короля, ставшее одним из рычагов управления, а смущение, замешательство, нерешительность, приставшие скорее ребенку, нежели королю. Даже старый лис Морепа, прекрасно пользующийся королевскими слабостями, иногда не выдерживает и упрекает его за столь великий недостаток. Король выслушивает мнения всех, однако не запоминает ни одного или же запоминает обрывки. Каждый тянет правительственную махину в свою сторону, а у нее уже нет ни рессор, ни тягловой силы. Внутри царит хаос, снаружи — неуверенность, а все вместе это горькие плоды разобщенности и бессилия.

Вздохнув, Сартин подозрительно покосился на Николя. Неужели он уже сожалел, что наговорил лишнего? Впрочем, спрашивал себя комиссар, говорил ли бывший начальник полиции и в самом деле искренне? Может, это всего лишь прием, дабы обмануть слушателя? Сильные мира сего часто так поступают. Но зачем Сартину его обманывать? Николя так и не пришел ни к какому выводу.

— Кажется, жара и роскошный стол нашего хозяина подействовали на меня расслабляюще. А нам расслабляться некогда. Николя, я не хочу вводить вас в заблуждение. Наша сегодняшняя встреча не случайна. Ваши друзья помогли мне организовать ее. Король, нуждаясь в ваших услугах, намерен поручить вам особую и чрезвычайно деликатную миссию.

Сартин посмотрел на него насмешливым взором, запомнившимся Николя с самой первой их встречи. И комиссар удивился, что этот взгляд все еще — словно в первый раз! — пробуждает в нем трепет.

— Я ваш слуга, сударь.

— Нет, господин маркиз, — весело отозвался Сартин, — вы — бесценный друг, завещанный мне вашим отцом. Сейчас я изложу вам в двух словах суть дела более чем неординарного, одного из тех дел, в выполнении которых у вас имеется бесценный опыт…

Однако, вздохнул про себя Николя, коего смена настроения Сартина отнюдь не ввела в заблуждение, король желает, король хочет, а Сартин располагает. Несмотря на комплименты, приемы прежние.

— …Адмирал д’Орвилье сейчас находится в Бресте, где собирается многочисленный флот, и ожидает дальнейших распоряжений. Корабли скоро снимутся с якоря. Primo, вы тайно отправитесь в Брест и вручите адмиралу инструкции Его Величества. Одновременно, отвлекая на себя внимание врага, по дорогам открыто поскачут несколько эмиссаров. Выполнить это поручение крайне важно. Второе поручение еще сложнее. Кузен короля, герцог Шартрский[12], который, как вам известно, словно комета, пронесся по всем ступеням лестницы военно-морских званий, жаждет восстановить звание Великого Адмирала, а потому его только что назначили командующим эскадры синего флага. Его тесть, герцог де Пантьевр[13], не поддерживает его устремлений. В следующем месяце Шартр сядет на двадцатичетырехпушечный линкор «Сент-Эспри». Никто не питает иллюзий. Чтобы создать видимость деятельности, герцог станет устраивать смотры и заниматься вопросами субординации. А корабли должны выйти в море в начале июля.

— Что мне еще придется делать кроме того, как вручить приказы короля?

— Это и есть самое сложное. Его Величество имеет две причины для волнения. Во-первых, он совершенно естественно заботится о безопасности своего родственника. Все возможно, а англичане, а особенно ваш старый приятель лорд Эшбьюри, не пожалеют усилий, чтобы поставить под угрозу жизнь принца крови. Следовательно, вам предстоит стать его тенью и его защитником.

— Почему мне?

— Потому что у вас есть все необходимые для этого качества, каковых нет ни у кого, а также надлежащая компетенция и доверие монарха. Более того, вы — маркиз, и поэтому герцог станет вас терпеть; хотя он известен как записной демагог, вряд ли он отнесется с презрением к вашему титулу.

— А какова вторая причина?

— Как бы вам сказать… — смущенно проговорил Сартин, поворачиваясь к дубу. — Шартр известен своими похождениями… Вы знаете, какова у него репутация.

— Самое худшее сообщают о нем шепотом.

Николя знал принца как распутника, игрока, любителя девочек и лошадей, а также как тайного подстрекателя парламентской оппозиции.

Сартин вновь подозрительно огляделся.

— Говорят, он устранил своего кузена, принца де Ламбаля. Смерть шурина сделала его полноправным наследником огромного состояния тестя, герцога де Пантьевра. Доказано, Шартр открыто способствовал развращению молодого человека. За закрытыми дверями шепчутся об ужине в особнячке Монсо, где собиралась очень дурная компания. Ламбаля доставили оттуда в плачевном состоянии, и он вскоре скончался. Ходит слух, что ему подмешали к вину афродизиак, дабы подтолкнуть его в объятия зараженной девки.

— Я с ужасом внимал этим слухам.

— Довольно об этом… Сначала думали, что вы будете сопровождать короля в Брест, — продолжил Сартин, чья речь неожиданно стала вязкой и тягучей. — Недавно королю пришла в голову мысль отправиться туда инкогнито, под именем графа Дампьера. Но мы с Монбареем отговорили его. В нынешней ситуации, когда каждый день приходят важные донесения, присутствие короля в Версале совершенно необходимо. К тому же вряд ли бы удалось сохранить инкогнито. Его Величеству пришлось бы столкнуться со стихийными толпами любопытных, а также нарушить строжайший приказ не пускать в Брест никого, кто не может подтвердить очевидную необходимость своего там присутствия.

Николя краем уха слышал об этой королевской фантазии от Тьерри де Виль д'Аврэ, первого служителя королевской опочивальни. Но истина крылась в ином, и Ленуар, будучи в курсе событий, поверил ее Николя. Министр имел свою, разумеется тайную, причину противиться такому путешествию. Введенные им новшества, и в частности упразднение письмоводителей на кораблях, а также включение в состав экипажей военно-морских судов офицеров торгового флота, вызвали ссоры и беспорядки, и он не хотел, чтобы король стал их свидетелем.

— Перейдем к делу. Обеспокоенный тем, что может случиться, и сознавая, что поведение его кузена вряд ли изменится и на военной службе, король хотел бы иметь достойного свидетеля…

— То есть осведомителя?

— Мне кажется, сударь, — высокомерно ответил Сартин, — что мы с вами уже все выяснили. Вы — полицейский, один из наиболее проницательных, и вдобавок благородного происхождения. Щепетильность — похвальное чувство…

Он подозрительно огляделся.

— …но только когда интересующий вас объект также обладает им. В настоящих обстоятельствах об этом речи нет, хотя, разумеется, мы обязаны оказывать ему должное уважение. Лучше поговорим о Ла Мотт-Пике, капитане «Сент-Эспри». Ему поручается следить за тем, чтобы распоряжения, отданные принцем, были разумны. Ну а вам придется следить за поведением принца. Его Величество намерен получить точный и подробный отчет. Полагаю, вы понимаете, речь идет также и об интересах герцога Шартрского, которого вряд ли встретят с распростертыми объятиями. Присутствие рядом с ним дворянина, принятого в придворных кругах, станет для него гарантией, что у него есть беспристрастный свидетель. Лишь бы он не совершил ничего противоречащего законам чести. Подумайте, любой другой, менее щепетильный, чем вы, смог бы сделать на этом головокружительную карьеру.

Николя прекрасно изучил казуистику Сартина, прибегавшего к ней при любом удобном случае, особенно когда требовалось навязать свое мнение и убедить собеседника в собственной правоте. Но сколь бы далеко ни заходил цинизм Сартина, в конце концов речь всегда шла о спасении королевства.

— Итак, — взяв Николя под руку, подвел черту министр, — перед отъездом вы еще успеете нас посетить. Ах, какой приятный вечер! Я в восторге! О, я и забыл. Всего один вопрос. Вы в курсе кражи, случившейся несколько дней назад в апартаментах королевы? У Ее Величества украли дорогое украшение, подаренное ей королем. А так как королева вас любит, то, полагаю, она уже призвала вас на помощь?

— Нет, сударь. Я узнал об этой краже из уст господина Ленуара. Вести дело поручено инспектору Ренару, чья супруга состоит в штате королевы.

— Ренар… Ренар? Это имя я определенно слышал… Конечно! Инспектор, который в 74-м занимался делами книгопродавцев. В 75-м я отправил его в Бордо на поиски печатника, дерзнувшего издать пасквиль, порочащий память покойного короля. «Тень Людовика XV перед судом Миноса». Хитроумный и изворотливый, насколько я помню. Что ж, дело в надежных руках! Однако если до вашего приезда он не добьется результата, то…

Увидев их вместе, Ленуар и д’Арране заулыбались. Поздно ночью Николя покинул комнату Эме и галопом примчался на улицу Монмартр. В доме еще спали, только в пекарне наблюдалось некое оживление. Услышав стук трости по полу, Николя понял, что господин де Ноблекур пробудился и желает его видеть. Когда бы он ни вернулся, старый магистрат всегда жаждал поскорее услышать рассказ о том, как он провел вечер. Бывший прокурор пригласил Николя сесть напротив него. Мушетта прыгнула на колени к хозяину и с ревнивым видом повела носом, видимо, уловив запах духов Эме, аромат которых все еще хранил его фрак. Сирюс похрапывал, развалившись на подушке, обтянутой пурпурной тафтой. Николя начал рассказ с описания меню обеда. Разговор с Сартином принес облегчение и одновременно вселил тревогу: Николя опасался, что перемена в настроении министра всего лишь видимость, игра, вызванная необходимостью, в то время как в нем пробудилось прежнее восторженное отношение к бывшему начальнику. Пребывая в неуверенности, он усматривал в поведении министра коварный расчет.

Слушая его, Ноблекур, казалось, погрузился в глубокие размышления: он застыл, обхватив рукой подбородок. Решив, что его старый друг задремал, Николя собрался на цыпочках удалиться, как вдруг почтенный магистрат с силой ударил рукой по подлокотнику своего кресла. Кошечка подпрыгнула, готовая улепетнуть, а Сирюс задергал лапами и затявкал во сне.

— Довольно, вы ссоритесь, словно старые супруги, причем каждый слышит только себя. Я слишком хорошо знаю вас обоих, чтобы не понимать, какие чувства вас обуревают. Вы испытываете сомнения. Не выступаю ли я в качестве марионетки, которую дергают за ниточки? Не есть ли белое — черное? А тьма — ослепительный свет? Ох, как же хорошо я вас знаю!

— А я, — не сдержав улыбки, ответил Николя, — могу заявить, что сиамский жрец продолжает проникаться духом Дао, открытым нашими отцами-иезуитами. Вот настоящая философия, питающая и без того великий талант! Поднебесная империя правит на улице Монмартр!

— Смейтесь, — прокашлявшись, ответил Ноблекур. — Дао вдохновляет меня и поддерживает. От Лао Цзы ко мне перешла мудрость, вдохновляющая меня последние несколько лет. Она помогает мне приручить свою старость. Мои невзгоды оборачиваются благодеяниями. Но вернемся к вашей одержимости. Сартин честолюбив и привык к власти. Однако я убежден, что в разговорах с вами проступает его истинная сущность. Тех, кого мы любим, следует измерять по меркам и добродетелей, и недостатков, вместе взятых, ибо мы ценим их и за те, и за другие.

— Я вас понимаю.

— Посмотрите: те, кто наделен властью, постоянно пребывают в плену поставленных задач. И они заинтересованы найти опору там, где ее больше нет, заручиться помощью достойных людей, чье безукоризненное поведение сделает чище их самих. С другой стороны, в силу обстоятельств им приходится лезть в грязь, что может оттолкнуть от них тех, кто еще сохранил некоторую щепетильность. Будьте уверены, вам такая участь не грозит. Вы светлый человек, и ваша искренность нисколько не делает вас глупее. Да и Сартин не из таких. Вы оба слишком уважаете друг друга, чтобы питать друг к другу ненависть. Возможно, соединившие вас узы заставляют вас обоих слишком внимательно присматриваться друг к другу. У вас имеются недостатки; у него их еще больше. Каждый из вас в чем-то не уверен, у обоих есть свои тайны. Уважайте секреты друг друга и считайте, что половина пути навстречу уже пройдена. Я вижу, вы растеряны. Чтобы вы лучше поняли мою мысль, скажу вам, что таланты и способности любого начальника оценивают в зависимости от того, какие пружины он нажимает, чтобы руководить нами. Можно говорить о служении королю, о верности, о честности, о чести — лишь бы мы пришпоривали коней! Так что цените свою удачу: Сартин никогда не совершал низких поступков. На сем я немного вздремну, а затем отправлюсь на ежедневный променад, прописанный мне добрым доктором Троншеном. Еще я намерен послать Пуатвена на набережную Театинцев узнать новости о здоровье Вольтера: судя по слухам, он занемог. Кстати, я давно задаюсь вопросом, должен ли я, заботясь о том, чтобы сохранить себя для друзей, следовать его диете?

— А в чем она заключается?

— В желтках, смешанных с картофельным крахмалом, с добавлением капельки воды.

— Ого! Вы захотели положить конец дням своим? Неужели вы полагаете, что, соблюдая такую диету, вы сможете сохранить себя для друзей? Нет, я предпочитаю видеть вас подагриком.

И Николя принялся подробно расписывать обед, устроенный адмиралом д’Арране. Старый магистрат забил себя кулаком в грудь.

— Mea culpa! Я отступник! Я отвергаю желтки и признаю свою ошибку. Отныне я ем только дичь и трюфели!

Под хохот Ноблекура Николя поднялся к себе. Он хотел поспать хотя бы несколько часов, но сон не шел. Мысленно он то и дело возвращался к вчерашнему вечеру, но никак не мог сосредоточиться. Картины прошлого, которые ему хотелось бы забыть, вновь вставали у него перед глазами, и чем рьянее он прогонял их, тем громче внутренний голос уговаривал его не доверять Сартину и уклоняться от прямых ответов на его вопросы. Но разве он мог поступить иначе? Припомнив, как часто ему приходилось терпеть публичные унижения и оскорбления, он тут же вспомнил, какой исполненный душевной теплоты порыв охватил его в парке особняка д’Арране. Он был обязан Сартину своим ремеслом, внешнюю сторону которого тот некогда столь блистательно ему расписал. Обходительный и насмешливый, его бывший

начальник мог вспылить без причины, а потом как ни в чем не бывало продолжать разговор. Жесткий, никогда не выдающий истинных своих чувств, он весь состоял из острых углов, и только его эксцентричное увлечение париками говорило о том, что и ему не чужды слабости. Впрочем, когда того требовала поставленная цель, он щедро наделял всех сокровищами своего благодушия.

Николя с наслаждением занимался самокопанием. Как только тревога отступила, он тотчас покатился по наклонной плоскости собственной снисходительности, втайне радуясь тому, что сумел убедить себя, что его теплые чувства к Сартину, которые, как он полагал, он истребил под корень, ожили вновь. Умиротворенный, он обрел пылкость и энтузиазм своих двадцати лет, когда, впервые выйдя из кабинета Сартина, он шел по берегу реки в монастырь Карм-Дешо, спеша поведать отцу Грегуару о своей удаче. Пред взором его вновь предстало лицо министра, такое, каким он увидел его вчера в конце вечера, когда ему показалось, что Сартин также тайно ликует в душе. И потом, наверняка их согласия желает король, давно уже стремившийся помирить обоих своих преданных слуг, ибо он уважал их обоих. Спрыгнувшая откуда-то сверху Мушетта положила бархатные лапки ему на веки и нежно замурлыкала; под эти баюкающие звуки он погрузился в тяжелое забытье.

Недели шли, Николя занимался своей рутинной работой. Во время охоты, когда они с королем отстали от других охотников, Его Величество напомнил ему об ожидающей его миссии. Король не скрывал своей нелюбви к кузену, но дал понять, что неудобства от присутствия Шартра будут равны неприятностям в случае его отстранения от командования эскадрой.

Николя продолжал собирать сведения о принце. При дворе Шартр появлялся редко, зато часто посещал королеву в Трианоне. Его видели в городе и на балах в Опере. С легкой руки герцога в моду вошло проводить скачки в Венсенне, и там Николя тоже не спускал глаз с принца. Несколько человек с не менее звучными именами оспаривали у герцога право первенства на дурную репутацию: Артуа, принц де Гемене, герцог де Лозен и маркиз де Конфлан. Герцог играл на скачках, держал конюшню и английских жокеев. Одевался герцог в основном по английской моде, а чтобы отличаться от таких же, как он, англоманов, в его костюме всегда присутствовала какая-нибудь неожиданная деталь; еще он обожал роскошные экипажи. Несмотря на малопривлекательное лицо, одутловатое и часто покрывавшееся гнойничками, он обладал на редкость величавой статью и отличной фигурой, помогавшими ему располагать к себе людей. Его внушительный вид вводил многих в заблуждение; обожая восторги толпы, он научился делать необходимые жесты, дабы приветствовать публику, кою он втайне ненавидел.

Убежденный, что дом всегда может многое рассказать о своем хозяине, Николя посетил маленький домик герцога на землях Монсо: там Шартр устроил гнездышко для удовольствий, прежде расположенное в квартале под названием Маленькая Польша, на улице Эранси.

В парке, окружавшем домик, Николя встретил Кармонтеля[14], с которым когда-то познакомился на ужине у Лаборда. Вокруг шла стройка: Шартр хотел соорудить небывалый театр, приспособленный как для показа спектаклей, так и для проведения празднеств. Золото текло рекой. Согласно замыслу в зачарованном саду предстояло соединить эпохи, страны и времена года; при необходимости декорации — руины, храмы, башни, пагоды, пирамиды, арки и мосты — должны были поворачиваться, дабы зрители, наблюдавшие за спектаклем с семнадцати бельведеров, могли все как следует рассмотреть.

Проникнувшись доверием к Николя, Кармонтель поведал ему о замысле принца превратить Пале-Руаяль[15] в торговые ряды и одновременно место для времяпрепровождения, где посетители найдут и дорогие лавки, и разнообразные развлечения. Это будет модный променад, где роскошь станет соседствовать с необходимым, а в дорогих лавках будет продаваться все самое современное и изысканное, что предлагает мода.

Николя ознакомился с красноречивыми полицейскими отчетами, посвященными частной жизни принца. На их основании вырисовывался портрет наглого развратника, скупого и расточительного одновременно; его страсть к игре могла сравниться только с его страстью к наживе, и обе страсти он стремился удовлетворять любым путем. Говорили, что он никак не дождется дня, когда наконец сможет полностью распоряжаться своим огромным наследством. Став гроссмейстером ложи Великого Востока, ему удалось приобрести изрядный вес в обществе. Инспектор Бурдо, которому Николя с согласия Сартина рассказал о своем задании, сообщил ему о существовании в Версале «Воинской Л… Трех Неразлучных Братьев при Дворе В…». Сие прозрачное название означало, что король, Прованс и Артуа, поддавшись на уговоры кузена Шартра, вступили в ряды масонов.

Воспользовавшись его присутствием на игре у королевы, король, смотря по обыкновению куда-то вдаль, представил Николя герцогу Шартрскому и объяснил кузену, что маркиз де Ранрей, оказавший короне поистине бесценные услуги, также отправляется на корабль «Сент-Эспри». Маркиз получит мундир капитана первого ранга и должность генерального инспектора Министерства морского флота, в обязанности коего входит сопровождать принца. Также, с заискивающей улыбкой продолжал король, в обязанность маркиза входит обезвреживание вражеских шпионов, если те попытаются проникнуть в планы операций военно-морского флота. А еще он будет отвечать за безопасность принца крови, чья жизнь ему столь дорога. Только адмирал д'Орвилье, командующий флотом, и господин де Ла Мотт-Пике де Винуаер, капитан штандарта «Сент-Эспри», будут в курсе истинной миссии комиссара.

Как было ему свойственно, король с чувством выполненного долга немедленно удалился, радуясь, что удалось столь быстро проговорить необходимые слова и оставить герцога и Николя наедине. Окинув любопытным взором Николя, герцог пригласил его завтра прибыть к нему утром во дворец Пале-Руаяль.

На следующее утро в гостиной, увешанной великолепными образчиками живописи, герцог удостоил Николя беседы в непринужденно-надменном тоне. С одной стороны, герцог пытался поддержать репутацию доброго малого, с другой — плохо скрывал свое раздражение. Короля рядом не было, и Шартр выразил надежду, что маркиз станет выполнять свое задание молча, втайне, и не станет пытаться препятствовать ему в чем бы то ни было, тем более в удовлетворении его прихотей и в развлечениях. На это Николя заметил, что развлечения в любом случае будут ограничены бортом линкора, а он, разумеется, не станет вмешиваться в распоряжения, отдаваемые герцогом, ибо не является знатоком морского дела. Он намерен действовать строго в рамках полученных им инструкций, и никто, даже принц, не сможет принудить его пренебречь своими обязанностями. Поняв, что оказать давление на Николя ему не удастся, герцог сменил тему и преувеличенно любезным тоном заговорил о каких-то пустяках.

Комиссару, давно составлявшему собственную коллекцию человеческих характеров, показалось, что Шартр, поняв, что запугать его не удастся, решил пойти по пути обольщения. Однако для него такой подход мало чем отличался от принуждения, ибо в основе его лежал тот же расчет и преследовал он ту же цель. Что же касается непринужденности в общении, то у таких людей, как герцог, она чаще всего служила прикрытием презрения. Николя нередко изумляла способность высших придворных сановников притворяться. Он прекрасно понимал, что его присутствие на борту «Сент-Эспри» будет постоянно раздражать принца, но в силу сложившихся обстоятельств ему придется недовольство свое скрывать. Несмотря на все свои пороки, Шартр обладал поистине изощренной проницательностью. Николя же не намеревался ничего скрывать, иначе говоря, делать многозначительный вид, придающий важности собственной персоне. Он станет действовать исключительно в рамках полученного им задания и постарается быть полезным на корабле.

Выйдя из кабинета герцога Шартрского, он увидел в прихожей двоих мужчин, о чем-то увлеченно беседовавших; в одном из собеседников он узнал инспектора Ренара, супруга

кастелянши королевы, о которой ему рассказал Сартин. Ренар что-то шептал на ухо субъекту с неприятной физиономией и в рыжем парике; одежда субъекта напоминал ливрею лакея. Оставаясь незамеченным, Николя подошел поближе; до него донеслись обрывки разговора.

— Мне кажется, пора бы наконец завершить сделку!

— Гораций колеблется, — ответил неизвестный.

— Хм, возможно, он хочет испытать судьбу… Значит, нам или повезет, или нет.

— Поди знай! Боюсь, мне придется вмешаться. Это весьма рискованный шаг.

Николя, всегда находивший подход к прислуге, решил расспросить старого лакея в раззолоченной ливрее. Не устояв перед опущенным ему в карман экю, лакей сказал, что собеседником господина Ренара является — и в голосе его прозвучало неприкрытое презрение — господин Ламор, личный лакей и рассыльный принца. Обрывок подслушанного разговора поставил Николя в тупик.

Во время приготовлений к поездке случилось событие, приковавшее внимание как двора, так и города. Скончался Вольтер, которого парижане принимали с безудержным восторгом. Страдания от затрудненного мочеиспускания, усталость от постоянного пребывания на людях и периодически охватывавшие его терзания литератора подорвали сопротивляемость организма. Чтобы поправить расшатанные нервы, он пил безмерное количество кофе и брался за перо, желая заткнуть рот противникам проекта нового издания словаря Академии. Уходя с головой в работу, он испытывал жестокие боли, отнимавшие у него все силы. Посетивший его маршал Ришелье посоветовал ему принимать лауданум, лекарство, которое сам маршал использовал, когда хотел подавить бунт своего пришедшего в расстройство тела. Вместо того чтобы проглотить несколько капель, Вольтер опустошил весь флакон; доза эта, по-видимому, стала смертельной: он скончался в ночь на 30 мая 1778 года с богохульствами на устах и яростью в сердце — к великому страху тех, кто его окружал.

Начальник полиции призвал к себе Николя и попросил его внимательно проследить, как будут разворачиваться дальнейшие события. Широкая публика еще не узнала о печальном событии. Король, выслушавший сообщение о смерти Вольтера во время обеда, высказал озабоченность относительно возможных волнений и велел сделать все, чтобы таковых не допустить. Ленуар немедленно отправил своих людей на набережную Театинцев, к дому Вольтера, где с утра царил хаос и суета. Николя предстояло переодеться лакеем и наблюдать, а если к нему обратятся с вопросом, выдать себя за слугу, нанятого одним из родственников покойного. Всего родственников было трое: внучатый племянник господин д’Орнуа и кузены — господин Маршан де Варен и господин де ла Ульер. Маскарад Николя никто не разоблачил. Когда тело великого человека вскрыли, обнаружился покрытый гнойниками мочевой пузырь, и все ужаснулись, поняв, какие боли испытывал покойный при жизни. Затем, изъяв из тела начавшие разлагаться внутренности и сложив их в ящик, который гробовщик с кладбища Сен-Рош пообещал втайне похоронить труп, словно мумию, наполнили ароматическими веществами, а потом облачили в парик и халат, придав ему вполне приличный вид. Так как кюре из церкви Сен-Сюльпис отказал Вольтеру в христианском погребении, семья решила перевезти тело в аббатство Сельер, где проживал еще один племянник Вольтера — аббат Миньо. Миньо уехал вперед в почтовой карете, чтобы все подготовить. Карета с телом привязанного к скамье покойного покинула Париж ночью, следом за ней, в другой карете, ехали два кузена Вольтера. 3 июня, после погребальной мессы, великого человека похоронили.

Сбросив маскарадные тряпки, Николя галопом помчался на улицу Нев-дез-Огюстен, дабы отчитаться перед Ленуаром. Событие получило неожиданно удачную развязку. Господин де Ноблекур, хваставшийся, что намерен жить вечно, а также что он является современником Вольтера, покраснев, признался, что на несколько лет младше покойного философа.[16] Великий человек уже слыл великим оратором, когда он, Ноблекур, только начинал постигать азы наук в коллеже Луи-ле-Гран.

Кружок друзей, собиравшихся на улице Монмартр, приветствовал чудо внезапного омоложения радостными криками, а доктор Семакгюс беззастенчиво приписал его заботам, которыми он окружил почтенного магистрата. Герой же дня постановил, что ежедневный прием стаканчика жаньерского вина, дивного напитка, полученного из винограда, выращенного на берегах Луары, вполне может заменить любой эликсир долголетия.

В последние дни перед отъездом Николя наконец осознал, что его ждет. Он ехал на войну, и при мысли об этом в нем начинала закипать кровь его отца: с незапамятных времен война являлась основным занятием мужчин из рода Ранреев. Пред взором его представали портреты героических предков, развешанные на стенах замка Ранрей. Однако в сердце медленно закрадывалась глухая тревога. Он не боялся смерти, и ни само слово, ни связанные с ним ужасы не пугали его, ибо курносая нередко являлась к нему и отступала только в последний момент. Но его неотлучно преследовали страхи, внушенные рассказами Семакгюса, в прошлом корабельного хирурга: не боясь погибнуть, прославив свое имя, он боялся навсегда остаться изуродованным или искалеченным… К тому же уехать на войну означало оставить за собой сына Луи, Эме д'Арране и всех своих друзей. Переполненный печальными мыслями, он решил избавиться от них весьма банальным способом: привести в порядок собственные дела. Вспомнив нужные слова и формулировки, выученные наизусть во время работы клерком у нотариуса в Ренне, он написал завещание, где упомянул всех, и приложил к нему три письма — сестре Изабелле, ставшей монахиней монастыря Фонтевро, сыну Луи и Антуанетте Гобле — Сатин. Исполнителем своей воли и опекуном своего несовершеннолетнего сына он назначал господина де Лаборда, бывшего первого служителя королевской опочивальни покойного короля, а ныне генерального откупщика. Приготовления сыграли свою роль. В заботах о близких он позабыл собственные тревоги и спокойно попрощался со всеми, словно отбывал в одну из своих таинственных командировок, которых за время его работы следователем по особым делам было немало. По крайней мере, так выглядел его отъезд для сына, Эме и остальных друзей, что, в сущности, было недалеко от истины. Только Бурдо знал, куда и зачем он отбывает.

Мэтра Вашона мобилизовали для срочного пошива мундира. Впрочем, на скромность портного можно было положиться: он дал бы убить себя за Николя, коего почитал как божество, ибо тот рассказал о нем королю. Почтенный ремесленник подобрал необходимые материалы, отыскал недостающие и принялся срочно кроить и шить синий фрак, черные панталоны и красный камзол, расшитый золотом и окантованный золотым шнуром.

Наконец, еще раз поговорив с Сартином, вручившим ему королевские приказы для адмирала д'Орвилье, и нежно простившись с Эме, утром 22 июля 1778 года, в праздник святой Марии Магдалины, Николя, загримированный под священника, в сутане и с белыми брыжами, засеменил, опираясь на тросточку, к курьерской почтовой карете, направлявшейся в сторону Бреста. Его багаж неведомыми ему путями уже отправился в путь, а чтобы обмануть английских шпионов, если те вздумают следить за Николя, несколько всадников в полицейском облачении разными дорогами отправились в сторону побережья. Когда почтенный священник собирался садиться в карету, рядом с ним внезапно возник переносной нужник. Решив облегчить мочевой пузырь перед тряской дорогой, священник, кряхтя, забрался под клеенчатый плащ. Там Сортирнос украдкой протянул комиссару несколько листков, шепнув на ухо, что листки эти только что доставил Рабуин, а тому их передал Бурдо. Когда столица осталась далеко позади, Николя развернул отчет, составленный его помощником на основании донесения агентов, и, прочитав его, пришел в растерянность:

«В прошлом месяце, то есть в июне, 15-го числа, в гостинице Санлис, что на улице Дюфур, остановился иностранец по имени Жак Симон. Он назвался голландцем, приехавшим из Брюсселя, однако он больше похож на англичанина; к тому же он постоянно интересуется англичанами, в речах его звучат английские имена и он поддерживает переписку с островным королевством; тем не менее он прекрасно говорит по-французски. Намереваясь пробыть всего

две недели, он неожиданно решил снять номер на два месяца и заплатил вперед. Редко покидая комнату, он постоянно пишет — ведет записи сразу в нескольких тетрадках, сшитых вместе, а перед уходом убирает тетрадки в ящик стола, а ящик запирает на ключ. Когда однажды он забыл забрать ключ от ящика, мы просмотрели его записи и выяснили, что пишет он на английском. Чтобы не пользоваться своей печатью, он использует печать хозяйки гостиницы, оная же хозяйка заметила, что постоялец часто запечатывает пухлые пакеты. Однажды он пожаловался ей, что, каждый раз отправляя письмо, он боится, что печать сломают, а пакет вскроют. Чтобы избежать этого, он примерно две недели назад отправил какого-то человека из Дьеппа в Лондон с толстыми пакетами, предварительно подробно расспросив хозяйку, обыскивают ли людей на границе королевства, и добавил, что было бы досадно подвергать такому риску письма, отправленные с курьером. Курьера же незадолго до отъезда видели в кафе у Александра, что на бульварах, в обществе Жака Симона; они сидели за столиком в самом дальнем углу.

20-го числа текущего месяца в шесть часов утра в гостиницу Санлис, что на улице Дюфур в предместье Сен-Жермен, прибыл неизвестный, очень похожий на почтового служащего, ибо на нем были кожаные штаны до колен, синяя куртка с нашивкой на левой стороне и белый жилет; однако пришел он пешком и не имел сапог, какие носят почтальоны. Неизвестный спросил англичанина, но на вопрос, как имя англичанина, тот не сумел его выговорить и попросил показать ему список всех англичан, остановившихся в гостинице, ибо у него важное письмо, кое он обязан искомому англичанину вручить. Его стали уговаривать оставить письмо в гостинице (дабы между делом просмотреть его), но он сказал, что ему строжайше запрещено оставлять письмо где-либо. В конце концов он передал письмо Жаку Симону, постояльцу сей гостиницы. Похоже, что письмо прибыло из Руана, потому что курьер, который отвозил последний пакет, там и остался и в Париж не вернулся, что весьма рассердило Симона. Он сказал, что у него снова есть письма, которые надо отправить, но он, к счастью, нашел оказию, с которой и отправит их в Руан.

22-го числа Жак Симон много писал и вышел из номера только в одиннадцать утра. Вечером он вернулся раньше обычного и принялся писать. 24-го числа он вышел в девять часов утра и вернулся в десять вечера. Он посещает Воинское кафе, а также кафе на бульварах. Когда его попросили отправить вместе со своими письмами письмо в Кале, он отказал, сказав, что его письма пойдут через Дьепп. На днях Симона спрашивал какой-то слуга, но того не оказалось на месте. Симон также сказал, что, возможно, дела заставят его провести в Париже зиму. Когда с ним начинаешь говорить о войне, он отвечает, что англичане не из пугливых и что они попросили подкрепления и теперь ждут его».

Приписка, сделанная рукой Вержена, была адресована Ленуару:

«Полагаю, сударь, что прийти и арестовать вышеозначенного Жака Симона следует исключительно по ночному времени. Велите тому, на кого будет возложена сия обязанность, не пренебрегать ничем, а главное, собрать все бумаги, для чего необходимо провести самый тщательный обыск. Думаю, до ареста не стоит посвящать в наши планы хозяйку гостиницы. Завтра я буду в Париже; если вы хотите что-нибудь мне сообщить, приходите в управление».

Далее шла приписка Бурдо:

«Сударь, имею честь довести до вашего сведения, что, согласно врученному мне приказу короля, вышеозначенный Жак Симон, проживающий в гостинице Санлис по улице Дюфур Сен-Жермен, арестован в половине первого ночи. В результате обыска, проведенного в номере Симона, в его мешке для ночной рубашки нашли несколько папок, набитых бумагами. Бумаги также обнаружены в ящике комода. Все означенные бумаги опечатаны и доставлены в Бастилию, куда препроводили и Симона. В настоящее время бастильский комиссар занимается разборкой данных бумаг; имею честь и дальше сообщать вам о том, как продвигается расследование».

И далее:

«Сударь, имею честь дать вам отчет о допросе, которому подвергли вышеозначенного Жака Симона, содержащегося в Бастилии с 26-го числа прошлого июня месяца. Как вы уже убедились из донесения комиссара, представить доказательства преступлений, в которых обвиняют Симона, нет никаких возможностей. Тем не менее прилагаю переписанное мною содержание одной из бумаг, найденной у него в папке: „Охота зачахла, не знаешь, что и думать. Если Гораций не перейдет Рубикон, придется искать другие пути“».

В Алансоне старичок-священник вошел в домик почтовой станции, откуда через некоторое время вышел молодой щеголь; щеголь прыгнул в седло и, проверив ездовые качества коня, пришпорил его и поскакал на запад. От Майенна до Ландивизио, через Ламбаль и Сен-Брие, останавливаясь на ночлег только тогда, когда сон валил его с ног, при возможности меняя коня на курьерскую почтовую карету, Николя в наикратчайшие сроки добрался до Бреста.

Свидание с родным краем стало для него истинным счастьем. Карета обладала определенным преимуществом: устроившись на крыше, он мог любоваться окрестными пейзажами. Когда же, сев в седло, он пускал коня в галоп, в лицо ему летел дурманящий аромат цветущего дрока, смешанный с запахами навоза и морской соли; в такие минуты ему казалось, что за спиной у него вырастают крылья. Он завораживал лошадей своими таинственными речами и передавал им свою радость и упоение скоростью. С каждой лошадью он расставался с сожалением. Путь его не омрачили никакие происшествия, а жара, охватившая все королевство, была ему только на руку.

Брест находился на осадном положении, и не будь у него особого пропуска, подписанного Сартином, он вряд ли сумел бы туда проникнуть, ибо все боялись оказаться невольными пособниками английских шпионов. Узнав, как быстрее пройти на рейд, он поднялся на бастион и неожиданно застыл, изумленный открывшейся перед ним панорамой. В лучах заходящего солнца зеркальным блеском сверкали волны, в них купались подвижные тени мачт и корпусов нескольких десятков линейных кораблей; одни, пришвартованные, покачивались у пристани; другие дрейфовали вдоль береговой линии. Это величественное зрелище чем-то напоминало живые картины в волшебном фонаре. Океан и война ждали Николя, и, исполненный мрачной решимости, он поспешил на пристань.

II
УЭССАН

Я фрегат Его Величества «Ла Бель Пуль», и я направляюсь в море. Корабли короля, моего повелителя, никому не позволят их досматривать.

Капитан Бернар де Мариньи, январь 1778 г.[17]

Он нашел свой багаж на почтовой станции; там же его ожидала и заранее оплаченная комната, где ему предстояло жить до отправки на судно. Переодевшись в новый мундир и повесив на бок отцовскую шпагу, он направился в порт, где возле причала высился трехпалубный флагманский корабль «Бретань». Такое огромное судно он видел впервые. Как только он подошел к парадному трапу, наверху раздались свистки, услышав которые команда выстроилась, дабы приветствовать офицера соответственно его званию.

На борту его ожидал еще один сюрприз. Офицер, встретивший его, оказался Эммануэлем де Риву[18], не преминувшим вновь выразить Николя свою преданность и признательность. Тоном, не позволявшим усомниться в его искренности, он заверил комиссара, что станет сопровождать его, пока тот будет находиться на борту «Сент-Эспри»; Николя подумал, что Риву, видимо, в курсе истинной причины его прибытия на корабль. Заметив, насколько Николя поражен размерами судна, офицер рассказал, что корабль сей был подарен покойному королю Штатами Бретани в конце Семилетней войны, и долгое время не находил применения. События в Новом Свете побудили привести его в порядок; став флагманским кораблем, он обрел неслыханную огневую мощь: на его борту имеется сто пушек.

Адмирал д’Орвилье принял Николя преувеличенно вежливо: комиссар Шатле, маркиз, временно произведенный в морские офицеры, не мог не пользоваться поддержкой могущественных покровителей. Николя передал адмиралу инструкции короля и ответил на вопросы, касавшиеся придворной и городской жизни. Бегло ознакомившись с содержанием королевских указов, адмирал сказал:

— Господин маркиз, я вам признателен за ваше согласие исполнить поручение… скажем так, весьма своеобразное. Ваша репутация бежит впереди вас, а министр питает к вам искреннее уважение…

И, словно разъясняя самому себе, тихо добавил:

— …поставленная перед вами задача является крайне сложной и опасной, и ваш отказ был бы встречен с пониманием. Сударь, окажете ли вы нам честь сегодня вечером отужинать в нашем кругу? На ужине будет также герцог Шартрский…

На корме, в роскошно убранной каюте принц приветствовал Николя так, словно видел его впервые. Адмирал уверенно направлял беседу в нужное русло, чтобы никто из гостей не чувствовал себя обделенным вниманием. Николя был поражен, как скромно и с каким достоинством держался де Ла Мотт-Пике, которому выпала сомнительная честь руководить шагами принца на морском поприще: Шартру отвели роль командира третьей дивизии и «Сент-Эспри». Герцогу прислуживал его собственный лакей, в котором Николя узнал того рассыльного, кто вел загадочный разговор с инспектором Ренаром в прихожей дворца Пале-Руаяль. Сидевший справа молодой человек, застенчиво улыбаясь, представился Николя, сообщив, что его зовут Жак Ноэль Сане.[19] Он обучался в арсенале в Бресте, а теперь исполняет должность инженера-кораблестроителя и занимается вычерчиванием подводной части судна. А еще он хочет создать образцовый чертеж, пригодный для всех линкоров, и тем самым ускорить строительство кораблей; говоря про корабли, он оживился, и слова полились из него рекой. Разговор поддержал Риву, заявив со знанием дела, что от кораблей, построенных по единому образцу, следует ожидать единообразия и в поведении на море. Сане согласился с ним, добавив, что с целью увеличения скорости и маневренности он намерен придать корабельному корпусу наиболее обтекаемую форму.

На следующий день Николя погрузился на двадцатичетырехпушечный линкор «Сент-Эспри», где ему вместе с Риву отвели крошечную каюту: неудобный закуток с двумя жесткими койками для спанья. Такой же новичок в морском деле, как и герцог Шартрский, Николя, находясь рядом с Риву, быстро выучил несколько необходимых морских терминов и вскоре отличал фор-бом-брамсель от крюйс-бом-брамселя, распознавал паруса и детали оснастки корабля, а канат, коим орудие крепится к борту, именовал пушечным брюком. Входные и сходные люки, трапы, орудийные люки, основные команды — он активно постигал азы морского дела. Приветливость Николя преодолела недоверие и любопытство офицеров, и они без лишних вопросов приняли его в свои ряды, решив, что он прислан на судно инспектором; впрочем, они были недалеки от истины.

Однажды вечером принц решил отправиться в старый город, дабы попытать счастья в одном из веселых домов, где велась игра. Увещевание, сделанное Николя принцу в почтительном тоне, действия не возымело, хотя призыв к осмотрительности, встреченный со скучающей миной, был более чем обоснован, ибо военный порт кишел английскими шпионами, способными покуситься на жизнь принца крови. Соблюдая полученные им инструкции, комиссар отправился следом. Заведение, найденное доверенным лакеем герцога, располагалось в самом конце грязной улочки и с виду напоминало почтенный буржуазный дом; клиенты заведения, в основном морские офицеры и местная знать, могли удовлетворить там любые свои извращенные наклонности. Привыкнув посещать притоны подолгу службы, Николя нисколько не удивился, обнаружив, что внутреннее убранство дома необычайно напоминает «Коронованный дельфин», только деревенский. Неожиданно к нему подлетела девица и буквально повисла у него на шее. Оказалось, это Клинетта, бывшая пансионерка Полетты. Под

насмешливым взором принца она потащила комиссара в угол и засыпала его вопросами о Париже, по которому она очень скучала, и о Полетте, ибо до сих пор питала к ней искреннюю привязанность. Всхлипывая от умиления, она уверяла Николя, что в заведении Полетты прошли лучшие годы ее юности. Потом она стала расспрашивать его про Сатин, с которой прежде была очень дружна, но Николя не стал вдаваться в подробности, опасаясь за безопасность Антуанетты, взявшей на себя нелегкую миссию французского шпиона в Лондоне.

Среди всеобщего буйства Николя сохранял полнейшее спокойствие. Не желая выделяться на фоне остальных гостей заведения, он, делая вид, что много пьет, незаметно выливал содержимое бокала на ковер, но при этом говорил нарочито громко и оживленно, являя невнимательному зрителю картину пьяного веселья. Разыграв спектакль, он вытянулся на софе и притворился, что задремал, не упуская из виду ни одного из окружавших его субъектов и ловя каждое произнесенное слово. Неожиданно из-за стоявшей рядом ширмы, украшенной изображениями откровенных любовных сцен, до него донесся голос герцога — тот разговаривал со своим доверенным лакеем:

— Хорошо, я согласен, однако, Ламор, известно ли, от кого исходит это предложение?

— Черт побери, что об этом говорить! Разве ваша светлость не знает, кому это выгодно?

— Таких мало. Если только наши противники…

— Эти точно себе ни в чем не откажут. Листовки, памфлеты, замысловатая клевета — словом, из Лондона и Амстердама польются целые реки зловония! Но тут другое дело, тут круг ограничен, а именно в нем надобно искать устроителя тайны.

— Значит, посредник?

До Николя донесся сухой смешок.

— Ха! Вы его знаете, он участвовал в кое-каких экспериментах, в вечерах… у чана!

Настала очередь принца смеяться.

— В самом деле? Но конце концов, он же на него работает. Почему бы Горацию самому его не использовать?

— Очевидно, у него недостает смелости. Он предпочитает отсиживаться в сторонке; в случае если… и все, разумеется, повернутся в его сторону.

— А если…

— В этом случае вопрос не стоит, точнее, он встанет позже… Вы даете мне дозволение действовать по своему усмотрению?

— Сейчас не могу, но кто знает, как пойдут дела… Что ждет меня впереди? Нельзя же лишаться. Есть еще должность Великого Адмирала, которую занимает мой тесть Пантьевр, а ее я хочу сохранить для себя.

Воцарилась тишина. Казалось, слуга уже покинул своего господина, но вдруг раздался повелительный голос Шартра.

— Все ли предосторожности приняты? Никаких нитей, за которые можно было бы размотать клубок. Сделай так, чтобы все осталось между вами. Не хочу сказать. Но будь осторожен. Ты все понял?

Разговор завершился, и герцог, подхваченный под руки четырьмя девицами с обнаженными персями, отбыл в альков второго этажа. Чтобы сопроводить Шартра на борт корабля, Николя пришлось дожидаться утра. Во время долгого ожидания он, удобно устроившись в глубоком кресле, размышлял о подслушанном разговоре. Что за заговор зрел и против кого? Против Сартина? Пользуясь благосклонностью короля и королевы, министр, разумеется, приобрел немало врагов. Даже принц собирал порочащие Сартина сплетни. Вражда с генеральным контролером финансов Неккером также ослабила позиции бывшего начальника полиции. Однако некоторые реплики не позволяли утверждать, что целью заговорщиков является Сартин. Над разговором следовало хорошенечко поразмыслить, ибо

ничто из того, что каким-либо образом относилось к герцогу, не следовало оставлять без внимания. И хотя Николя питал к Шартру определенное уважение, оно нисколько не влияло на его оценку его поступков. Он выбросил из головы все, что говорили ему Сартин и Ленуар, все их предупреждения. Только сейчас он понял суть порученной ему миссии. Конечно, он обязан обеспечивать безопасность важного лица, гибель или пленение которого стало бы роковым ударом для королевской армии; но главная задача его состоит в том, чтобы следить — это слово король произнес открыто — за человеком безнравственным и способным на необдуманные поступки, человеком, чье политическое прошлое отнюдь не свидетельствовало о его безупречной верности трону.

Через несколько дней после прибытия Николя в Брест флот выстроился на рейде. В четверг, 2 июля 1778 года, ровно в полдень, эскадра, усиленная американским линкором «Рейнджер» и захваченным в плен английским корветом «Дрейк», обогнув мыс Сен-Матье, тремя линиями вышла в открытое море. 9 июля, среди дня, адмирал д'Орвилье, приказав эскадре лечь в дрейф, собрал капитанов на борту «Бретани». Николя не приглашали, но и не возражали против его присутствия, поэтому он прибыл вместе со свитой герцога Шартрского и де Ла Мотт-Пике. Несомненно, и речи не было, чтобы заставить герцога подниматься по утыканному гвоздями трапу, держась руками за пущенные вдоль обшивки швартовые. Поэтому, несмотря на усложнявшую процедуру бортовую качку, воспользовались креслом, поднятым при помощи талей на верхнюю палубу, где выстроился почетный караул. Совещание не затянулось: командующий эскадрой огласил приказ короля, повелевающий всем кораблям «атаковать и захватывать любые английские суда как военного, так и торгового флота, ибо англичане нанесли оскорбление штандарту Его Величества, дерзнув напасть на фрегат „Ла Бель Пуль“».

С 10 по 18 июля эскадра неуклонно продвигалась вперед; лишь однажды, когда несчастный матрос с «Короны» сорвался и упал в воду, корабли замедлили движение и легли в дрейф. 11 июля на горизонте показались корабли противника. В ночь с 12-го на 13-е сломавшаяся рея разбила стекла в одном из офицерских отхожих мест «Сфинкса». В эту же ночь ветер разметал корабли в разные стороны, и утром пришлось вновь выстраивать их в линии. 15-го фрегат «Резвый» принял на борт баркас с семьюдесятью рыбаками: их флотилию, вышедшую в море на ловлю трески, уничтожили корсары Бостона, оставив морякам небольшую лодку, чтобы они могли добраться до берега.

Воспользовавшись свободными днями, Николя обходил корабль, знакомясь с жизнью на борту. Вступая в разговоры с матросами, он использовал свой дар находить дорогу к сердцам простых людей, свое природное обаяние, позволявшее ему без особого труда завоевывать людские симпатии. Несмотря на мундир, внушавший почтение, смешанное со страхом, матросы чувствовали, что положение его отличается от положения других офицеров, и видели, что известный своей справедливостью и доброжелательностью Риву окружил вновь прибывшего офицера вниманием и почтением. Поэтому они говорили с ним искренне и без принуждения. Николя сразу понял, сколь сурова повседневная жизнь моряка, и по достоинству оценил их преданность своему делу, хотя многие из них оказались на морской службе отнюдь не добровольно. Для некоторых служба во флоте стала чем-то вроде спасательной шлюпки, другие стали жертвами капризной судьбы или безжалостных рекрутеров. Прибытие на борт герцога Шартрского никого не обрадовало. Все видели, с каким надменным видом он отдавал команды, и прекрасно понимали, что из почтения к его титулу никто из офицеров не станет ему перечить.

— Надо полагать, кто-то очень испугался, что малыш, не дай бог, полезет в драку, а потому поставил его над всеми! — воскликнул как-то раз кто-то из матросов.

Николя подумал, что подобное высказывание вряд ли придется по вкусу Ла Мотт-Пике.

В свободное от командования время принц выдавал бесконечные тирады о преимуществах английской политической системы; но в основном проводил время за выпивкой, закуской и

игрой в карты, разоряя офицеров как своего, так и других кораблей эскадры, дерзавших садиться с ним играть. Томясь от скуки и обладая неуемным честолюбием, герцог рвался в бой, надеясь поскорей заслужить вожделенное звание Великого Адмирала, дабы принять его из рук своего тестя, герцога де Пантьевра.

На борту нельзя ничего утаить, и экипаж глухо роптал. Зачем на королевском военном фрегате, выступившем в боевой поход, нужен герцог, окруживший себя поварами, лакеями, жарильщиками и виночерпиями?

Война началась, думал Николя, и неужели принц не понимает, что, выставляя напоказ бессмысленную роскошь, он пробуждает недовольство команды, которой вскоре предстоят кровопролитные сражения? Какой пример подает сей родственник монарха этим мужественным людям, готовым к самым суровым испытаниям? Ведь жизнь их и без того проходит в постоянных тяготах, вдали от супруг и детей; они лишены радостей семейной жизни, и вдобавок им постоянно грозят жестокие телесные наказания.

Николя опасался грядущих сражений. Если события примут дурной оборот, ему придется усиленно оберегать принца. Перед отплытием в Бресте прошел слух, что английский адмирал Кеппель намерен во что бы то ни стало пленить герцога Шартрского, и на своем корабле «Виктория» уже привел в порядок удобную просторную каюту, где предполагает разместить его светлейшее высочество. Отношения Николя с герцогом нисколько не улучшились: Шартр по-прежнему обращался к нему надменно либо с подчеркнутым безразличием, а иногда делал ему непристойные предложения, кои Николя выслушивал почтительно и с полнейшим равнодушием.

17 июля «Сфинкс» объявил, что корабли, которые он преследовал накануне, без сомнения, принадлежат к английской эскадре; на следующий день французский флот выстроился в боевом порядке; уверенность в скором начале боевых действий подкреплялась сведениями, доставленными датским кораблем. 19-го с наветренной стороны показались паруса, и эскадра перестроилась в шахматном порядке. Прибывший из Бреста фрегат «Уазо» привез депеши двора. 20-го взяли курс на юг. 23-го в два часа пополудни, когда к сырой погоде прибавился туман, разведка заметила впереди тридцать с чем-то парусов, которые, по убеждению адмирала д’Орвилье, принадлежали эскадре Кеппеля. Ночью задул такой сильный ветер, что приходилось то и дело менять положение парусов. Вечером 24-го корабли эскадры, все как один, по команде легли на левый галс, приведя в несказанный восторг Николя. А на следующий день противники, невзирая на непогоду, выстроились друг напротив друга.

27 июля Кеппель начал маневрировать, в результате чего его эскадра выстроилась в шахматном порядке, намереваясь поражать французские корабли поодиночке, один за другим, начав с одного конца линии баталии и до другого. Повернув через фордевинд, д’Орвилье приблизился к противнику и, совершив разворот, потерял в ветре. Кеппель незамедлительно подхватил ветер. Тогда д'Орвилье поменял галс, и дивизион Шартра внезапно оказался из арьергарда в авангарде. «Сент-Эспри» открыл огонь, и сражение началось.

27 июля 1778 года, неподалеку от острова Уэссан.

— Господин маркиз, — прокричал Риву, — возвращайтесь к себе! Под огнем нельзя предаваться размышлениям!

С взволнованным видом он дергал Николя за рукав. Канонада усиливалась. В обшивке то тут, то там появлялись пробоины, нижние паруса изорвались в клочья, и их длинные полосы, словно гигантские кнуты, хлопали по ветру. Свист ядер и треск ломающихся мачт становились все громче, призывая к осторожности. Вереницы пуль, с пронзительным визгом мчавшиеся мимо, взрывались с сухим треском. Инстинктивно пригибаясь, Николя понимал, что находится в самой гуще сражения, однако он все еще продолжал размышлять: глубоко въевшаяся привычка все анализировать не отпускала его. Внезапно он остро ощутил бессмысленность

морского сражения. Он понимал, зачем и почему, на виду у всех, сходятся в схватке сухопутные армии, обороняя или, наоборот, пытаясь захватить чью-нибудь территорию. Но здесь, среди неведомых опасностей морского простора, желание уничтожить друг друга, превратить деревянные суда в груды обломков и головешек кажется полнейшим безумием! Как можно определить победителя? Прямое истребление людей ничего не решает и ни к чему не приводит. Рядом с ним упал стрелок, и он, выхватив из рук убитого оружие, выстрелил наугад в сторону окутанного дымом грозного силуэта, изрыгавшего огонь и железо. Методично перезарядив ружье, он снова выстрелил и стрелял до тех пор, пока просвистевший мимо снаряд, задев ружье, не снес часть замка. Поискав глазами герцога, Николя сквозь дым разглядел его спину. Повернувшись к Ла Мотт-Пике, Шартр что-то кричал ему в ухо. Раздраженное выражение лица Ла Мотт-Пике поразило Николя.

Понимая, что он вряд ли сможет что-либо сделать для защиты принца, но вполне способен принести пользу остальным, он вместе с Риву принялся искать раненых и относить их в каюту, где хирург оказывал им первую помощь. Полнившийся воплями и жуткими запахами корабельный лазарет напоминал преисподнюю. Собрав с палубы раненых, они сделали попытку приблизиться к герцогу, но это оказалось делом весьма нелегким, ибо корабль постоянно содрогался, а путь преграждали обломки мачт.

— Мы подошли к неприятелю ближе всех! — прокричал ему в ухо Риву. — Англичане заняли подветренную позицию, облегчив ведение огня себе и затруднив его для нас, особенно из нижних портов!

Стоя на полуюте и вглядываясь в даль, они увидели, как «Бретань» посылает им сигналы. Николя и Риву подошли поближе к герцогу. Убийственный огонь англичан продолжался, вокруг падали люди, под ногами струились ручейки крови, со всех сторон сыпалось рангоутное дерево. Прислушавшись, им сквозь грохот с трудом удалось разобрать диалог Шартра с Ла Мотт-Пике.

— Я ничего не вижу, — говорил Шартр.

— «Бретань» просигналила уже трижды! — почти кричал Ла Мотт-Пике, — а это значит, что ваши головные корабли один за другим должны повернуть и атаковать противника на ближнем расстоянии. Действовать надо быстро.

— Что? Я ничего не слышу.

Ла Мотт-Пике повторил, однако Шартр по-прежнему пребывал в нерешительности.

— Мы ни в чем не уверены. Надо бы подстраховаться. Я отправлю шлюпку к д’Орвилье.

— Мы теряем время!

Французские корабли перестроились, в результате чего «Сент-Эспри» в полном одиночестве оказался прямо перед лицом врага, и его положение становилось все более угрожающим. Когда, казалось, уже ничто его не спасет, на помощь прибыл «Сфинкс» и заслонил его своим массивным корпусом, приняв на себя удары ядер, предназначенных для корабля принца. В конечном счете «Бретань» приблизилась к корме «Сент-Эспри», и адмирал, приставив к губам рупор, громко приказал герцогу вступить в бой с подветренной стороны.

Услышав изустный приказ, герцог, к великому облегчению Ла Мотт-Пике, одумался и решил встать во главе своего дивизиона, выстроив его за собой в линию. Противнику, развернувшемуся, чтобы атаковать французский арьергард, пришлось замедлить маневр. Сражение продолжилось. С обеих сторон множилось число разбитых и лишившихся мачт кораблей, однако ни одна, ни другая сторона не смогла взять в плен ни одного корабля противника. С каждым выстрелом оживала надежда, что враг вот-вот потонет, но надежда не оправдывалась, и в семь часов вечера обе эскадры, подняв остатки парусов, поплыли в разные стороны.

К вечеру, когда стихли последние выстрелы, со всех сторон стали слышны крики раненых, которым отрезали раздробленные конечности или зашивали раны. Как объяснил Риву, если бы «Сент-Эспри», а следом за ним и отданный под команду герцога дивизион сразу бы исполнили трижды повторенный сигналами приказ адмирала, не дожидаясь команды устной, победа была бы полной. Но из-за нерешительности герцога возможность вклиниться между английскими кораблями и атаковать их на близком расстоянии была упущена. Шартр промедлил, а субординация и почтительное отношение к принцу крови, без сомнения, не позволило Ла Мотт-Пике заставить сего начинающего моряка и капитана беспрекословно исполнить приказ адмирала.

На рассвете следующего дня на северо-востоке, на расстоянии примерно шесть лье, показался остров Уэссан. Светало; с нескольких кораблей просигналили, что, получив многочисленные повреждения, им необходимо бросить якорь, дабы произвести ремонтные работы. В полдень состоялась церемония похорон погибших: зашитые в холст тела с привязанным к ногам ядром на глазах у всего экипажа опустили в море. Затем эскадра, подняв паруса, двинулась на юго-восток и шла в этом направлении до середины ночи, а далее взяла курс на север, намереваясь утром достигнуть узкого входа в гавань.

В течение дня Николя пытался привести в порядок собственные мысли. Ясно было одно: хотя, в сущности, он ничего не разглядел, он понимал, что стал свидетелем столкновения титанов и участвовал в битве, оставившей на его теле зримые следы. Враг оказался невидим, он являл собой тень, бесформенную массу, громыхавшую и исторгавшую пламя. Он не видел ни одного англичанина. Стрелял, но не знал в кого, не знал, достигли ли его пули цели. Словно гладиатор на арене, он испытал потрясение, однако душу его оно не затронуло. Вскоре к нему вновь вернулось спокойствие, однако тело, впервые подвергшееся подобному испытанию, продолжало страдать. Теперь он с еще большим восхищением взирал на д'Орвилье и офицеров, способных управлять хаосом, именуемым морским сражением.

Оказавшись в решающий момент в самой гуще боя, он особенно досадовал на принца, упустившего шанс обратить хрупкое равновесие в их пользу и завоевать победу. Став свидетелем нерешительности Шартра, он наконец понял, что его присутствие на борту «Сент-Эспри» объяснялось не необходимостью защитить принца от пуль, а желанием Сартина иметь на корабле свое недреманное око и стремлением короля удостовериться, на что способен герцог Шартрский в роли командующего. Теперь он знал ответы на их вопросы. События прошедших дней наглядно доказали, что ни рождение, ни имя, каким бы громким оно ни было, нельзя считать особой заслугой, ибо ни одно, ни другое не является гарантией наличия таланта.

29 июля в два часа пополудни «Бретань» и «Сент-Эспри» встали на рейде в Бресте. Герцог Шартрский отправился к адмиралу, где попросил, а точнее, потребовал уступить ему честь известить об исходе сражения Версаль. Скрепя сердце д'Орвилье согласился, однако незаметно вручил Николя письмо, попросив вручить его министру морского флота в собственные руки. Перед отъездом Николя сердечно попрощался с Эммануэлем де Риву, искренне поблагодарив его за оказанное ему внимание.

Обратный путь проделали быстро, останавливаясь, только чтобы перекусить и дать передышку лошадям. Стояла невыносимая жара; в дрожащем от зноя воздухе желтели иссушенные поля. Когда Николя удавалось оказаться возле принца, он каждый раз замечал нарастающее возбуждение его высочества: чем больше они удалялись от Бреста, тем чаще мысли принца занимало сражение, пересказывая события которого он каждый раз опускал часть подробностей или излагал их на свой лад, постепенно превращая свое повествование в волшебную сказку. Из рядового эпизода морской войны между Францией и Англией бой при Уэссане превращался в эпохальную битву, в рассказе о которой неуместно вспоминать об упущенной возможности одержать полную и безоговорочную победу.

В Дре, где изначально предполагалась остановка, Николя ожидало письмо с приказом Сартина как можно скорее прибыть в Версаль. Так как герцога никогда не интересовало, ни где находится навязанный ему сопровождающий, ни чем он занят, то Николя покинул свиту не попрощавшись. Вскочив на карего мерина, он пустил его галопом, и конь, с радостью исполнив волю седока, к одиннадцати вечера примчал его в Версаль. Министерское крыло уже опустело, и Николя пришлось отправиться в особняк, отведенный Морскому министерству. Сартин еще работал. При виде комиссара в запыленном и покрытом засохшими пятнами крови мундире, он не смог сдержать удивления. Но когда Николя, пошатнувшись от усталости, чуть не упал, Сартин подхватил его под руки и усадил в кресло. Лицо министра, изрезанное морщинами, излучало благожелательность. Взяв со шкафчика серебряный стаканчик, он наполнил его янтарной жидкостью и протянул Николя.

— Этот напиток не похож на укрепительное папаши Мари, — лукаво улыбнулся он, — однако действует отлично, что не раз доказано. Я употребляю его, когда усталость валит меня с ног.

Напоминание о былой совместной работе в Шатле подействовало на Николя не хуже подкрепляющего эликсира.

— Друг мой, я рад, что вы вернулись живым и невредимым, хотя и несколько поцарапанным. Общие сведения о сражении уже дошли до нас. Однако подробности, кои более всего нас интересуют. Где сейчас принц?

— Когда я садился на лошадь, он восстанавливал силы в Дре. Полагаю, он прибудет в Версаль часа в два ночи.

— Отлично. Следовательно, он увидит короля только во время утренней церемонии одевания, в восемь часов. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже там были. У вас есть право свободного входа к королю. Следовательно, никаких препятствий.

— Я должен привести себя в порядок.

— Только не это! Король должен знать своих верных слуг, должен знать и видеть суть вещей.

— Ах, чуть не забыл.

Он вытащил спрятанные на груди письма д’Орвилье и протянул Сартину; тот взял их и внимательно прочел. Затем с непривычным для него сочувствием взглянул на Николя.

— Вы совершенно не щадили себя. Впрочем, как говорил покойный король, наш повелитель, породистого пса не надо учить.

После этих слов воцарилась тишина. В открытое окно волнами накатывалась духота летней ночи; издалека доносилось уханье совы, напомнившее Николя детские годы, проведенные в замке Ранрей.

— Каково ваше мнение о Шартре?

— С вами я не буду притворяться. Тот, кто не достоин уважения, не заслуживает и почестей. Морская служба требует самоотречения, глубоких познаний, верного глаза, опытности и умения командовать. В разгар боя на корабле нет ничего хуже, чем неумелый командир и опытный подчиненный, который в силу субординации не может настоять на своем решении. Подобное положение и объясняет относительный успех состоявшегося сражения. Шанс был упущен, а второго так и не выпало. По крайней мере, я как новичок понял именно так. Что же касается охраны принца, под огнем об этом не могло быть и речи. Он, как и все, рисковал своей жизнью, и его храбрость делает честь его имени.

— Вот так, четко и ясно, из уст честного человека, можно узнать все, что надобно знать. Король должен непременно услышать ваш рассказ о сражении. А также и все остальное. Вы прекрасный рассказчик.

— Сударь, мне надобно переодеться.

— Вы разве не слышали, что я вам сказал? — недовольно буркнул Сартин, и в голосе его прозвучало нетерпение. — Об этом не может быть и речи. Ваш внешний вид произведет впечатление.

— Но что я могу рассказать? В сущности, моя роль свелась к роли пешки, угодившей в шашки!

— Для Его Величества вы являетесь главным свидетелем. Черт бы побрал вашу скромность! Подумайте лучше, сколько придворных хотели бы оказаться на вашем месте! Я прикажу дать вам экипаж.

На его звонок явился лакей.

— Отвезите маркиза де Ранрея в особняк д'Арране!

И он с завистью посмотрел на Николя.

— Вы счастливый человек, у вас есть время передохнуть. Экипаж заедет за вами в семь. Не опаздывайте.

Тяжко вздохнув, он вернулся за письменный стол, сел и углубился в чтение бумаг. Николя уже выходил, как сзади раздался голос министра:

— Когда прием закончится и вы освободитесь, повидайте Ленуара. Меня интересует дело, порученное инспектору Ренару. Мне доложили, что королеву беспокоит пропажа драгоценности. Эту пропажу она скрыла от короля.

Николя остановился.

— Ваши слова, сударь, напомнили мне странный разговор, услышанный мною в прихожей дворца Пале-Руаяль. Разговаривали Ламор, доверенный лакей герцога, и наш Ренар. Действительно, рыбак рыбака видит издалека… Но вот что интересно: они произносили имя Гораций, его же назвал и принц в разговоре с тем самым лакеем. Ранее это имя промелькнуло в одном из отчетов полицейских ищеек, ведущих наблюдение за английскими шпионами!

— Ваши слова лишь подтверждают мои подозрения! Найдите предлог и расспросите Ренара. Он наш человек, хотя и слывет продувной бестией. Полагаю, вы окажете мне любезность и станете держать меня в курсе ваших изысканий?

— Черт побери! — с улыбкой воскликнул Николя. — Исполнить столь изысканно сформулированную просьбу одно удовольствие.

Он снова направился к двери, но министр с дрожью в голосе вновь удержал его.

— Понимаете, я постоянно упрекал себя за то, что подверг вас такому риску. И теперь очень рад, что мы снова плывем вместе. Главное, не меняйте ничего в вашем костюме. Идите.

За восемнадцать лет их знакомства Сартин еще никогда не говорил таких слов. А тем более с совершенно искренним видом, радостно подумал Николя. Прежде чем сесть в карету, он приказал позаботиться о его коне, уставшем не меньше, чем он сам. По дороге он задремал и, прибыв к дому д'Арране, буквально свалился на руки распахнувшего дверцу Триборта.

— Черт побери! Вот вы и стали моряком! Нет, что я говорю! Морским офицером! Так, значит, слухи нас не обманули? Там действительно состоялась настоящая баталия? И на этот раз наша взяла!

Они потихоньку вошли в спящий дом.

— Пойду поищу вам горячей воды.

— Нет! — остановил бывшего моряка Николя. — Мне велено явиться к королю в том же платье, какое сейчас на мне.

— К королю! Ах ты черт! Вот так, в пыли и крови? О, понимаю. Надо, чтобы он сам потрогал пальчиком! Что ж, уж лучше так, чем…

Триборт помог Николя добраться до его комнаты, а когда тот рухнул на кровать, стянул с него сапоги.

— Я принесу ваш плащ и сообщу о вашем прибытии мадемуазель. Не зная, куда вы пропали, она совершенно извелась. Но я-то видел, что адмирал знает, но сказать не вправе.

Николя хотел ответить, но слуга уже исчез за дверью. Засыпая, он почувствовал, как кто-то крепко прижался к нему, а на его исцарапанное лицо посыпался град поцелуев. Он робко запротестовал, ссылаясь на то, что он ужасно грязный, но вскоре перестал сопротивляться. После пережитых им ужасов, после ужасной жатвы, что собирала вокруг него смерть, после кровавого зрелища истерзанной плоти, после до сих пор не рассеявшейся трупной вони он впервые почувствовал, что снова возрождается к жизни.

Это были самые тесные и пылкие объятия, какие когда-либо соединяли их. Всю ночь он обвивал руками возлюбленную, временами прижимая ее к груди столь сильно, что она начинала стонать во сне. В семь часов Триборт бесцеремонно сдернул его с кровати. Встряхнувшись, он оделся, накинул пыльный плащ и сел в присланный Сартином экипаж.

Слух о том, что в два часа ночи приехал с новостями герцог Шартрский, уже облетела Версаль, и кучка зевак перед дворцом стремительно прирастала любопытными. Министр ждал Николя в галерее. Он только что виделся с королем в его приватных апартаментах. Довольным взглядом он на секунду задержался на запыленном костюме Николя. Придворные и те, кто получил привилегию присутствовать при сегодняшней утренней церемонии одевания, смотрели на Николя с почтительным любопытством, смешанным со страхом.

— Вы выставили меня на потеху зевакам, сударь.

— Совершенно верно, — усмехнулся министр, потирая руки, — в этом и состоит суть моего маневра. Посмотрите лучше, кто идет.

В галерею в ослепительном мундире вошел герцог Шартрский. Холодно ответив на приветствие и комплименты Сартина, он с раздражением устремил свой взор на согнувшегося в почтительном поклоне Николя. Все направились в парадную спальню. Повернувшись к кузену, король поздравил его со счастливым возвращением и с заметным нетерпением и неожиданной холодностью выслушал рассказ герцога о сражении при Уэссане. Об ошибках и нерешительности командующего арьергардом, разумеется, не было сказано ни слова.

Николя внимательно оглядывал лица толпившихся вокруг короля придворных. В стране, именуемой Версалем, все зеркала души являлись для него открытой книгой. Придворные, искренне преданные королю, ожидали, когда слово предоставят Николя, дабы в поведении своем руководствоваться его примером. Льстецы мертвенным злобным взором смотрели на комиссара, словно самое его присутствие и внешний вид оскорбляли герцога и угрожали незаконно завладеть его ожидаемым триумфом.

Король отметил, что ни та, ни другая сторона не потеряла ни единого корабля, и пожалел, что не отдали приказа начать погоню, чтобы потопить вражеские корабли, ибо если французская эскадра одержала победу, то ей следовало бы преследовать англичан до полной капитуляции. С тревогой расспросив о состоянии раненых офицеров, Его Величество поинтересовался потерями. Заметив Николя, он рукой поманил его к себе. Напомнив всем, что каждый, доблестно исполнивший свой долг, подает добрый пример, он неожиданно заявил, что не стоит обольщаться результатами битвы, завершившейся, в сущности, ничем. Пока король высказывал свои скептические соображения, герцог Шартрский всем своим видом выражал ужасное нетерпение, и стоило королю умолкнуть, как он тотчас попросил дозволения удалиться, дабы засвидетельствовать свое почтение королеве, и немедленно сие разрешение получил.

Тьерри д’Аврэ, первый служитель королевской опочивальни, потянул Николя за рукав и, сопровождаемый одобрительным взглядом Сартина, повлек его во внутренние покои. Они поднялись по потайной винтовой лестнице, выходившей в узкую галерею, окружавшую Олений дворик, своего рода прихожую тайного убежища монарха, являвшего собой полукабинет-

полумастерскую; Людовик XVI уже однажды принимал там Николя. Подтолкнув Николя к двери, Тьерри исчез, словно растворился в воздухе.

Король ждал его, стоя посреди невообразимого хаоса: вокруг вперемежку лежали книги, инструменты, морские карты и прочие приборы, свидетельствовавшие о широте познаний и интересов Его Величества.

Со времени его первого посещения этой комнаты количество вещей здесь явно увеличилось; особенно бросались в глаза маленькие модели военных кораблей. При виде Николя лицо молодого короля озарила добродушная улыбка.

— Ранрей, я рад вас видеть.

Как всегда, после приветствия воцарялась неловкая тишина: король никогда не мог сразу приступить к делу. Казалось, он еще больше потолстел. Тяжело переминаясь с ноги на ногу, он озирался вокруг, словно ища чего-то. Николя отметил, что темный костюм монарха не очень чист. Небрежное отношение к своему внешнему виду раздражало королеву и давало повод молодому двору смеяться и вышучивать бедняжку. Уважая молчание короля, Николя лихорадочно соображал, как его прервать. Наконец с заинтересованным видом он устремил взор на превосходно выполненную карту; вставленная в раму, она стояла у стены; признаться, он не узнавал контуров изображенных на ней земель.

— О! — воскликнул Людовик. — Вижу, вы любуетесь этой картой.

Фраза вполне могла сойти за вопрос, а следовательно, требовала ответа.

— Да, сир, но я не знаю, какая часть нашей земли изображена на ней.

— Ничего удивительного! Это изогнутая карта южного полушария. Мне подарил ее герцог де Круи, являющийся подлинным кладезем всевозможных знаний. Он сам ее составил. Он дружит с господином де Кергеленом[20] и принял участие в плавании Крозе[21] в Новую Зеландию и Тасманию, дабы с наибольшей точностью вычертить эту карту. Теперь он увлечен изучением Северного полюса, и русский министр пообещал подарить ему карту Камчатки. Поддерживая мнение Фиппса, который утверждает, что Северо-Западный проход не существует, он считает, что арктические моря, начиная от берегов залива Баффина и до острова Шпицберген, затянуты льдом.

Покойный король никогда столь стремительно не отвечал своим собеседникам. Теперь предстояло перевести беседу в более серьезное русло. К сожалению, Николя убеждался, что своим вопросом не смог побороть нерешительность короля.

— Знаете ли вы, Ранрей, что вчера во время охоты на пруду Кубертена я подстрелил более четырех сотен птиц? Ах, какая была отличная охота! Я отметил это в своем дневнике.

Суверен рассмеялся, и на его сосредоточенном лице расцвела радостная улыбка подростка. Подробно описав вчерашнюю охоту, король вновь умолк и обрел серьезный вид.

— Адмирал д’Орвилье сообщил мне, что вы доблестно исполнили вашу миссию, не посрамив честь мундира, который вам пришлось надеть. Меня это нисколько не удивляет.

Он сел в кресло и пригласил Николя сесть напротив него. Находясь в потайной комнате, куда нет доступа любопытным взорам, комиссар без лишних слов подчинился.

— Мой дед всегда говорил, что нет лучшего рассказчика, чем наш дорогой Ранрей. Он умеет заинтересовать без лишних подробностей и объяснить, ничего не усложняя. Я хочу услышать рассказ о сражении. Не скрывайте от меня ничего.

Николя повторил все, что уже рассказал Сартину, время от времени уснащая рассказ подробностями, касавшимися морского дела, ибо знал, что королю это понравится. Его Величество слушал необычайно внимательно, пару раз задав ему наводящие вопросы.

— Мне очень важны любые детали, дополняющие полученный мной отчет д’Орвилье. А сейчас я вам расскажу, что ускользнуло от вашего взора, когда вы находились в гуще битвы.

Похоже, сегодня у короля случился необычайный прилив энергии. Очутившись на знакомой ему почве, он, к великому удивлению Николя, встал и, отодвинув кресло, присел на корточки и выстроил на полу модели кораблей двумя параллельными линиями, друг напротив друга. Повинуясь приглашению Его Величества, комиссар присел рядом.

— Вот линия французских кораблей. Видите, она с подветренной стороны, и, следовательно, корабли наклонены в сторону неприятеля.

И, словно подкрепляя свои слова, он наклонился вместе с кораблем.

— Таким образом, расположившись лицом к неприятелю, корабли глубоко зарываются носом в волны, и борты, расположенные внизу, главным образом на третьей палубе, теряют способность вести огонь, в то время как противник целит в высокие борта наших линкоров. Орвилье оказался в невыгодном положении. Вы только подумайте, Ранрей, никогда еще наши суда не начинали сражение в таких неблагоприятных условиях.

Николя казалось, что король каким-то невообразимым способом ухитрился стать свидетелем сражения.

— Даже если бы мы, желая навести наши орудия как можно выше, поставили их на якорные доски, наши ядра все равно падали бы в море! Можно сказать, Францию спасло чудо: необычайным стечением обстоятельств наши корабли оказались на том расстоянии от противника, когда возможна стрельба рикошетом; разбивая английские рангоуты, мы вывели из строя немало вражеских кораблей! Разумеется, были ошибки и непонимание неоднократно повторенных сигналов, о чем вы мне только что поведали. В конце концов, д'Орвилье указывает, что у противника было на три корабля больше, чем у нас, а также больше трехпалубных кораблей. При таких условиях опасно начинать погоню. Тем не менее адмирал Кеппель понес большой урон.

Склонившись над полом, король сблизил корабли на французской диспозиции.

— Они шли столь плотным строем, что каждый из английских линкоров мог одним выстрелом поразить сразу два наших судна.

Король поднялся и сел, Николя последовал его примеру.

— А как Шартр? Что вы, будучи оком короля, можете о нем сказать?

— Под огнем его высочество вел себя необычайно мужественно. В остальном же, сир, надо сказать, что ученик не может обладать знаниями мастера, а когда на кон поставлены государственные интересы, не стоит искушать судьбу, отдавая армию в руки ученика.

— Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил со мной так искренне? — произнес король столь тихо, что Николя решил не принимать эти слова на свой счет.

— Ранрей, я хочу вас спросить. И помните, ваш ответ значит для меня очень многое. Вы были близки с королем — моим дедом. Вам лучше других известно, как сейчас пытаются опорочить его память. В чем, по-вашему, заключался главный его недостаток?

Николя растерялся. Отчего именно ему задан такой вопрос? И какие последствия он может повлечь за собой?

— Сир, так как Ваше Величество оказывает мне честь, задав столь деликатный вопрос, я отвечу, что покойный король, который, как и вы, являлся моим повелителем, отличался чрезмерной скромностью. И хотя у него был зоркий взгляд, он зачастую считал себя неправым. Не раз доводилось мне слышать, как, сказав: «Мне кажется, это справедливо», он, хотя и был прав, тут же отступал от своих слов: «Но мне сказали, что это не так, и получается, что я ошибся». Увы, нередко случалось именно так! Он зачастую ставил свое мнение ниже, а не выше мнения собеседника.

— Мне никогда этого не говорили, и я запомню ваш рассказ, — ответил король, лихорадочно теребя обеими руками пуговицу на фраке.

Опершись на напольную скульптуру, изображавшую травлю собаками оленя, он, не переводя дыхание, словно за ним кто-то гнался, быстро спросил:

— Известно ли вам о краже из Трианона, жертвой которой стала моя жена?

— Да, сир, мне рассказал господин де Сартин.

— Виль д'Аврэ узнал об этом благодаря нескромности одного субъекта из ее окружения. Разумеется, Антуанетта не захотела меня волновать, а в ее состоянии я не хочу ей надоедать. Но предмет, о котором идет речь, — бриллиантовый ключ, открывающий все замки в Трианоне, и я волнуюсь, как бы он не попал в дурные руки. Я знаю, дело поручено полицейскому инспектору, подчиненному Ленуара. Но этот инспектор одновременно является супругом кастелянши королевы. Я хочу, чтобы расследованием этой неприятной кражи занялись вы. У вас полная свобода действий, и Ленуар об этом знает.

— Сир, я буду в точности следовать инструкциям Вашего Величества. Однако мне придется говорить с королевой.

Король вздохнул:

— Хорошо. Постарайтесь в разговоре не упоминать, что это я вас попросил. Видите ли… Ну, в общем, вы меня понимаете.

На минуту король задумался, потом надел очки и уставился на Николя.

— Вы прекрасно сложены.

Поднявшись, он взял с заваленного всевозможными вещами стола какую-то штучку. Николя встал.

— Маркиз де Ранрей, король посвящает вас в рыцари ордена Святого Людовика.

С этими словами монарх прикрепил увенчанный красным бантом крест к запятнанному кровью мундиру Николя.

— Это за Уэссан. Ну, и за многое другое. А также потому, что вы солдат, как и ваш отец, и мало кто из моих подданных столько раз рисковал жизнью во имя короны.

— Ваш слуга, сир, — произнес Николя, опускаясь на одно колено и целуя руку короля.

— Продолжайте и дальше столь же славно служить мне, — ответил тот и закашлялся, прочищая голос. — Мы говорили о короле — моем деде.

И в нерешительности умолк.

— Что вы мне посоветуете? — сдавленным голосом произнес он наконец.

Николя предвидел этот вопрос и понимал, что отвечать придется: он не мог не оправдать доверия, о котором сей вопрос свидетельствовал.

— Сир, что я могу сказать моему королю? Подданный не советует монарху. Но пусть Господь и далее дарует Вашему Величеству быстроту принятия решений и уверенность в их правильности, как уже однажды даровал во время мучной войны.

— Спасибо, господин маркиз, я не забуду нашей беседы.

Направляясь к выходу, Николя неожиданно услышал за спиной звонкий смех короля.

— Можете быть спокойны, мой полномочный посол, я больше не стреляю по кошкам госпожи де Морепа!

Словно во сне, Николя вышел из дворца; все, кто видел его окровавленный мундир и шатающуюся походку, видимо, принимали его за раненого. Он попытался разыскать Луи, но не нашел: несомненно, мальчик исполнял какое-нибудь поручение королевы. По дороге ему встретился всегда пребывавший в курсе последних сплетен маршал де Ришелье; маршал похлопал его по плечу, но Николя даже не посмотрел в его сторону, и тот решил, что наш дорогой Ранрей впал в беспамятство. На самом деле Николя находился под впечатлением от

сегодняшней аудиенции. Признательность, питаемая им к королю, воскрешала в душе его старинные легенды о рыцарской верности и чести, которыми он зачитывался в детстве. И хотя тоненький голосок, подобно вырвавшемуся на свободу чертенку, давно нашептывал ему, что сильные мира сего не всегда находятся на высоте своего положения, в короле — несмотря на все его слабости и колебания — он хотел видеть великого монарха, которому в день его коронации в Реймсе он поклялся верно и преданно служить всю свою жизнь.

Во дворике Лувр его ожидал присланный Сартином экипаж; в нем он нашел свой плащ. К плащу прилагалась записка, где министр повелевал ему отдохнуть несколько дней, прежде чем браться за новое поручение, кое он, несомненно, получил от короля. Вместе с запиской Николя нашел незаполненный бланк за подписью Людовика и несколько таких же незаполненных «писем с печатью». Записка и бумаги остудили его пыл. Прекрасно зная повадки первых лиц, он не мог обольщаться: аудиенция у короля явилась результатом обсуждений, возможно даже бурных, но уж никак не порывом души. Он не удивился, но все же решил сохранить в памяти те минуты, когда его ранимый король говорил с ним искренне.

Еще одна записка была от Эме д’Арране. Она сожалела, что ей пришлось столь скоро его покинуть, однако служба в штате мадам Елизаветы, сестры короля, настоятельно требовала ее присутствия. Так как принцессе недавно исполнилось четырнадцать, то, принимая во внимание ее ум и сообразительность, король сам подобрал ей свиту. Волевая, с независимым характером, рано лишившаяся материнской заботы и общества старшей сестры Клотильды, принцесса привязалась к Эме и не могла без нее обходиться. Получив свободу в организации собственного распорядка дня, она пристрастилась к конным прогулкам и часто ездила вместе с Эме по аллеям Версальского парка.

Николя, ведавший вопросами безопасности, знал, что это увлечение принцессы крайне беспокоило министра королевского дома, ибо состояние аллей оставляло желать лучшего. За предшествующие годы телеги, вывозившие срубленный сухостой и подвозившие новые деревья для посадок, привели дорожки в исключительно плачевное состояние. По многим из них часто ездили кареты, как почтовые, так и частных лиц, не говоря о лошадях. Даже Николя с горечью признавал, что может случиться все, и прогулки по парку, будь то на лошади или в экипаже, для членов королевской семьи являются далеко не безопасными. С наступлением темноты, когда кареты возвращались с охоты, возницы нередко увязали в глубоких, наполненных липкой грязью промоинах.

Понедельник, 6 августа 1778 года.

Вот и заслуженное наказание! Собственно, откуда взялась эта дурацкая мысль — украсть яйца у морских птиц? Да и съедобны ли эти яйца вообще? Вспомнив предшествующий опыт, он почувствовал во рту резкий рыбный вкус. Едва он попытался выпить яйцо, как его затошнило. Вторая попытка также оказалась неудачной. Поджаренное на маленьком костерке, сложенном из кусочков торфа, яйцо стало твердым, но внутри обнаружился зародыш птенца. Проскользнув до места, где кончались прибрежные дюны и начинались ланды, он очутился среди зарослей утесника, и в кожу ему моментально впились колючки. Внезапно неведомая оболочка, облегавшая его подобно доспеху, сдавила тело. Казалось, она вот-вот раздавит его. Он потерял сознание. Шум прибоя и яростные крики птиц, чьи гнезда он разорил, внезапно стихли.

— Доктор, он точно в себя приходит! Да, да, вот он зашевелился и глаза открыл!

— Полагаю, вы правы, Катрина! — ответил серьезный голос.

Николя ощутил, как чья-то ладонь легла ему на лоб, а затем кто-то взял его за запястье.

— Лихорадка прошла. Пульс спокойный, размеренный. Больше никаких скачков. Похоже, он легко отделался.

Николя узнал голос Семакгюса и открыл глаза. Комнату озаряли лучи заходящего солнца. Когда глаза его привыкли к свету, он увидел перед собой радостную физиономию корабельного хирурга.

— Наконец-то он пробудился! Отлично, мой мальчик, ты проспал двое суток! Мне не часто приходилось сталкиваться со столь продолжительным сном.

Из-за плеча Семакгюса выглядывало румяное лицо Катрины. Сжимая молитвенно сложенные руки, она радостно потрясала ими. Он попытался встать, но не сумел, ибо ощущал, что кожа его, похоже, покрывшаяся множеством трещин, при малейшем движении грозит лопнуть.

— Не торопитесь, — произнес корабельный хирург. — Паштетную корочку надобно взрезать крайне осторожно. Все лишнее должно выйти, а все, что надо, остаться.

Николя уронил голову на подушку. Неужели кошмар все еще продолжается? Иначе как понять ту чушь, что несет Семакгюс?

— Опъясните ему, — сказала Катрина. — Разве вы не видите, что он все еще не в зебе? Он думает, что все еще предит.

— Вы совершенно правы, дорогая! Николя, вы помните, как два дня назад, около полудня, вас доставили домой? Так как кучер узнал вас, он известил слуг, что по дороге вы потеряли сознание. Вас привезли домой, и господин де Ноблекур тотчас вызвал своего врача. Но еще раньше сюда, словно воронье на поле битвы, слетелись оба квартальных эскулапа.

— И что они со мной сделали?

— Да в сущности ничего. Они слишком долго спорили. Пускать кровь? Не пускать кровь? А если пускать, то сколько? Обычные споры. Помните, как некогда Декарт. Хорошо еще, что они не стали прижигать ваши самые обширные ссадины. Единственное, что им удалось сделать, так это влить в вас настойку лауданума, отчего вы так долго и проспали. Эти коновалы решили, что ваши гуморы застоялись и могут произвести злокачественные изменения в вашем организме. Словом, утверждали, что болезнь ваша крайне опасна! А так как мудрая Катрина тотчас послала за мной Пуатвена с каретой, я прибыл и смог оценить истинное положение дел. И, надо сказать, прибыл исключительно вовремя!

— Он всех тутошних докторов за дферь вытолкал! Едва ли не сапогами!

— Кстати, я видел ваш мундир. Мои поздравления кавалеру ордена Святого Людовика! Я все понял. Про ваше загадочное отсутствие и ваше нынешнее состояние. Привычный к морским сражениям, я сумею починить вас, о победитель при Уэссане!

Подумайте только, эти набитые дураки, не разобравшись в причинах ваших недугов, не придумали ничего лучше, как использовать сурьму, соединенную с воском и свинцовыми белилами, под предлогом, что этот состав, именуемый Platyophtalmon, используется для лечения опухолей и гноящихся глаз. Если верить традиционалистам, приверженцам Гиппократа и Галена, такая мазь помогает затягиваться ранам, успевшим покрыться коркой. Ох, ну и ослы! Они даже не видели вашего мундира. Правда, благодаря их невежеству вы отлично выспались.

— Бредставляешь, когда мы побытались зтянуть с тебя штаны, мокрые от крови и прилипшие к ногам, ты бринялся искать шпагу!

— Убрав вместе со штанами все засохшие корки и обнажив ссадины, мы убедились, что вас требуется немедленно искупать. Должен сказать, вы очень удачно успели установить медную ванну.

— Искупать меня!

— Мне помогла маркитантка, привыкшая видеть солдат в любом виде и не падающая в обморок при виде крови, — игриво произнес Семакгюс. — Когда вас отмыли — боже, сколько же на вас было грязи! — я наконец получил полное представление о состоянии ваших

повреждений. Никаких серьезных ранений, несколько поверхностных царапин от пуль и множество заноз от деревянных щепок, отлетавших от поломанных мачт и корабельной обшивки. И мы вас выщипали.

— Выщипали?!

— Только занозы, разумеется. Затем мы подождали, пока шрамы затянутся. А для ускорения процесса я обернул вас муслином, наложив поверх гончарную глину.

— Неужели? — удивился Николя; стоило ему представить себя в обертке из такого пластыря, как на него напал неудержимый смех.

— Да, именно глину, ибо глина обладает свойством впитывать имеющуюся на коже грязь. Теперь понятно, почему, пытаясь повернуться, вы сразу ощутили неудобство?

— У меня все чешется. Такое ощущение, словно с меня содрали кожу и пустили бегать муравьев.

— Отлично! Заживление идет полным ходом. Сон стал для вас самым лучшим лекарством. Так что благодарите вашего Диафуаруса за лауданум!

— А какой сегодня день?

— Четверг, шестое августа, праздник Преображения. Сейчас семь часов пополудни. Вы проспали почти два с половиной дня.

Чувствуя себя совершенно бодрым, Николя внимательнейшим образом оглядел собравшихся.

— Полагаю, сегодня нас ожидает парадный ужин?

Семакгюс подозрительно взглянул на него, а глаза Катрины расширились от изумления.

— Мальчик мой, не скажете ли вы мне, отчего к вам в голову явилась эта мысль?

— Благодаря давней привычке распутывать запутанные дела. Очевидное не всегда соответствует истине.

— Гм, ваши мысли приняли весьма интересное направление. Видимо, ваше самочувствие улучшилось.

— Еще как! Достаточно для проведения небольшого расследования.

— Боже милостивый! — всплеснула руками Катрина. — Да он опять предит.

— Погодите, выслушайте меня. Сейчас я объясню вам ход своей мысли.

— Катрина стоит возле меня.

— Не вижу.

— Не перебивайте меня.

— Не надо ему фосражать. Иначе злучится новый бриступ!

— Итак, Катрина у меня в комнате, значит, на кухне ее нет. Однако обоняние мое улавливает пленительнейшие ароматы. На Катрине надет передник, и свежие пятна на нем говорят сами за себя. Следовательно, она только что отошла от плиты, дабы справиться о моем здоровье. Но разве наша Катрина когда-нибудь покидает свои кастрюльки, пока кушанье не готово? Нет, никогда. Но, может, у плиты хозяйничает Марион? Нет, ибо ревматизм не позволяет ей долго стоять у плиты. Что из этого следует? Предполагаю, дражайший Гийом, что место Катрины заняла Ава. Верность моей гипотезы подтверждает и ваш внешний вид: вышитый жилет, пышный, ловко завязанный галстук говорят о том, что вы намерены провести вечер в городе. О приготовлениях к ужину говорит также отсутствие Сирюса и Мушетты, которые, когда готовят еду, всегда торчат на кухне в ожидании лакомых кусочков. Пятна на переднике Катрины, а также мой нос подсказывают, что сегодня ожидается рыба или раковый суп. К тому же, сознавая, сколь важное место занимает моя персона в сем жилище, я не могу себе представить, чтобы мое возвращение с берегов Стикса не было отмечено доброй трапезой.

Семакгюс и Катрина дружно расхохотались.

— Смейтесь сколько хотите, вы не помешаете мне завершить мою мысль. Проанализировав все, что здесь сказано, я уверен, Гийом, вы предвидели мое воскрешение и, понимая, что после двух дней поста я буду голоден как волк, заранее отдали распоряжения насчет ужина. Засим я встаю.

Встав с кровати, Николя зашатался и, скорее всего, упал бы, если бы Семакгюс не подхватил его. Только сейчас он заметил, что совершенно гол и покрыт какими-то бляшками, тотчас посыпавшимися с него на пол. Корабельный хирург осмотрел его и, удовлетворенный, заявил, что рубцевание идет полным ходом.

— Господин де Ноблекур.

— Ах, как зе он береволнофался, петняжка! Он зидел восле вас днем и ночью! Господи, лишь пы у него обять не разыгралась подагра!

— Он передает вам один из своих лучших халатов. Наденьте вниз рубашку и панталоны и можете отправляться на ужин, где вас встретят, как блудного сына или как героя, на ваш выбор.

III
ACCELERANDO[22]

Пляшут шлюхи во дворце,
Пале-Руаяль ликует […]
Неубитого медведя
Продал шкуру по дешевке.

Куплеты о Его Недостойнейшем Высочестве, его светлости герцоге Шартрском (1778)

В покоях Ноблекура было светло как днем: праздновали возвращение Николя. С улицы Монмартр, где уже зажигали фонари, доносился глухой шум голосов: после тяжелой дневной жары люди выходили подышать свежим воздухом. За столом почтенного магистрата собрались Луи, Эме д'Арране, Бурдо, Семакгюс и Лаборд. В пестром мадрасском платке Ава под зорким оком Марион металась между кухней и гостиной, помогая запыхавшейся Катрине. Сирюс и Мушетта тихо сидели под столом в надежде на щедрость хозяев.

Все уже в подробностях знали о подвигах Николя, многократно пересказанных раскрасневшимся от волнения Луи. В Версале юноше сообщили, что отец его, вернувшись, сразу отправился на утреннюю церемонию, а затем король дал ему личную аудиенцию, о чем тотчас стало известно всем, равно как и о его награждении. Двор по-прежнему оставался страной, где загадочным образом соседствовали тайна и нескромность.

— Отец, — серьезно спросил Луи, — что чувствуют во время боя?

— Сражение — это грохот и зрелище, от которого кровь стынет в жилах. Очень страшно, сын мой, и чтобы преодолеть этот страх, требуется немало мужества. Sed pavor an virtus quis in hoste requirat?

— Вот вы и попались, Луи, — улыбнулся Ноблекур. — Сейчас мы увидим, помните ли вы что-нибудь из того, чему обучали вас ораторианцы в Жюйи.

— Страх, — медленно начал Луи, — или мужество. В бою с врагом все пригодится.

— Совершенно справедливо, — согласился Николя. — Я уверен, что оглушительные взрывы, бортовая качка, дым, смерть, стоны раненых и летящие во все стороны обломки кого угодно могут повергнуть в замешательство.

— Но вы принимали участие в сражении, иначе бы Его Величество не сделал вас кавалером ордена Святого Людовика.

— Я наугад стрелял во врага, а потом подбирал мертвецов и пытался спасти раненых.

Разговор принимал серьезный оборот, и Ноблекур решил разрядить обстановку.

— Интересно, какого черта его понесло на этот корабль? — задумчиво произнес он, разворачивая салфетку.

— Он вам ни за что не скажет, — ответил Лаборд. — Полагаю, ему захотелось подышать океанским воздухом.

— Мой отец, который всегда в курсе всего, — подала голос Эме, — и который, как я догадываюсь, явился одним из инициаторов поездки Николя, не выдал мне эту тайну, несмотря на все мои ухищрения.

— Эме, — перебил Николя, желая перевести беседу в иное русло, — я рад, что вы смогли разбить цепи, удерживающие вас подле принцессы, и вырваться на сегодняшний вечер.

Он взял ее руку и нежно поцеловал.

— Ах, — ответила она, — малышка не имеет никакой власти. Мне пришлось смиренно просить дозволения у другого лица, перед которым трепещет весь двор.

— У графини Дианы де Полиньяк, невестки той, другой Полиньяк, что беспрестанно высмеивает Мадам Елизавету за ее полноту, — подсказал Лаборд.

— Сия скандальная особа отличается крайне распущенным нравом, — заметил Бурдо.

— Деспот, запугавший принцессу, неумный дух, который не знает, что бы такое сделать, чтобы не дать ей поступить по-своему. Королю приходится понуждать принцессу к повиновению. Однако Господь оберег нас, ибо Полиньяк больше не садится на лошадь и исполняет обязанности придворной дамы крайне небрежно.

— В моей жизни образовалась пустота, — произнес Николя. — Вы должны заполнить ее. Что произошло за те два дня, что я спал?

— Город, — начал Лаборд, — как это ему свойственно, охватила очередная лихорадка. Наш современный Мирмидон, герцог Шартрский, около пяти часов торжественно въехал в Париж и вступил в Пале-Руаяль, где под бурные аплодисменты своих сторонников проследовал к себе в апартаменты. Аббат Делонэ вручил ему пьесу в стихах под названием «Вести с Парнаса».

— Тошнотворное, бездарное сочинение, — заметил Бурдо.

— Герой вышел на балкон, а потом отправился в театр, где занял место в своей ложе. Там последовали очередные бесконечные восторги, сопровождаемые фанфарами, коими оркестр присоединился к ликованию публики. В какую-то минуту даже показалось, что сейчас принца увенчают лаврами, словно нового Вольтера! Вечером торжества продолжились в Пале-Руаяль, где мадемуазель Арну спела в его честь.

— …так фальшиво, что ее освистали. Лесть самого низкого пошиба. Восхваления столь же смешные, сколь и ничтожные, — проворчал Бурдо.

— Вечер завершился торжественным ужином и великолепным фейерверком. Однако уже сегодня наш герой должен был получить приказ короля отправиться к своей эскадре в Брест! Вот видите, Бурдо, излишества никогда не приводят к хорошему.

— Он принц, и этим все сказано. Вся его жизнь находится в полном противоречии с идеалами тех, кого он поддерживает на словах, а на деле он постоянно двигается окольными путями и не имеет ничего общего с теми, кем хочет казаться. Нет, я не преувеличиваю. Он дерзает именовать себя философом, но стоит как следует приглядеться, становится ясно, что его извращенные страсти, как бы он ни пытался их скрыть, всегда берут верх.

— Ох, уж этот наш Бурдо, — вздохнул Ноблекур, — он по-прежнему привязан к своим погремушкам.

— Смейтесь, — буркнул инспектор. — Настанет день… Поверьте, чем скорее сильные мира сего перестанут вести недостойную жизнь, чем меньше станут похваляться своими

богатствами, чем больше станет среди них неподкупных, тем большее уважение народа они заслужат. Им следует прислушаться к голосу общественного мнения, иначе любой неосмотрительный шаг может привести их к пропасти. Если прежде не завершится апоплексическим ударом или несварением желудка.

— Я на это надеюсь, — примиряющим тоном произнес Николя.

— На апоплексический удар?

— Нет! На несварение желудка. Ибо я голоден.

Последние слова он произнес таким жалобным тоном, что все покатились от хохота.

— Катрина, — высокопарно, словно выступая на сцене Бургундского отеля, провозгласил Ноблекур, — пусть немедленно принесут амброзию и жертвенное мясо в честь героя!

Тотчас на столе появилось великолепное серебряное блюдо с неведомым кушаньем, от которого исходили волнительные ароматы.

— Подобные запахи требуют объяснений, — заявил Семакгюс.

— О, — подбоченившись, воскликнула Катрина, — брежде бoложите себе по кузочку, так как я боюсь, как пы кушанье не остыло, ведь его натобно есть горячим. Такое плюдо готовят у меня в Эльзасе; это печень раков, приготовленная по рецепту, придуманному в Селесте.

— Но сначала раков кастрируют, я однажды помогал Марион и знаю, как это делается, — с воодушевлением воскликнул Луи. — Ах, как они щиплются, мошенники! Я и не знал, что у них такая большая печень!

— Браво! — восхитился Семакгюс. — Кажется, в нашем полку прибыло.

— Да, у них вытягивают черную ниточку. Для зегодняшнего вечера я купила на рынке польше пяти сотен, и бримерно треть опустила в кипяток прямо в панцире, чтобы украсить шейками плюдо. Остальных измельчила вместе с панцирем. Затем вывалила измельченных раков на зковородку, добавила масла, лучку и бриправок и хорошенько обжарила до красноватого цвета. Потом щедро развела молоком, прокипятила и бротерла смесь через тряпочку. Затем как зледует взбила пять десятков яиц, звеженьких, только что из-под курочки, и допавила в молоко, чтобы оно загустело. Затем взяла кузочек муслина.

— Ох, ну и работка! — воскликнул Бурдо.

— Не торобитесь, торобыги! Полученную смесь зафернула в муслин и подвесила зтекать, чтобы она отдала всю жидкость. Затем выложила смесь в кразивую фарфоровую босудину и выставила на холод. И дальше стала готовить соус, для которого взяла зливки и допавила их в молоко, остафшееся от печенок. Добавила мазла и размешала деревянной ложкой. Ну, ботом еще допавила пряностей, а в самом конце соль, перец, мускат и петрушку.

За столом раздались восторженные возгласы.

— Хотелось бы узнать, — робко начал Ноблекур, стараясь не встречаться глазами с суровым взглядом Марион, — могу ли я надеяться отведать это чудо?

— Гм! — хмыкнул Семакгюс. — Повод действительно заслуживающий. Я склонен разрешить, однако в меру, и при условии не покушаться на тот нектар с виноградников Рейна, что, как я вижу, Пуатвен достает из ведерка со льдом. Крошечку раковой печенки и капельку соуса.

— Видите, как он со мной обращается! Прекратите скаредничать, словно нотариус. Капельку, говорите? Посмотрите, какая стоит жара! Дождь из капелек. И ливень рейнского, чтобы справиться с засухой.

— Сударь прав, — промолвила Катрина, — у нас обычно говорили:

Съевши салату,

Не дал врачу дуката,

А яичко скушавши,

Не дал огрести

Еще парочки.

— Вот прекрасная дерзкая поговорка, бросающая вызов нашим медикам из Сорбонны. Подумайте только, когда дело дойдет до пятидесяти, я разорен!

— А я, — начал Николя, — воскреснув, чувствую себя на седьмом небе от счастья. Аромат этого нежного и одновременно плотного суфле щекочет мне ноздри. Раковые шейки под мягким масляным соусом — какое наслаждение! А хлеб с хрустящей корочкой, облекающей свежайшую мякоть!..

— Я словно слышу Гримо де ла Реньера, когда он рассказывает про паштет из свиной головы. О, сколь сладостны речи обоих этих Лукуллов! — с неподражаемой улыбкой воскликнул Лаборд.

— Вспомните, откуда я вернулся и где я сейчас. На борту «Сент-Эспри» я довольствовался кусочком солонины и парой сухарей, да и то лишь благодаря щедротам принца.

— Отчего же вы не взяли с собой запас пеммикана по примеру нашего друга Наганды?

— Или же большую коробку айвового мармелада, — добавил Луи. — Он просто спас меня в коллеже в Жюйи. Господин де Ноблекур следил, чтобы у меня его всегда было вдоволь.

— Ах, что за милое дитя, он все еще помнит об этом! Посмотрите на вашего отца. Впрочем, он вас не слушает, ибо занят поглощением пищи.

— А вот и нет! Я пью ваши слова, являющиеся лучшей приправой сегодняшних изысканных блюд. Они словно партия скрипки из королевского оркестра, что услаждает слух короля во время обеда.

— Посмотрите на этого льстеца! А вы, Лаборд, как продвигается ваш труд?

— Это всего лишь скромный очерк по истории музыки.

— Оцените определение «скромный», — вставил Семакгюс. — Всеобъемлющая история высокого искусства в двух томах in-quarto!

— Наука, право, война и музыка, — произнесла Эме. — Да сегодняшнее застолье — это настоящее скопище талантов!

— И во главе его, мадемуазель, — ответил Ноблекур, приподнимаясь в своем кресле, — грация, красота и остроумие.

— Что нового дает нам ваш трактат? — спросил Бурдо.

— Осмелюсь утверждать, что нынешней столицей музыки является Неаполь. Пуччини, Дуранте, Перголезе, Гассе, Порпора, Скарлатти, Паизиелло, Буонанчини… А скольких еще я не назвал! Я намерен расширить наши знания о музыке, дабы иметь возможность со знанием дела судить об этом виде искусства, привить вкус к новым оперным постановкам, а также разъяснить причины разногласий, возникающих при их оценке.

— Черт побери, достойная задача, — молвил Ноблекур, — и для этого не надо ездить из Парижа в Кемперкорантен. Да и повод хорош: новое в поддержку нового. Однако, мне кажется, вы дерзаете бросить мне вызов. И где же, сударь, за моим столом?! Завтра я пришлю вам своих секундантов. А так как я являюсь стороной оскорбленной, выбор оружия за мной: шахматы, поперечная флейта или скрипка, на выбор. Но вам не удастся никого обмануть. Я чувствую, как за вашим наглым глюкизмом скрывается горечь автора. Под пару вашему «Путешествию в Италию» только что вышло «Живописное путешествие в Грецию» маркиза де Гуфье. Ха-ха-ха! Я смеюсь, сударь, глядя, как топчут ваши географические грядки.

— О, прокурор, исполненный лукавства! Он проделывает фокусы не хуже записных фигляров на ярмарке в Сен-Лоран. Он готов поменять свои убеждения, лишь бы посильнее ущипнуть меня. Как мог он вообразить, что выход новой книги может огорчить меня и опечалить? Какое низкое коварство! Заметьте, Луи, на улице Монмартр свой храм выстроило

лицемерие. Председателю Сожаку еще учиться и учиться. У него появились соперники среди служителей правосудия, пусть даже и в отставке.

Все смеялись, слушая дебаты друзей, обладавших различными музыкальными пристрастиями, над которыми оба никогда не забывали посмеяться.

Пуатвен, пытаясь привлечь к себе внимание, почтительно покашлял:

— Сударь! Там, внизу, стучат в дверь. Я пойду посмотрю, кто там.

— Продолжение! Продолжение! — крикнул Николя.

— Сейчас нас ждет блюдо нашего хирурга, — откликнулся Ноблекур. Он измерял пульс больного, а в перерывах бегал к плите.

— Итак, — начал Семакгюс, прочищая горло, — уточки, приготовленные по моему рецепту. Вооружившись скальпелем, мы отделили мясо от костей, не испортив при этом кожу, и начинили эту кожу фаршем из пулярки, соединив его для пикантности с парочкой анчоусов и кусочками вестфальской ветчины. Потом тушки положили в сковороду на ложе из лучка и сальца и отправили на огонь. А я тем временем готовил соус. Взяв немного уксуса с мясным соком, луковицу, лук-шалот, соль и перец, я поставил смесь на огонь, а когда все уварилось, протер смесь через сито. Потом — слушайте внимательно! — я добавил цедру бланшированных апельсинов, сок двух померанцев, несколько мелко нарезанных анчоусов, стакан шампанского и ложечку меда. Закинул в плиту еще горсточку раскаленных углей и поставил тушиться соус, добавив добрый кусок масла, дабы придать ему блеск. А потом этим соусом, гармонично сочетающим в себе сладость и горчинку, полил срезанное с костей и мелко нарезанное мясо уточки.

— Довольно потчевать нас словесным рагу! — взревел Ноблекур. — Тащите сюда ваших уточек!

Вновь появился Пуатвен. Дождавшись, когда шум стихнет, он произнес:

— Сударь, посланец начальника полиции желает немедленно переговорить с господином Николя.

Его слова стали ушатом холодной воды, выплеснутой на сотрапезников. Николя встал и неуверенной походкой вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся; выражение лица его не предвещало ничего хорошего.

— Господа, приношу вам свои извинения. Господин Ленуар вызывает меня и Бурдо. Мне придется снять этот великолепный халат и переодеться.

Семакгюс встал.

— Я помогу вам одеться. Мне надо осмотреть ваши раны и, возможно, еще раз смазать их мазью.

— Что ожидается после уточек?

— Рагу из испанских артишоков с серединками латука в мясном соусе и любимый десерт Людовика XIV — клубничные меренги.

— Однажды отец взял меня с собой в Версаль, — начал Ноблекур. — В тот день был большой публичный обед, и я собственными глазами видел, как король поглощал меренги в огромном количестве.

— Прекрасное воспоминание так называемого современника Вольтера! — заметил Семакгюс.

— Довольно, хирург! Идите и помогите нашему другу, который, воспользовавшись нашей болтовней, словно пират, опустошил блюдо с уточками!

— А вас прошу не злоупотреблять в мое отсутствие. Уточка, хотя и великолепно приготовленная, обладает мясом темным и жирным, тяжелым для пищеварения, особенно для таких молодых людей, как вы!

— Исчезните, наглый разбойник!

Николя обнял дам и отвесил поклон Лаборду. Он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Когда он уходил, Катрина незаметно сунула ему в карман на дорожку кулечек с печеньем а-ля Шантийи. Курьер от начальника полиции ждал их в экипаже. Как только комиссар и инспектор заняли свои места, исполнивший поручение курьер отправился домой, ибо проживал неподалеку.

Возле Пале-Руаяль путь экипажу преградила возбужденная толпа: парижане орали во всю глотку и потрясали чучелом английского адмирала Кеппеля. Поглумившись над чучелом, толпа под бурные аплодисменты и грозные выкрики подожгла его.

— Можно подумать, что настало время карнавальных бесчинств.

— Странно, — задумчиво произнес Бурдо, — откуда взялись эти восторги и безудержное прославление герцога Шартрского? Еще недавно сей герцог вызывал отвращение у публики, особенно после случая с герцогиней де Бурбон.[23]

— Когда герцогиня дала Артуа понять, что считает его повесой, а уж потом принцем, брат короля попытался сорвать с нее маску!

— Артуа ездит на охоту с Шартром, так что клан Конде считает себя уязвленным.

— Подозреваю, к сегодняшним безумствам народ отношения не имеет. Скорее всего, коварные интриганы, преследующие свои тайные цели, сумели разжечь энтузиазм черни в поддержку Шартра. Однако меня это раздражает, и чем дальше, тем больше. Любое, даже самое незначительное, событие порождает совершенно неумеренные эмоции.

— Фредеричи, младший офицер, который, как тебе известно, с июня несет службу на Елисейских Полях, давно указывает мне: озлобленная чернь постоянно оскорбляет дворян. Однажды во время прогулки она осыпала непристойными словами принцессу де Ламбаль и герцогиню де Бурбон; дамы настолько испугались, что до конца прогулки к ним приставили охрану. Но при малейшей попытке властей пресечь недостойные действия тотчас собирается возмущенная толпа. Как только распоясавшихся ремесленников из предместий или школяров пытаются призвать к порядку, они тотчас затевают свару. А я еще не сказал о том, какие безобразия творятся в кустах и на глухих тропинках: честного человека наверняка от них стошнит. Найди причины происходящего — и поймешь, какими могут оказаться последствия.

Николя предпочел сменить тему разговора:

— Видимо, случилось нечто из ряда вон выходящее, иначе нас бы срочно не вызвали.

Едва они переступили порог полицейского управления, как их немедленно проводили в кабинет Ленуара. Добродушное лицо начальника полиции выглядело опечаленным и озабоченным. Извинившись, что пришлось их побеспокоить в неурочное время, он выразил сожаление, что Николя пришлось прервать заслуженный отдых.

— Господа, перейду сразу к делу. Чем чаще мы отсекаем головы гидры, тем быстрее у нее отрастают новые. И, разумеется, чудовище атакует там, где находит слабое место, где совершен промах или неосторожность…

Подойдя к окну, Ленуар закрыл ставни.

— …особенно когда этот промах повторяется. Опасность возникла в ту самую минуту, когда война на море, в сущности, началась, угроза военных действий на континенте весьма реальна, бюджет в дефиците, а королева беременна.

И, как некогда Сартин, он зашагал взад и вперед по хорошо знакомому Николя кабинету.

— В прошлом году вы положили конец махинациям гнусной интриганки по имени Каюэ де Вилле.[24] Сейчас ходит слух о том, что за столом у королевы ведется нечестная игра; подозрение падает на ее партнеров за карточным столом. Еще хуже: многие уверены, что Ее Величество вмешивается в баварские дела. Полагаю, вам известно, что Фридрих не может спокойно взирать на расширение территории Австрийского дома, и, пользуясь случаем, занял

баварские земли в качестве якобы беспристрастного защитника германской конституции. Королева беспокоится за мать и брата, а те оказывают на нее давление, убеждая ее не забывать, что она прежде всего австрийка. Она принимается уговаривать министров, не отстает от Морепа и Верженa, раздражает короля и компрометирует себя. Полагаю, вам понятно, сколько хлопот доставляет нам пресловутый германский вопрос.

Лицо Ленуара сделалось совершенно несчастным; он уныло покачал головой.

— И в довершение, будучи безразличной к общественному мнению, к которому нам всем следует прислушиваться, она именем королевы, иначе говоря, используя невиданную доселе формулировку, установила поистине драконовские правила доступа в Трианон, где все еще ведутся работы, причем крайне дорогостоящие. Но главное — Господь свидетель, она ни при чем! — пущен ужасный слух. Да, господа, развращенные умы осмелились утверждать, что дитя, вынашиваемое Ее Величеством… Не смею продолжать. Называют де Куаньи и даже Артуа, их подозревают. Появился беспримерный по низости клеветнический памфлет, к несчастью, напичканный множеством подлинных фактов, отчего клевета стала походить на истину. Вот, взгляните хотя бы на заглавие и вступление.

Пробежав глазами протянутый ему печатный листок, Николя передал его Бурдо.

— Теперь вы сами убедились в низости авторов пасквиля.

— Откуда у вас этот листок? — спросил Николя.

— Это копия, точнее, оттиск, на котором еще не просохла типографская краска. Мне передали его, дабы я убедился в существовании памфлета, а также как предмет для торга.

— Торга?!

— Господи! Ну что мы можем сделать? Вы же сами торговались в Лондоне с Тевено де Морандом![25] Подобного рода мерзавцы всегда пытаются продать свои пасквили и нашим и вашим. Они готовы либо преумножить тираж, либо уничтожить его, в зависимости от того, за что больше заплатят. Мы в ловушке.

— И кто же сообщил вам о грязном пасквилянте, который пытается сыграть в честного человека?

— Ренар, инспектор, надзирающий за книгопродавцами. У него среди осведомителей есть посредник, который, похоже, связан с автором.

Николя незамедлительно рассказал начальнику полиции, где он видел инспектора, и подчеркнул, что в разговорах Ренара, Ламора и герцога Шартрского звучало одно и то же имя: Гораций. Но у Ленуара подобное совпадение не вызвало никаких подозрений: он посчитал его игрой случая. Однако он решил, что Николя вполне может оказать содействие Ренару в поисках автора пасквиля. Мерзавца надобно найти в кратчайшие сроки, иначе потом придется платить вдесятеро. Быть может, какой-нибудь ловкий ход позволит выявить негодяя.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

Поразмыслив, Ленуар с горечью произнес, что автора, скорее всего, следует искать возле трона, и, никого не называя, задумчиво сообщил, что пасквиль выгоден тем, кому невыгодно рождение дофина. Следовательно, все, что им удастся узнать, не должно просочиться за пределы их узкого круга. О любых новостях немедленно докладывать ему. В ответ Николя изложил свой разговор с королем о бриллиантовом ключе-отмычке, украденном у королевы. Расследование обоих дел вел Ренар; провал обоих дел угрожал безопасности короны. В сущности, оба дела более всего походили на составляющие тайного заговора, направленного на очернение репутации королевы.

— Я велю пригласить Ренара. Вы сможете поговорить с ним и, я уверен, продвинуть расследование. Сегодня вечером он прибудет к вам в Шатле.

Посмотрев на комиссара и его помощника, Ленуар улыбнулся:

— Я подумал, вам будет удобнее разговаривать с ним на своей территории.

— Еще один вопрос, сударь. Как вы относитесь к Ренару?

— Видите ли, — начал Ленуар, явно не желая особенно распространяться на эту тему, — он сообразителен, ловок, и во времена покойного короля не раз оказывал нам важные услуги. У него много связей среди литераторов, букинистов, книгопродавцев, печатников, композиторов, общественных писарей. Что еще сказать? Впрочем, в свое время Камюзо тоже оказывал услуги. Сами знаете, сколь часто наша служба требует идти на компромисс, лицемерить и давать послабления нужным людям. Мне сообщили, что он пользуется поддержкой в самых высших кругах; видимо, поэтому его надменность возрастает день ото дня. Его супруга сумела понравиться королева и теперь служит у нее кастеляншей. Так что, дорогой Николя, только вы, пользующийся доверием как королевы, так и короля, можете оказать сопротивление грядущим бурям. Господин де Сартин с большим вниманием следит за обоими делами, так что держите его в курсе. К счастью, вы наконец заключили мир! Он рассказал мне о ваших подвигах на море. Как вы себя чувствуете?

— Немного стеснен в движениях из-за множества царапин, а в остальном все в порядке. Но пока приходится держаться чопорно и задирать нос!

— Не пренебрегайте своим здоровьем. А вы, Бурдо, как обычно, присматривайте за комиссаром. Он мне дорог.

Николя подумал, что последняя фраза Ленуара означала, что начальник полиции считает предстоящее дело не только крайне серьезным, но и очень опасным.

По дороге в Шатле оба друга долго молчали.

— Итак, — вздохнул Николя, — нам снова предстоит секретное расследование. Я не жду ничего хорошего от разговора с человеком, давно работающим в одиночку и практически без контроля.

— Все зависит от того, какие отношения нам удастся установить с ним. Хотя мне кажется, он вряд ли захочет с нами сотрудничать.

— Он попытается взять верх над тобой и замкнется в разговоре со мной. А главное, он вряд ли согласится рассказать нам то, что ему известно об обоих делах.

— Тогда как докопаться до истины? Может, поднажать? Или сразу всучить ему крапленые карты, пока он не сдал нам свои? Каким образом он может ввести нас в заблуждение?

— Да как угодно. Впрочем, все равно надо ждать до вечера. Что ж, будем внимательны как никогда, а главное, необычайно любезны. Лишняя лесть никогда не помешает.

На углу улиц Таблетри и Сен-Дени Николя неожиданно велел кучеру остановиться. Выскочив из кареты, он, насколько ему позволяло его состояние, побежал за человеком в черной широкополой шляпе, который, прижимаясь к стенам, торопливо семенил в сторону улицы Омри. Запыхавшись, комиссар наконец нагнал его.

— Итак, Филин, с каких это пор ты бегаешь от своих друзей?

— А, это вы, господин комиссар! — откликнулся Ретиф де ла Бретон. — А я решил, это один из тех молодчиков, что лунными ночами, когда полиция экономит на фонарях, вылезают из своих щелей и отправляются срезать кошельки.

— Полагаю, вы спешите на очередное свидание?

— А вот и нет! Я просто гуляю. Наблюдаю за воришками, ищу приключений. Вы же знаете, меня всегда интересовали людские нравы.

— Да, временами вы говорите как настоящий моралист, хотя и весьма своеобразный. Вы тянетесь к пороку, дабы затем осудить его.

— Вот видите, вы сами все сказали.

— Вы нужны мне.

— Сейчас не время. Ночь зовет меня, и я не могу не откликнуться на ее зов.

— Довольно болтовни, Ретиф, вы забыли, что мы с вами давние приятели? Неужели вы сможете мне отказать? Ну-ка, скажите, когда это мы с вами расставались, недовольные друг другом? А где бы вы сейчас были без нашей поддержки? Полагаю, знаете. Или мне напомнить?

— Ни слова больше. Я в вашем распоряжении. Что надо сделать?

— Вот так-то лучше. Я рад, что вы сменили тон. Задание простое. Сейчас я направляюсь в Шатле, где у меня назначена встреча.

— Вечерние посетители всегда опасны.

— Короче говоря, после нашего разговора посетитель покинет Шатле. Мне надо знать, куда он пойдет и чем станет заниматься сегодня ночью. Завтра утром, ровно в семь, явитесь ко мне с докладом.

— Только не в Шатле, прошу вас!

— Разумеется, нет! На площади Шевалье дю Ге есть небольшая таверна.

— Согласен. А кто этот человек?

— Пожалуй, я могу назвать вам его имя: инспектор Ренар, надзирающий за книготорговцами.

— Как, однако, странно! У меня давно вырос на него зуб. Недавно он шантажировал меня и даже украл у меня оттиск, который сумел выгодно продать, забрав себе выручку.

— И что это за оттиск?

— Маленькая сказочка под названием «Туфелька Перетты».

— Вот видите! У вас появилась возможность расплатиться с ним той же монетой, точнее, вашей монетой. А сослужив мне службу, вы в очередной раз заслужите благодарность покровительствующих вам сил. Держите.

И Николя вручил ему несколько экю.

— Наймите кабриолет и будьте наготове. У Ренара наверняка есть экипаж или же он поймает фиакр.

Стянув шляпу, Ретиф неуклюже поклонился:

— Филин приветствует вас. Он ваш покорный слуга, господин маркиз.

— К твоим услугам, Ретиф.

Николя сел в карету к Бурдо. Инспектор ждал спокойно: в собеседнике комиссара он сразу узнал Ретифа.

— Поймал ночную птицу и дал ей поручение?

— Совершенно верно. Куда бы Ренар ни пошел сегодня ночью, Ретиф высмотрит его везде. По ночам этот Филин видит все!

— Отлично придумано! Игра еще не началась, а ты уже сделал упреждающий ход.

Папаша Мари, вышедший навстречу друзьям с фонарем в руке, сообщил, что в дежурной части их дожидается какой-то на удивление наглый инспектор. Обычно невозмутимый привратник кипел от негодования.

— Этот невежа обошелся со мной как с пустым местом, господин Николя. Словно меня и нет совсем. А потом обозвал тупым ослом. А от самого-то несет! Тьфу! Чисто франт из будуара.

Войдя в дежурную часть, они сразу увидели невысокого человека в придворном костюме; положив ноги на стол, он раскачивался на стуле, обмахиваясь собственной треуголкой. Слабый свет падал на его вытянутую физиономию с уродовавшим ее мясистым носом, ярко нарумяненные щеки и сероватый, словно покрытый изморозью, напудренный парик. Кружевные манжеты скрывали кисти рук. В полумраке поблескивали серебряные пряжки башмаков.

— Наконец-то! Я чуть было не задремал. Какая нужда заставила вытащить меня из Оперы? Что такого срочного могло случиться? Быть может, Ленуар помутился рассудком?

Почувствовав, как Бурдо начинает закипать, Николя крепко сжал руку друга.

Поджатые губы Ренара не сулили хорошего начала беседы.

— Итак, значит, это маркиз Ле Флок и его неразлучный Бурдо.

Слушая наглеца, чьи речи ярко свидетельствовали о его амбициях и уверенности в том, что благодаря высоким покровителям ему все сойдет с рук, Николя не мигая смотрел на его башмаки. После слабой попытки сопротивления Ренар убрал ноги со стола, и комиссар в очередной раз убедился в собственной способности смущать людей одним лишь взглядом, неподвижным, как и поза, в которой он застыл.

— Что давали сегодня в Опере? — на удивление любезным тоном спросил он, прервав инспектора.

— Знаете, я не любитель оперы. Я хожу туда не для того, чтобы слушать спектакль!

Неожиданно став красноречивым, Николя принялся со знанием дела рассуждать об оперном искусстве, исподволь наблюдая за Ренаром, изумленным таким поворотом разговора.

— Во время недавней поездки короля в Фонтенбло, — восторженно продолжал Николя, — я удостоился редкой чести вместе с Их Величествами присутствовать на представлении оперы «Любовь солдата» Саккини.[26] Опера так понравилась королеве, что Ее Величество объявила ее образцовой и наиболее совершенной из всех, что признаны верхом музыкального искусства. Вот так наша французская опера, прославленная Люли и Рамо, подвергается атакам новых композиторов. Действительно, я никогда не встречал вас в Опере. Но, быть может, вы посещаете ее вместе с Ламором?

Бурдо, знавший наизусть все приемы Ле Флока, хохотал про себя, видя, какими путями Николя подводит собеседника к тому месту, где намеревается нанести главный удар.

— В самом деле, господин комиссар, мы давно знаем друг друга. Еще при господине Сартине… — начал инспектор, пытаясь увильнуть от заданного ему вопроса.

— Вы правы. Но вы, кажется, не поняли моего вопроса. Ламор сопровождает вас в Оперу?

— Не знаю. Нет. А о ком вы говорите?

— Полно, я знаю, что час поздний, и в голове все путается, — произнес Николя, подходя к инспектору и хлопая его по плечу, — но я-то помню, как недавно раскланялся с вами в Пале-Руаяль, однако вы были настолько поглощены беседой с лакеем его высочества герцога Шартрского, что не заметили моего поклона.

Надо отдать должное Ренару: он быстро взял себя в руки, и любое упоминание о Ламоре встречал с ледяным выражением лица, как если бы речь шла о случайно всплывшем в разговоре имени. И только непроизвольное подергивание века выдавало его волнение.

— О чем, бишь, шла речь? Да, в тот раз я невольно оказался нескромным и выслушал часть вашего разговора. А так как вы упомянули имя Горация, я решил, что вы говорили о театре, из чего и сделал вывод, что вы заядлый театрал. Ведь вы, без сомнения, обсуждали пьесы Корнеля? Или новую оперу? Собственно, поэтому я и задал вам вопрос.

— О да, — выдавил из себя Ренар и закашлялся. — У каждого есть свои пристрастия. Вы знаете, теперь в моде скачки, как в Англии.

— Да, я слышал об этом. И что?

— У герцога много лошадей. Жокеи, которые их объезжают, в случае победы получают солидные вознаграждения. Иногда соперники подкупают их, чтобы они придержали лошадей. Известны также случаи отравления. Приходится все проверять: сено, овес, теплое вино.

— Пшеницу, гречку, сассапарель.

— Что вы сказали?

— Ничего, просто мысли вслух.

— В общем, никаких тайн. От имени своего господина Ламор иногда обращался ко мне за советом.

— Что за советы и какова их цель?

Николя показалось, что Ренар с трудом удерживает себя в руках и в любую минуту готов взорваться.

— Точнее, он обращался ко мне за помощью, просил одолжить ему наших людей, чтобы последить за конюхами и прочей прислугой, что вертится вокруг horse race.

Тут он расхохотался и, словно что-то забыл, хлопнул себя по лбу.

— Однако неплохая получилась реприза! Horse race — скачки. Тайна раскрыта, ваш Horace, ваш Гораций найден!

— Вот как, скачки? Я об этом не подумал! Мода на них пришла к нам из Англии и быстро стала повальным увлечением. Надо бы и мне посетить их, я большой любитель зрелищ. Куда вы мне посоветуете пойти?

Почувствовав, что наконец ступил на знакомую почву, Ренар с облегчением выпрямился.

— На равнину Саблон. Там вы сможете увидеть самых знаменитых наездников и поставить на них столько, сколько вам будет угодно.

— Непременно поставлю. Однако вернемся к тому, что заставило нас собраться здесь в столь поздний час. Начальник полиции желает, чтобы вы подробно изложили мне ход расследования, касающегося гнусного памфлета, чьи пропитанные ложью строки оскорбляют репутацию величеств.

Внезапно Николя ощутил, что инспектор со страхом ожидал совсем иного вопроса, упоминание же о клеветническом памфлете, напротив, придало ему уверенности.

— Конечно, конечно. Начальнику полиции известно, что мне удалось раздобыть копию экземпляра, которая может стать поводом для переговоров. Полагаю, такая практика для вас не секрет, ведь главное — не арестовать тираж, а помешать делать все новые и новые допечатки и распространять их.

— А можно узнать, каким образом вам удалось заполучить вашу копию?

— Черт побери, самым обычным, иначе говоря, наиболее извилистым. Несколько дней назад посыльный принес мне билет в театр Французской комедии. Отправившись туда не столько из любопытства, сколько по долгу службы — вы же знаете, мы не можем ничем пренебрегать, — я занял угловую ложу рядом со сценой. Экземпляр, свернутый на манер письма, ожидал меня на стуле.

— А если бы вы не пришли? — поинтересовался Бурдо.

— Ложа была зарезервирована. Так что корреспондент мой, полагаю, унес бы памфлет обратно.

— Мне кажется, было бы разумнее не забирать письмо, а проследить за тем, кто его заберет, — заметил Бурдо.

— И откуда вы узнали, что сей листок является предложением к переговорам? — добавил Николя.

— Завтра посыльный явится за ответом. Полагаю, он сумеет меня найти.

— И вы уверены, что все пойдет так, как вы сказали?

— Почему нет? Что я еще могу сделать?

— А посыльный точно придет?

— Я обещал ему ответить положительно, подразумевая под этим, что мы готовы начать переговоры.

— Но, разумеется, вы приказали проследить за ним?

— А разве вы бы поступили иначе? Однако вам известно, какие это продувные бестии. Он довел мою ищейку до заставы Сен-Поль, по мосту Граммон перебрался на Волчий остров и исчез в тамошних зарослях. Это настоящий лабиринт, служащий пристанищем ворам и убийцам! Его давно пора сжечь.

— Досадно, — проговорил Николя. — Итак, вы все еще ждете вестей от посыльного?

— Да, приходится запасаться терпением.

— А что касается кражи, вы тоже уповаете на терпение?

Продолжая раскачиваться на стуле, Ренар усиленно разглядывал балки под потолком.

— Кража? Какая кража?

— Та сама, о которой вы знаете; расследовать ее поручено именно вам. И она случилась не вчера, а несколько месяцев назад. Есть ли надежда найти след?

Инспектор принялся яростно грызть перепачканную засохшими чернилами подушечку большого пальца. Казалось, еще немного, и он отхватит от пальца кусочек плоти.

— Да, кажется, дайте вспомнить.

Для Николя настало время затянуть петлю.

— Полно, дорогой, неужели вы настолько забывчивы, что не помните, как вам поручили расследовать дело о краже ключа-отмычки королевы? Ведь ключ пропал у Ее Величества в Версале, не так ли?

— Сударь, не пытайтесь загнать меня в тупик. По причинам, знать кои вам не дано, дело это совершенно секретное, и вы не относитесь к числу тех, кого я могу посвящать в его подробности.

— Именно поэтому, — сухо прервал его Николя, опасавшийся, как бы покрасневший от ярости Бурдо не опередил его, — те, кто обязан решать, поручили мне осуществлять контроль над расследованием, ибо результаты его затрагивают честь и интересы трона.

— Сударь, вы суете нос на мою территорию, а туда нет хода никому.

— Разумеется, сударь, когда речь не идет о службе королю, о поисках личной, старательно сберегаемой вещи королевы. Вы забываетесь и начинаете действовать мне на нервы. Прошу вас, опомнитесь и придите в себя.

— И немедленно посвятите господина комиссара в ход вашего расследования, — сладко-угрожающим тоном проговорил Бурдо.

— Собственно, мне нечего сказать, — бесцветным голосом ответил Ренар. — Королева приехала в Париж, на бал в Оперу. Вернулась она очень поздно. Ее свита не представляет, в какой момент могли украсть драгоценность. Это могли сделать как вечером, так и ночью.

— А сопровождавшие королеву слуги?

— Кто из тех, кому повезло попасть на службу к Ее Величеству, рискнет совершить такое преступление?

— А что говорит по этому поводу госпожа Ренар?

— Ничего. Все то же самое. То же, что и остальные.

— Совсем ничего? — поинтересовался Бурдо.

— Согласитесь, не слишком удобно расследовать дело, которое нельзя разглашать, жертву которого нельзя упоминать и даже украденный предмет — и тот нельзя называть! Если вам удастся раскрыть это преступление, что ж, значит, я не справляюсь со своей работой.

— Остается лишь узнать, почему вас, всегда занимавшегося надзором за книгопродавцами, неожиданно назначили вести расследование, столь далекое от ваших повседневных занятий?

— Задайте этот вопрос тому, кто вправе на него ответить. Я же только могу сказать, что мое присутствие в покоях королевы не требует оправданий, ибо моя жена работает у Ее Величества.

— И тем не менее нам придется сунуться в ваш огород и попытаться понять, остались ли там следы. И сравним наши результаты. Это поможет делу. Факты, люди, время — все придется выяснять заново, заново сравнивать и анализировать. А вы будьте столь любезны и предоставьте в наше распоряжение ваши отчеты и записки, составленные вами в ходе следствия.

Инспектор со снисходительной усмешкой взглянул на Николя.

— Как вы это себе представляете? Принимая во внимание характер расследования, я отчитывался напрямую — Ленуару и королеве.

Бурдо раздраженно закашлялся.

— Вас послушать, так ни обстоятельств дела, ни возможных подозреваемых не существует вовсе. Вы хотите сказать, что не произвели даже простейших обысков у ювелиров, ростовщиков и скупщиков краденого, способных приобрести пропавший предмет и распродать его по частям? Ведь это стандартная процедура, когда речь идет о краже бриллиантов!

— Разумеется, вы настоящий златоуст. Однако все те же причины воспрепятствовали проведению рутинных процедур.

— Понятно, — кивнул Николя, — боюсь, о чем бы мы ни спросили, мы не сможем вырваться из заколдованного круга, именуемого «секретным делом». Не рассчитывайте, что это последняя наша встреча. Начальник полиции желает говорить с вами. Полагаю, вы будете столь любезны, что без задержки явитесь к нему на рассвете.

Дергая себя за манжеты, Ренар молча удалился. Тотчас появился довольный папаша Мари. Николя сел за стол и принялся писать записку.

— Что вы оба с ним сделали? Он ушел, поджимая хвост, словно побитая собака.

— Ты даже не знаешь, какое точно слово ты нашел, — воскликнул Бурдо и громко расхохотался.

Стоя под портиком старинного тюремного замка, друзья обменялись впечатлениями.

— Пьер, какое у тебя сложилось мнение об этом типе?

— Мошенник старой закалки. Но ты не пытался искушать его.

— Он не предоставил мне такой возможности. Он балансирует между наглостью и лицемерием. Уверен, у него есть поддержка. Он давно строит свою карьеру.

— Когда он увиливал от твоих метких вопросов, его бросало то в жар, то в холод.

— А сколько всего он наговорил, чтобы ничего не сказать? Что мы, в сущности, узнали? Памфлет — будет видно, драгоценность королевы — будет видно.

— Поживем-увидим, свиньей будет тот, кто не сдержит обещания.

— О да, суп горшка стоит. Надо будет научить этим поговоркам Семакгюса. Возвращаясь же к нашему хитрому лису[27], скажу, что такого краснобая утопить хочется.

Николя достал из-за обшлага только что написанную записку.

— Пьер, ты довезешь меня до улицы Монмартр, а потом поедешь в полицейское управление, где немедленно вручишь этот листок Ленуару. В нем я прошу Ленуара либо удержать Ренара в Париже, либо отправить его куда-нибудь на весь день. Я не уверен, что из допроса прислуги в Версале выйдет толк, если он заранее предупредит о моем прибытии.

Бурдо высадил Николя на улице Монмартр. В доме стояла тишина, и только из пекарни доносился глухой шум: там растапливали печь для утренней выпечки. На кухне, устроившись на плетеном стуле, дремала Катрина с тряпкой в руках. Он не стал ее будить. Нередко после долгого рабочего дня она, не в силах подняться к себе в комнатушку, засыпала прямо на кухне.

Он ни разу не пожалел, что взял ее к себе на службу. Что бы стало с ней без него? Либо улица, либо богадельня. Он привязался к ней, и она отвечала ему не менее горячей привязанностью. Своей грубоватой нежностью она напоминала ему его кормилицу Фину, наполнившую его детство, проведенное в доме каноника Ле Флока, заботой и лаской.

Образцовая хозяйка, бывшая маркитантка питала почти дочернюю привязанность к Марион и Пуатвену, и они отвечали ей такой же любовью. Она взвалила на свои плечи всю их работу, которой оба в силу возраста, к великому их сожалению, более не могли заниматься. Сам он всегда получал от нее добрые советы, проникнутые крестьянским здравомыслием и обогащенные опытом, полученным ею в солдатских лагерях и во время войн. Она была настолько бесхитростна, что, не задумываясь, говорила только правду, не считаясь с тем, что та иногда звучала грубо и нелицеприятно. Взяв свечу, он начал подниматься к себе в апартаменты, но неожиданное появление Мушетты заставило его остановиться. Он стоял, погруженный в собственные мысли, а кошечка, помахивая поднятым вверх хвостом и нежно мурлыча, терлась о его ноги.

Анализируя разговор с Ренаром, он не мог найти ни единой зацепки, способной пробудить его интуицию. За каждым словом скрывался некий смысл, заключавшийся в том, что, в сущности, смысла не было никакого. Только одна деталь поразила его во время беседы с инспектором. Но сейчас он никак не мог вспомнить, что это была за деталь, и никакие усилия успеха не принесли.

Тогда он решил положиться на необъяснимое свойство своей памяти, не раз выручавшее его во время следствия. Свойство это заключалось в том, что в нужный момент утраченная деталь непременно всплывала и вставала точно на свое место.

Обратившись к свойствам своей памяти, он постепенно перешел к анализу собственных действий. Был ли он достаточно почтителен с инспектором? Обычно собеседник берет с тобой тот же тон, которым ты сам говоришь с ним, а инспектор разговаривал с ним необычайно наглым тоном. Резко заданный вопрос влек за собой такой же ответ. Наступательный тон инспектора можно было объяснить стремлением посредством пустых слов избежать подводных камней. Теперь, на холодную голову, он в полной мере оценил умение Ренара уходить от прямых вопросов и ответов. Однако о памфлете против королевы Ренар говорил долго и подробно. Видимо, потому, что власти узнали о памфлете от него и он вел это дело. Он лично известил Ленуара и сам готовился провести переговоры. Он являлся единственным обладателем секретных сведений, которые нельзя было ни проверить, ни уточнить. Оказавшись единственным посредником, он держал в руках все нити паутины, сотканной неизвестно кем. А если?..

Но он тотчас отбросил эту мысль и стал думать о краже. Странным образом все нити вели к королеве; казалось, кто-то решил разыграть сложную партию в шахматы. И все же многое предстояло уточнить. За надменной болтовней Ренара скрывалось полное бездействие; похоже, инспектор ничего не сделал для продвижения расследования. Но выдвинутые Ренаром аргументы также нельзя полностью сбрасывать со счетов; впрочем, есть масса возможностей не раскрывать громкого имени жертвы. И еще: Ренар уверен, что среди служителей королевы вора нет. Николя еще раз вспомнил все, что сказал Ренар, вспомнил, как тот утверждал, что бриллианты украли за пределами Версаля. Но если ему это доподлинно известно, то почему он об этом не сказал прямо? Впрочем, причины самых простых поступков зачастую труднее всего понять.

А как увязать вопрос с возможным вознаграждением, а главное, с благодарностью королевы, перед которой госпожа Ренар наверняка расхваливает своего супруга? Чувствуя, как в голове у него воцарился хаос, он неожиданно вспомнил фразу, вычитанную некогда в стареньком томике «Опытов» из библиотеки замка Ранрей: «Если я даю своим мыслям роздых, они сразу же погружаются в сон; мой ум цепенеет, если мои ноги его не взбадривают».[28] Что ж, завтра ему придется побегать.

Он преодолел последние ступеньки лестницы, ведущей к нему на этаж. Из-под двери комнаты Луи выбивался слабый свет. Он открыл дверь. Сын спал. Книга, которую он читал перед сном, соскользнула на пол. Подняв книгу, Николя улыбнулся: «Любовные похождения кавалера де Фобласа». Иные времена, иные вкусы. Он постоял немного, глядя на спящего юношу. Сквозь обретшие мужественность черты все еще проглядывало лицо ребенка. Как быстро летит время. Он задул свечу и на цыпочках вышел из комнаты.

Ночь была теплой. Он разделся, лег на кровать, но сон не шел. Мушетта, недовольная тем, что хозяин все еще не спит, ударом лапы призвала его к порядку. Обуревавшие его мысли теснились, не желая выравниваться в стройные ряды. Чем больше он старался привести их в порядок, оспаривая выдвигаемые им самим же аргументы, тем больше отдалялся от него факел истины, пока наконец его трепещущий огонек не потух окончательно. От вихря совершенно безумных предположений у него разболелась голова, и он наконец заснул — лихорадочным сном больного.

В три часа ночи он проснулся и сел на кровати. Мысль, явившаяся к нему во сне, была настолько верна и проста, что он просто не мог не проснуться. Кошечка, недовольно мяукнув, рассердилась и, спрыгнув на пол, удалилась. Он выдвинул ящик секретера, где лежала целая стопка его маленьких черных записных книжек, куда он заносил все подробности своих расследований. Это был его личный архив, бесценный и незаменимый помощник во всех делах. Он стал лихорадочно листать книжку, записи в которой кончались июнем. На странице, где стояла дата «26 февраля 1778 года, Жирный четверг» он нашел нужную ему запись: «Вчера вечером в Опере к Эвридике пристал некий субъект в маске. За ним проследили, но он исчез. Филин видел двоих. 1. Пале-Руаяль — улица Бонз-Анфан; 2. Фиакр в Версаль?» Оставалось убедиться, совпадает ли дата кражи с тем вечером, когда королева позволила неизвестной маске подойти к ней непозволительно близко. Неужели ему удалось ухватиться за кончик ниточки Ариадны? Приободренный этим открытием, он снова лег в постель и заснул спокойным сном.

IV
НИТЬ АРИАДНЫ

Когда не знаешь, в какой порт ты хочешь приплыть, тогда любой ветер будет тебе нехорош.

Сенека

Пятница, 7 августа 1778 года.

На колокольне церкви Сент-Эсташ прозвонили, а домашние часы пробили шесть. Помня, что он весь покрыт шрамами, Николя осторожно потянулся. Не желая растревожить свои раны и помешать рубцеванию, процесс которого шел полным ходом, о чем свидетельствовал зуд по всему телу, ему пришлось совершить туалет без привычного обливания холодной водой. Не став будить Луи, он спустился на кухню к Катрине, где та, привыкнув рано вставать, уже приготовилась накормить его сытным завтраком. Его намерение уйти из дома с пустым желудком вызвало у нее неподдельное возмущение. А узнав, что он направляется в забегаловку на площади Шевалье дю Ге, она и вовсе пришла в ярость. И как ему только могло прийти в голову променять домашнюю кухню на какую-то подозрительную стряпню? Он со смехом объяснил ей, что в забегаловках, посещаемых простонародьем, зачастую готовят ничуть не хуже, чем повариха из Эльзаса. Презрительно фыркнув, она замахнулась на него тряпкой и изгнала из кухни, сопроводив свой жест не слишком лестными пожеланиями.

Около семи часов, о чем ему сообщил перезвон колоколов на колокольне Сент-Элуа, он вступил в лабиринт узких вонючих улочек, одна грязней другой; не без труда отыскав дорогу, он добрался до харчевни, хозяева которой, презрев предписания полиции, не удосужились заменить старую ржавую вывеску на новую. Упитанная девица, разлегшись грудью на столе, потягивала что-то крепкое. Немного поодаль старик в плаще и рваных ботинках, откуда

выглядывали босые ноги, жадно хлебал из чашки суп, то и дело подбрасывая в него хлебные корки. У ног его устроилась тощая рыжая собака, внимательно наблюдавшая за тем, не перепадет ли ей хотя бы крошка сего пиршества. За столом в центре зала сидела компания рыночных торговок, облаченных в задрипанные платья. С грязными раскрасневшимися лицами, обрамленными мятыми оборками чепцов из грубого холста, они, не переставая громко разговаривать, прихлебывали кофе со сливками из огромных кружек, одновременно макая в них кусочки хлеба и жадно их поглощая. В глубине зала, в углу, откуда, не привлекая к себе внимания, хорошо наблюдать за всеми посетителями, сидел, завернувшись в плащ и надвинув на лоб шляпу, Ретиф; в такой позе он напоминал ночную птицу, вернувшуюся с охоты. Николя сел напротив него. Запах стоящего на столе блюда приятно защекотал ему ноздри.

— Бесполезно притворяться спящим. Что это у вас здесь, бесценный Ретиф, что за аромат приходится вдыхать голодному?

— Это? Так, пустячок, который я сам приготовил для вас на плите хозяина сего заведения. Свежие кроличьи печенки, жаренные в масле с мелкими луковичками. Жаркое должно немножко настояться, а потом луковички можно вынуть. Ну, разумеется, добавлены соль и перец. Советую плеснуть еще толику уксуса, и можно приступать. Главное, не передержать. Печенки должны быть нежные и розовые внутри и хрустящие снаружи. Если их передержать, они превратятся в банальный паштет, и тогда пиши пропало! Да, чуть не забыл: надобно еще посыпать петрушкой.

— А этот кувшинчик?

— В нем сидр. Я справился о ваших вкусах.

— Ценю ваше внимание. В сущности, вы неплохой малый.

Решительным жестом Николя протянул руку и ловко подхватил двумя пальцами кусок печенки. Отправив его в рот, он насладился хрустящей корочкой, а потом с чувством проглотил сочную мякоть. Под взволнованным взором писателя он истребил почти половину сковородки, запив снедь несколькими стаканчиками сидра.

— Я долго буду помнить ваш сюрприз. А теперь рассказывайте, что вам удалось узнать этой ночью.

— Я действовал так, как вы велели. Ваш человек вышел из Шатле и, как вы и сказали, сразу нанял проходивший мимо фиакр.

— А вы в вашем фиакре поехали за ним?

— Вовсе нет.

— Как так?

— Я не мог.

— Но почему, дражайший Филин, скажите мне, почему?

— Потому что я сидел в фиакре.

— В фиакре?!

— Точнее, на фиакре. Да все вы прекрасно поняли, господин маркиз. Понимаете, у меня среди кучеров есть кое-какие знакомства. Иногда мне требуется, ну, скажем, комната на колесах. О! Для вполне невинных занятий, вы же меня знаете. Приходится полагаться на скромность кучера. Это, понятное дело, требует некоторых затрат, без которых мне не обойтись. Но всегда можно договориться. Вот и теперь я одолжил, точнее, нанял фиакр, который остановил Ренар, и сам лично повез его. Прошу заметить, если бы я последовал вашему совету, он непременно заметил бы за собой слежку, ибо в этот час улицы пусты. А тут, выходит, он меня прокатил.

— А вы не боялись, что вас разоблачат, ведь ваш нелепый вид знаком каждому полицейскому.

— Нисколько. Я также взял напрокат у своего кучера его плащ и шляпу.

— Отлично, у вас на все есть ответ. И что было дальше?

— Он отъехал недалеко.

— Довольно говорить загадками. Так мы далеко не уедем.

— Как тот, другой?

— Что за другой?

— Тот самый неизвестный, что заинтересовал вас однажды вечером по выходе с бала, что давали в Опере. Мы тогда встретились, и я поделился с вами своими наблюдениями над неким субъектом, который, кажется, чем-то вас заинтересовал.

Однако уже второй раз приходится возвращаться к тому вечеру, подумал Николя. Он привык не доверять совпадениям, хотя они зачастую оказывались весьма и весьма значимыми. Их очевидность заставляла искать новые подходы к делу, причем быстро, не задумываясь о возможных последствиях скоропалительных решений.

— И которого вы потеряли по дороге в Пале-Руаяль, на углу улицы Бонз-Анфан.

— У вас превосходная память. Живой архив. Я бы с удовольствием полистал вас. Прошлая сцена повторилась. Он велел мне остановиться посреди улицы Сент-Оноре. И что мне прикажете делать? Я запутал поводья, чтоб иметь возможность подольше посмотреть вслед своему клиенту, а затем пристроился в хвост к другому фиакру, поджидавшему пассажиров. Он вернулся довольно быстро. Минут через десять, не больше. Затем сел в головной экипаж. Кучер того фиакра сообщил мне адрес, названный его седоком, — в сад Воксхолл.

— И чем все кончилось?

Ретиф заморгал.

— Как мы и договорились, я понимал, что миссия моя еще не завершена. Поэтому я скромненько покинул свой экипаж и решил пешком последить за этим субъектом, сделав все, чтобы он меня не заметил. Зная, куда он направился, я был уверен, что не потеряю его. Итак, мы прибыли туда одновременно, и, не упуская его из виду, я зашагал по предместью Сен-Мартен, по улице, где расположены заведения Торе.

— На углу улиц Бонди и Ланкри.

— Совершенно верно. В сумерках туда устремляются любители галантных приключений. Некогда один изобретательный фейерверкер проводил там испытание фейерверков, но потом их запретили, так как своими огнями они озаряли сцены любви.

— Они могли поджечь квартал.

— Теперь там устраивают балы и разыгрывают пантомимы. Там всегда много хорошеньких девушек из меблированных комнат, тех, кто еще не шляется по улицам в поисках клиентов. Ах, когда вокруг столько красоток, у вас начинает кружиться голова. А когда вы увидите их ножки, эти очаровательные маленькие ножки в открытых туфельках и шелковых чулочках…

— Довольно, продолжай про нашего клиента.

— Вы правы. Я позволил себе увлечься. Выйдя из фиакра, наш Ренар мгновенно растворился в веселой толпе, но я сумел пристроиться за ним и ни на миг не выпускал его из виду. Совершенно очевидно, он пребывал в поиске, ибо несколько раз оттолкнул от себя липнувших к нему красоток. Честно говоря, он, похоже, был склонен принять бесстыдные предложения юных мужеобразных созданий, одетых и причесанных по английской моде, ну, тех, что нынче так и кишат у нас на улицах… Впрочем, их предложений он тоже не принял и продолжал искать. Наконец он схватил за рукав человека ничем не примечательного, среднего роста, одетого в костюм слуги. Отойдя в сторону, они уселись на скамеечке под фонарем, и я сумел разглядеть его рыжие волосы, точнее, рыжий парик. Они перекинулись несколькими

фразами; Ренар был взволнован и, как мне показалось, о чем-то инструктировал приятеля. Полагаю, какого-нибудь осведомителя.

— Да, — словно отвечая самому себе, произнес Николя, — и у одного рыжий парик, и у другого.

Воспользовавшись паузой, Ретиф резво закинул в рот несколько кусочков печенки и с удовольствием облизал пальцы.

— Я вам признателен, сегодня ночью вы хорошо потрудились. А любой труд должен вознаграждаться.

И он положил на стол перед литератором маленький туго набитый кошелек.

— Работать на вас — сплошное удовольствие. С другими мне приходится стараться ни за что ни про что, а с вами — совсем другое дело.

Тыльной стороной руки Ретиф вытер губы.

— А чтобы доказать вам свою добрую волю, я продолжу рассказ, ибо это еще не конец. Он не нашел туфель на свою ногу, ха-ха! Отпустив рыжего, который тут же исчез, словно растворился, наш Ренар наконец решил сделать выбор. После длительных блужданий по закоулкам он договорился с одним из тех гитонов, что укладывают волосы в кошелек. Они вместе сели в фиакр, и я проследовал за ними до улицы Пан, где Ренар снимает комнату в доме возле Хирургической школы. А так как его жена служит в Версале, то она живет во дворце. В общем, я остался дожидаться на улице.

— Милейший, — прервал его Николя, кладя на стол деньги для трактирщика, — сейчас это лишнее. Большое спасибо! Но если вы узнаете продолжение этой истории, я как-нибудь с удовольствием ее послушаю.

Они расстались добрыми друзьями. Так как тюремный замок Шатле находился недалеко от площади Шевалье дю Ге, Николя решил пройтись пешком.

Хотя вопросы множились, картина, похоже, упрощалась. Украденная у королевы драгоценность оказывалась в центре дела, имеющего многочисленные ответвления. Все началось на том балу в Опере, когда Николя заметил, как некая маска, усыпив бдительность свиты, сумела подойти слишком близко к королеве. Он вспомнил, как маска — видимо, сделав свое дело, — бежала, ловко прокладывая себе дорогу через шумную веселящуюся толпу. По словам Ретифа, маска исчезла где-то на подступах к улице Бонз-Анфан. По причинам, которые следовало бы выяснить, расследование доверили инспектору Ренару, чья жена, будучи в штате прислуги королевы, неминуемо становилась одной из подозреваемых. И это соображение должно было воспрепятствовать назначению Ренара.

В то же время сей полицейский занимался делом о гнусном памфлете, автор которого дерзнул высказать кощунственную мысль, что отцом будущего ребенка королевы является вовсе не король. Подслушанные Николя разговоры позволяли предположить, что между принцем крови, его лакеем и инспектором Ренаром существует некая связь. Николя нисколько не сомневался, что после визита в Шатле Ренар отправился в Пале-Руаяль предупредить Ламора. Не застав его там, он, без сомнения, выяснил, где тот находился, и поспешил в сад Воксхолл. Во время короткого разговора, который Ретифу не удалось подслушать, сообщники наверняка обменялись новостями и инструкциями. Вот только какими инструкциями и с какой целью?

Следовательно, Ренар пребывает в центре сразу двух интриг, и не исключено, что концы обеих держит в руках именно он. Получалось, что интриги множились, словно грибы после дождя, но суть их он разгадать пока не мог. Ясно одно: все они направлены против королевы, а скандал, который в результате разразится, затронет интересы и короля, и государства, пребывающего в состоянии войны. Тут Николя вспомнил, что в одном из полицейских отчетов

прочел, что некий шпион, работавший, скорее всего, на английскую разведку, называл имя Гораций. Или шпион тоже был любителем скачек? Цветистые объяснения Ренара не убедили его: слишком часто и при слишком подозрительных обстоятельствах всплывало это имя, чтобы он мог поверить объяснениям инспектора.

И, наконец, инспектор Ренар, не боясь последствий, открыто предавался греху, который в текущем веке привел на костер шестерых грешников. Отвращение короля к нечистым разделял и начальник полиции, поэтому и Париж, и Версаль находились под пристальным наблюдением полиции нравов; завели даже особые списки, куда заносились имена лиц, подозревавшихся в пристрастии к однополой любви. Власти обрушивались даже на аристократов, задержанных на месте преступления. Но так как карающий меч правосудия, опустившийся на голову преступника, бесчестил всю семью, применительно к знати власти ограничивались высылкой из столицы. Из-за столь пристального внимания порок сей постоянно вызывал любопытство, подталкивая к нему все больше неофитов. Философский грех, как просвещенное мнение именовало сию страсть, ныне угрожал общественному порядку гораздо больше, чем нормы канонического права. Пользовался ли инспектор благодушным отношением общества к своим пристрастиям или же рассчитывал на могущественную поддержку? Судя по его поведению, он не боялся ничего, но, возможно, его высокие покровители осведомлены не обо всех его поступках.

Судя по манерам Ренара, к своим отступлениям от общепринятых правил в личной жизни он относился исключительно хладнокровно. Это свидетельствовало о том, что, возможно, он был в курсе неких государственных тайн, которые, по его мнению, ставили его вне досягаемости для контроля со стороны такого сурового блюстителя нравов, каковым являлся Ленуар. Николя понимал, что необходимо срочно покопаться в прошлом Ренара, чье нынешнее влияние и дерзость — как не раз подтверждал его опыт — без сомнения, корнями уходили в его былые дела.

Обдумывая эту мысль, он дошел до Шатле, где, покуривая трубку, его ждал Бурдо. Николя немедленно рассказал ему про встречу с Филином. Затем оба довольно долго молчали, собирая в кучку разрозненные мысли, дабы уяснить для себя всю сложность дела.

Первым нарушил молчание Бурдо; подойдя к камину, он вытряхнул в очаг пепел из трубки и произнес:

— Николя, пока ты будешь ездить в Версаль, я соберу сведения о нашем хитром лисе. Повидаюсь с Марэ, инспектором из полиции нравов, а также с комиссаром Фуко, отвечающим за патрулирование общественных мест. По их искренним ответам или, наоборот, по их молчанию станет ясно, действительно ли инспектор Ренар является влиятельной особой, какой хочет казаться. А если он вдобавок еще и подвержен философскому греху, то все сразу выстроится в одну линию. И нам останется только понять, что это за линия.

— Полностью согласен и хочу еще кое-что добавить. Хорошо бы отправиться в Бастилию и расспросить узника, протокол допроса которого показывал мне Рабуин. В высшей степени любопытно, какого такого Горация он упомянул. Мы охотимся на дичь, которая разбегается во все стороны и запутывает следы; однако в свое время она соберется в одном месте, и мы должны ждать ее в засаде. Итак, я мчусь в Версаль — поговорить с королевой и ее окружением.

— Лошадь ждет тебя. Сегодня утром я прошел через полицейские конюшни и привел для тебя великолепную рыжую кобылу; по словам тамошнего конюха, у тебя с ней необычайно трогательные отношения.

Взволнованный предупредительностью своего помощника, Николя обнял его за плечи и, кивнув головой, выскочил за дверь. Как же прекрасно иметь за плечами такого друга, который всегда поддержит, все предусмотрит, поймет тебя без лишних слов и сделает то, о чем ты только успел подумать.

Резвушка, как всегда, встретила его радостным ржанием и тотчас потянула к нему свою длинную морду, словно желая вобрать в себя его запах. Он погладил ее по голове, нежно помассировал веки, и судя по тому, как по телу кобылы волнами побежала дрожь, эта ласка пришлась ей особенно по вкусу. Поприветствовав таким образом старую приятельницу, Николя вскочил в седло.

При выезде из Парижа поднялся сильный ветер, взметнув вверх клубы пыли. Жара не намеревалась отступать, хотя по ночам небо нередко пронизывали ослепительные молнии. Горячий ветер шелестел жухлыми серо-зелеными листьями, глядя на которые невозможно было догадаться, что лето в самом разгаре. Окутавшее окрестности марево не позволяло разглядеть детали пейзажа, все сливалось в единую блеклую картину, размытую, словно акварель плохого художника. Николя потихоньку напевал шутливую песенку, которую, похоже, внимательно слушала его лошадь, ибо с каждым новым куплетом она мчалась все быстрее. Быстрая езда опьянила его; перестав глядеть по сторонам, он видел только стремительно убегающую из-под копыт дорогу, да в ушах звонко свистел ветер. Он словно сросся со своим конем, всем телом ощущая смену его чувств: радость от преодоления дорожных колдобин, испуг от неожиданно бросившейся перебегать дорогу собаки, досаду от порыва ветра, швырнувшего в глаза кучку сухих листьев. Лошадь отвечала тем же, повинуясь малейшему напряжению его шенкелей. Между всадником и лошадью установилось гармоничное сообщничество, и те, кому довелось увидеть их, когда они мчались мимо, невольно задумывались, не кентавр ли из стародавних времен только что проскакал по дороге.

Желая привести себя в порядок и сменить костюм, запачканный пылью и лошадиной пеной, Николя решил сделать остановку в особняке д’Арране. Триборт, всегда с радостью встречавший Николя, теперь и вовсе благоговел перед ним: ведь он совершил плавание на корабле королевского флота и принимал участие в настоящем морском сражении! Мадемуазель д’Арране собиралась выходить, и если господин Николя желает поговорить с ней, ему следует поспешить. Когда он вошел, Эме, в длинном шелковом одеянии лилового цвета, оборачивала вокруг талии пояс цвета зеленого миндаля. И хотя, по мнению Николя, эта туника нисколько не подходила для официального выхода в свет, Эме была в ней столь прекрасна, что он замер на пороге, не в силах оторвать взора от возлюбленной. Заметив его, она бросилась ему на шею, но, быстро выскользнув из его объятий, с обиженным видом произнесла:

— Итак, сударь, вот какова моя награда за то, что мне удалось вырваться к вам в Париж! Едва сев за стол, вы исчезаете в самом начале пиршества! К счастью, господин де Ноблекур, Семакгюс и Лаборд были готовы в лепешку расшибиться, чтобы утешить меня в моем отчаянии. Как, сударь, вы еще смеете улыбаться?! Да, я была в отчаянии. Но им удалось меня развлечь.

— Ну, скорее уж не в лепешку, а в много-много маленьких блинчиков.

— Каких блинчиков, что за блинчики?

— Те, которые замечательно готовит Катрина.

Она рассмеялась.

— Гадкий шутник! Да и я тоже хороша. Смеюсь над вашими дурацкими шуточками.

— Признайтесь, вам они нравятся. У меня в запасе их немало.

— Чудовище! — со смехом воскликнула она, больше не пытаясь вырваться из его объятий и подставляя губы для поцелуя.

— Бог мой, какая нежная ткань! Она так и манит.

Эме с сожалением оттолкнула его.

— Не торопитесь, Николя, подумайте о своих ранах. К тому же я опаздываю: меня ждут.

— Воздыхатель?

— О, сударь, вы опять за свое! Мадам Елизавета приняла лекарство, и теперь время принадлежит нам. Мы с несколькими дамами едем в Париж — сопровождаем несчастную госпожу де Лаборд.

— Вот как! А можно поинтересоваться, откуда взялась потребность в столь многочисленном эскорте? Тут кроется какая-то тайна?

— Именно. Полагаю, вы слышали о докторе Франце Антоне Месмере, недавно прибывшем из Вены с рекомендательным письмом князя Кауница?

— Князя Кауница? Не так давно князь оказал мне честь, принимая меня у себя в Вене.[29]

— Замечательно! Тогда знайте, что сей министр Марии-Терезии адресовал свое рекомендательное письмо господину Мерси, австрийскому посланнику и одному из ваших друзей.

— Эме! Подобного рода рекомендации ничего не значат! В сановных кабинетах их сочиняют дюжинами! Ни один здравомыслящий человек не принимает их в расчет.

— Спасибо за здравомыслящего; вы сегодня крайне нелюбезны и раздражаете меня своим избытком благоразумия. Словом, этот доктор открыл свое заведение на Вандомской площади, в особняке братьев Буре, что сдают там апартаменты. По всему городу расклеили листовки, где говорится, что иностранный врач бесплатно лечит бедных. Увечные стекаются к нему со всех сторон, а придворные и городская знать едут к нему посмотреть на результаты чудесных исцелений.

— И все ученые женщины из свиты Мадам следом!

— Николя, вы меня озлобляете.

— А я вас обожаю. И на чем основано сие чудесное лечение?

— На загадочных флюидах, именуемых электрическими.

— О, черт! Да это же чистая ярмарка Сен-Лоран с ее фокусниками! Боже, выкиньте из головы эту глупость, он не придумал ничего нового. Припоминаю, как в присутствии еще покойного короля некий аббат Ноле наэлектризовал сто сорок солдат, выстроив их цепью во дворе и приказав взяться за руки. Свой опыт он повторил затем в обители картезианцев. Добрые братья-монахи в одно и то же время почувствовали электрический разряд. А наши остроумцы тотчас заявили, что, без сомнения, это редкий случай, когда стольким монахам одновременно удалось разрядиться.[30] И со вздохом добавляли, что только картезианский привратник умел разряжаться с должной силой.

— Ах вы, распутник! И не смейте говорить в ответ, что вы бретонец! Вы легкомысленны и всегда все высмеиваете!

— Вы совершенно правильно меня описали! Легкомыслие и беспечность являются теми единственными качествами, которые мне все хотят навязать. Что ж, значит, мне придется стать легкомысленным, как вот это платье.

И он снова обнял ее, лаская шелковистую тунику. Ускользнув от него, она наполовину шутя, наполовину всерьез заявила:

— Да будет вам известно, сударь, шелк, из которого сшито мое платье, обладает изолирующим свойством и защищает от воздействия флюида.

— И подчеркивает ваши очаровательные формы.

— Фи, сударь!

— Да нет же. Я серьезно. А этот ваш доктор, чем он лечит?

— Руками…

— Именно так я и думал.

— Замолчите, либертен несчастный! Еще он использует металлический стержень. Он направляет флюид к месту, где сосредоточена болезнь. Для этого надо, чтобы все пришедшие,

обвязавшись веревкой, встали вокруг чана. Одной рукой надобно держаться за веревку, а другой за железный стержень. Флюид проходит сквозь ваше тело и, как говорят все, кто уже испытал его воздействие на себе, производит чрезвычайно приятные ощущения.

— Вас послушать, так это еще приятней, чем разрядка!

— Вы неисправимы! Послушайте, а вас, случайно, не ранило в голову?

— Смерть прошла мимо, и теперь я радуюсь жизни!

— Если хотите, чтобы я продолжала, больше не перебивайте меня! В некоторых, особенно тяжелых, случаях доктор, усадив больного, проделывает вертикальные и горизонтальные пассы, погружая его в своего рода транс и заставляя его назвать истинные причины своей болезни. Этот метод применяется в тех случаях, когда лекарства либо не оказывают действия, либо вредят пациенту, сохранившему воображение и способность мыслить.

— Но, Эме, вы же ничем не больны. А вас послушать…

— Не волнуйтесь. Все в порядке, мы просто сопровождаем госпожу де Лаборд. Жена вашего друга давно страдает от застоя гуморов и черной меланхолии, отчего жизнь ее превратилась в сплошные мучения, хотя супруг изо всех сил старается облегчить ее страдания и развлечь ее.

— Если новый врач сможет ей помочь. Когда болезнь не отступает, действительно ты готов обратиться к кому угодно. Что ж, тогда нам придется попрощаться: я направляюсь ко двору.

— Хотите, я провожу вас? Экипаж моего отца ждет. Адмирал сегодня целый день проведет у Сартина. Насколько я поняла, они пишут новые инструкции для господина д’Орвилье, дабы вручить ему, прежде чем его эскадра, на одном из кораблей которой вы совершили столько героических поступков, снова выйдет в море. Я должна встретиться со своими дамами во дворце.

— Согласен. Тогда я поручу Резвушку заботам славного Триборта.

И он, крепко сжав возлюбленную в объятиях, прильнул к ее губам страстным поцелуем. Только упорное царапанье в дверь, извещавшее, что экипаж ждет, заставило их оторваться друг от друга.

Всю дорогу от Фос-Репоз до Версаля Николя сидел мрачный, погруженный в собственные мысли. Когда встревоженная Эме спросила его, в чем дело, он ответил, что его настроение никак с ней не связано. Ему предстоит расследовать дело, по поводу которого во время их разговора ему пришли в голову кое-какие мысли. Когда они расстались, Эме смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся во дворце.

Направляясь к большим королевским апартаментам, он встретил молодого офицера, которому д’Орвилье поручил сопровождать герцога Шартрского во время его триумфального возвращения.

— Мои поздравления, господин маркиз. Позвольте вам сказать, что морские офицеры теперь считают вас своим. Невозможно было действовать с большей смелостью, хладнокровием и присутствием духа.

— Сударь, — взволнованно проговорил Николя, — ваши слова тронули меня. Однако я не заслужил таких похвал, меня окружали настоящие храбрецы и знатоки своего дела, а я всего лишь следовал их примеру. Вы надолго в Версаль?

— Нет. После королевского совета его светлость герцог Шартрский получил приказ срочно отправляться в Брест. Господин д’Орвилье должен как можно скорее вывести в море эскадру, усиленную четырьмя новыми кораблями. Принц повезет с собой награды и денежные вознаграждения.

— Значит, все к лучшему.

— Я бы не стал так утверждать. Его Величество и господин де Сартин не слишком довольны результатами сражения. Король сразу отклонил все ходатайства герцога за тех офицеров, которых по прибытии в порт адмирал приказал заковать в кандалы…

— Господи! Я и не знал об этом.

— …и которых будут судить военным судом за то, что, проглядев неоднократно посылаемые им сигналы и без команды выйдя за линию строя, они тем самым оказали неповиновение старшим по званию и не исполнили свой долг. Возможно, причиною того стало печальное стечение обстоятельств или недопонимание. Вы же знаете, мы, французы, часто идем на поводу у нашей ненависти или ревности; наши эмоции оказывают влияние и на государственные дела, и на политику, и на ведение войны.

Понизив голос, он наклонился к Николя:

— С вами я могу быть откровенен. Вы, как и я, понимаем, что упреки и нарекания, выдвинутые министром, рикошетом метят в герцога Шартрского и обвиняют именно его; надо сказать, слухи, что сейчас ходят о герцоге, нисколько не делают ему чести. Нарушителей дисциплины и субординации могут сурово наказать, но, как вы сами были тому свидетелем, поведение герцога тоже нельзя было назвать образцовым.

Беседа с морским офицером произвела тяжкое впечатление. Совершенно очевидно, битву в Версале принц проиграл; сомнение в его способности командовать флотом, которое у Николя давно переросло в уверенность, сыграло в его удалении не последнюю роль. А противники принца получили в руки грозное оружие и не замедлили им воспользоваться. Погрузившись в размышления, комиссар замедлил шаг, и до ушей его случайно долетел разговор двух придворных.

— …никто не ставит под сомнение храбрость герцога: каждый знает, что его корабль первым открыл огонь. Ха-ха-ха! Раньше, чем враг мог увидеть или услышать огонь его батарей! Но, главное, когда запахло порохом, он в ужасе забился в трюм и зажал руками уши! Вот уж поистине жалкое зрелище: храбрец, струсивший при звуках канонады.

— Сударь, — побелев от возмущения, проговорил Николя, — мне случайно довелось услышать ваше зубоскальство. Во время того сражения я, находясь на корабле «Сент-Эспри», стоял по колено в крови тех храбрецов, которых вы оскорбляете своими речами. Вы обвиняете принца в трусости, а я утверждаю, что вы лжете. Я маркиз де Ранрей, и я к вашим услугам.

Он двинулся дальше, оставив позади ошеломленных придворных. Его выпад грозил ему вызовом на дуэль, а он как слуга закона не имел права принимать его. Шартр никогда не был ему симпатичен, герцог не доверял ему и не пытался приблизить к себе. Однако он не мог смириться с клеветой, пусть даже и на того, к кому он лично не чувствовал никакого расположения.

Возвращаясь из апартаментов королевы, он встретил Розу Бертен, старую знакомую, приветствовавшую его с таким высокомерным видом, словно она стала герцогиней. Видимо, на сегодня она уже закончила свою работу с королевой. Работа заключалась в выборе тканей и фасонов, их обсуждении и составлении заказа. Его поразила полнота портнихи и ее одутловатое, ничем не примечательное лицо. Во время первой их встречи его одолевали иные заботы, и тогда выражение ее лица от него ускользнуло. Впрочем, удивлялся он не долго, ибо его немедленно проводили в маленькую гостиную, расположенную во внутренних покоях.

— Когда появляется кавалер из Компьеня, — произнесла королева, протягивая ему руку для поцелуя, — это значит, что мне нужна его помощь или же он предчувствует грозящую мне опасность. Я права?

— Ваше Величество всегда правы и всегда умеете затронуть сердца ваших верных служителей.

— Что я вам говорила, сестра! — воскликнула королева, обращаясь к женщине, сидевшей в темном углу комнаты; вглядевшись, Николя узнал некрасивое лицо графини д'Артуа.

Он поклонился. Сильно покраснев, графиня сухо приветствовала его.

— Сейчас вы станет нашим судьей, — продолжала Мария-Антуанетта; игра явно ее забавляла. — Сестра моя считает, что выступать на сцене, особенно в комедии, неприлично.

— И я с ней согласен.

— Но я хорошо играю, я прекрасно играю комедию, моя игра понравилась даже королю.

— Мадам, на это я могу только повторить слова Боссюэ, сказанные им о спектаклях. Есть достойные доводы за и столь же достойные против, и если принцесса Савойская не привела достойных доводов, то наверняка сумела привести немало достойных примеров.

— Что ж, сестра, — ответила уязвленная королева, — преклонимся перед величием Савойского дома. До сих пор первым среди великих домов Европы я считала Австрийский!

Графиня д' Артуа встала, и к великому облегчению Николя, не желавшему быть втянутым в спор, покинула гостиную.

— Наконец-то! — вздохнула королева. — Что вы хотели мне сообщить?

— Что первым королевским домом Европы является дом Бурбонов, ибо его королева — это вы.

— О! Отлично сказано. Подозреваю, наш дорогой Ранрей не захотел играть роль Париса.

— Ваше Величество не ошиблись. Это не самая лучшая роль, да и пьеса кончилась плохо.

— А что вы скажете про комедию?

Он знал, что она непременно использует его ответ.

— Я не знаток этих вопросов. Однако при случае Ваше Величество может напомнить, что Людовик Великий любил принимать участие в танцах на публике.

Она в восхищении захлопала в ладоши, и на мгновение перед ним вновь предстала юная принцесса, только что прибывшая из Вены. С тех пор она повзрослела, черты лица стали более оформленными. Ему даже показалось, что в своем нынешнем состоянии королева обрела не свойственное ей спокойствие. Возможно, она наконец подарит государству долгожданного наследника. Все уже знали радостную новость, но все ждали, когда король объявит об этом официально.

— Чем, сударь, я обязана удовольствию видеть вас сегодня?

Время от времени она ставила ударения в словах на немецкий лад, отчего речь ее приобретала необычное звучание. Решив не ходить вокруг да около, он сразу приступил к делу.

— Сударыня, господин Ленуар попросил меня помочь инспектору Ренару в расследовании дела об исчезновении драгоценности, принадлежащей Вашему Величеству.

Лицо ее тотчас посерьезнело. Когда и у кого на лице он видел такое же смешение доброжелательности и подозрительности? Во взгляде королевы мелькнула тревога. Внезапно он вспомнил Шуази и маркизу де Помпадур: та умела необычайно ловко переплетать истину и ложь, соблазн и отказ. Тогда ему пришлось изворачиваться, дабы маркиза не почувствовала, что он понял ее хитрость, ведь от него требовалось не просто разгадать уловку противника, а разгадать так, чтобы противник этого не заметил. Он точно знал, что королева не всегда ведет честную игру, искусно маскируя то, что ей хотелось бы скрыть. Он не собирался ей пенять и понимал, какие у нее имеются доводы. Что ж, у каждого своя роль: у нее одна, а у него другая. Тем более ему нельзя терять бдительность. Королева горделиво повернула голову, и в памяти Николя всплыл величественный профиль Марии-Терезии. Королева вздохнула.

— Сколько суеты! И зачем только они вас так нагрузили! Король и ваш сын рассказали мне о ваших подвигах. Я знаю, вы смертельно устали. Поэтому расскажите мне про сражение.

Николя улыбнулся. Он не позволит увести себя от цели своего визита.

— Противники ищут друг друга в море, находят, обмениваются пушечными выстрелами, а потом подбирают убитых и раненых. И больше ничего нельзя сделать. Палуба шатается, дым застилает глаза и лезет в горло, а от грохота канонады глохнут уши. Увы, все просто.

— Я вижу, — усмехнулась королева. — Однако какой лаконичный рассказ!

— Собственно, никто не стал бы так тревожиться о краже, если бы украденный предмет не принадлежал Вашему Величеству. Пропажа причинила много беспокойства тем, кто к вам привязан, и тем, кто обязан обеспечивать вашу безопасность. Королева слишком уязвима, к ней слишком легко подойти.

— Мне кажется, я слушаю Мадам Этикет, которая при малейшем нарушении освященного традицией порядка начинает задыхаться от возмущения! Вы тоже хотите преподать мне урок?

— Я далек от этого, сударыня, но мы находимся в состоянии войны, повсюду кишат шпионы и их осведомители. Быть может, Ваше Величество кого-нибудь подозревает?

— Боюсь, что драгоценность. А вы знаете, о чем, собственно, идет речь?

В реплике королевы прозвучала печальная ирония.

— Разумеется, а потому эта пропажа опасна вдвойне. С помощью вашей универсальной отмычки можно открыть двери всех королевских покоев, и тот, в чьих руках она окажется…

— Вы думаете, он дерзнет?

Она ждала, когда он завершит ее фразу.

— Он может угрожать вашей безопасности. Быть может, у Вашего Величества есть основания сомневаться в ком-либо из слуг?

— Драгоценность исчезла рано утром.

— Значит, кражу совершили в стенах дворца?

Она раздраженно замахала платком, используя его вместо веера.

— Король знает об этом? — неожиданно резко спросила она.

Николя удивился. Вопрос означал, что пропажу ключа-отмычки до сих пор скрывали от короля.

— Если я вас правильно понял, Ваше Величество не пожелали оповещать короля, коего кража подобного предмета, несомненно, обеспокоила бы.

Она не стала добиваться иного ответа, понимая, что вряд ли его получит, и он решил загнать гвоздь до конца.

— Помните ли вы, сударыня, бал по случаю Жирного четверга, что в феврале этого года устраивали в Опере? Ваше Величество пребывали у себя в ложе вместе с графом д’Артуа. В тот вечер какая-то карикатурная маска осмелилась подойти к вам слишком близко.

— Кажется, да… — с усилием произнесла она, — в самом деле. Маска смешная, такая же, как и ее речи. Если я не ошибаюсь, она делала мне весьма непристойные предложения. Поверите ли, но она отнюдь не подходила ко мне ближе, чем все остальные. Я убеждена, что драгоценность украли во дворце.

— Все это наводит на тревожные мысли. Завтра я с вашего дозволения хотел бы опросить ваше окружение.

— Я вас понимаю. Госпожа Кампан вам поможет. Она вас очень ценит. Возможно, нам следовало бы сразу обратиться к вам.

— Ваше Величество может не беспокоиться: я сделаю все необходимое, не потревожив вашего распорядка дня.

Она отпустила его без обычной улыбки, а ее протянутая для поцелуя рука дрожала.

В растерянности Николя покинул гостиную. Он не смел связать свои мысли воедино, ибо речь шла о королеве. Если бы жертвой была любая другая женщина!.. Внезапно он представил дело именно так и тотчас понял, что королева солгала ему, что она что-то скрывает или кого-то покрывает; а может, быть с ним искренней ей мешает страх. Бал в Опере по-прежнему не раскрывал своих загадок. Рассказывала ли она о нем королю? Почему она хотела убедить следствие, что кража случилась у нее в апартаментах? Скорее всего, она уводила его в сторону от истины, хотела заставить потерять время в ненужных допросах и пустых поисках. Здраво оценив создавшееся положение, он выработал план действий. Придется притвориться, что он поверил королеве и идет по указанному ему пути, в то время как подлинное расследование начнется там, где решит он. Придется ловить звезду в небе, уверяя всех, что пытаешься схватить ее отражение в пруду. Но, противопоставив видимость лжи, он спасет королеву даже против ее воли, поможет ей выпутаться из сетей, в которые ее заманили, дабы окончательно скомпрометировать.

При выходе из больших апартаментов его остановил австрийский посланник Мерси-Аржанто.

— Ах, господин маркиз, — начал он, приветствуя Николя, — мои поздравления и восторги. Очень рад вас видеть. Версаль полнится слухами о ваших подвигах. Но идемте сюда.

Он увлек Николя в оконную нишу.

— …я уже несколько дней не могу вас найти. Мне хотелось бы поделиться с вами своими тревогами по поводу весьма щепетильного дела, затрагивающего интересы королевы, которые, насколько мне известно, вам дороги так же, как и мне. Послушайте, вокруг королевы плетутся загадочные и опасные интриги, о которых я даже не могу написать ее августейшей матушке. Королева все меньше доверяет своему служителю только потому, что, как ей хорошо известно, он является глазом Священного Величества.[31] Однажды я стал свидетелем любопытного происшествия. Не знаете ли вы, случаем, некую Ренар, кастеляншу королевы?

— Нет, — ответил Николя, внутренне собравшись и приготовившись услышать нечто интересное, — не имею такой чести.

— О! Не жалейте, это настоящая дьяволица в ангельском обличье, сумевшая своим жеманством обвести королеву вокруг пальца. Так вот, я застал эту Ренар в коридоре, что огибает дальние комнаты больших апартаментов, в обществе слуги, с которым она занималась… Ну, вы понимаете…

Николя удивился. А что, собственно, самого Мерси занесло в тот угол? Прочитав в его глазах вопрос, посланник немедленно объяснил:

— Я пребывал в поиске укромного уголка, какой-нибудь клетушки, чтобы облегчиться. Вы меня понимаете?

— Господин посланник, во дворце всегда толчется столько народу, что картина, увиденная вами, в нем отнюдь не редкость. Плохо, что это происходит в королевских апартаментах, ибо, на мой взгляд, подобное поведение не только оскорбляет их Королевские Величества, но и наносит обиду всем обитателям дворца.

— Я вас прекрасно понимаю, но это еще не все. Сия особа снабжает королеву грязными книжонками, полными непристойностей, а главное, с такими гравюрами, какие ни один порядочный гравер не возьмется даже вырезать. А королева, которая, увы, так мало читает, развлекается, разглядывая эти мерзости, и смеется вместе со своими придворными дамами. О, разумеется, это совершенно невинный смех! В общем, я — вы только подумайте! — провел свое маленькое расследование. Муж кастелянши оказался инспектором по надзору за книгопродавцами; это он снабжает жену непристойными изданиями. Он регулярно поставляет во дворец непотребную литературу, не забывая, разумеется, получить за нее немалую плату.

— Как! Он продает непристойные книги Ее Величеству?

— И продает задорого! Более того, он маскирует их под церковные книги! Что скажет императрица, если она об этом узнает? Я взываю к вашему здравому смыслу. Что нам делать?

— Господин посол, не делайте ничего. Я сам все сделаю. Надо во всем разобраться и прекратить эту торговлю, но при этом не дать королеве повода для волнения. В ее нынешнем состоянии это может повредить ее здоровью. Не могли бы вы мне сказать, откуда у вас эти сведения?

— Вам я могу сказать все. От госпожи Кампан; взяв с меня слово хранить все в глубокой тайне, она поведала мне о своих терзаниях. Она сама представила королеве эту Ренар, а теперь не знает, как от нее отделаться, ибо королева к ней изрядно привязалась. На этой привязанности основано совершенно необъяснимое доверие, питаемое королевой к ее супругу. Как доверительно сообщила мне Кампан, именно поэтому мужу сей дамы поручили вести расследование, касающееся Ее Величества. Но что это за расследование, она наотрез отказалась сообщить.

Дела обрастали ворохом подробностей, о которых следовало немедленно известить Сартина. Николя надеялся застать его в рабочем кабинете, находившемся в министерском крыле дворца: там министр работал гораздо чаще, нежели в расположенном в городе здании Морского министерства. Комиссар искренне радовался, что верность его более не подвергается сомнению. Его приняли немедленно и с прежней улыбкой на устах. Как время меняет воспоминания о прошлом! В молодости каждый разговор с Сартином давался ему с трудом, но время сгладило шероховатости, насмешки и грубости, сохранив в памяти лишь минуты благосклонности, коих за время их долгой совместной работы оказалось немало.

Изложив основные факты и поставив основные вопросы, Николя рассказал о своих встречах и открытиях. Сартин молча, с неослабным вниманием выслушал его, ни разу не попытавшись ни переместить что-либо на столе, ни зашагать по комнате, что являлось выражением либо нетерпения, либо неодобрения.

— Почему, — бормотал он себе под нос, — почему так случилось, что оба дела, касающиеся королевы, попали в одни и те же руки? Что касается памфлета, тут я, принимая во внимание должность Ренара, согласен. Но кража! Кто принял такое решение?

— Сударь, мне показалось, что решение приняли в узком кругу приближенных королевы. Или же его внушили Ее Величеству.

И он коротко изложил свой разговор с Мерси-Аржанто. Внезапно, словно охваченный лихорадочным нетерпением, Сартин вскочил и заходил по кабинету.

— Вот поистине странное совпадение: клеветнический памфлет, угрожающий королеве, и украшение, утрата которого также грозит опасностью королеве. И вокруг обоих дел, словно мухи вокруг падали на скотобойне, копошатся подозрительный инспектор, кастелянша королевы, английский шпион, лакей и сводник герцога Шартрского… И, уверен, еще немало других. Например, этот Гораций, о котором мы ничего не знаем. И что за всем этим кроется?

В кабинет, не постучавшись, вошел человек в костюме садовника. Опомнившись от изумления, Сартин поманил его к себе. Подозрительно взглянув на Николя, новоприбывший что-то прошептал на ухо министру, и тот, задав ему два-три вопроса, отпустил его. Подойдя к окну, Сартин долго вглядывался в даль, а потом повернулся к Николя.

— Немедленно идите на пересечение Большого и Малого каналов, держась правой стороны по отношению к замку. Литейщики, что следят за ремонтными работами на берегах канала, только что обнаружили труп. Сей случай не привлек бы мое внимание, если бы в карманах незнакомца не нашли бумагу, заставляющую предполагать, что утопленник принадлежит к дому герцога Шартрского. А теперь сами подумайте, куда после нашего с вами разговора могли пойти мои мысли. Если этот труп имеет отношение к нашему делу, значит, все

весьма и весьма серьезно. В общем, примите необходимые меры, я не хочу, чтобы люди прево занимались несчастным случаем, произошедшим на территории, принадлежащей королю. Если потребуется, употребите и даже злоупотребите подписанными листами и «письмами с печатью», которыми я вас снабдил по возвращении из Бреста. Взгляните собственными глазами на место происшествия. Как можно скорее доставьте труп в Шатле и поручите его вашим доверенным расчленителям, дабы разобраться в причинах смерти, особенно если речь идет о… Ах, как всегда, трупы буквально вырастают у вас под ногами. Ну же, не делайте такое лицо, я шучу! Действуйте, как сочтете нужным, как обычно. А потом предупредите Ленуара.

Николя вышел: он снова побывал в перевернутом мире. Сартин не смог полностью отказаться от мундира начальника полиции. Что ж, все к лучшему, и пусть каждый вновь займет свое место в их давнем союзе. А в результате оба станут еще лучше служить королю. При мысли о том, что его больше не будет терзать горечь размолвки с Сартином, он с облегчением вздохнул.

На террасе замка его обдало жарким летним воздухом. Окружающий пейзаж тонул в дрожащем мареве; подобно туману, оно медленно поднималось в нависшее низко над землей небо. Внезапно он почувствовал страшную усталость; раны давали о себе знать, а царившая вокруг жара дурманила голову. Поднимая тучи пыли, он с трудом двигался по усыпанным гравием аллеям парка, и вскоре его башмаки и костюм покрылись серым налетом. Казалось, от жары кусты окаменели, а цветы зачахли от усталости. Раскаленные добела бронзовые скульптуры, украшавшие источники, отбрасывали матовые отблески. Уровень воды в фонтанах резко понизился, и теперь на боках резервуаров зеленели засохшие водоросли. Ни одна птица не отважилась огласить сей пустынный уголок своим пением; в поисках тени и прохлады пернатые, видимо, улетели в соседние леса. По крайней мере, эти леса никто не пытается посадить заново, подумал Николя. Пройдет не один десяток лет, прежде чем парк примет благообразный вид. Сердце его сдавила щемящая тоска по прежнему парку с огромными деревьями, тому парку, который он увидел на заре своей юности и уже больше никогда не увидит. Он прошел через Бальный зал, миновал боскет Жирандоль, по диагонали пересек Колоннаду и вышел к фонтану Аполлона. Обернувшись, он увидел, как порыв сухого горячего ветра поднял к небу столб пыли. Искаженный жарой, дворец казался бесформенной глыбой, на боках которой, слепя до боли глаза, сверкали серебристые вкрапления окон.

Гондолы и старые лодки, эти остатки былого великолепия, покачивались, привязанные, возле пристани, гордо именовавшейся Малой Венецией. Он подошел к Морским воротам, открывавшим доступ в большой парк. Разомлевший от жары караульный дремал у себя будке. Николя пришлось громко известить о своем прибытии. Не ожидавший его вторжения караульный вскочил, что-то бормоча, встряхнулся и уставился на него.

— Я, случаем, вас не знаю? — спросил он.

— Извольте быстрее открыть ворота: я тороплюсь.

— Да, конечно. Точно, я вас вспомнил. Вы и правда не слишком изменились. Разве что чуток поправились, и лицо у вас ободранное, словно вы сквозь колючки продирались. Тогда, в 60-м или 62-м, в хижине фонтанщика нашли труп. Ведь это вы тогда были, а? Точно, вы, комиссар![32]

— Какая память, друг мой!

Он бросил караульному монету, и тот поймал ее на лету.

— Выпейте за мое здоровье. Так что, снова труп?

— Судя по тому, что говорят, утоп кто-то. Из воды выловили тело утопленника. Тут редко в воду падают. Я не первый на Сен-Мишель двадцать лет будет, но при мне такого ни разу не случалось.

— Даже ночью?

— И ночью. Нас тут четверо работает. Сменяем друг друга.

— А в прошлую ночь ничего особенного не заметили?

— Ну, ветер дул сильный. Буря пронеслась, пыльная, без дождя. Впрочем, ветер до сих сильный. Да, теперь, когда вы спросили, я припоминаю, как какой-то человек — то ли поздно вечером, то ли рано утром — просил меня открыть ворота.

— А что, нет никакого пароля?

— Ну и вопрос! Пароль для входа, а не для выхода, милок! Впрочем, я не сразу ему открыл. Если каждый будет по ночам разгуливать, куда мы скатимся? А может, это вор, который хотел бежать? Но он сказал, что состоит на службе у королевы.

— На службе у королевы! А он предъявил вам доказательства?

— Он показал мне жетон дома Ее Величества, разрешающий вход в ее сады.

— Вход, но не выход.

— Сударь, поймите меня! Как могу я, несчастный, идти поперек того, кто в любую минуту может лишить меня места? Вряд ли это разумно.

— Понимаю. Не могли бы вы описать мне того человека, вспомнить какие-нибудь особые приметы?

— В такой час еще темно, а тут еще эта пыль. У меня от нее глаза слезились. Да, вроде как больше четырех утра было. Надо сказать, иногда я засыпаю. Когда свет фонаря упал на него, я заметил, что на нем рыжий парик.

— А жетон?

— После того как он его предъявил, он спрятал его в карман фрака.

— Благодарю, друг мой.

В голове Николя одна за другой возникали гипотезы. Понимая, что нужно как можно скорее осмотреть труп, он почти бежал. На берегу Большого канала ему в нос ударил гнилостный запах стоячей воды. Впереди он заметил сгрудившихся в кучку людей. Когда он приблизился, от них отделился человек в рединготе из грубой ткани и преградил ему путь.

— Сударь, — произнес он, внимательно оглядев костюм комиссара, — далее проход воспрещен. Я буду вам признателен, если вы повернете назад.

— Я все понимаю. Но я — Николя Ле Флок, комиссар полиции Шатле, и я должен осмотреть труп.

— Дозвольте напомнить вам, господин комиссар, что мы…

— …находимся на территории, принадлежащей королю, и на нее распространяются прерогативы Главного прево. Я знаю. Но сегодняшний случай представляет исключение, — с почтительным поклоном произнес он. — Ознакомьтесь вот с этим.

Он протянул ордер, подписанный королем. Внимательно его изучив, представитель прево отвесил Николя ответный поклон.

— Я готов принять ваши доводы. Что вы хотели бы узнать?

— По правде говоря, все, а затем с вашей помощью я увезу тело в Париж, в Шатле.

Покачав головой, представитель прево подвел Николя к утопленнику. Тот лежал на спине, одна рука его, странным образом вывернутая, покоилась на груди. Одежду покрывал ил, на опухшем, испачканном водорослями и землей лице отсутствовали глаза — видимо, их успели выклевать птицы; череп был совершенно лыс. Опустившись на колени, Николя достал носовой платок и осторожно вытер лицо трупа. Чем дольше он смотрел на него, тем больше у него возникало подозрений. Когда же он мысленно надел на утопленника рыжеватый парик, он тотчас перестал сомневаться: перед ним предстал человек, с которым он раз двадцать на дню встречался на корабле «Сент-Эспри», а именно Ламор, лакей герцога Шартрского.

— Мне сообщили, что в карманах утопленника нашли бумагу, способную пролить свет на его личность. Где она? — спросил он, вставая и вытирая руки сухой травой.

— Она была мокрая, ее положили сушить на солнце.

— Могу я с ней ознакомиться?

Представитель прево повел его на опушку рощицы и указал на наколотый на сук листок.

— Я отнес ее сюда, чтобы просушить. Учитывая, какая сейчас жара, думаю, она уже высохла.

Николя взял бумагу. Это оказался обрывок партитуры. Чернила слегка смазались, но музыкальную фразу прочесть было можно. Он отметил, что листок часто сворачивали и разворачивали: об этом свидетельствовали Замятины. Но, может, в него заворачивали еще один документ?

— Бумага лежала во внутреннем кармане, и потому хорошо сохранилась.

— Я не вижу здесь ничего, что могло бы нам помочь в установлении личности утопленника.

— Сударь, прочтите, что написано на обороте партитуры. Если вы сложите лист по замятинам, он превратится в письмо. А теперь видите? Разобрать трудно, но попытайтесь.

Господину Ламору

Пале-Руаяль,

Париж.

Это адрес!

— Вы правы. И адрес может нам помочь.

Адрес подтверждал его догадку, однако из этой бумаги наверняка можно извлечь еще какие-нибудь сведения. Надо бы получше рассмотреть ее.

— Нашли еще что-нибудь?

Порывшись в карманах, представитель прево вытащил оттуда большой носовой платок, испачканный илом, и, развернув его, расстелил на земле. В платке оказалось пять экю, пригоршня мелочи, свинцовый карандаш, расческа, деревянная табакерка и перочинный ножик с ручкой из рога.

— Это все?

— Все, больше ничего нет.

Николя вернулся к трупу и принялся методично обыскивать его одежду. Карманы оказались пусты, за подкладкой, куда часто прятали секретные письма или предметы, тоже ничего не нашлось. А вот в обшлаге фрака он нащупал нечто твердое. Распоров с помощью своего ножика шов, он вытащил завернутые в промасленную бумагу рукописные листы. На одном неизвестный памфлетист устами европейских держав иронически подводил итоги нынешней политической ситуации.

«Кадриль (королевские игры)

Император: Я обязан играть и по праву должен выиграть, ибо хочу отыграть то, что имел несчастье потерять во время последней игры.

Франция: Я рада, что меня позвали, ибо могу играть со всеми, да и игрок я хороший, а потому мне повезет.

Пруссия: Я знакома с правилами игры, но я пропустила начало, потому что хотела играть в одиночку. Но надеюсь, мне все равно удастся всех обыграть.

Россия: У меня последние козыри, и я приберегу их до конца игры.

Англия: А я не рада, что меня позвали. Мне выпали плохие карты, хотя я сама их сдавала.

Саксония: Вот уж неудача так неудача: иметь на руках три козыря и проиграть.

Польша: Если бы я пошла с козырной карты, у меня бы не отобрали короля.

Голландия: У меня нет ни короля, ни козыря, а только дама, да и ту некому охранять. Какие уж тут ставки.

Швеция: Я карты видела, но выбросила их прочь.

Дания: Один хочет втянуть меня в игру, другой не советует этого делать. Пожалуй, я пока подожду, чтобы потом не раскаиваться.

Испания: Сама я не играю, за меня играют другие, и пока играют хорошо. Но лучше бы запастись жетонами — на тот случай, если фортуна мне изменит.

Сардинский король: Всем давно известно, что я не сяду играть, пока не буду уверен, что выиграю.

Португалия: Я еще не оправилась от землетрясения. Не могу даже карты в руках удержать. Куда уж мне играть!»

Второй документ взволновал его не меньше первого. Он тотчас узнал отрывок из письма, а точнее, из переписки Верженна и Ленуара по поводу английского шпиона, которого Бурдо предстояло допросить в Бастилии.

«Если бы получилось обнаружить посланца или иного агента, которого Симон упоминает в своей таинственной переписке, можно было бы без колебаний отдавать приказ о его аресте, равно как и об аресте его корреспонденции. Прошу вас подробно информировать меня об исполнении приказов Его Величества, а также обо всем, что удастся узнать об этом иностранце, чье поведение и поступки нам, как и вам, кажутся более чем подозрительными».

Он отошел в сторону, чтобы лучше осмыслить находки. Каково истинное значение найденных им документов? При желании с помощью одного можно уличить врагов-англичан в организации волнений. В другом на первый взгляд не содержалось никаких тайн; но тогда почему его так старательно сберегали? Улики требовали тщательного анализа, причем на свежую голову. Переключив внимание на утопленника, он понял, чего ему не хватает в этом мрачном зрелище. Исчезла обувь, башмаки или сапоги. Возможно, глотая воду, тонувший их скинул, чтобы они не тянули его вниз. Однако такой вариант показался ему маловероятным. Сквозь дырки в чулках выглядывали посиневшие большие пальцы ног, добавляя к печальной сцене немного черного юмора. А где рыжий парик? Где он может быть? Интересно, если удастся отыскать недостающие предметы одежды, сдвинется ли дело с мертвой точки?

Тихий внутренний голос, к которому он всегда прислушивался, убеждал его заняться поисками пропавших деталей туалета. К тому же он не нашел жетон, служащий пропуском в сады, о котором ему говорил сторож. Не было также шляпы и часов. Чем объяснить отсутствие часов? У лакеев, состоявших на службе у знатных вельмож, считалось хорошим тоном всегда быть в распоряжении хозяев, и, дабы соблюдать точность, они обычно носили с собой по две пары часов.

Николя смотрел на подернутую рябью гладь канала. В памяти всплыли слова сторожа, которым он поначалу не придал значения. Он повернулся к представителю прево.

— Меня смущает одна деталь. Как вы объясните, что тело найдено именно в этом месте?

— Простите, господин комиссар, но я не понимаю смысла вашего вопроса.

— Тело подняли со дна?

— Нет. Оно плавало возле берега, зацепившись за сломанную ветку. Без сомнения, его прибил ветер, свирепствовавший сегодня ночью.

— Сухая ветка. Вижу.

— Нет, не сухая, а сломанная, полагаю, порывом ветра. Впрочем, если вы хотите взглянуть, она лежит вон там, в кустах, куда мы ее забросили.

Он показал ветку Николя, и тот принялся внимательно ее разглядывать.

— Смотрите, — наконец произнес он, — ее сломал не ветер. Ее подрубили режущим предметом, оставившим вполне четкий след. Ого! Здесь даже есть засохшие пятна крови. Тот, кто подрубал эту ветку, очевидно, поранился.

— Не исключено, сударь, что ветку надрезали значительно раньше, и она не имеет никакого отношения к утопленнику, найденному сегодня утром.

— Возможно, очень возможно, однако хотелось бы понять, почему труп оказался именно в этом месте. Вы послали своих людей осмотреть берега Малого канала?

Вопрос вызвал ничем не прикрытое раздражение. Люди прево считали, что комиссар слишком цепляется к мелочам, тогда как речь идет всего лишь об утопленнике или — еще хуже — о самоубийце.

— Мне кажется, в этом нет необходимости, — со вздохом ответил представитель прево.

— В таком случае я осмотрю их сам. А здесь пока ничего не трогайте и пошлите кого-нибудь за повозкой.

Скривившись, чиновник все же кивнул в знак согласия.

Николя отправился самым коротким путем. Пройдя по перспективе французского сада Большого Трианона, он увидел на берегу маленькую лодку; сидевший в ней лодочник что-то подгонял в обшивке. Воспользовавшись своими властными полномочиями, Николя взял лодку и довольно быстро вспомнил, как управляться с кормовым веслом: когда-то, в Треигье, будучи подростком, он часто плавал на своей плоскодонке в эстуарии Вилена.

Поднявшись в южном направлении до конца Малого канала, он выпрыгнул на берег. После недолгих поисков он наткнулся на пару сапог и рыжий парик. Похоже, все подтверждало версию самоубийства; сняв сапоги и отбросив в сторону парик, самоубийца вошел в воду. Такой способ ухода из жизни предполагал, что человек не умеет плавать; а может, он просто не знал истинной глубины канала. Поискав другие следы, Николя обнаружил, что недавно здесь на сухой траве стояли лошади. Его предположение подтверждала куча свежего навоза. Итак, человек прибыл сюда не один — если, конечно, следы на берегу принадлежали ему. Неожиданно Николя понял, что ему не нравится. Почему сапоги стоят ровно, носок к носку, а парик, старательно расправленный, аккуратно разложен на земле? Неужели самоубийца хотел, чтобы их поскорее заметили? Странно, что человек, решивший свести счеты с жизнью, да еще ночью, позаботился о подобных вещах. Впрочем, кто знает, что приходит в голову в такую минуту?

Николя собрал улики, сел в лодку и вскоре, весь в поту от затраченных усилий, прибыл на место, где его ожидали люди прево и обнаружившие труп фонтанщики. Ко всеобщему удивлению, он спросил у одного из рабочих, умеет ли тот плавать. Получив положительный ответ, он попросил его войти в воду и распластаться по ней как доска, чтобы течение само его несло.

— Я хочу посмотреть, — объяснил он, — как поведет себя тело, вытолкнутое на поверхность, и в каком направлении его понесет течение.

Оставшись в одних подштанниках, молодой человек, которого проводимый эксперимент очень забавлял, плюхнулся в воду и, побарахтавшись немного, распластался на поверхности. Какое-то время тело его, освещенное ярким солнцем, оставалось неподвижным, затем медленно повернулось вокруг собственной оси и поплыло, удаляясь от берега, к центру канала.

— В какую сторону дул сегодня ночью ветер?

— С севера на юг.

— А сейчас?

— По-прежнему с севера, сударь, без изменений.

Итак, эксперимент подтвердил его предположения. Погрузившись в воду в южной оконечности Малого канала, утопленник должен был оставаться на месте, пока волны не

прибьют его к берегу. Срезанная ветка подтверждала его пока еще смутные предчувствия. Между берегом, где он нашел сапоги и парик, и берегом, где выловили труп, пролегало поле неуверенности, где друг за другом выстраивались гипотезы. Из воды выбрался молодой фонтанщик; с него потоками стекала вода. В руке он держал бесформенный предмет, о который, по его словам, споткнулся возле берега. Очищенный от ила, предмет оказался рыжим париком. В задумчивости Николя взял его, а потом приказал людям прево немедленно отправить труп и все улики в Париж, в Шатле, где тело поместят в Мертвецкую. Набросав на клочке бумаги несколько слов, он велел курьеру срочно доставить записку инспектору Бурдо. В записке он просил своего друга и помощника срочно призвать в Шатле Семакгюса и Сансона.

По дороге в Париж все его размышления вытеснила неожиданно сложившаяся считалка, и теперь ее чеканные строки, не переставая, звенели у него в висках:

Вот труп,

А вот листок,

Вот парик,

А вот второй,

Приложи к нему жетон

И скорее выйди вон,

Пока ветер не унес.

Интересно, куда на этот раз унесет его ветер?

V

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ТРАВА

Многие вещи кажутся невозможными только потому, что мы привыкли считать их таковыми.

Дюкло

Прежде чем отправиться в Париж, Николя встретился с Сартином, сказал, что опознал труп, и, взяв на себя расследование, нарушил юрисдикцию прево в королевских владениях, после чего попросил министра в разговоре с прево объяснить причины такого нарушения, выдвинув в качестве доводов срочность, государственные интересы и приказы короля. Министр несколько раз просил его уточнить некоторые подробности, потом задумался и наконец заявил, что категорически против малейшей попытки допросить в качестве свидетеля герцога Шартрского. Не только потому, что принц вот-вот уедет в Брест к адмиралу д’Орвилье, но еще и потому, что любой шаг подобного рода сочтут травлей принца, что повлечет за собой множество неудобств. К тому же никто не может поручиться, как к этому отнесется король, ибо речь все же идет о его родственнике. Однако было бы интересно узнать, обеспокоен ли герцог исчезновением своего доверенного лакея, с которым его связывало множество тайных делишек, называть которые не поворачивается язык; к тому же Ламор всегда сопровождал герцога в его поездках. Тут Сартин подмигнул Николя, и тот понял, что в Пале-Руаяль у министра есть свои глаза и уши, а «тайна переписки по-прежнему находилась под бдительным оком Юпитера: божество пользовалось ею, чтобы знать все, что происходит в человеческих сердцах».[33] Напоследок министр спросил, какова, по мнению Николя, причина смерти Ламора. Убийство или самоубийство? И потребовал вынести определение как можно скорее.

Добравшись до особняка д’Арране, комиссар переоделся и снова вскочил в седло. Прекрасная Эме еще не вернулась из похода за магнетическим флюидом. Резвушка попрощалась с Трибортом радостным ржанием и, почувствовав на спине любимого всадника, радостно помчалась по дороге в Париж. Она скакала столь резво, что на середине пути они обогнали телегу, везущую в Шатле тело утопленника. Николя велел вознице поторапливаться, ибо, по его мнению, тот ехал слишком медленно. Заодно он поздравил себя, что курьер оказался не столь медлителен, а следовательно, появился шанс выиграть немного времени.

Тем более что вскрытие следовало произвести как можно скорее, ибо жара не способствовала сохранности трупа.

В это лето Мертвецкая в Шатле превратилась поистине в скопище ужасов. Свою роль сыграл как нестерпимый зной, так и его последствия. В Севре Николя пришлось ехать вдоль Сены, и он своими глазами видел, как берега реки кишели людьми, пытавшимися любыми способами спастись от жары. Парижане к концу дня скапливались на площади Мобер, на мостах Мари, Зерновом и Анри, а также на набережной Театинцев, вокруг крошечного рукава, отделявшего набережную Орфевр от набережной Августинцев, и радостно плескались на мелководье; разумеется, среди купальщиков преобладали дети. Банных заведений не хватало, да и для простонародья они были слишком дороги. Утро приносило мрачную жатву утопленников, которых приходилось складывать штабелями на плитах Мертвецкой. Обилие трупов стало манной небесной для начинающих хирургов, жаждущих усовершенствоваться в своем искусстве. По ночам, спрятавшись в засаде, хирурги вытаскивали из воды утопленников. На следующий день река равнодушно принимала остатки от их усердных занятий, а потом разрозненные куски тел, выловленные из воды, загромождали морг. Мрачное зрелище подготовило его к своеобычному спектаклю, к которому он до сих пор не мог привыкнуть, — к вскрытию тела.

В дежурной части его ждал Бурдо. Он исполнил указание Николя и теперь надеялся, что ни Семакгюс, ни Сансон не заставят себя ждать. Николя подробно, ничего не упустив, изложил ему свое видение преступления, сложившееся у него в результате поездки в Версаль. Узнав о двух рыжих париках, Бурдо, обычно скупой на эмоции, даже подскочил от неожиданности. Потом, сосредоточившись, задумался и начал размышлять вслух:

— Однако почему мне в голову лезут странные мысли? Откуда взялись два парика? Для совпадения слишком неожиданно. Находка второго парика не может быть делом ни случая, ни совпадения. Надо искать причину.

— И где, по-твоему, ее следует искать?

— Зная тебя, думается, ты сам уже нащупал верный путь. Говоря о навозе, ты говоришь о лошадях, говоря о лошадях, говоришь о всаднике, а в нашем случае, видимо, сразу о двух. Так как имеется два парика, полагаю, Ламору принадлежал только один. Давай вспомним события вчерашнего вечера. Ренар встретился с лакеем герцога Шартрского в Воксхолле, затем снял гитона и повез его к себе на улицу Пан. Ретиф последовал за ним и, убедившись, что оба вошли в дом, прекратил слежку. Его не в чем упрекнуть, а наружность часто обманчива.

— Ты хочешь сказать, что…

— …что Ренар один из наших. Ты в самом деле считаешь, что он мог не заметить слежку? Нет, вряд ли он настолько беспечен. Возможно, какое-то время он действительно не замечал, что за ним следят, но потом должен был почувствовать присутствие соглядатая.

— А вдруг это входило в его планы?

— Вот именно! Он гонится сразу за всеми зайцами. Делает вид, что остался дома, и ему верят. Филин улетает, а Ренар вскакивает в седло и мчится в Версаль. Зачем? Если гипотеза принята, надо бы обыскать его жилище на улице Пан.

— Конечно, он старается, чтобы я не разнюхал лишнего, ибо понимает, что рано или поздно расследование приведет меня в Версаль.

— Мне кажется, ты угадал его мысли. Но вернемся к твоему рассказу. Правду сказал только караульный при Морских воротах, открывший их человеку в рыжем парике; заметь, несмотря на неверный свет потайного фонаря, ночную мглу и пыльную бурю, он запомнил цвет парика.

— Но у Ренара серый парик!

— Он вполне мог его сменить, дабы у всех на глазах выйти через Морские ворота.

— Посмотрим, — проговорил Николя, — надо просчитать время. Так как требовалось срочно утолить голод известного тебе больного, то ужин на улице Монмартр начался довольно рано. То есть около семи часов. В восемь часов Пуатвен объявил о прибытии посыльного. В половине девятого мы уже у Ленуара. Разговор продолжается минут пятнадцать, что дает нам без четверти девять. Пока мы добираемся до Шатле, пока я разговариваю с Филином, часы показывают примерно девять пятнадцать. Беседа с инспектором занимает никак не менее получаса, а то и больше. Значит, десять часов. Затем, как мы предполагаем, Ренар направляется в Пале-Руаяль, где задерживается примерно на десять минут. Десять часов десять минут. К десяти сорока пяти он прибывает в Воксхолл, а в одиннадцать Воксхолл покидает, равно как и Ламор. Впрочем, тот исчез раньше. Так как в такой поздний час улицы пустынны, Ренар быстро добирается до своего жилья на улице Пан. Мне кажется, если мы остановимся на одиннадцати тридцати, мы не слишком ошибемся. И если у инспектора под рукой есть экипаж или верховая лошадь, то к часу ночи он вполне может прибыть в Версаль.

— Примерно за три часа до того, как сторож при Морских воротах пропустил незнакомца в рыжем парике. Приходится признать, что в распоряжении Ренара оказалось более двух часов, а за это время могло случиться многое.

— Не забудь, среди вещей утопленника ты не нашел жетона, открывающего доступ в сады королевы; Ренар мог получить такой жетон от жены. И если дело обстоит так, как мы полагаем, то жетон вряд ли потерян. Кстати, держу пари, никто даже не подумал задать твоему сторожу вопрос о жетоне.

— Тем более что парк огромен и в нем есть немало входов и выходов, которые никто не охраняет.

— Разумеется, но, похоже, кому-то было нужно, чтобы кто-то запомнил, как Ламор шел вдоль канала к тому месту, где нашли утопленника.

— И куда волна, поднятая сильным ветром, никак, по твоим словам, не могла его прибить.

— И где ветка, откровенно надрезанная ножом, удержала труп возле берега.

— Однако не стоит мчаться, закусив удила. Все будет зависеть от результатов вскрытия. Они либо подтвердят, либо опровергнут наши предположения.

Вскоре прибыла повозка. Папаша Мари вызвался все уладить со служителями Мертвецкой. Сансон и Семакгюс заставили себя подождать, однако прибыли почти одновременно. Николя рассказал им все, что им требовалось знать, не вдаваясь в подробности, дабы те невольно не повлияли на их выводы. Затем все спустились в зал допросов, где обычно проводили вскрытия.

Бурдо поспешил раскурить трубку, а Николя, достав из кармана маленькую табакерку с портретом покойного короля, аккуратно взял понюшку и несколько раз чихнул. Сняв фраки и надев большие кожаные передники, оба полицейских принялись раскладывать инструменты. Семакгюс попросил Сансона поднять повыше факел, дабы осветить тело, и принялся внимательно его рассматривать. Затем обозрел каждый предмет одежды. Николя вновь поздравил себя с таким опытным помощником; хирург не только умел читать в человеческом теле, но и, давно принимая участие в расследованиях комиссара, часто подмечал весьма любопытные детали, не связанные с медициной. Сейчас он увидел, как Семакгюс потянулся к фраку и, взяв его за воротник, повертел в разные стороны, а потом, выбрав из набора инструментов маленькие щипчики, аккуратно подцепил ими маленькую светло-коричневую частичку и поднес ее к носу. Затем поднес к носу Сансона, и тот, понюхав, утвердительно закивал головой.

— Полностью с вами согласен, дорогой Гийом. Речь идет о частице конского навоза.

Николя вздрогнул: он ни разу не упомянул о своей поездке на южную оконечность Малого канала.

— Я вытащил ее из-под воротника, — торжественно начал Семакгюс, — и это доказывает, что тело волочили на спине. Видимо, когда его вытаскивали на берег.

Свинцовый карандаш забегал по страницам маленькой записной книжечки. Но больше в одежде ничего не обнаружили, и препараторы принялись осматривать тело.

— Заметьте, — произнес Сансон, — на затылочной части головы имеется здоровенная шишка.

— Нельзя ли определить, когда она там появилась? — спросил Бурдо.

Сансон и Семакгюс пошептались.

— Ничто не указывает на то, что шишка появилась после смерти, — проговорил хирург, — и вот почему. Скорее всего, этот человек упал на спину и ударился головой обо что-то твердое. Там видна небольшая ранка, при жизни явно кровоточившая.

Вскрытие продолжалось; Бурдо, как обычно, курил трубку, и клубы дыма скрывали от Николя страшное зрелище, к которому он так и не смог привыкнуть. Он невольно вспоминал Ламора, вспоминал таким, каким часто видел его на мостике и на палубе корабля «Сент-Эспри». Хотя они никогда толком не разговаривали, он тем не менее с болью смотрел, как под действием хирургического скальпеля покойник превращается в бесформенную массу, не имеющую ничего общего с человеческим телом.

Смерть, ходившая рядом с ним вот уже столько лет, курносая, с маской которой он с содроганием сталкивался на каждом карнавале, часто разила его в самое сердце. Смерть каноника Ле Флока, отца маркиза де Ранрея, прежнего короля и даже герцога де Сен-Флорантена оставили в душе его горький и печальный след. Память об убийстве Жюли де Ластерье была чревата страданиями и угрызениями совести. Она часто являлась ему в видениях, равно как и тот старый солдат, что повесился у себя в камере в Шатле. Даже сегодня при виде тела, вскрытие коего происходило у него на глазах, он весь дрожал, сознавая, что еще несколько дней назад он видел этого презренного человека живым и здоровым.

Как всегда, вскрытие сопровождалось своими, особыми звуками, запахами и тихими разговорами анатомов. Наконец, вернув останкам по возможности первоначальный вид, анатомы вымыли руки. Папаша Мари, принесший таз и кувшин, ни разу не посмотрел на стол, хотя ему часто приходилось видеть покойников, и зрелище это давно уже не брало его за живое. Николя с тоской смотрел на старика. Папаша Мари стал частью тюремного замка, такой же неотъемлемой, как древние стены, громадные камины и тяжелые балки. Он составлял с ним единое целое. Но однажды его не станет, и ему будет его не хватать. Словно вырванного куска собственной плоти.

— Мы, — прочищая глотку, начал Семакгюс, — столкнулись с проблемой, прояснить которую может только специальное анатомическое исследование. Мы, я и Сансон, полагаем, что трудно.

— Полно, — насмешливо произнес Бурдо, — неужели вы действительно хотите нас уверить что ваша наука бессильна, а ваши знания бесполезны? Ваши двусмысленные речи напоминают туманные ответы гадалок, скрывающих за загадочными словами и многозначительными взглядами полное невежество. Усыпив нашу бдительность, они пытаются понять, какой исход события мы ожидаем.

— Вот речь истинного невежды, звучащая в устах философа Бурдо!

— Не надо ссориться, все не так плохо, — быстро заговорил Сансон, высвобождая из-под обшлага кружевную манжету. — Господин Семакгюс сейчас, шаг за шагом, изложит вам трудности, с которыми довелось нам столкнуться.

— Мы не станем вилять с нашими друзьями, — начал Семакгюс, — и сначала постараемся ответить на главный вопрос: в момент погружения в воду предполагаемый утопленник был жив или мертв? Упал ли он в воду случайно или его туда столкнули? Не стану читать вам лекцию, какие признаки отличают утопленника, остановлюсь лишь на подробностях нашего обследования. Нас интересовало главное: когда вода проникла по бронхам в легкие, или, говоря проще, стала ли она причиной смерти? Доказательством в таких случаях служит вспененная вода, частички грязи и ила в трахее, бронхах и легочной ткани. Мы нашли след.

— След чего? — спросил Бурдо.

— Похоже, в воду погрузили уже мертвое тело, — ответил Сансон.

— Что же касается состояния диафрагмы, — продолжил Семакгюс, — то смерть при погружении в воду происходит от остановки дыхания, и диафрагма должна находиться в приподнятом состоянии. Должна в большинстве случаев.

— А в этом случае?

Оба анатома неуверенно переглянулись.

— Понять сложно, ибо явление практически не выражено.

Семакгюс развел руками.

— Если рассуждать, было ли погружение добровольным или насильственным, надо признать, сегодня наше искусство не в состоянии ответить на этот вопрос. Надобно изучить обстоятельства дела, улики, в том числе и самые незначительные, узнать историю жертвы, короче говоря, провести расследование. Надо предоставить магистрату возможность как следует обыскать место, где нашли тело, оценить угол наклона берега, поискать привязанный к телу груз или веревку, которой могли быть связаны руки, оценить беспорядок в одежде и тысячу прочих улик, на основании которых будет возможно делать новые выводы.

— А еще хорошо бы выяснить, — добавил Сансон, — не была ли жертва при жизни подвержена головокружениям и нет ли на ее теле каких-нибудь подозрительных повреждений.

— Следовательно, — подвел итог Николя, — вы не в состоянии просветить нас, было это убийство, несчастный случай или самоубийство?

— Нет, — ответил Семакгюс. — На вопрос, сам ли утонул этот человек, мы ответить не можем. Но…

И он лукаво посмотрел на Сансона.

— …мы намерены предложить вам иные соображения, способные заинтересовать вас.

— И помочь нам сделать правильные выводы?

— Надеюсь. Ибо мы поначалу поспешили, внутренне согласившись с вами, что речь идет об утопленнике.

— Что вы хотите сказать?

— Что мы долго топтались вокруг истины, ибо умом нашим завладела мысль об асфиксии в результате погружения в воду.

Он откашлялся.

— Уверен, многие из наших собратьев пропустили бы весьма существенные мелочи и прошли против главного факта, позволив восторжествовать результату, полученному «на первый взгляд».

— Если бы трупы могли говорить, — насмешливо произнес Бурдо, — сегодняшний покойник подтвердил бы или оспорил ваши выводы. Похоже, ваша работа доставляет вам удовольствие. Что ж, всегда к вашим услугам. Сартин подтвердит, что Николя сеет трупы на своем пути, словно Мальчик-с-пальчик камешки.

— Будьте серьезнее, — укорил друзей заинтригованный Николя. — Что вам удалось заметить?

— Как уже сказал Гийом, — начал Сансон, — все подталкивало нас к поискам следов погружения в воду, отчего мы чуть не пропустили другие симптомы.

— Например?

— Состояние сердца утопленника, — таинственным шепотом произнес Семакгюс.

— Уж не хотите ли вы сказать, что он скончался от сердечного приступа?

— Спровоцированного! Спровоцированного сердечного приступа! Сейчас я объясню. Дело в том, что жертва скончалась от нарушения работы сердечной мышцы. Доказательства тому очевидны, тем более что мы имеем дело с вполне свежим трупом. И, наконец, детальное обследование желудка нас убедило окончательно.

— Желудка?

— Незадолго до погружения в воду усопший ел и пил. Исследование остатков пищи показало, что он проглотил некую растительную субстанцию, вызвавшую остановку сердца.

— Назовем вещи своими именами. Яд! Но какой яд? Каковы его симптомы?

— Послушайте, что рассказал мне наш друг Наганда во время своего последнего приезда в Париж. У нас на пустырях и среди окружающих сады живых изгородей он увидел растение с большими белыми или светло-сиреневыми чашеобразными цветками, обладающее смрадным запахом. Он его узнал, ибо оно очень похоже на то, что растет в его родных прериях, и подробно описал мне его покрытые шипами плоды размером с орех. Здесь это растение мы называем кротовьей травой, сонницей или дьявольской травой. Из-за сходства его цветов с цветами яблони крестьяне еще зовут его колючим яблоком.

— Всего лишь цветок, украшающий наши сады! — заметил Бурдо.

— Не стоит доверять видимости:

Даруя жизнь, нас всех приспособляет Бог,

Чтоб каждый роль свою исполнить в мире мог.[34]

Книжное название цветка — datura stramonium, или дурман обыкновенный, именуемый иногда дурманом вонючим. Не сомневаюсь, именно это растение древние именовали strychnos maniocos. И листья, и цветы, и плоды у него смертельно ядовиты. Диодор Сицилийский и Страбон пишут, что кельты соком его отравляли кончики своих стрел.

— Удивительно, откуда у Наганды интерес к дурману?

— Мик-мак проехал прерии вдоль и поперек, к тому же, как вам известно, он является жрецом своего племени. Однажды он рассказал мне о священном напитке, именуемом wysoccan, в состав которого входит дурман. Молодые алгонкины выпивают его во время церемонии посвящения в мужчины. Испытания, которым подвергают будущих воинов, очень суровы. Наганда рассказывал о кошмарных снах, которые видят опоенные наркотическим напитком юноши; разбуженное воображение отправляет будущих воинов в далекие опасные края, где их ждут кровопролитные битвы… Не все возвращаются из этих путешествий…

— Черт! И мы живем рядом с таким растением! — изумленно воскликнул Бурдо.

— Например, дурман в изобилии произрастают в Куртийе, вокруг трактира Рампонно.

— Ах вот почему, когда мы заходим туда пропустить стаканчик, у меня всегда начинаются колики! И как быстро действует эта трава?

— Как показывает опыт, очень быстро. Когда в 1676 году в Джеймстауне — это английская колония в Америке — случился мятеж, капитан Джон Смит избавился от мятежников, угостив их салатом с листьями дурмана.

— А противоядие?

— Надо как можно скорее вызвать тошноту и принять териак, рвотный орех, уксус или летучую соль. Но, главное, все надо сделать вовремя!

— Так, значит, наш утопленник угостился ядовитой травкой?

— И в большом количестве! Насколько мы сумели установить, ею приправили кофе и бисквиты. Кусочки орехов и каких-то зернышек, без сомнения, семян этого растения, не успели перевариться. Горьковатый вкус кофе и обилие сахара в пирожном скрыли вкус яда, подсластив пилюлю.

— Как вы считаете, в котором часу он скончался?

— Скорее всего, незадолго до погружения тела в воду, ибо процесс пищеварения практически не успел начаться.

Николя поднял руку, призывая к тишине.

— Итак, подведем итог. Наш утопленник незадолго до смерти ел и пил. Мы предполагаем, что именно за едой его и отравили. Вероятно, он упал на спину, о чем свидетельствует шишка и царапина на затылке. В этой позе его куда-то потащили. Его одежда перепачкалась навозом, но вода смыла грязь, оставив лишь небольшие ее частицы под воротником. Таким образом, приходим к заключению, что в воду бросили уже труп. Это предположение совпадает с результатами моих поисков вокруг Большого канала.

И он подробно рассказал о своих находках.

— И все же, — произнес Бурдо, — хочу выступить в роли адвоката дьявола. Наша жертва вполне могла использовать травку для совершения самоубийства или проглотить ее случайно. А нам надо точно знать причины смерти. Кто-то мог просто избавиться от тела, чтобы не отвечать за смерть покойного.

— На мой взгляд, — выступил Семакгюс, — подобного рода предположения не имеют под собой оснований. Я уверен, жертва ела и пила, ни о чем не подозревая. Преступники хотели заставить торопливого следователя поверить в самоубийство или в случайную смерть.

— Предлагаю на сегодня остановиться, — сказал Николя. — Тем более что распутывать это дело предстоит нам.

Семакгюс попытался соблазнить компанию направить свои стопы к некоему виноторговцу, недавно открывшему свой трактир, где подавали любимую ими всеми великолепную телячью вырезку. Загадочным образом бывший корабельный хирург всегда первым узнавал о новых трактирах и первым их опробовал. Он утверждал, что посещать новые заведения нужно именно в первый месяц их существования, когда тебя вежливо обслуживают, скатерти чистые, хозяин сама любезность, а блюда прекрасно приготовлены. Ибо рвения и старания хватает ненадолго, и вскоре все меняется: о порядке нет и речи, а обходительность и быстрота обслуживания уступают место грязи и небрежению. И приходится искать новое заведение, сменившее не только хозяина, но и вывеску, выписанную ядовитыми ярко-синими буквами в обрамлении паштетов, пулярок, упитанных кроликов и фруктов. Несмотря на час ужина, соблазнительные предложения хирурга были отвергнуты. Сансона ждали в семейном кругу, а жена его любила точность. Николя же мечтал только об отдыхе.

Они расстались; Бурдо проводил комиссара до портика, где нанятый для такого случая мальчишка сторожил его лошадь. По дороге Бурдо с таинственным видом сообщил, что знает, как получить кое-какие сведения о Ренаре. Еще он сказал, что завтра рано утром отправляется в Бастилию допрашивать субъекта, подозреваемого в шпионаже в пользу Англии. Усталый и отягощенный новыми сведениями, Николя тихой рысью доехал до улицы Монмартр. Чувствуя существование некой загадочной сети, опутавшей и неведомых пока убийц, и полицейского, и слуг королевы, а теперь и труп убиенного Ламора, он понимал, что последствий ожидать следует исключительно мрачных.

Добравшись до дома, он поручил Резвушку Пуатвену; лошадь тотчас узнала слугу, которому не раз доводилось заботиться о ней, и радостно фыркнула в поднесенные к ее ноздрям руки. Увидев мрачную физиономию Николя, Катрина решила полечить его по-своему. Несмотря на протесты, она заставила его раздеться и осмотрела шрамы. Рубцевание шло своим чередом, вызывая сильный зуд. Желая освежиться после дня, проведенного на жаре, Николя

рвался облиться водой из насоса. Однако она убедила его не бередить затянувшиеся раны и намочить только ноги и голову, отчего ему сразу станет легче.

Когда он, в одних подштанниках и рубахе, вернулся со двора, Катрина ждала его с ситцевым халатом господина де Ноблекура. Накинув невесомый халат, он почувствовал истинное облегчение. Подтолкнув его к лестнице, Катрина сказала, что господин де Ноблекур желает поговорить с ним. Ноблекур, в белом хлопковом костюме, сидел в кресле напротив открытого окна и с несчастным видом ел сухарики, запивая их отваром шалфея. Завистливым взором он окинул принесенный Катриной поднос, предназначенный для Николя. На подносе лежала разрезанная жареная курица, свежий хлеб и стояла бутылка вина из Иранси. Стоило старому магистрату попытаться придвинуться к одноногому столику, куда поставили ужин для Николя, кухарка буквально взвилась от гнева. Их бурный диалог разбудил спавших в корзинке Сирюса и Мушетту; пробудившись, оба с нескрываемым интересом уставились на дичь.

— Катрина описала мне ваше состояние, и мне отчасти даже совестно вас задерживать. Однако ситцевый халат, курица и стакан доброго вина в дополнение к недолгой беседе прекрасно подготовят вас к освежающему сну. Ум, засыпающий в обстановке благополучия, просыпается утром еще острее, чем накануне. Вы же знаете, как ваши рассказы подогревают мое стариковское воображение!

— Мне кажется, старик чувствует себя прекрасно, и вчерашнее пиршество, слава богу, никак не ухудшило его здоровье.

— Ухудшило… слово выбрано как нельзя верно. Сейчас настроение у меня вполне игривое и болтливое, но оно может резко ухудшиться, особенно когда смотришь на эту бутылку, в то время как у тебя под рукой…

Он с видимым отвращением указал на кувшин с отваром:

— …стоит сей источник молодости, из коего мне приходится орошать паштет из черствого хлеба. Согласно предписанию Троншена, в этом подобии пищи я обязан находить удовольствие. Как видите, меня вынуждают приобщиться к сонму святых отшельников.

И, благочестиво сложив руки, он, лукаво подмигнув Николя, воздел их к небу.

— Господин староста церкви Сент-Эсташ, похоже, вы забыли, что:

Святость — высшее блаженство.

Соблюдая лишь посты, вряд ли ты его достигнешь.

Ноблекур выглядел столь несчастным, что изумленная Мушетта замяукала от неожиданности.

— Секите, бейте — все приму без возражений.[35] И приступайте к еде; вы будете есть за нас двоих!

Набросившись на дичь, Николя принялся разрывать ее своими крепкими зубами. Утолив первый голод, он стал рассказывать о деле, из-за которого ему пришлось покинуть вчерашний ужин. С самого начала своего знакомства с Ноблекуром он не имел секретов от почтенного магистрата, умевшего как никто хранить чужие тайны. Ноблекур слушал внимательно, обхватив руками голову, с которой ниспадали густые букли парика, и, казалось, размышлял. Его поза заинтриговала Мушетту; кошечка прыгнула к нему на плечо и попыталась мягкой лапкой расцепить его пальцы. Наконец бывший прокурор сдался и, взяв киску поперек живота, удобно устроил ее на коленях и принялся почесывать за ухом, отчего та довольно замурлыкала.

— Но, черт побери, чего все хотят от несчастной королевы? Совсем недавно благодаря вашему вмешательству она выпуталась из пренеприятной истории, куда ее вовлекли долги. И вот тебе на! Опять то же самое! Украденная драгоценность, гнусная клевета, готовая стать достоянием широкой публики именно в тот момент, когда вот-вот официально объявят о ее беременности. Что еще? Ах, да, непристойные книжки, которыми ее снабжают. Точнее,

снабжает некий бесчестный инспектор полиции, из корысти ставший поставщиком гадостей.[36]Интересно, какими неосторожными поступками она навлекает на свою голову столько неприятностей?

— Возможно, — размышляя, проговорил Николя, — она ведет замкнутый образ жизни, приставший скорее частному лицу, нежели супруге монарха. И потому вызывает всеобщий интерес.

— Вот воистину проницательное замечание, приближающее нас к истине. Однако рассмотрим все по порядку. Что касается памфлета, на собственном опыте знаю, что покупка молчания одного шантажиста придает смелости множеству других, ступающих на скользкий путь шантажа. Да, вот уж поистине честный способ заработать состояние! Пригрозить написать мешок пошлостей и растиражировать их… И на тебе, словно из рога изобилия, сыплется манна небесная!

— Эта война проиграна заранее. Берье, Сартин, а теперь Ленуар ведет ее, как и прежде, безуспешно.

— Доведите до сведения анонимов, известите их через печать, что больше никаких переговоров не будет, и вы увидите, как сия дурно пахнущая река мгновенно пересохнет. Одновременно окажите покровительство и превознесите тех борзописцев, что прославляют достоинство и добродетели наших повелителей. Вспомните, что сделал часто подвергавшийся нападкам Людовик Великий: он собрал вокруг себя самых талантливых литераторов, дабы они возносили ему хвалу. Но, насколько я понимаю, у вас есть что возразить на мои предложения.

— Нет, прошу вас, продолжайте.

— Для того чтобы мутные волны клеветы окончательно нас не захлестнули, вы — совершенно справедливо — полагаете необходимым запретить торговлю крамольными изданиями. Но при этом нельзя забывать, что клевета — постоянный гость на страницах хроники. Некий высокопоставленный и могущественный придворный, мой друг…

Старый магистрат прочистил горло, и Николя тотчас догадался, о ком речь.

— …коему почтенный возраст позволяет сравнивать, доверительно сообщил мне, что все, что делает или только намеревается сделать королева, все, что она сказала или не сказала, тотчас становится достоянием гласности, обсуждается, передается из уст в уста, искажается и превращается в сплетню. А для сплетен любые поводы хороши. Если королева питает нежную дружбу к наиболее преданным ей придворным, ее объявляют влюбленной. Когда речь заходит о ее подругах, я даже повторить не решаюсь, что об этом говорят. Когда хвалят ее милосердие и предупредительность, спешат добавить, что хорошо бы ей быть такой со всеми. Уставшая от своего состояния, томимая жарой, она отыскивает укромный уголок на террасе дворца, чтобы подышать свежим воздухом, и это невинное желание воспринимается как нечто подозрительное, давая пищу для пересудов, — ни на чем и на всем, на пустом месте и там, где яблоку негде упасть.

Про себя Николя улыбался: Ноблекур оседлал любимого конька, и его устами заговорил жрец Дао.

— Все может стать поводом для осуждения! Королева со всеми любезна — ее называют кокеткой. Она ничего не делает — ее подозревают в плетении интриг. Она живет простой жизнью — задаются вопросом, что за этим кроется. Дурные слухи распространяются быстро. Постепенно все привыкают смотреть на нее глазами клеветников. Вымысел обретает плоть, и тысячи людей начинают ему верить. Королеву все меньше видят такой, какая она есть, и все больше такой, какой ее знают по слухам.

— Какой задор! Сколько бодрости! Со времени смерти Вольтера вы существенно помолодели. А какой пламенный адвокат!

— Смейтесь, смейтесь, мальчишка!

— И какие уроки, какие советы вы дадите, исходя из столь бурного вступления? Что может сделать Ее Величество, чтобы оградить себя от клеветы?

— Разумно возвеличивать то, что требует от нее традиция. Скажите, дорогой Николя, кем она стала после того, как пересекла границу нашего королевства? — Законодательницей мод. Но разве такую роль должна играть королева Франции? Шляпки, прически, платья, шали, туфли считаются красивыми только в том случае, если она ввела их в моду и сама их носит. Посмотрите на успех Бертен, ее модистки. Можете вы припомнить хотя бы одну из наших королев, которая бы стала королевой модной лавки? Мария-Терезия, супруга нашего великого короля, отличалась молчаливостью и набожностью. Наша добрая полька, супруга покойного короля, была набожна и молчалива. Разве что новое блюдо в ее честь получило название «буше-а-ля-рен»![37] А что мы видим сегодня? Король, честный и верный муж, слывет слабым монархом, а его супруга, которую все считают легкомысленной, по убеждению многих, вертит им как хочет!

— Ах! Наш прокурор негодует.

— Нисколько! Я просто шаг за шагом продвигаюсь по дороге истины. Все тот же друг, один из сорока академиков, утверждает, — ах, мне больно повторять его слова, — что в глазах общества королева занимает то же место, что и прежние королевские фаворитки. Измерьте всю глубину падения. Нападая на фавориток, нападали на короля, но при этом не затрагивали величие трона. Сейчас же слова, которыми рисуют портрет королевы, по своей непристойности далеко превосходят все, когда-либо написанное о Помпадур или Дюбарри. Предлогом может послужить любая мелочь. А представьте, что начнется, если узнают, что она читает непристойные книги. Станут говорит, что она насквозь порочна и ищет в этих книга вдохновения для очередных оргий, хотя речь идет всего лишь о любопытстве молодой женщины, попавшей в дурное общество. То, о чем знают понаслышке или, наоборот, слишком подробно, никогда не вызывает уважения. Наши короли и королевы должны заворачиваться в плотные мантии обычаев, которые защищают их и внушают подданным уважение к их особам. Они должны позволять лицезреть себя и приближаться к себе только в согласии с традициями парадного этикета. Король допустил изгнание этикета из своего окружения. Именно изгнание. Он мог бы себе это позволить, если бы обладал величественным и внушительным видом, но, несмотря на его высокий рост, ему не хватает представительности.

— Однако во время личных аудиенций он выглядит совершенно иначе.

— Потому что он знает и ценит вас, и его робость отступает. Он даже перестает сутулиться! Но вернемся к королеве. Думается мне, следует убедить ее прочесть направленные против нее памфлеты. Из них она хотя бы от противного узнает, что ждет от нее народ. Двор — это большой театр, а она сократила труппу, оставив лишь маленький кружок своих приближенных. Даже самая тонкая кисть не сможет написать ее парадный портрет. Она тушуется, предпочитая оставаться незамеченной, в то время как ее долг — пробуждать мысли о величии государыни, а не заставлять думать о ней как об обыкновенной женщине, чьи поступки становятся добычей сплетников, всегда готовых вывернуть их наизнанку. Времена нынче тревожные, и ради сохранения спокойствия в королевстве ей следовало бы прекратить подбрасывать пищу для пересудов!

Обычно невозмутимый Ноблекур крайне редко говорил так взволнованно. Однако, несмотря на возбуждение, в речах его, как всегда, звучал голос разума. Его недавний разговор с герцогом Ришелье давал немало поводов как для размышлений, так и для негодования. Как частное лицо, герцог подверг нынешний двор язвительной критике, однако удалиться от двора он не мог: всей своей жизнью он был связан с Версалем, хотя, в сущности, там в нем давно никто не нуждался. Королева злилась на него за то, что он числился среди поклонников Дюбарри. Король не любил его за то, что он поощрял любовные интрижки его деда. Но маршал не мог жить без двора; впрочем, теперь он вел себя осмотрительно, можно даже сказать скромно. И только во время встреч со старыми друзьями, к коим принадлежал и Ноблекур, он,

зная, что ничем не рискует, позволял себе горькие и язвительные высказывания, нападая без всякого снисхождения на первых лиц королевства. Особенно доставалось от него королеве.

— Ваше дело, — без промедления продолжал Ноблекур, — кажется мне ясным в начале, но крайне запутанным в его предполагаемом конце. В нем слишком много незнакомцев. Запутанные махинации, без сомнения, связаны между собой, а потому в первую очередь надо определить степень продажности нашего Ренара, а также в чем суть дела о памфлетах. Исходя из ваших рассуждений, следует признать, что вчера ночью сей полицейский побывал в Версале. Находка второго рыжего парика свидетельствует о том, что один человек захотел выдать себя за другого. Об этом на первый взгляд говорит и свидетельство караульного у Морских ворот, и жетон допуска в сады королевы. Но если исходить из рассказа Ретифа, то во время совершения преступления Ренар предавался разврату с одним из расплодившихся нынче ганимедов. Не хочу недооценивать вашу полицию, поэтому полагаю, что она и на этот раз докажет свою эффективность, отыскав и заставив говорить сего ганимеда. Если он подтвердит, что этой ночью Ренар пребывал у себя в гнездышке, вам будет проще понять события этой ночи. Ну а в заключение следует сказать, что, судя по всему, у вашего инспектора в Версале есть сообщники. Ведь Ламор, получив в Воксхолле инструкции от Ренара, тотчас куда-то отправился.

— Предполагаю, Ренар отправил его в Версаль предупредить — только вот кого? — о моем прибытии.

— Значит, ему предстояло с кем-то встретиться. Где? Почему? Ответив на эти вопросы, вы сразу сделаете большой шаг вперед. На вашем месте я бы всерьез заинтересовался женой инспектора. Кокетливая и легкомысленная, если верить словам вашего австрийского министра, она принадлежит к ближайшему окружению королевы. Смотрите на положение вещей как в целом, так и в деталях. Прозревайте истину во всех ее обличьях. Отгородитесь каменной кладкой точности и уверенности, скрепите кирпичи истины быстросохнущим цементом, ищите причину и справа и слева. И соотноситесь с автором «Сатир» и «Од».

И он хлопнул по лежавшей перед ним книге.

— Впрочем, сейчас я читаю Плавта, его комедию «Близнецы», где автор обыгрывает возможные последствия полного сходства двух своих персонажей.

— Что вы сказали? А, вы напоминаете мне о Горации!

Пытаясь придать смысл этому имени, Николя принялся измышлять самые невероятные предположения, однако ни в одном из них не нашлось места даже для тени латинского автора.

— Обратите на этого Горация самое пристальное внимание и постарайтесь понять, не скрывается ли под этим псевдонимом тайный кукловод, которого вы ищите. Засим я возвращаюсь к Плавту, а вы отправляетесь спать, ибо ваши глаза, перестав вам повиноваться, закрываются сами.

— О, сколько энергии в ваших словах! Сколько оптимизма! Возблагодарим же шалфей и доктора Троншена!

— Идите, идите отсюда! — со смехом проговорил Ноблекур, погрозив — к великому возмущению Мушетты — Николя тростью; напуганная кошечка спрыгнула на пол и выскользнула в открытую дверь.

— Уходите, только окажите мне еще одну маленькую услугу. Отнесите Сирюса на пару минут во двор. Он стареет, и ему тяжело спускаться по лестнице, так же как и мне! А завтра утром передайте мне через Катрину тот лист с партитурой, что нашли у вашего Ламора; мне бы хотелось взглянуть на нее поближе.

Николя осторожно взял старенького песика на руки. Сирюс тявкнул и лизнул ему руку. Николя не хотел об этом думать, но приходилось соглашаться: собачка состарилась. Товарищ Мушетты больше не мог, как прежде, следовать за ней повсюду. Шаловливая и

свободолюбивая, теперь кошечка легко избегала его придирчивого внимания. Большую часть дня песик спал на подушке, проявляя активность либо во время еды, ибо, как и прежде, отличался отменным аппетитом, либо когда предоставлялась возможность выразить свою привязанность хозяину и его друзьям. Когда Николя переехал на улицу Монмартр, Сирюс был в расцвете сил, а теперь, по человеческим меркам, он, возможно, достиг возраста Ноблекура, а может, и перешагнул его. От сознания неизбежности расставания ему стало жутко. Во дворе старенький песик нетвердым шагом направилась под липу, где привык справлять свои естественные надобности; зрение у него давно ослабло. Пуатвен следил за тем, чтобы место всегда оставалось чистым. В городе же, в чем Николя убеждался каждый день, дела обстояли совсем наоборот. Парижане любили животных. Ни богатые, ни бедные не могли без них обходиться. В жилищах парижан водились собаки, кошки, канарейки, вьюрки, попугаи, голуби, горлицы и даже сороки. В комнатах, несмотря на запреты полиции, устраивали крольчатники, где в тесноте обитали целые выводки кроликов. Обилие всевозможного зверья не способствовало ни чистоте городских улиц, ни покою горожан. Объедки и экскременты животных устилали лестницы и проходы между домами. Остатки от кормежки животных увеличивали поголовье крыс, наводнявших древнюю столицу. Николя донес Сирюса до дверей спальни Ноблекура и усадил у входа; хозяин комнаты, сидя в кресле, дремал над Плавтом.

Жара стояла удручающая. Раздевшись догола, Николя вытянулся на кровати. Из-за зуда, причиняемого зарубцевавшимися шрамами, он никак не мог заснуть. Перед его внутренним взором чередой проходили события последних дней, однако выводов он сделать не сумел. Потом он долго исследовал закоулки своей памяти, силясь отыскать нечто очень важное, о чем он никак не мог вспомнить. Когда пробило три, усталость наконец взяла свое, и победоносный Морфей заключил его в свои объятия.

Суббота, 8 августа 1778 года.

С раннего утра стояла нестерпимая жара, и Николя, несмотря на уговоры Катрины, окатился холодной водой, накачав ее насосом в большое ведро. Он сразу почувствовал облегчение. Примчавшаяся кухарка принялась промокать его тело губкой, дабы он не стал растираться и не содрал корки с подживающих ран. К счастью, ни один из шрамов не начал кровоточить. Едва он успел позавтракать, как ему сообщили, что его спрашивает какой-то старик. Не говоря ни слова, старик передал ему письмо, запечатанное простой печатью без герба и иных опознавательных знаков: в записке ему назначалось свидание в часовне Валь-де-Грас в десять часов утра. Послание заинтриговало его прежде всего потому, что автор, несмотря на анонимность, явно был уверен, что Николя непременно явится на свидание. В оставшееся время он, сидя на кухне, поболтал с Катриной и Марион, безмерно счастливыми, что у него нашлось для них время. Обе относились к нему по-матерински — возможно, потому, что ни у одной, ни у другой детей не было.

Пуатвен привел ему Резвушку. Вычищенная, накормленная и обласканная старым слугой, кобыла радостно била копытом. Сначала они поедут в аббатство Валь-де-Грас, а потом в Управление полиции, где ему надо рассказать Ленуару о последних событиях и доложить, как продвигается расследование. Путь на улицу Сен-Жак лежал через Сите. Проезжая по мосту Нотр-Дам, он услышал, как кто-то громко позвал его по имени. Обернувшись и узнав Сортирноса с его переносным нужником, он остановился. Приблизившись, осведомитель приветствовал его.

— Послушай, Николя, куда ты так торопишься на этой кляче?

Резвушка забила копытом о землю и недовольно заржала.

— О, она сама тебе ответила, — рассмеялся Николя. — Плутовка очень чувствительна. Но ты как раз вовремя. Ты мне нужен.

— Всегда к твоим услугам, — ответил Сортирнос, стараясь держаться от лошади на расстоянии.

— Знаком ли ты с Филином?

— Ночной человек, что-то вроде всевидящего хромого беса. А то нет!

— Он постоянно меняет место жительства. Постарайся найти его как можно скорее и передай ему, что я буду ждать его сегодня в шесть вечера в известном ему месте. Запомнишь?

— Порядок, голова еще работает. Бегу на охоту и, уверен, быстро отыщу твоего субчика. Тебе не придется долго ждать!

— Не сомневаюсь! — ответил Николя, бросая ему двойной экю, который Сортирнос подхватил на лету.

Толпа пешеходов стала столь плотной, что Николя пришлось ехать шагом, и он смог насладиться зрелищем уличной жизни, кое всегда считал необычайно поучительным. На стенах еще висели обрывки афишек, расклеенных лордом Стормонтом перед его отъездом из Парижа.

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

Покидая Париж, английский посланник просит всех, кто считает, что он ему задолжал, как можно скорее явиться к нему в особняк, дабы уладить дело; после 20-го числа сего месяца никакие претензии приниматься не будут. Издано в Париже, во вторник, 17 марта 1778 года.

Разрешено к печати и расклеиванию 17 марта 1778 года

Ленуар

Большинство афишек были порваны, а сохранившиеся испещряли грубые ругательства, нацарапанные куском угля. В очередной раз Николя поразился, как много в столице нищих. Провинции выплескивали на грязные парижские улицы все больше и больше людей. Одни едва сводили концы с концами, другие сразу становились на стезю преступлений. Но и городской житель, уделом которого являлся тяжелый физический труд, тот, кому приходилось спускаться в карьеры по добыче камня или, преодолевая головокружение, подниматься на крыши, всего лишь поддерживал сиюминутное существование, не имея возможности обеспечить себе достойную старость. И когда этот парижанин не сможет больше работать, выбор у него будет не велик: паперть или богадельня. Но кто захочет добровольно отправиться в богадельню, где предоставляемая из милосердия кровать в сто раз ужаснее голых досок ложа бедняка? С этими мыслями Николя прибыл в аббатство Валь-де-Грас.

В монастырском дворе стояла карета без гербов, явно принадлежавшая знатной особе. Надвинув шляпу на лицо, на козлах, подобно статуе, застыл кучер. Николя привязал поводья Резвушки к кольцу. На мгновение ему показалось, что таинственное свидание, как уже не раз бывало, таит в себе ловушку. Да и место подходящее.

Он вошел в святилище с залитой солнцем улицы, и глаза его некоторое время привыкал к полумраку. В соборе царила прохлада, и по его испещренному шрамами телу пробежала дрожь. Он подошел к главному алтарю. Мраморная скульптурная группа под балдахином изображала младенца Иисуса, Деву Марию и святого Иосифа. Подняв голову, он залюбовался росписью купола: изображенный на нем небесный свод казался творением не человека, а самого Создателя. У него закружилась голова. Взволнованный, он преклонил колени и принялся шептать заученные в детстве молитвы.

Внимание его привлек левый алтарь, ярко освещенный огнями множества свечей слева; алтарное помещение, убранное тяжелыми черными драпировками, расшитыми серебряными язычками пламени, окружала искусно выполненная бронзовая решетка. Он приблизился, и

перед статуей Анны Австрийской заметил коленопреклоненную женщину, закутанную в черную вуаль. Сердце основательницы аббатства покоилось в склепе рядом с сердцами Тюренна, Конде и других членов королевской семьи.

— Наконец-то вы пришли! — раздался приглушенный женский голос, показавшийся ему знакомым. — Толкните калитку, входите и опускайтесь на колени рядом со мной.

Подчинившись, он занял указанное ему место, и его немедленно окутали ароматы румян и фиалки. Повернувшись к нему, женщина осторожно приподняла уголок вуали и быстро опустила его обратно. Но за этот миг он сумел узнать надменное лицо Мадам Аделаиды, дочери покойного короля.

— Я последовала совету моего отца. «Вы можете доверять нашему дорогому Ранрею», — часто говорил мне он. Уже дважды, сударь, вы оказали мне поистине бесценные услуги. Не зная, какому святому молиться, я вынуждена снова прибегнуть к вашей помощи.

— Поверьте, Мадам…

— У нас нет времени на соблюдение этикета. Почему все ополчились против меня? Несчастная давно уже живет в стороне от двора, но все почему-то хотят вновь заманить ее в сей нечестивый вертеп.

— Не может ли Ваше Высочество объяснить мне, каким образом я могу быть вам полезен?

— Вы правы. Несколько дней назад во время прогулки ко мне подошел какой-то человек. Я подумала, он хочет вручить мне какое-нибудь прошение. Однако он настоял, чтобы я выслушала его, и я это сделала. Зная о моей любви к королю — моему племяннику, он попросил меня оказать Его Величеству важную услугу и предупредил, что если я откажусь, может разразиться скандал, и брызги грязи полетят в королевскую семью. Представляете, как я разволновалась: ведь я была одна, без сопровождения. Что говорить? Что делать? Я даже представить себе не могла….

Понимая, что пора прервать поток слов, иначе Мадам никогда не доберется до сути дела, Николя промолвил:

— Не могу ли я попросить вас в точности передать его слова?

Мадам Аделаида взглянула на памятник Анне Австрийской, поджала губы и, переведя взор на Николя, вздохнула, перекрестилась и вытерла несколько слезинок.

— Я не осмеливаюсь произнести слова, которые он мне сказал. Этот человек передал мне копию, а может, и первую страницу… Право, не знаю. Действительно, моя племянница слишком часто забывает, что ее положение обязывает. Какое легкомыслие! Какая неосторожность! Почему бы ей не брать пример с нашей матери, такой набожной, такой скромной. Зачем отстранять госпожу де Ноайль? Она давала такие разумные советы! Словом, в этой грязной бумажке осмеливаются намекать… Нет! Я не смогу этого произнести.

Она вытащила из рукава листок бумаги, явно читаный-перечитаный, скомканный, расправленный и снова свернутый, и протянула ему. Он узнал его с первого взгляда: это была копия текста, который инспектор Ренар передал Ленуару.

— Следовательно, сударыня, некто предложил вам в обмен на кругленькую сумму сделать так, чтобы сей пасквиль исчез и не получил распространение среди публики. И вы, таким образом, становитесь тайной спасительницей репутации королевы и репутации Их Величеств, обеспечив тем самым неприкосновенность трона.

— Он говорил так настойчиво и убедительно, что я едва не пошла у него не поводу. Но потом опомнилась. Срок, данный мне, чтобы собрать выкуп, остудил мой пыл. И я вспомнила о вас. Я не забыла оказанных вами услуг. Сейчас я в растерянности и жду вашего совета.

— Могу ли я попросить, тем более что, полагаю, вам это будет не трудно, описать мне человека, посмевшего подойти к вам с подобным предложением.

— Ранрей.

Ее интонации так напоминали покойного короля, что Николя вздрогнул.

— Это было позавчера вечером или днем раньше, в Бельвю. Я шла по аллее, обсаженной высокими деревьями, намереваясь подышать свежим воздухом. Сейчас очень жарко! Ко мне подошел субъект весьма жалкой наружности, больше похожий на лакея, нежели на дворянина. Меня поразил рыжий цвет его парика без единой пригоршни пудры и очки с темными стеклами, совершенно неуместные в такой час.

Она задумалась, покусывая, словно ребенок, ноготь большого пальца прямо через вуаль, закрывавшую ей лицо.

— Мне показалось, он пытался изменить голос. Может, он говорил с полным ртом? Или насовал за щеки камешков?

При этих словах на ее растерянном лице появилась улыбка, на миг напомнившая Николя ослепительную красавицу, некогда встреченную им во время охоты на лань.

— Господи! Что же делать?

— Ничего, Мадам. Смею вас заверить, больше он беспокоить вас не будет. Ваше дело перекликается с расследованием, подробности которого вам ничего не скажут. Ни о чем не тревожьтесь. А если с подобными предложениями к вам осмелится подойти еще-кто-нибудь, немедленно зовите меня. И позвольте мне оставить у себя листок, который вам столь нагло всучили.

Вместе с листком она протянула ему руку для поцелуя и, преклонив колени у подножия статуи королевы, продолжила молиться.

Во дворе Резвушка ударяла копытом по каменным плитам и, опустив голову, с удовольствием прислушивалась к гулким звукам. Затем, испустив веселое ржанье, снова ударяла копытом.

Только вскочив в седло, Николя понял, какой важный факт ему случайно удалось узнать. Однако почему он уверенно пообещал Мадам Аделаиде, что она больше не увидит своего наглого просителя? Впрочем, если речь шла о Ламоре, обещание он уже сдержал: труп несчастного, подвергнувшийся вскрытию, почти сутки покоился на столе в морге и мог явиться принцессе только в кошмарных снах. Однако не исключено, что кто-то иной пожелал выдать себя за посыльного герцога Шартрского и натянул на себя его тряпье. Но кто это мог быть? Принимая во внимание подробности, изложенные принцессой, все указывало на инспектора Ренара. Похоже, в обличье Ламора он пытался шантажировать тетку короля. Расчет казался верным. Каждый знал, сколь далеки затворницы Бельвю от придворной жизни, а значит, и от королевы. Но именно эти затворницы в свое время прозвали юную Марию-Антуанетту Австриячкой. Король, хотя и любил теток, отдалился от них, и Аделаида могла пойти на все, лишь бы вновь снискать его расположение. А ее пылкий нрав в соединении с наивностью делали ее наиболее удобной жертвой шантажиста.

Внезапно Николя поразила одна деталь. Если Ренар принял обличье Ламора, значит, в то время лакей еще был жив, и кто-то пытался скомпрометировать его или же сделать алиби для подлинного шантажиста. Но Ламор больше не появлялся, ни он сам, ни его двойник. Инспектор, если, конечно, он стоит в центре интриги, вряд ли посмеет снова побеспокоить Мадам Аделаиду, тем более что при дворе он частый гость и вполне мог встречаться с теткой короля, которая хотя и появлялась в Версале редко, но все же не настолько, чтобы ни разу не столкнуться с инспектором. Видимо, Ренар извлекал дополнительные выгоды из своего ремесла, торгуя гнусными книжонками, которые по долгу службы он конфисковывал у книгопродавцев. А его роль посредника между авторами памфлетов и подпольными типографами сводилась к торгу, и он, скорее всего, получал отступные и от одних, и от других. Интересно, знали ли те, кто передавал ему солидные суммы, как он увеличивает собственное

вознаграждение? Благодаря своей должности он получал в руки подрывные издания, а потом занимался торгом и шантажом. Успех предприятия держался на испуге, отчаянии, боязни скандала и ловком манипулировании интересами государства. Инспектор получал дивиденды и улаживал дела к всеобщему удовольствию. В этой грязной истории еще оставалось немало темных мест, но разум, логика и интуиция сыщика помогут пролить на них свет.

Прибыв в Управление полиции, Николя доложил обо всем Ленуару. Начальника взволновал новый поворот событий, но еще большее впечатление на него произвел рассказ о загадочном трупе, выловленном из Большого канала. Впрочем, перед прибытием Николя его встревожила еще одна новость, только что доставленная из Версаля. Мальчик-сирота, взятый королевой на воспитание, стал жертвой несчастного случая; последствия могли оказаться гораздо более плачевными. Ребенок боялся огнестрельного оружия, и чтобы побороть его страх, ему подарили запальное ружье; но мальчишка-прислужник, обязанный заряжать это ружье, оказался таким неловким, что нечаянно допустил возгорание пороха в рожке; порох взорвался и опалил ребенку лицо. Случилось это в комнате, соседней с той, где сидела королева. Подобная неосторожность могла иметь роковые последствия, так как в ее положении королеве нельзя волноваться.

В глубине души Николя сожалел, что Ленуару, управляющему огромным городом, отвечающему за его безопасность, снабжение продовольствием и вдобавок — так как королевство вновь пребывало в состоянии войны — вынужденному следить за подозрительными иностранцами, приходится забивать голову подобными пустяками. Почему начальник полиции должен растрачивать свой ум и свои способности на столь ничтожные происшествия — только потому, что они касаются королевской семьи?

Возвращаясь к интересующему их делу, Ленуар попросил своего следователя по особым поручениям как можно скорее ответить на вопрос: предъявлять ли обвинения инспектору Ренару или оставить все как есть? Полицейским приходилось постоянно отбиваться от суровых критиков, ибо обстоятельства частенько вынуждали их нарушать законы, на страже которых им предписывалось стоять; на протяжении своего существования полиция успела основательно замарать собственную репутацию. Поэтому, если Ренар виновен, от него следовало немедленно избавиться, чтобы он не порочил честь полицейских, которых Берье, Сартин и Ленуар старались набирать из людей бескорыстных и преданных.

— Николя, — продолжил генерал-лейтенант, — боюсь, за всем этим кроется какая-то запутанная интрига. Прежде чем сделать шаг, хорошенько подумайте. Помните, что дерзость Ренара проистекает из его уверенности в своей безнаказанности, возникшей, скорее всего, по причине наличия у него высокопоставленного покровителя. Однако утрата чувства самосохранения зачастую приводит нас на край пропасти.

На этой сивиллиной фразе Ленуар закончил разговор. Так как Резвушку поставили в конюшню, Николя, в надежде, что Бурдо уже ждет его, добрался до Шатле в двухколесном портшезе. Во дворе, прямо перед портиком, он увидел придворную карету. Мальчишка-посыльный плутовато подмигнул комиссару, а папаша Мари с заговорщическим видом встретил его на верхней ступеньке лестницы. Что могло случиться в старинном тюремном замке, что вызвало такое волнение?

Войдя в дежурную часть, он увидел ухмыляющуюся физиономию Бурдо. Внезапно две нежные руки прикрыли ему глаза, окутав его облаком жасминного аромата. Некто невидимый нежно прижался к нему.

— Отныне, — прозвенел мелодичный голос, — я буду появляться неожиданно, словно по волшебству, беря пример с феи Мелюзины. Вы постоянно исчезаете, оставляя меня в неведении.

— Мне кажется, я слышу речи госпожи Бурдо, — проворчал инспектор. — Стоит женщинам открыть рот, как последствия обрушиваются на наши головы.

— О, не имею ничего против появления, словно по волшебству, — проговорил Николя, окидывая нежным взором Эме д'Арране, — лишь бы, подобно вышеозначенной фее из Лузиньяна, вы не являлись мне в облике змеи.

— Фи! Грубиян!

— И давайте уточним, сударыня: я не исчезаю! Расследование вынуждает, а служба королю обязывает.

— Расследование! Опять расследование! Всегда и всюду! Ваши расследования идут одно за другим, тянут друг друга за руки и показывают мне язык. Они выжигают вас изнутри, превращая в старикашку. Вас можно встретить только случайно, а это слишком суровая перспектива для нежного сердца.

— Нижайше благодарю за старикашку! Наконец-то вы говорите искренне!

— А что мне остается делать, если я люблю этого старикашку?

— Довольно шуток, ведите себя серьезно. Мне надо поговорить с Бурдо. Но сначала давайте уточним: что я могу для вас сделать?

— Я приехала из дома, чтобы пригласить вас отобедать со мной.

— С каких это пор дамы приглашают кавалеров?

— С тех пор как кавалеры перестали приглашать дам.

— Но послушайте, Эме! Расследование…

— Расследование подождет, — вмешался растроганный Бурдо; он с первой же встречи принял мадемуазель д'Арране и не питал к ней ни капли ревности. — Обед пойдет вам на пользу и поможет восстановить силы.

— Да здесь настоящий заговор! — воскликнул Николя. — И заговорщики налицо! Я уступаю, но это не значит, что подобные похищения войдут в обычай. Подождите меня у себя в карете, никуда не ходите и ни с кем не разговаривайте.

— Подчиняюсь Великому Паше и отправляюсь в свой сераль на колесах, — бросила Эме, отвесив обоим сыщикам такой изящный поклон, что они еще долго стояли, ощущая на себе воздействие чар красавицы.

Николя рассказал Бурдо о поездке в Валь-де-Грас. Инспектор согласился с ним, что попытка Ренара шантажировать принцессу явно предшествовала смерти лакея герцога Шартрского. Получается, причиной убийства стали некие неведомые им события. Возникла необходимость убрать свидетеля, но свидетеля чего? Все подозрения падали на инспектора. Бурдо провел беседу с Симоном; оказалось, узник привык к постоянным допросам. Его допрашивали люди из Морского министерства, из полиции, еще какие-то непонятные люди. Однако эти допросы ни к чему не привели, и офицеры бастильского гарнизона, убедившись в примерном поведении арестанта, решили — кто взял на себя ответственность за такое решение, осталось тайной — отпустить его на свободу, но с условием, что он немедленно покинет королевство. Прибыв в одно время с приказом об освобождении, Бурдо вызвался сообщить счастливую новость узнику, а также взять с него подписку, где тот обязуется немедленно покинуть Францию и никогда более сюда не возвращаться.

— Так что у меня в руках оказались все козыри для допроса. Я начал с приятного, потом пригрозил, и все время разыгрывал — в зависимости от обстоятельств — то мягкость, то суровость.

— Представляю, как ты вел допрос, охмуряя по очереди то Талию, то Мельпомену!

— Что ж, они обе весьма достойные особы! Уверенный, что в случае необходимости сумею приостановить исполнение приказа, я заморочил Симону голову, и он поверил, что именно в

моей власти отпустить его или оставить в темнице. В конце концов он выболтал мне столько всего, что, похоже, мы наконец сможем кое-что прояснить. Однако суди сам.

Лицо Бурдо приняло сосредоточенное выражение: так случалось каждый раз, когда он хотел сообщить нечто очень важное.

— Так вот, однажды к Симону явился какой-то тип, вроде как англичанин; тип этот знал, что Симон ведет торговлю с Англией.

— Это известно из рапортов.

— Подожди, незнакомец попросил у него дозволения воспользоваться его почтовым ящиком, и Симон согласился. Но незнакомец получил всего одно письмо, содержание которого, как уверял меня Симон, ему неизвестно.

— А найденная у него в портфеле загадочная бумага с непонятной фразой, которую я уже заучил наизусть: «Если Гораций не перейдет Рубикон, придется искать другие пути»? Что она означает?

— Дополню твой вопрос: почему он сохранил этот листок?

— И как же он это объяснил?

— Торговля книгами, изданными в Гааге; книги поступают в Англию, а потом в обход таможни ввозятся во Францию. Но война и морские баталии препятствуют поставкам книг. Речь, кстати, идет не о запрещенных авторах, а всего лишь об изданиях латинских писателей.

— После скаковых лошадей — торговля книгами!

Ого, а ведь сейчас промелькнула тень Ноблекура, подумал Николя. В нынешнем крайне запутанном расследовании имя латинского автора всплывало уже не в первый раз.

VI
ВСЕГО ПОНЕМНОГУ

Лис славится своей хитростью.

Бюффон

Бурдо, перенявший манеру Николя сообщать самые интересные сведения на закуску, и в этот раз не отступил от своей новой привычки. Как и предполагалось, он встретился с инспектором Марэ из полиции нравов и комиссаром Фуко, в чьем ведении находились караульные отряды, патрулировавшие места общественных гуляний и изгонявшие оттуда тех, кто предлагал себя приверженцам греческой любви. Из их скупых слов Бурдо удалось сделать вывод, что Ренар часто появлялся в местах их дежурств, однако никто не ставил ему это в упрек. Считалось, что Ренар посещал сомнительные места в поисках новых осведомителей, а непристойные истории всегда могли стать орудием давления на нерадивых агентов. Подобные методы облегчали инспектору выполнение его основной задачи, а именно надзора за книгопродавцами. Во всяком случае, оба полицейских поддержали эту версию, сделав вид, что безоговорочно верят всем объяснениям своего собрата, хорошо принятого при дворе.

— Поддержка, которой он пользуется, несомненно, играет не последнюю роль в расстановке сил, безоговорочно сложившихся в его пользу. Поэтому хорошо бы поскорее побеседовать с его ганимедом из Воксхолла. Сегодня, в шесть вечера, у меня по этому поводу назначена встреча с Филином. Без сомнения, он отыщет нам этого молодца.

— Но это еще не все. Я разговаривал со стариком Матье.

Услышав это имя, Николя задумался.

— Не он ли работал некогда с комиссаром Ларденом?[38]

— У тебя прекрасная память. При Лардене он был кем-то вроде секретаря и старательно вел записи, касавшиеся кабачков и трактиров, где велась подпольная игра. Похоже, он действительно оказался честным человеком, во всяком случае, крушение дома Лардена не увлекло его за собой. С тех пор он работает в архиве, где его талант регистратора расцвел

пышным цветом. Он с наслаждением фиксирует и классифицирует. Он просил меня передать привет юному Ле Флоку.

— Превосходно! Что ж, скажите ему, что старикашка весьма признателен.

— Ха-ха! Дамская стрела все же попала в цель! Я попросил у Матье досье Ренара. Он скривился и не двинулся с места.

— Вот как? Он тебе отказал?

— Нет, это не в его духе. Просто подлинное досье исчезло, причем давно. Отметь, старик Матье, даже став почтенным…

— Разумеется.

— …остался хитрой бестией, его на мякине не проведешь.

— Отсюда следует предположить, что он сохранил дубликат.

— Это слишком опасно!

— Но тогда?..

— Тогда?.. Наш хитрец делает карточки, заполняя их одному ему известным шифром. На этих карточках он излагает краткое содержание досье, показавшихся ему подозрительными.

— А почему он завел такую карточку на Ренара?

— Я же тебе сказал, он шифровал только те досье, где содержался компрометирующий материал. Как, например, в нашем случае!

— Ого! Я сгораю от нетерпения.

— Только не радуйся слишком рано. Он составил карточку до исчезновения досье Ренара, на место которого вскоре встало новое досье, фальшивое, подчищенное, полное лжи и откровенного вранья! Похоже, негодяй предвидел, что когда-нибудь его затребуют. Так что нам остается лишь карточка Матье, где содержится много интересного о начале карьеры нашего инспектора.

И снова Николя оценил проницательность Ноблекура, который с самого начала посоветовал ему оценить степень продажности инспектора Ренара. И хотя свои предположения бывший прокурор высказывал весьма туманно, они почти всегда подтверждались фактами.

— Можешь мне не верить, но мне кажется, что за спиной Ренара стоит секретная служба короля, и стоит давно. В самом деле, много лет назад Ренара уговорили издать несколько памфлетов и самому наложить на них арест, а затем, воспользовавшись замешательством книгопродавца, у которого обнаружили пасквили, содрать с него немалую сумму. Так и пошло. Золото, серебро, драгоценности арестованных — Ренар ничем не брезговал. Но худшее впереди. За мошенничество он угодил в Бисетр, в то время как его сообщница, госпожа Ренар, оказалась под замком в тюрьме Сальпетриер.[39]

— И как же они оттуда вышли?

— Он всегда отличался необычайной сметливостью и умением договариваться с людьми. Влияние сыграло свою роль. У меня есть кое-какие мысли на этот счет. Решили использовать его опыт. Это было еще до Сартина.

— Похоже, он снова взялся за старое. Но как сумела его жена оказаться в штате личной прислуги королевы?

— Это доказывает постоянно возрастающую степень продажности должностных лиц, — со свирепым видом проговорил Бурдо. — Но ничего, настанет день, когда с продажными чиновниками будет покончено!

— А что если и в этот раз он является автором памфлета?

Что-то щелкнуло в голове Николя. Вытащив из кармана листок пасквиля, отданный ему Ленуаром, он поднес к нему подсвечник и принялся сравнивать его с листком, полученным от

Мадам Аделаиды. Затем достал из шкафа увеличительное стекло и тщательно исследовал оба документа.

— Теперь посмотри ты. Видишь, там, внизу, справа, на обеих страницах?

Водрузив на нос очки, Бурдо склонился и принялся внимательно разглядывать листки.

— Черт побери. Я вижу два одинаковых чернильных пятна, совершенно отчетливых, я бы даже сказал, два отпечатка пальца, и, судя по ширине, большого пальца.

— Совершенно точно, однако приглядись получше. Видишь, белая полоса, наискосок пересекающая оба отпечатка? Знаешь, что это может быть?

— Нет, а ты знаешь?

— Кажется, да. Помнишь большой палец на правой руке Ренара? Он был испачкан типографской краской, но не целиком: посредине проходила белая линия. Я очень четко его запомнил.

— И что это доказывает?

— То, что он присутствовал при печатании этого памфлета, иначе у него не было бы пятна от типографской краски. Она прочно прилипла к его пальцу, потому и оставила отпечаток. Полагаю, ты знаешь, как трудно избавиться от пятен, оставленных жирной типографской краской. Приходится очень долго оттирать золой.

— И что ты теперь намереваешься делать?

— Загнать лисицу в наши сети, окружив его нашими агентами. Ведь он всего лишь звено в цепочке. Пьер, тебе придется немедленно взяться за эту неблагодарную задачу. Нельзя, чтобы он от нас ускользнул: отныне мы должны знать все, что он делает, как днем, так и ночью. В твоем рассказе я уловил некоторую недоговоренность.

— Совершенно верно, я чуть было не упустил главное. Представь себе, что и в карточке Матье, и в подложном досье Ренара я обнаружил несколько хвалебных отзывов королевского цензора. Впрочем, вы можете возразить, что сотрудничество инспектора, надзирающего за книготорговцами, с цензором — дело обычное.

— Королевский цензор! Да, наша лисица носом в грязь не ударит!

— Все было бы хорошо, если бы этого цензора не звали Пиданса де Меробер.[40] Он, может, конечно, и цензор, но я точно знаю, что он является автором нескольких запрещенных памфлетов. Он сочинял сатиры на Мопу, а потом на Дюбарри. Помнишь те непристойные истории, что приписывали Тевено де Моранду?[41]

— Тому самому, с которым я встречался в Лондоне?

— Именно! А еще сей цензор, кажется, является автором сочинения под названием «Английский шпион, или Тайная переписка между милордом Всеглазом и милордом Всеслухом», опубликованного в Лондоне и Амстердаме. К тому же…

— Боже! Пьер, довольно, от такого изобилия пищи у меня начнется несварение желудка.

— Ничего, переваришь. Кроме того, этот человек является одним из секретарей герцога Шартрского, и я не удивлюсь, если обнаружу, что в высокопоставленных кругах у него имеются и другие связи. Ах, забыл: ваш Филин слывет его приятелем.

— Но это же прекрасно. Значит, у меня будет повод разговорить птичку.

— Наконец, я сравнил почерк на клочке бумаги из портфеля нашего Симона с почерком Пиданса. Они совершенно идентичны: нет никаких сомнений.

— Значит, по-твоему, Пиданса, автор памфлетов и покровитель Ренара, связан с Симоном, который занимается ввозом в королевство книг, напечатанных в Голландии и Англии?

— И не исключено, — добавил Бурдо, — что книги, где на переплетах указаны латинские авторы, скрывают совершенно иное содержание, а потому их приходится ввозить в обход таможни и цензоров.

— Вполне возможно. Однако контрабанда, хотя и подвергается осуждению, вряд ли может стать причиной для убийства. Мне кажется, мы по-прежнему имеем дело с видимостью, с некой прозрачной субстанцией, которой требуется мощный поток света, чтобы обрести плоть и краски. Так что нельзя терять времени. В шесть часов я встречаюсь с Филином. Что же касается Симона…

— Все меры приняты: пока он не покинет пределы королевства, за ним будут неустанно следить.

— Ты знаешь, что надо делать с Ренаром. К цензору пока приближаться не стоит, иначе мы можем разворошить осиное гнездо. А сейчас я пешком отправлюсь на улицу Нев-Сент-Огюстен, дабы спросить мнения Ленуара по поводу вновь открывшихся обстоятельств.

— Нет, не отправитесь. Вам предстоит гораздо более интересное занятие.

— Какое же?

— Опомнитесь, Николя! Эме ждет вас в своем экипаже.

Николя хлопнул себя по лбу.

— Ох, совсем забыл! Благодарю за напоминание. Да, иногда надо отдавать предпочтение Венере перед Меркурием.

И он торопливо, насколько позволяли его многочисленные ссадины, поспешил к выходу.

Эме немножко обиделась, что ей пришлось долго ждать; тем не менее она подробно рассказала Николя о своих вчерашних занятиях. После продолжительного сеанса у доктора Месмера она провела остаток дня на ярмарке Сен-Лоран. Ее подруги, как и она сама, сожалели о закрытии ярмарки Сент-Овид, где в прошлом году случился пожар. Ей не хватало царившего там веселого столпотворения, крытого променада вокруг площади Людовика XV, выстроившихся в круг палаток и представлений для простонародья. Вместе с ярмаркой Сент-Овид ушли монстры, диковинные животные из страны антиподов, пожиратели огня, акробаты и марионетки, вызывавшие восторги зрителей. На ярмарке Сен-Лоран атмосфера была спокойная, но не слишком радостная. Они обошли прилавки торговцев дешевыми побрякушками, модисток, парикмахеров, посмотрели комедию и пантомиму. Молодая женщина, мадемуазель Тюссо[42], обучавшая лепке Мадам Елизавету, представила их воспитавшему ее доктору Курциусу[43]: она называла его своим дядей. У доктора был свой кабинет восковых фигур. В этом году там можно было полюбоваться изображениями Вольтера, Жан-Жака и Бенджамина Франклина.

— И насколько верны эти изображения?

— Из оригиналов я встречала только Франклина. Издалека мне показалось, что изображение соответствует действительности. Однако вблизи оно немного грубовато, с застывшим выражением лица и в странной одежде.

В ресторации «Большой Олень» их встретил Гаспар, бывший лакей, прислуживавший Лаборду в Версале. Он усадил их за любимый столик Николя.

— Господин маркиз, сударыня уже изволили сделать заказ. Должен ли я представить вам меню?

— Прошу вас, — ответил Николя, внезапно почувствовав, как в нем пробуждается голод.

— Сначала мы подаем донца артишоков с устрицами, за которыми последует…

— Но, Гаспар, как приготовлены эти донца?

— Берем маленькие зеленые артишоки, очищаем, оставляя только наиболее съедобную часть. И никаких волокон! Потом опускаем в соленую воду, куда добавляем лимонный сок, дабы донца не почернели, и отвариваем до мягкости. Затем вскрываем устрицы и бланшируем их в воде, не доводя до кипения. Вынимаем устрицы из раковин и крупно рубим вместе с мясом тюрбо, добавляем масло, лук-шалот, петрушку, лук-севок и трюфели. Добавляем щепотку муки, стакан хереса и в достатке постного бульона. Фарш должен кипеть до тех пор, пока весь

бульон не выкипит. Только тогда вы бросаете в него три желтка, разболтанные в сливках. Главное, когда вы вмешиваете желтки, снимите кастрюлю с огня! Потом вы заливаете донца, горячие донца, получившейся смесью и…

— И?.. — вопросительно повторил Николя, сверкая глазами.

— И пробуете, господин маркиз, пробуете!

— О, а я-то не догадался! Само собой разумеется. А какое чудо идет следом?

— Нечто совсем легкое, что пришлось по вкусу госпоже. Салат из мелко нарезанного мяса рябчиков. Блюдо очень простое и очень быстро готовится. Берете четыре жареных рябчика, отделяете четыре филе. Кладете в салатницу четыре мелко нарезанных филе, добавляете оливковое масло, уксус, эстрагон, соль, перец, грибы, петрушку, лук-шалот, мелко нарезанные корнишоны, маленькие обжаренные сухарики и тонкие ломтики мясного желе. Все легко и изящно перемешиваете, выкладываете на тарелку и украшаете нарезанными кружочками крутыми яйцами, филе анчоусов и стеблями латука и цикория.

— От одного только рассказа слюнки текут!

— А в такую жару сей салат еще и освежает! Уверена, друг мой, вам понравится.

— И для достойного завершения трапезы, в основу которой положена гармония и легкость, — засахаренная смородина.

— Засахаренная смородина?

— Превосходные гроздья смородины, собранные сегодня утром в Шарантоне. Мы намочили их в прохладной воде, предварительно добавив в нее два взбитых белка. Потом гроздья вынули, оставили на несколько минут, чтобы с них стекла вода, обваляли в сахарной пудре и подсушили на бумаге. Сахар кристаллизовался вокруг каждой ягодки. Выглядит такая смородина просто замечательно: посреди летней жары она напоминает нам о зиме! Да и кислый вкус ягод смягчается. А дополнением обеда послужит любимейший нектар госпожи — бутылка вина с виноградников Обанса.

— Гаспар, ваш ресторан не перестает удивлять меня.

Бывший версальский лакей казался растроганным.

— Он никогда не сможет дать вам того, чем он вам обязан, — тихо проговорил он.

Эме нахмурилась, вопросительно вскинув брови. В новом летнем хлопчатобумажном платье она была обворожительна. Приложив палец к губам, Николя улыбнулся. Эме сняла соломенную шляпку, подвязанную лентой цвета вишни. Когда период бурной страсти прошел, для влюбленных наступило сложное время ссор, размышлений и тревог. Каждый подталкивал другого сделать решительный шаг к разрыву, словно хотел проверить силу его привязанности. Когда же Эме вступила в возраст зрелости, Николя неожиданно почувствовал, что она нисколько не изменилась и в расцвете лет осталась такой же юной, какой он увидел ее впервые. Глубокое чувство, вспыхнувшее между ними в тот день, когда он нашел ее, промокшую и обессилевшую, в лесу Фос-Репоз, не угасло и в период колебаний и раздумий. При каждом воспоминании о той встрече сердце Николя начинало усиленно биться. Эме же поняла, что ей совершенно необходима уверенность в том, что, чего бы ни случилось, рядом всегда есть он, сильный, готовый мужественно встретить любую опасность и встать на ее защиту. Она поняла, что за суровым видом, приобретенным за долгие годы службы, скрывается душа хрупкого меланхоличного юноши, и она одна умеет понимать его настроения и исцелять его печали. И безграничная благодарность к человеку, подарившему ей уверенность в жизни, слилась с несравненным чувством восторга. У влюбленных начался период, когда, поняв, что их объединяет, они успокоились, и пламя их страсти разгорелось заново.

Трапеза действительно заслуживала внимания, и они отдали ей должное.

— О, Господи, мне вспомнился случай из моего прошлого, — проговорил Николя. — Когда я прибыл из своей провинции в дом на улицу Блан-Манто, Катрина, бывшая тогда кухаркой у

комиссара Лардена, готовила суп-потаж из каплуна с устрицами. Я до сих пор его помню. В те времена я ел устриц только сырыми, то есть живыми, и мысль о том, что их можно варить, потрясла меня и показалась поистине варварской. Изумление повлекло за собой презрение, но, к счастью, я его не выказал, решив, что имею дело с невеждой, ничего не понимающей в устрицах.

— То, с чем нам приходится сталкиваться впервые, часто кажется нам либо таинственным, либо ошибочным.

— Кстати, ваш визит к этому доктору. Как его имя? Я забыл, хотя видел его в отчетах полиции, да и вы мне его называли.

— Месмер. Доктор Антон Месмер.

— И что же? — спросил он, собирая донцем артишока размазавшийся по тарелке соус. — Быть может, вы посвятите меня в ваши магнетические эскапады?

— Нас с трудом провели через толпу страждущих, где можно было увидеть людей всех сословий и званий.

— А вы прошли все вместе, словно крейсерский корабль?

— Право слово, вы опять смеетесь! Мы заранее договорились о визите, и нас ждали. К тому же мы приехали в придворной карете.

— Превосходно, очень интересно! Молчу и обещаю больше не прерывать вас.

— И хорошо сделаете, — произнесла Эме, с трудом сдерживая смех. — Слуга провел нас в комнату, где в центре высился чан. Как бы вам его описать? Он был похож одновременно и на бочку для вина, и на бочку для засолки сельди, и на бочонок пороха. А издалека напоминал большой армейский барабан с металлическими стержнями и веревкой.

— Полый или полный?

— Где вы видели полные барабаны? Нам объяснили, что чан наполнен намагниченной водой, битым стеклом, железными опилками и порошком железного шпата. Нан был закрыт металлической крышкой с дырками. Слуга свободно опустил через эти дырки согнутые железные стержни. К стержням были привязаны веревки, предназначенные для страждущих. В зале царил полумрак, шторы задвинуты, и только большие зеркала на стенах загадочно поблескивали, отражая друг друга. Нам все настолько убедительно объяснили, что наши опасения, что мы имеем дело с каким-нибудь фокусником, живущим за счет доверчивой публики, рассеялись как дым. Помощник призвал к тишине, и мы заняли свои места на стульях, расположенных вокруг чана; одной рукой мы держались за металлический стержень, а другой сжимали веревку: ею опоясали нас всех, дабы мы смогли испытать общие впечатления. Вы по-прежнему молчите?

— Я исполняю данное вам обещание. Но раз уж вам по душе моя болтовня, то я спрошу: что ощутили вы?

— Нечто вроде щекотки, похожей на покалывание: такие ощущения испытываешь, когда окоченевшие руки или ноги начинают согреваться. Малышка Лаварель разразилась безумным смехом; бедняжка долго не могла с ним справиться! А наша подруга Лаборд становилась все бледнее и бледнее, и мы уже стали беспокоиться за нее. В этот момент вошел доктор Месмер, одетый в длинную фиолетовую тунику, и можете мне поверить, она нисколько его не портила. Он красивый мужчина и очень пропорционально сложен.

— Вы действительно оказались крайне внимательны.

— Я больше не буду отвечать на ваши вопросы. Когда издалека послышалась приятная мелодия, Месмер медленно обошел нашу группу, что придало моменту еще больше таинственности. Он делал пассы снизу вверх и справа налево, наклонялся к нам и так пристально смотрел нам в глаза, что нам становилось страшно.

— А что происходило с госпожой де Лаборд, когда перед ней предстало это чучело?

— Замолчите, вы же обещали. Сейчас я расскажу.

Гаспар убрал пустые тарелки и принес салат из рябчиков.

Разнообразие ингредиентов, а особенно янтарные ломтики мясного желе, создавали столь живописную картину, что он попросил Эме на минутку прерваться, дабы полюбоваться сим кулинарным шедевром.

— Мы наблюдали за ней. Казалось, она ничего не чувствовала; но вдруг рот у нее открылся и оттуда вырвался жуткий вой. Запрокинув голову, с пеной у рта, наша подруга билась в конвульсиях. По распоряжению демиурга двое слуг отнесли ее в соседнюю комнату и положили на диван. Хотя доктор повелительным жестом не велел нам идти за ним, мы нестройным шагом пошли следом. Он настоятельно просил нас удалиться, но мы стояли молча и не уходили. Тогда он взял Лаборд за руки. Взглянув на нее, нам стало страшно: она напоминала автомат господина де Вокансона. Когда она заговорила, голос ее зазвучал жалобно и странно; она без передышки повторяла фразы, смысл которых нам удалось понять не сразу. Но когда мы поняли, госпожа де Саблон тотчас вывела за дверь самых юных из нас.

— Надеюсь, вы тоже удрали?

— Вы крайне любезны, сударь, но я вам не заяц. Любопытство не зависит от возраста. Однако дайте мне насладиться моим любимым салатом и освежиться нектаром из Обанса. При каждом глотке вам кажется, что вы языком раздавливаете сочные спелые виноградины. Понимаю, вам не терпится услышать продолжение рассказа. Но придется подождать.

Гаспар стоял возле их столика, участливо и восхищенно глядя на Николя.

— Осмелюсь сообщить, госпожа поведала мне, что господин маркиз ранен в славной битве при Уэссане. Я долго думал, как угодить вашим гастрономическим пристрастиям и одновременно предложить вам такие блюда, которые не отразятся на здоровье тех, кто изъязвлен стрелами Марса. Так, артишоки являются очень здоровой пищей, питательной и полезной для желудка, а потому идеально подходят для обладателей изысканного вкуса и нарушенного пищеварения.

— Вылитый ваш портрет, — коварно хихикнула Эме.

— То же можно сказать и про устрицы; сочные, легкие для пищеварения благодаря своему солесодержанию, послабляющие и обладающие свойством очищать гуморы.

— Есть их в вашем очаровательном обществе — это рисковать остаться без устриц вовсе, столь быстро вы их поглощаете, — сладким голосом произнес Николя в сторону Эме.

— Наконец, рябчик, чье нежное и легкое мясо, особенно жареное, рекомендуют выздоравливающим.

— Ну а что вы скажете о смородине и ее свойствах?

— О, господин маркиз, смородина освежает, снимает жар, выводит желчь и ускоряет рубцевание шрамов.

— Послушать тебя, дорогой Гаспар, так получается, что я выйду из-за твоего стола не только сытым и счастливым, но и выздоровевшим!

— Я очень на это рассчитываю, — ответил бывший версальский лакей и, наполнив их стаканы, удалился.

— Удивительно, до какой степени люди привязываются к вам и остаются верными вам до конца, — задумчиво произнесла Эме. — Вас либо ненавидят, либо обожают, причем по одной и той же причине.

— И какой же?

— Не скажу, ибо не хочу давать пищу вашему своеобычному самодовольству.

Протянув руку, чтобы шлепнуть его по щеке, она завершила свой жест нежным, ласковым прикосновением.

— Так что же госпожа Лаборд? — вновь спросил Николя. — О чем она говорила, если юным и неопытным особам не следовало ее слушать?

— Понимаете, вопрос деликатный. Лаборд ваш друг.

— Вы сказали достаточно; к тому же я считаю его неспособным на недостойный поступок.

— Речь идет о неловкости. Конечно, он… Как бы поаккуратнее вам объяснить? К несчастью, когда он, искушенный в любовных делах, стал молодым супругом, влюбленным в собственную жену, он в первую брачную ночь использовал способы и приемы бывалого распутника, тем самым не только напугав, но и оттолкнув от себя юную супругу. И ни его любовь, ни ежедневные свидетельства его преданности не смогли изгладить воспоминаний о первой ночи. Истоки ее постоянной меланхолии, сонливости и томления духа кроются в ее моральном состоянии, хотя, разумеется, не обошлось и без вредных настоек, которыми ее усиленно потчуют всевозможные лекаришки. В результате — припадок, после которого наша подруга, похоже, успокоилась. Доктор Месмер пожелал увидеть ее еще раз. Он также пожелал встретиться с Лабордом. А главное, мне показалось, что она наконец почувствовала облегчение, словно сбросила с плеч тяжелый груз. О, что за зимнее утро предстало перед ней в видении!

Гаспар принес горку смородину, застывшей, словно схваченной инеем.

— Видите, друг мой, чан приносит пользу!

Николя подумал, сколь рассудительна Эме, как она умеет отделять видимость от действительности и сколько в ней сочувствия. Внезапно фраза ее пробудила в нем некие воспоминания, и он замер, нахмурив лоб.

— Господи! Что вы сейчас сказали?

— Я считаю, что чан, как называют эту бочку в народе, приносит пользу.

Эме с удивлением смотрела, как Николя принялся лихорадочно рыться в карманах, затем вытащил черную записную книжечку и принялся усиленно ее листать. Замечание Эме напомнило ему фразу из разговора, подслушанного в веселом доме в Бресте; разговор шел между герцогом Шартрским и его лакеем Ламором. Наконец он отыскал нужную запись. Разумеется, об экспериментах там не было сказано ни слова, однако упоминались вечера у чана. Чтобы не ошибиться, он еще раз сверился с записями и с удивлением обнаружил, что герцог говорил о Горации не как об авторе или лошади, но как о действующем лице некой интриги. Доказательство бросалось в глаза: речь шла именно о незнакомце, без сомнения, замешанном в каких-то темных делишках, и именно поэтому никто не называл его по имени. Николя упрекнул себя за невнимательность. В самом деле, после пребывания на крейсере «Сент-Эспри» и сражения при Уэссане этот разговор отошел в далекое прошлое и как-то позабылся. Шрамы, усталость, дальнейшие события как в Версале, так и в Париже побуждали его двигаться вперед, не оставляя времени оглянуться и осмыслить даже недавнее прошлое.

— Эме, мне надо ехать.

— Об этом не может быть и речи.

— Я должен.

— Нет. Я говорила с Бурдо, и он заверил меня, что сегодня после полудня у вас нет никаких срочных дел. В вашем состоянии необходимо соблюдать покой и послеобеденный отдых. Вам его рекомендовал Семакгюс.

Честно говоря, ничего срочного до шести, до встречи с Ретифом де ла Бретоном, не было. Ленуар мог подождать, он встретится с ним вечером. С заговорщическим видом, но не проявляя любопытства, Гаспар провел их в апартаменты, где они иногда встречались, когда превратности работы сыщика даровали им возможность короткого свидания в Париже.

Как только они остались одни, Эме склонила голову ему на плечо, обдав его ароматом жасмина. Он отнес ее на кровать, где она принялась аккуратно раздевать его и,

воспользовавшись моментом, игриво шепнула ему на ухо, что сейчас от него гораздо меньше несет хорьком, нежели по возвращении из Бреста. Он не ответил, предоставив возможность действовать ей, и оказался прав. Она сделала все, чтобы подогреть их страсть, и оба остались очень довольны.

Когда Николя проснулся, часы пробили пять. Эме исчезла. Он ощущал себя бодрым и отдохнувшим. Гаспар помог ему одеться и проводил до дверей. На улице Де-Шез он окликнул фиакр, но тут же передумал и решил пешком отправиться в таверну на площади Шевалье дю Ге, где его ждал Филин.

Ему следовало как следует осмыслить все, что поведал ему Бурдо, соединить его рассказ с намеком на месмеров чан, о котором он вспомнил благодаря разговору с Эме, и, не прибегая к логике, предоставить свободу собственному воображению. Хорошо знавший его Сартин был убежден, что основная сила комиссара как сыщика заключалась в особом даре интуиции, а потому в начале расследования никогда ни во что не вмешивался.

Пока он блуждал по лабиринту пассажей и проулков, сценки уличной жизни все больше отвлекали его от тревоживших мыслей. Солнце клонилось к закату, но жара не спадала. Менее злая, чем в полдень, однако не менее удушающая, она накинула на город свою тяжелую, словно свинец, мантию. Растрепанные старухи сидели вдоль стен, оседлав соломенные стулья. Вокруг фонтанчиков, распугивая томимых жаждой воробьев, скакали, пытаясь освежиться, полуголые мальчишки. Молодые женщины с расстегнутыми корсажами и задранными до колен юбками, блуждая глазами, искали прохлады. Поденщики в распахнутых до последнего предела пристойности лохмотьях, ругаясь и сплевывая, толпились вокруг забегаловок, стремясь утолить жажду лимонадом или кислым вином. Казалось, что все и вся погрузилось в оцепенение, и люди, разомлев от жары, напрочь позабыли про стыд. По углам, на кучах мусора, разлеглись нищие, скорее напоминавшие трупы, тем более что они привлекали внимание голодных бродячих собак и зорких ворон. Клячи, запряженные в тяжелогруженые повозки, с трудом переставляли ноги, подгоняемые возницами в одних рубахах и без шляп. Когда раздавался колокольчик, звоном которого мальчик из церковного хора извещал, что идет священник причащать умирающего, все стремительно разбегались по своим норам, и только несколько буржуа, преклонив колени, провожали процессию. Порывы ветра вздымали тучи пыли, набрасывая тончайший серый саван на вещи и людей и не давая разглядеть, что впереди.

Сняв фрак и треуголку, Николя шел, разглядывая любимый город, неожиданно представший перед ним в неведомом прежде свете. На какой-то миг ему показалось, что он стал добычей очередного болезненного кошмара, одного из тех, что нередко являлись ему по ночам. Хлопанье кнута и глухой шум колес вернули его к действительности. Среди бессодержательных размышлений неожиданно промелькнули несколько очевидных фактов. Инспектор Ренар пребывал под подозрением, однако конкретных улик, кроме догадок и предчувствий, против него не было. Зачем ему устранять Ламора? А если Ламора надо было устранить, почему не сделать это в Париже? Зачем ставить настоящий спектакль в Версале, да еще на берегах Большого Канала? Тоненькая, но, без сомнения, основная нить связывала факты одни с другими. Иначе говоря, Ренара, Ламора, Шартра и таинственного Горация, коего только предстояло отыскать. Да, еще тот, кто предложил Симону стать почтовым ящиком, также каким-то образом связан с главными действующими лицами его расследования. А где-то там, позади, в арьергарде, английский шпион. И множество обрывков текстов, понять которые никак невозможно: бумага Симона, бумага Ламора, череда двусмысленностей, возможно, являющихся шифром, партитура на имя Ренара, в которую, скорее всего, заворачивали исчезнувшее послание. А намек на церемонии возле чана, сделанный в Бресте герцогом Шартрским? Он почувствовал, что надо как можно скорее встретиться с доктором Месмером, дабы понять, какая связь существует между магнетизером и герцогом Шартрским.

Когда он наконец вошел в прохладный полумрак таверны на площади Шевалье дю Ге, Ретиф ждал его в компании кувшинчика вина. Николя заказал большую кружку холодного сидра и принялся разглядывать собеседника. Совершенно очевидно, что этот вызов беспокоил Ретифа.

— Мой дорогой Ретиф, как видите, в связи с проводимым мною расследованием, коему вы уже немало поспособствовали, и о чем мы, положительно, не забудем, мне приходится вновь обращаться к вам. Мне надо отыскать того субъекта, которого Ренар снял в Воксхолле и привел к себе домой.

— Вам нужен этот белый дрозд? Нет ничего проще.

— У него наверняка есть свои привычки и своя территория для охоты.

— Если вы только за этим меня пригласили, считайте, добыча уже у вас в кармане. Как только вцеплюсь ему в хвост, сразу отправлю к вам посыльного.

— Отлично, вы даже не представляете себе, как я доволен вашим усердием. Отыщите мне его, и как можно скорее. Да, и вот еще.

Филин заерзал на стуле и неожиданно залпом опустошил свой стакан.

— А, так вас еще что-то интересует?

— Вы знакомы с неким господином по имени Пиданса де Меробер?

На лице Ретифа отразилась сложная гамма чувств, быстро сменившаяся сумрачным унынием.

— А почему бы мне и не быть с ним знакомым?

— Отвечайте на мой вопрос.

— Я слышал о нем, как и все.

— О, вы — не все.

— А что я еще должен сказать?

— Вы это знаете лучше, чем я. Неужели вы считаете полицейских такими тупицами? Не забывайте, дражайший Ретиф, вам платят еще и за то, чтобы вы ценили нашу полицию.

И он принялся внимательно листать чистые листы своей записной книжечки.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что у меня здесь собраны все сведения, точные и обстоятельные, касающиеся весьма тесных отношений между вами и королевским цензором.

— Возможно, я и встречался с ним по поводу своих сочинений.

— Вот, мы уже выбрались на торную дорогу, осталось только избежать ненужных ухабов. Что вы можете мне о нем сказать?

— Он очень образован.

— Иначе он вряд ли смог бы исполнять свою должность. Еще.

— Больше ничего.

— Ах, Ретиф, Ретиф, господин де ла Бретон… Старый приятель! В вашем положении я бы постарался как можно полнее удовлетворить мое любопытство во всем, что касается тщательно скрываемых мерзостей, осуждаемых цензурой как церковной, так и светской.

— Я не могу выдумывать факты даже ради вашего удовольствия, а подлинными сведениями я не располагаю.

— Хорошо, тогда давайте сосредоточимся. Не скромничайте, вы же настоящий Асмодей, хромой бес, что поднимает крыши парижских домов, кому известна личная жизнь едва ли всех горожан, чей коварный взор проникает повсюду! И вы хотите мне сказать, что вам, знающему все о последнем нищем, ничего не известно о Пиданса? Кому вы эти сказки рассказываете?

Неужели чтобы убедить вас, придется занести над вами руку, которая столько лет вас защищала, и я бы даже сказал, кормила?

Николя сознавал, что не имеет возможности проверить точность рассказов Ретифа, однако надеялся, что, несмотря на всю свою изворотливость, отягощенный многими слабостями писатель не сумеет долго сопротивляться. К несчастью, из сбивчивых ретифовых речей он вряд ли сумеет выделить главное и — что еще печальнее — не поймет, о чем тот умолчит. Впрочем, Ретиф пока еще хранил молчание, и Николя решил выдвинуть последний аргумент.

— Как поживают ваши дочери, господин Ретиф? А их мамаши?

— О чем это вы?

— Всего лишь вопрос вежливости. Вы прекрасно знаете, какие ходят слухи и как часто они подтверждаются вашими собственными похвалами пороку. Представьте себе, если вас поймают на слове, начнут собирать сведения, расспрашивать.

В глубине души Николя упрекал себя за недозволенные приемы. Но он был достойным учеником Сартина, а тот искренне считал, что в случае необходимости королевское правосудие вправе идти окольными путями и нарушать все заповеди морали и порядочности. В некоторых случаях результат оправдывал средства, а потому, утешал он себя, не лучше ли провести допрос иезуитский, нежели чрезвычайный, результаты коего никогда не бывали убедительны, ибо слова, вырванные под пыткой, под действием боли, вряд ли могли являться словами истины. Перед ним, слава богу, подобного выбора не стояло!

— Не уверен, господин дворянин, что вам ваши нынешние занятия по вкусу, — проницательно заметил Ретиф.

— Сейчас не время задавать вопросы. Отвечайте. Что вы знаете о Пиданса?

— Я же автор, а потому и знаком с ним как автор. Чтобы сводить концы с концами, нам приходится публиковать и продавать наши сочинения. А чтобы книги продавались, необходимо иметь разрешение властей или, по крайней мере, уверенность, что власть закроет на них глаза.

— Хорошо. А дальше?

— Пиданса принадлежит к ближнему окружению герцога Шартрского: он один из его секретарей.

— Благодарю вас, только это всем известно. Я часто заглядываю в «Королевский альманах». Это моя настольная книга.

— Тогда чего еще вы хотите узнать?

— То, что мог заметить только Асмодей.

— Увы, я не умею поднимать крыши. Ну, он также является вдохновителем…

— …весьма своеобразных памфлетов. Ретиф, нам это тоже известно. Не советую вам испытывать мое терпение.

И тут Филин дал волю чувствам:

— А что я еще могу сказать? Говорят, он запутался в делах, в долгах. Долги его дурно пахнут, но он ухитряется отделываться долговыми расписками. Ходит слух, что он выступает подставным лицом в интересах высокопоставленных особ. Ибо особы эти не хотят компрометировать себя. А коли вам надо вывернуть меня наизнанку, слушайте, что лично я о нем думаю: по-моему, это наглый мошенник, субъект низменный, а главное, очень злой, источающий желчь, что заставляет его творить зло ради зла и рвать свою жертву до тех пор, пока не раздерет ее на клочки.

— Н-да, похоже, что вы знакомы с ним очень долго. Какое злопамятство! Но мне нужны имена, Ретиф, имена.

Ретиф вертел в пальцах пустой стаканчик.

— Вы меня мучаете. Ведь я могу только повторить слухи, которые распространяют в Версале и в городе. Из уст в уста, на всех углах. Все.

— Все? Черт! Интересно, тогда почему я ничего не слышал? Однако…

— Ну, если и не все, то, по крайней мере, сведущие, осведомленные и осмотрительные люди. Скорее всего, Пиданса каким-то образом причастен к финансовым аферам в пользу графа Прованского, брата короля, на сегодняшний день признанного наследником трона после Его Величества. А ежели быть совсем точным, то, говорят, он содействовал разорению свихнувшегося на благочестии придворного, некоего маркиза де Брюнуа.

— Того, кто недавно истратил пятьсот тысяч ливров на один только крестный ход?

— Того самого. А потом устроил ужин, превратившийся в попойку. Разорение маркиза готовилось давно, а когда тот наконец стал банкротом, принц за бесценок скупил владения маркиза, разумеется, покупку сделали на подставное лицо.

— Вот уже нечто конкретное, дающее пищу для размышлений. Так зачем заставлять меня прибегать к недозволенным методам, в то время как можно просто поговорить со старым другом?

Посеревшее лицо Ретифа скривилось в гримасе, видимо, означавшей улыбку. Желая положить конец встрече, он поднялся, но Николя знаком велел ему сесть.

— Подождите, я вас надолго не задержу. Когда вы по моей просьбе следили за Ренаром, вы проводили инспектора до его квартиры на улице Пан, не так ли? Скажите, его экипаж постоянно оставался в поле вашего зрения?

Услышав вопрос, Ретиф вздохнул с облегчением.

— А зачем? Я же знал адрес. Так как в тот час улицы Парижа пусты и я был уверен, что не заплутаюсь, я дважды срезал углы, чтобы он меня не заметил.

— Перейдем на язык протокола: вы своими глазами видели, как он с попутчиком из Воксхолла высаживался из кареты возле своего дома?

— Ах, вот вы о чем! Нет, не видел. У дома есть ворота. Так как я не хотел, чтобы меня заметили, я обосновался довольно далеко от дома. Экипаж въехал в ворота, а потом выехал, пустой. В этом я уверен, ибо своими глазами видел пустой кузов.

— Отлично, — произнес Николя, записав показания Филина в свою рабочую записную книжку. — Ретиф, я на тебя рассчитываю.

Сев в фиакр и приказав везти его на улицу Нев-Сент-Огюстен, Николя попытался привести в порядок теснившиеся в голове мысли. Они скакали, словно на скачках с препятствиями, устраивали кучу-малу и никак не хотели вставать в строй. Впрочем, со дна этой неразберихи неожиданно всплыли два факта, нашедшие подтверждение в словах Ретифа. Личность Пиданса де Меробера вызывала у Николя живейший интерес. Сей борзописец, пользовавшийся репутацией ушлого типа, обладал удивительной способностью служить и нашим, и вашим, и власти предержащей, и тем, кто своими скандальными подпольными сочинениями постоянно бросал этой власти вызов. Кроме того, он участвовал или даже являлся организатором финансовых махинаций, а также, будучи приближенным к Шартру, выступал подставным лицом графа Прованского. Оба принца по разным причинам — один в открытую, а другой коварно и втайне — поддерживали оппозицию, подрывавшую авторитет королевской власти. К сожалению, Николя имел все основания сомневаться в достоверности доклада Ретифа. Ренар, скорее всего, добрался до своего жилища, однако Филин не мог за это поручиться. Николя был готов согласиться с тем, что, будучи опытным полицейским, инспектор мог заметить слежку. А потому, даже если он и добрался до дома на улице Пан, ничто не доказывает, что он остался у себя, тем более что Ретиф быстро покинул наблюдательный пост. Отъезд из Воксхолла в сопровождении маленького дрозда мог оказаться уловкой, предназначенной отвести глаза тому, кто столь неосмотрительно взялся за ним следить.

Следовательно, чтобы восстановить истинные события той ночи, требуется как можно скорее отыскать дрозда. От его признаний, добровольных или вынужденных, сейчас зависит многое. И, наконец, надо посетить доктора Месмера.

Войдя в управлении полиции, Николя увидел Ленуара: в белом фраке из легкого тика, тот шел ему навстречу, утирая губкой струившийся по лицу пот. Несмотря на распахнутые настежь окна, в кабинет начальника полиции не долетало ни единого ветерка, а дотянувшиеся до фасада особняка ветви деревьев застыли, словно окаменевшие. Ленуар внимательно выслушал Николя.

— То, что вы мне сообщили, дорогой Николя, приводит меня в смятение, — проговорил генерал-лейтенант, — и мне понадобится не один час, чтобы разложить все по полочкам. Однако сколько клочков бумаги! Если вам удастся сложить их вместе, возможно, вы получите нужный узор, который поможет нам понять подоплеку этого дела. Но по порядку. Во-первых, мы не должны упускать из виду Ренара и в то же время не давать ему повода поднять тревогу. Во-вторых, вы должны найти травести из Воксхолла. Что же касается чана, тут я не вижу никакой связи.

Николя напомнил про Пиданса и пересказал разговор с Ретифом. Ленуар задумался.

— Черт возьми, — внезапно воскликнул он, — ваш Гораций не идет у меня из головы. О ком вы думаете, когда слышите это имя? Не отвечайте. Бесспорно, о персонаже Корнеля или о латинском авторе. А кто, сударь, по-вашему, являлся истовым поклонником этого римлянина? У кого всегда в кармане томик его стихов, кто без устали их цитирует и приводит в качестве образца? Кто, кто, кто?

— Я жду, сударь, когда вы мне его назовете.

— Это Прованс, друг мой, Прованс! Брат короля. Наденьте очки и в свете этого открытия проанализируйте все, что вам удалось узнать.

Побагровев от напряжения, Ленуар яростно кусал губы.

— Я готов сражаться против кого угодно, но я не готов даже произносить эти имена! Королева, Шартр, Мадам Аделаида, а вот теперь Прованс! У меня голова идет кругом! Я уже слышу, какой поднимется шум, если мы начнем жонглировать такими именами всюду! Столь опасные сравнения могут опрокинуть нашу утлую лодку. Так что, прокладывая путь, пустите вперед вашу прозорливость и осмотрительность. Будьте осторожны и не рискуйте попусту.

Прежде чем попрощаться с начальником полиции, Николя рискнул спросить о докторе Месмере. Вместо ответа Ленуар взял со стола полицейское досье и протянул его комиссару: известный человек привлекал всеобщее внимание, а значит, и внимание полиции.

За многие годы службы трону Николя утратил все свои иллюзии, однако, садясь в экипаж, он ощущал глубокое разочарование. Как всегда, следователь по особым делам вынужден будет в одиночку, освещая потайным фонарем дорогу в кромешной тьме, отыскивать истину, стараясь при этом никого не задеть, дабы не вызвать кривотолков. А в результате развязку дела окружат глубочайшей тайной, виновники исчезнут без следа, а ему, как всегда, предпишут хранить молчание.

Едва Николя переступил порог дома на улице Монмартр, как Катрина с недовольным видом сообщила, что старая грымза, которая как-то раз заглядывала к ним в дом, явилась вновь и заявила, что желает видеть господина де Ноблекура. Сейчас они беседуют, а господин де Ноблекур велел передать Николя, чтобы тот, как только явится, немедленно поднялся к нему. По стойкому запаху духов и пудры Николя подумал, что это маршал Ришелье явился навестить старого друга. Но уже с порога он с изумлением узрел волны розового муслина, в которых утопала особа, разместившаяся в кресле напротив магистрата. Особа что-то изрекала, а бывший прокурор, кивая головой, внимал ей с добродушным видом. Прислушавшись, комиссар узнал голос Полетты.

— Ах, сударь мой, сколь приятно мне видеть вас вновь и сколь любезно с вашей стороны в такую жарищу предложить мне освежить мою пересохшую глотку.

Николя услышал щелканье захлопнувшегося веера.

— Ваша микстура.

— Это ликер из мирабели, сударыня.

— Превосходный! Прямо как моя тогдашняя наливка. А уж как силы подкрепляет! Со всем уважением к вам скажу, что глотка у меня с детства была луженая. Мы с вами, думается, уже несколько лет не виделись. В последний раз мы с вами беседовали насчет малого сыночка Сатин. О! Теперь-то он взрослый юноша. Ах, а когда-то он называл меня своей тетушкой! Цыпленочек был, истинный цыпленочек. Но вы!.. У меня слов нет: для такого старика, как вы, у вас потрясающий цвет лица! Даже такой девушке, как я, впору вам завидовать. Чего тут скрывать, я изрядно моложе вас буду.

Николя вошел в комнату.

— Отлично, моя добродетель спасена. Полиция прибыла вовремя, — произнес Ноблекур.

Розовая гора обернулась.

— О! Так это же мой добрый Николя!

Поднимая вокруг себя облако пудры, Полетта безуспешно пыталась встать с принявшего ее в свои объятия кресла. Неожиданно гримасничающее лицо содержательницы веселого дома показалось Николя ужасающим ликом Медузы, и он содрогнулся. Длинные, струящиеся локоны огромного, щедро напудренного светлого парика обрамляли толстощекое, как всегда, густо набеленное лицо. Нарумяненные щеки, яркие губы, блестящие глазки, обведенные черным, придавали чудищу с улицы Фобур-Сен-Оноре клоунский вид. Словно поле после битвы, лицо Полетты усеивали мушки вперемежку с прыщами. Отвисшие щеки почти сливались с жирным подбородком. Ворох муслина не скрывал чудовищного размера корсета из китового уса. Поцеловав подставленную ему для поцелуя щеку, Николя показалось, что он коснулся губами растрескавшейся штукатурки.

— Каким счастливым ветром занесло вас в наши края, дражайшая Полетта?

— Мои дружеское расположение к тебе и желание тебя защитить.

— Однако какая честь для меня! Особенно если вы это говорите всерьез. Но прежде скажите, как идут ваши дела?

— Ох, — произнесла она, отдуваясь и обмахивая себя веером. — Не будем о делах. Я покончила с карьерой. У меня больше нет дел.

И она, захлюпав носом, раскашлялась, распространив вокруг себя запах прогорклого жира. Господин де Ноблекур незамедлительно наполнил ее стакан, и она единым махом опорожнила его.

— Ах, ну что за прелесть! Знаешь, Николя, а этот старичок еще хоть куда. Надо было в него втюриться, а не в того верзилу из французской гвардии, чтоб этому висельнику перевернулось!

Насмешливое выражение исчезло с лица Ноблекура, а сам он, пытаясь что-то сказать, чуть не подавился.

— Кто бы только знал, сколько мне пришлось вытерпеть! Со мной он и по одному разу кочевряжился, а с другими у него по три раза кряду выходило. Да что тут говорить, гнилому мясу все червей мало. Коли не можешь полюбовницу удовлетворить, лучше сматывайся живее. Но это он только со мной такой холодный, а с малюткой, я уверена, он чудо как хорош! Ты меня знаешь, и его ты видел, так что сам понимаешь, я быстро разгадала его шашни. В общем, они не нашли ничего лучшего, как свалить вместе, пока я не обрушила на них свой гнев. Как говорится, поставили яйцо впереди курицы.

— Телегу впереди лошади, — уточнил Николя.

— Ох, не нервируй меня, ты совсем разучился вести беседу. Однако твоя правда, с тех пор как ты с ним поговорил, он больше не поднимал на меня руку.

И, заливаясь слезами, она принялась подробно рассказывать о превратностях своей судьбы. Из ее причитаний выходило, что «Коронованный дельфин» постепенно превратился в настоящий бедлам, где перестали блюсти законы и правила. При этом ее любовник Бонжан забирал все, что приносил дом, постоянно требуя еще и еще. И вдобавок обманывал ее с горничной, той самой негритяночкой, которую она любовно воспитывала с самого детства как родную дочь. В конце концов они обокрали ее и сбежали. Галантное заведение пошло ко дну, и теперь в этом доме пансион, где можно снять комнату как на час, так и на сутки. А чтобы сочетать приятное с полезным, она открыла там же небольшую лавку, где торгует английскими редингтотами, шоколадом и пастилками с афродизиаком, а также пирожными с ртутью, особыми белилами, противовенерическими подштанниками и предохраняющей настойкой доктора Преваля. Наконец, сведя концы с концами, она решила открыть еще и комнату гадалки. И теперь дела ее идут как нельзя лучше: на первом этаже вы можете узнать, что сулят вам звезды, а потом, пройдя через бакалейную лавку Венеры и поднявшись наверх, можете достичь седьмого неба. В порыве краснобайства, она, позабыв, с кем имеет дело, сообщила, что иногда, дабы преумножить успех, устраивает закрытые вечера как для любителей карточных игр, так и для ценителей нескромных галантных представлений.

— Ты почему нахмурился, Николя? В тот вечер, когда я села перед чашей с чистой водой и взяла в руки карты, я сразу вспомнила о тебе. Теперь это вроде как мои постоянные инструменты. Именно они и привели меня сюда. Внезапно на меня словно озарение нашло, аж голова закружилась.

Наверняка от избыточного потребления крепкой настойки, подумал Николя. В ту же минуту Ноблекур, лукаво подмигнув, постучал пальцами по бутылке с ликером из мирабели.

— Меня пришарахнуло, словно шмеля, которого со всей силой хлопнули шляпой. Вроде как я через себя перевернулась. Внезапно вода замутилась, и на поверхности появились какие-то странные силуэты. Мне стало интересно, в ногах забегали мурашки, я чуть со стула не вскочила. И вот тут-то я тебя и увидела.

— Где?

— Да в чаше с водой. Ты поднимался по лестнице. О нет, это был не простой дом. Даже не могу сказать, где это было. Больше всего похоже на мельницу. Потом я услышала странный звук: клик, клик. А потом зазвонил колокол. И тут… Ох, ужас-то какой! Затем стук. Я почувствовала, что тебе грозит опасность. Ох, да. Нет. А-а!

Обхватив себя за шею толстыми пальцами, Полетта, широко раскрыв рот, задышала, словно выброшенная на берег рыба и, потеряв сознание, медленно сползла с кресла. Николя бросился к ней, одновременно призывая на помощь Катрину. Кухарка не заставила себя ждать: заинтересовавшись посетительницей, она ожидала на лестнице возле двери, в любую минуту готовая прийти на помощь своему хозяину. Полетту уложили на полу, и Ноблекур принялся обмахивать ее веером. После энергичных усилий Катрине удалось расстегнуть корсет. Получив свободу, рыхлое тело словно удвоилось в объеме. После ряда усилий бывшую сводницу удалось уложить на софу, ножки которой тотчас тревожно заскрипели. Сняв с гостьи парик и подсунув под совершенно лысую голову квадратную подушечку, Катрина сунула Полетте под нос флакончик с уксусом. Почувствовав едкий запах, сводница открыла глаза. Придя в себя, она поднесла руку к голове и, не обнаружив парика, визгливо потребовала немедленно вернуть его. Кое-как нахлобучив парик на голову, она приподнялась и велела налить ей стакан живительной настойки из мирабели и залпом осушила его. Затем, оттолкнув протиравшую ей уксусом виски Катрину, она села на софе. Оскорбленная до глубины души кухарка вылетела

из комнаты. Своими заботами Катрина невольно размазала грим на лице Полетты, и теперь оно являло собой подобие палитры художника.

— Вот видишь, до чего ты меня довел, — плаксивым голосом проговорила бывшая сводница. — Увидев, что ты в опасности, я чуть копыта не отбросила.

— Нисколько не желая повторения вашего обморока, позволю себе заметить, что слова ваши прозвучали весьма расплывчато.

Лицо ее приняло жалостливое выражение.

— Я с тобой согласна. Конечно, мне бы и самой хотелось, чтобы там все показали пояснее, но, как видишь, больше я сказать тебе не могу. Нет, не припомню, ничего там ясного не было.

Совершенно пав духом, она попыталась встать, но зашаталась, и Николя бросился поддержать ее, а господин де Ноблекур вызвал звонком Катрину. Когда та вошла, почтенный магистрат, сделав вид, что не замечает ее обиженной физиономии, попросил ее вызвать фиакр. Николя помог Полетте спуститься с лестницы, кою та преодолела с большим трудом, тяжело переставляя ноги с одной ступеньки на другую. Тем временем вернулась Катрина и привела с собой экипаж, разъезжавший перед церковью Сент-Эсташ. Под насмешливыми взорами любопытных сорванцов, что помогали в пекарне, Полетту запихнули в экипаж, Николя назвал адрес и, заплатив кучеру, вернулся к господину де Ноблекуру.

— Однако сегодня вечером я здорово развлекся! — то ли в шутку, то ли всерьез произнес бывший прокурор. — Оказывается, я еще могу вскружить голову даме!

— А почему бы и нет? Это результат вашего внезапного помолодения. Впрочем, во всем виноват Вольтер. Если говорить честно, что вам напомнила эта сцена?

— Если хотите знать мое мнение, то от кого бы ни исходило предупреждение, не пренебрегайте им. Возможно, она действительно обладает способностями, о которых прежде не знала сама, и, питая к вам определенную привязанность, она захотела предупредить вас, ибо в этой женщине наличествует удивительная смесь явных пороков и скрытых добродетелей. Либо же ее побудили сделать подобный шаг, и тогда она сама являет собой предупреждение. В любом случае речь идет о вашей жизни. Поэтому повторяю: будьте осторожны и не рискуйте понапрасну. Похоже, вы ступили на запретные территории и вас хотят остановить, пока вы не продвинулись дальше. Мыс бурь.

В стране Аргивской, там, где волны моря рьяны,

Оплескивают брег песчаный.[44]

— И что же?

— Я старый скептик и не верю ни прорицателям, ни в прорицания. Хотя…

— Опасность издавна следует за мной по пятам, словно тень. Но она никогда не заставит меня отступить.

— А я достаточно давно знаю вас и потому не стану давать вам советов. Остается лишь уповать, чтоб осторожность, призвав на помощь мудрость, взялись руководить вашими шагами. Будущее покажет, оно — самый лучший предсказатель. Что же касается нашей Полетты, то мне кажется, ее пророческий дар просыпается главным образом после усиленного потребления ее любимой ратафии. Однако что за женщина эта мегера! И все же я питаю к ней дружеские чувства — в той мере, в которой она питает их к вам.

— Антуанетта и Луи многим ей обязаны, — задумчиво проговорил Николя.

— И еще. Отрывок из партитуры, который вы мне передали, той, что нашли в кармане утопшего Ламора. Я расшифровал его и даже сыграл на скрипке. Это партия для сопрано, из тех, которые обычно поручают исполнять кастратам.

— Кастратам! Но ведь во Франции нет кастратов.

— Ах, друг мой, ваше неведение меня изумляет! Ведь вам по долгу службы следует быть в курсе всех сплетен, как придворных, так и городских. Я расспросил нашего друга Бальбастра. Он ваш покорный слуга и просил вам это передать. Не кривитесь, дорогой! Он сообщил мне, что в королевской часовне в Версале до сих пор поет немало кастратов, и уточнил, что в последние недели королева по причине беременности засыпает только после того, как подышит свежим ночным воздухом.

— Но какое это имеет отношение?..

— Ах, черт бы побрал этих торопыг! Слушайте меня. Его Величество вместе с братьями и невестками решили, что музыка может помочь королеве наладить сон. Музыкантам и певцам, среди которых и наши кастраты, велели исполнять кантаты. А так как королеве несказанно надоели толпы жителей Версаля, собиравшихся в парке послушать ночные концерты, то в садах Трианона для певчих соорудили специальные беседки. Не знаю, помогут ли эти сведения вашему расследованию. Во всяком случае, я сообщил вам все, что мне удалось узнать.

— Будьте уверены, я сумею извлечь из них пользу.

— А теперь, дорогой друг, имею вам сказать, что сегодняшний вечер меня утомил. Конечно, возможно, я чуточку злоупотребил настойкой из мирабели. Ибо я ощущаю, как по ногам у меня бегают мурашки. Засим я отправляюсь спать.

Отказавшись от приготовленного Катриной ужина, Николя лег спать и моментально заснул. Когда часы пробили три, он проснулся: привидевшийся сон вернул его в Геранд, во времена его детства. Он брел среди высоких болотистых зарослей Бриера, как вдруг гигантский уж со злобным взором преградил ему путь; змеиная голова ужа угрожающе покачивалась то вправо, то влево…

VII
ЧАН И НАСОС

В последний день будут разоблачены подлецы, кои, скрывшись во мраке под чужой личиной, пытаются спрятать козни свои и ковы.

Бурдалу

Воскресенье, 9 августа 1778 года.

Господин де Ноблекур в сопровождении Николя пешком отправился к большой мессе в церковь Сент-Эсташ. Почтенный магистрат, обрадованный, что у него не случилось ожидаемого по всем приметам приступа подагры, пребывал в преотличном настроении. Он исполнял обязанности старосты прихода, и сегодня, в день праздника Святого Духа, ему, как всегда, выпала почетная обязанность раздавать освященный хлеб. По такому случаю им сопутствовал эскорт из двух облаченных в чистую одежду мальчишек — помощников булочника из пекарни Фарно. В восторге от поручения, сорванцы тащили две большие корзины, наполненные кусками бриошей, которые будут раздавать народу по окончании службы. Как всегда, Ноблекур подшучивал над Николя, ибо тот с упорством, достойным истинного бретонца, продолжал именовать сие лакомство ar-varaenn-rouaned, иначе говоря, сладким хлебом.

Комиссар внимательно слушал проповедь. В ней кюре разоблачал ложную набожность и утверждал, что труднее всего выявить зло, когда оно скрывается под маской добра. Слова его звучали гневно и громко, но в церкви собрались в основном женщины, кои невнимательно слушали проповедника, ибо не переставали переговариваться между собой. Размеренный гул, слагавшийся из шепота, шороха юбок и сухого стука вееров, периодически заглушал речь проповедника. Сызмальства привыкнув к трепетному молчанию прихожан в церквях своей родной Бретани, Николя так и не освоился с непринужденной обстановкой, царившей в парижских храмах. Время от времени швейцар, желая напомнить прихожанам о необходимости уважать святое место и умолкнуть, со звоном ронял на каменный пол свою алебарду. На

несколько минут шум стихал, а потом возобновлялся с новой силой. Молодые люди и вовсе вели себя вызывающе. Со скучающим видом они то выходили из церкви, то заходили обратно. Некоторые рассеянно, словно перед ними выступал ярмарочный зазывала, слушали отрывок проповеди, а потом, недовольно качая головой, покидали церковь. Самые бедные простаивали на ногах всю службу, не желая платить шесть су за сдающийся напрокат стул. Кто-то шумно отирал струившийся по лицу пот, кто-то плевал прямо на пол. Таинственное шушуканье, записочки, скользившие по залу, роскошь выставляемых напоказ нарядов — вся эта суета превращала место для молитв в очередной уголок для зрелищ и развлечений.

В доме на улице Монмартр Катрина и Марион приготовили легкое летнее угощение: холодное жаркое из ягненка в горчичном соусе, приправленное корнишонами, салат из цикория с сухариками и персиковый мармелад. Запить эту еду одному предложили отваром из шалфея, а другому — холодным сидром. Когда трапеза завершилась, Ноблекур поднялся к себе, дабы предаться ежедневному послеполуденному отдыху, а Николя, несмотря на жару, отправился в дом на площади Вандом в надежде застать там доктора Месмера.

Город по-прежнему являл себя в непривычном для Николя виде. Улицы, в воскресное время кишевшие народом, казались тихими и пустынными. Только несколько собак, высунув от жары языки, уныло брели по теневой стороне. Дойдя до Сент-Эсташ, он углубился в улицу Тонельри, чьи старинные колоннады и навесы чуточку спасали от жары, и вскоре добрался до улицы Сент-Оноре. Он так хорошо знал свой Париж, что ноги сами вели его в нужном направлении. По мере приближения к площади Вандом вереницы выстроившихся вдоль тротуара карет становились все длиннее, что не могло остаться незамеченным. Выйдя на площадь, он увидел, как вокруг особняка братьев Буре, где располагалась штаб-квартира доктора Месмера, змеей извивалась очередь, состоявшая из людей всех рангов и сословий. Стоявшие в ней мужчины и женщины, с горящими взорами, надеялись либо на исцеление, либо на бесплатный совет врача, либо, потрафляя собственному любопытству, жаждали взглянуть на модного кудесника.

Как представиться, чтобы его приняли? Маркиз де Ранрей? Это имя вряд ли произведет впечатление на иностранца, на прием к которому явно приходит немало маркизов. Комиссар полиции Шатле? Так он рискует встревожить знаменитого доктора и настроить его против себя. Ведь Месмер, несомненно, упивается своей известностью и считает себя всемогущим. Просмотрев отданное ему Ленуаром досье, он позабавился, узнав, что молва уверена, что под именем доктора Месмера скрывается колдун Кола, персонаж оперы юного Моцарта «Бастьен и Бастьена». Еще Николя с интересом отметил, что приезжий посещает заседания кружков иллюминатов и практикует оккультные науки. Заглавие его диссертации также заслуживало внимания: De influxu planetarium in corpus humanum.[45] Изгнанный с медицинского факультета за шарлатанство, Месмер вынужден был покинуть Вену.

Поразмыслив хорошенько, Николя решил представиться приближенным герцога Шартрского, ибо на корабле королевского флота он и в самом деле находился близко к герцогу, а посему нисколько не отступал от истины. Правда, когда принц находился в Бресте, данное утверждение оказывалось верным только в особых случаях. Усмехнувшись про себя, он подумал, что Бурдо непременно назвал бы его молинистом. При входе в особняк он силой проложил дорогу сквозь взбудораженную и грозную толпу, в любую минуту способную броситься на того, кто, по ее предположению, пользовался особым пропуском к знаменитости. Шепнув на ухо лакею свое имя и имя герцога Шартрского, причем последнего значительно громче своего, он стал ждать. Имя герцога сделало свое дело, и его без проволочек пригласили пройти.

Его провели в просторный зал, где в центре стояли два кресла и софа, покрытые богатыми восточными драпировками. Открылась дверь, и вошел высокого роста человек в лиловой хламиде, делавшей его похожим на жреца. Когда полы хламиды расходились, виден был сиреневый фрак, густо расшитый серебром. На вид вошедшему было лет сорок. Массивное

лицо, высокий лоб, напудренные волосы уложены валиками и стянуты на затылке лентой. Из-за двойного подбородка широкое лицо казалось раза в два больше. Вокруг четко очерченного рта пролегли резкие косые морщины. Глаза настолько утонули в глубоких орбитах, что разглядеть их цвет не представляло возможности. Тем не менее они выразительно смотрели на визитера из-под густых черных бровей. От облика знаменитости веяло силой, спокойствием и уверенностью.

— Сударь? Господин маркиз? — произнес он, слегка склонив голову.

Легкий немецкий акцент напомнил Николя выговор королевы.

— … я не разобрал ваше имя, только понял, что вы явились от герцога Шартрского.

— Маркиз Николя де Ранрей, к вашим услугам. Я очень признателен вам, сударь, что вы согласились меня принять. Совсем недавно я слышал, как принц превозносил ваши заслуги. Заинтригованный слухами — о, исключительно в вашу пользу! — коими полнится и двор, и город, мне стало любопытно поговорить с человеком, нет, что я говорю, с ученым, вызывающим столь неподдельный интерес. Особенно меня заинтересовали упомянутые его светлостью церемонии, суть которых в пылу разговора осталась для меня тайной, равно как и основные принципы.

Похоже, доктор Месмер удовлетворился его вступлением.

— Господин маркиз, — начал он, снисходительно улыбаясь, — несмотря на свою занятость, я не хочу оставлять вас в неведении, равно как и порождать сомнения в моих способностях. Тем более, вы столь изысканным образом изложили свою просьбу.

И он с поклоном предложил Николя сесть.

— Неуместно скрывать от друга его светлости особенные стороны моего искусства, иначе оно может прослыть ложным либо опасным.

— Благодарю вас, вы так любезны! Так что же представляют собой вечера у чана, которые посещает герцог? Напоминают ли они церемонии с участием дам из свиты Мадам Аделаиды? Те, кто на них присутствовал, рассказали мне, сколь благотворное воздействие произвели они на здоровье одной из их подруг.

Лицо доктора озарила умильная улыбка.

— Как?! Вы знакомы с тетушкой Его Величества?

— Я удостоился этой чести, — отвечал Николя, с блаженным видом закатив глаза.

— Ах, сударь, я всегда к вашим услугам. Позвольте мне ввести вас в курс дела. В наш век научных изысканий все хотят завладеть и научиться управлять потоком, именуемым некоторыми электрическим. В самом деле, фрикционные машины способны производить искры и притягивать легкие тела. Флюид передается посредством проводящих тел.

Так, если вас подвесить к потолку на шелковых веревках, я смогу наэлектризовать вас с помощью кошачьей шкурки, потертой о стеклянный цилиндр, а если я потом протяну к вам палец, из вашей ноги в сторону моего пальца полетит искра.

— Какое чудо!

— О, ничего особенного! Продолжая размышлять, я доказал существование магнетического животного флюида, коим я научился управлять и теперь использую его в своем методе лечения. Его Королевское Высочество, чьи предки начиная с регента Орлеанского непрестанно, как это свойственно ученым и философам, осмысливали систему природы, пожелал найти ответ на вопрос, заданный какими-то остроумцами: может ли неполноценный исполнять роль проводящего тела для потока, называемого обычно электричеством, или — если говорить обо мне — животным флюидом?

— Неполноценный?

— Да, неполноценный, ущемленный не от природы, но искусственным способом. Собственно, вопрос был поставлен прямо: способен ли кастрат, der kapaun, каплун, как говорят у вас во Франции, являться проводником так называемого электричества. Некий физик по имени Сиго де Лафон[46] проводил опыты с певчими из королевской часовни. Этот невежда считал, что случай sublata causa, tollitur effectus![47] Так вот, в цепочке, состоящей из двадцати наэлектризованных человек, кастраты содрогались точно так же, как и все остальные. Тогда Его Высочество пожелал повторить опыт, только уже с использованием моего чана — вместилища магнетического животного флюида.

— И вы таким образом констатировали, что…

— …что каплун — такой же проводник. Надеюсь, господин маркиз, я сумел дать вам ясный ответ.

— Я вам бесконечно благодарен за столь исчерпывающие объяснения. Благодаря вам я чувствую себя поумневшим; вы вооружили меня аргументами, кои в случае возникновения дискуссии вокруг ваших экспериментов я смогу пустить в ход. Во Франции все новое моментально входит в моду!

Доктор Месмер в упор смотрел на Николя. Его блестящие подвижные глаза неуклонно погружали комиссара в состояние дремотной дурноты. Вскоре ему показалось, что комната уменьшилась, а он перестал различать окружавшие его предметы. Собрав всю свою волю, он стал сопротивляться загадочному давлению. Неужели доктор захотел погрузить его в такой же транс, в какой он, по описаниям Эме, погрузил госпожу де Лаборд? Сопротивляясь неведомой силе, он закрыл глаза. Как только он перестал видеть взгляд Месмера, ему тотчас стало лучше, и он решил немедленно положить конец беседе с загадочным персонажем, обладавшим способностью манипулировать сознанием людей; он не хотел оказаться в положении госпожи де Лаборд.

— А вы случайно не запомнили имен певчих из королевской часовни, принимавших участие в ваших опытах?

Ироническая улыбка, игравшая на устах Месмера, свидетельствовала о том, что Николя не удалось одурачить эмпириста.

— Могу ли я, господин маркиз, поинтересоваться, зачем они вам? Вы намерены проверить истинность моих утверждений?

— Нет, что вы! У меня и в мыслях не было ничего подобного. Я всего лишь хотел узнать, какие ощущения испытали эти лица… назовем их особенными. Сам я не чужд музыке, но я не знал, что и в нашем королевстве есть особенные. Видите, куда заводит меня мое увлечение!

— Что ж, попробую удовлетворить ваше любопытство. А на каком инструменте вы играете?

— На бомбарде, инструменте моей родной провинции.

На этот раз Николя не солгал, однако готов был поклясться, что доктор, увидев, как предполагаемая добыча от него ускользнула, остался крайне недоволен. Месмер встал, вышел из комнаты и вскоре вернулся с листком бумаги с искомыми именами. Николя поклонился и вышел, сопровождаемый задумчивым взглядом эмпириста, не пожелавшего, как требовали приличия, попрощаться с гостем.

На улице он с облегчением вздохнул, словно с плеч его упал тяжкий груз. Однако что за странный человек! Можно ли верить его словам, и на самом ли деле он является тем, за кого себя выдает? Он вспомнил, как однажды ему довелось познакомиться с материалами дела некоего венецианского мошенника, который также утверждал, что обладает магическими способностями. Свои способности он использовал исключительно в корыстных целях, и как любой ловкий шарлатан, обманывал легковерных клиентов. Однажды вечером — тогда Николя еще пребывал в подмастерьях у комиссара Лардена — ему велели присутствовать при аресте

мошенника. Однако сей Джакомо Казанова, бежавший из венецианской тюрьмы Пьомби, имел в Париже множество высокопоставленных покровителей, и вскоре его освободили по приказу Шуазеля.

Добравшись до улицы Сент-Оноре, Николя прогулочным шагом дошел до Пале-Руаяль; почувствовав, что устал и хочет пить, он зашел в свое излюбленное заведение, где подавали его любимый кофе. Существовало давнее распоряжение полиции, запрещавшее хозяевам кофеен подавать напитки и обслуживать клиентов по воскресеньям. С недавних времен распоряжение это, впрочем, соблюдаемое далеко не всеми и не всегда, стало относиться только к часам мессы. Николя недавно пристрастился к кофе; говорили, что напиток способствует работе мысли и не дает человеку засыпать. Впервые он попробовал кофе у Семакгюса, который каждодневно пил его у себя в Вожираре; кофе подавали и при покойном короле — во время ужинов в малых апартаментах. Ленорман, старший садовник Версаля, выращивал в теплицах Трианона дюжину кофейных деревьев, и те при надлежащем уходе и заботах давали в год добрых шесть фунтов зрелых кофейных зерен. Зерна отлеживались, потом король собственноручно их обжаривал и сам готовил крепкий напиток. Как и господин де Бюффон, Николя ценил крепость и вкус зерен, собранных в Санто-Доминго, в то время как Семакгюс предпочитал зерна сорта мокко, доставляемые из Аравии. Высмотрев уютный столик, Николя устроился в прохладном полумраке и в ожидании огляделся. Ему очень нравилась атмосфера этого кафе, куда приходили расслабиться исключительно порядочные люди. Прислушавшись к разговорам, здесь без особого труда можно было узнать последние новости и слухи, а также полистать газеты. Сюда не забредали ни подозрительные личности, ни сводники со своей клиентурой, ни скандальные субъекты, ни наглые солдаты и слуги, никто, кто мог бы нарушить спокойствие собиравшегося здесь достойного общества. Потягивая мелкими глоточками обжигающий напиток и хрустя меренгой, Николя искал ответ на вопрос, кем же на самом деле является Антон Месмер. Без сомнения, этот человек обладал талантом убеждения и выдающимися способностями гипнотизера. Очевидно, его способы и методы лечения воздействовали как на больные, так и на легковерные головы, причем воздействие это нельзя было однозначно назвать зловредным. А главное, доктор не имел никакого отношения к его сегодняшнему расследованию. Николя взглянул на врученный ему Месмером список:

Винченцо Бальбо
Уго Манджарелли
Сильвиано Барбекано

И что ему делать с этим списком? Неужели иностранцы, которых из-за их неполноценности общество выкинуло из своих рядов, оказались замешаны в заговоре, стали участниками темных и запутанных интриг? Пока он размышлял, в дверях кафе показался Семакгюс. Николя вскочил и помахал ему рукой.

— Гийом, какой сюрприз! Что привело вас в Париж в такую рань?

— Уф, ну и жара! А здесь так прохладно! Зайдя сюда, мне повезло вдвойне. Вы даже представить себе не можете, с кем я сегодня разговаривал и из какого загадочного места я возвращаюсь.

— И вы намерены хранить это в секрете?

— О, вовсе нет! Мы с Лабордом были у доктора Месмера. Полагаю, это имя вам знакомо: человек с чаном, о котором судачит весь Париж. Несколько дней назад жена нашего друга побывала у него на консультации. Насколько мне известно, ее сопровождали Эме и дамы из свиты Мадам Аделаиды. Наш друг доволен и одновременно встревожен результатами сего визита. Доволен, потому что жена его приободрилась, но встревожен, потому что гуляющие по городу слухи о сем немецком целителе крайне противоречивы.

От неожиданного совпадения Николя расхохотался.

— Неужели вы тоже пали жертвой животного магнетизма? — спросил Семакгюс, ошеломленный смехом комиссара.

— Нисколько, дорогой Гийом. Дело в том, что сегодня я тоже побывал в особняке братьев Буре, хотя и по другим причинам, о которых сейчас вам расскажу. Буквально полчаса назад я имел довольно продолжительную беседу с этим иностранным доктором.

— Действительно, разговор оказался долгим. Теперь я понимаю, почему нам пришлось его дожидаться. Каким бы невозмутимым ни хотел он казаться, когда он вышел к нам, лицо его было перекошено. Что вы с ним сделали?

— Нанес визит вежливости, — смиренно ответил Николя.

— М-да! Не доверяю я таким визитам, особенно когда вы говорите о них со столь сладким выражением лица. Короче говоря, мы с Лабордом присутствовали при работе чана, а затем наблюдали, как эмпирист исцелял больного.

— И к какому вы пришли выводу?

— Что касается чана, то это ярмарочный фокус, забавный опыт, который легко поставить благодаря нынешнему уровню знаний. Животный магнетизм не имеет к нему никакого отношения, это всего лишь удачно придуманное сочетание слов, чтобы замаскировать комедию с чаном.

— А как насчет бесплатного лечения простолюдинов?

— Поток экю, обрушенный на него легковерной знатью, жаждущей избавиться от надуманных недугов, с лихвой его искупает.

Подошел прислужник, и Семакгюс заказал чашечку своего любимого мокко. Николя смотрел на друга и словно впервые видел его лицо, одухотворенное, загорелое, с глубокими морщинами, словно вылепленное скульптором, именуемым жизнью, его гордую посадку головы, его уверенный и вместе с тем доброжелательный взор. И внезапно он осознал, что, несмотря на отсутствие портретного сходства, корабельный хирург принадлежал к той же породе людей, что и его отец, маркиз де Ранрей.

— А как вы оцениваете его пассы и способность вгонять людей в сон? — продолжил он. — Эме рассказала мне, как проходил сеанс исцеления госпожи де Лаборд.

— Ничего нового; все, как некогда происходило с конвульсионерами на кладбище Сен-Медар. Надо помнить две простые истины. Во-первых, если убедить пациента в том, что целитель обладает сверхъестественными способностями, считай, результат наполовину достигнут. Во-вторых, магнетизер-мужчина всегда найдет способ воздействия на женщину.

— Иначе говоря, мелочи имеют значение?

— Основное, друг мой, основное! Поймите, женщины, идущие на прием к Месмеру, в сущности, не больны, они всего лишь обладают повышенной чувствительностью. Я все старательно запоминал. Прежде всего, обстановка: невидимая музыка, курящийся ладан, необычная красота прислужников, величественный вид самого Месмера, его проницательный взор. Обычно он зажимает колени больной между своими коленями. Одна рука оказывает давление в области брюшной полости, другая — чуть ниже поясницы. Лица сближаются, и пациент, и больная глубоко дышат, чувства возбуждаются, дыхание пациентки учащается, грудь взволнованно вздымается и опускается. И вот наступает кризис, больная бьется в конвульсиях, от которых, однако, у нее остаются отнюдь не неприятные впечатления. Больная хочется повторить сеанс, она желает еще раз погрузиться в сладостный транс, в который погрузил ее Месмер! И, как вы, полагаю, поняли, транс сей имеет много сходства с иным, всем нам известным кризисом. Так доктор вербует себе клиентов среди рабов эфемерной моды, в основном из состоятельных особ, и формирует у них потребность, кою только он может удовлетворить. Если вам интересно мое мнение, то Лаборд сам в состоянии исцелить свою

жену, заставив ее забыть о неудачном дебюте супружеской жизни. И для этого нет нужды обращаться к шарлатану из Вены!

Так как Семакгюс приехал в экипаже, он предложил Николя подвезти его до дома на улице Монмартр. По дороге он со своим обычным задором рассказывал об обрядах дикарей, на которых ему доводилось присутствовать во многих уголках мира, куда забрасывала его морская служба. Сообщив, что часто встречал шаманов, погружавших своих пациентов в пограничное состояние, он напомнил Николя, как в свое время, войдя в транс, Ава сумела предсказать смерть Сен-Луи, своего соотечественника и кучера Семакгюса.[48] Похоже, доктор Месмер использовал проверенные средства, выдавая их за новые, никогда прежде не применявшиеся. Разумеется, некоторым больным, или так называемым больным, становилось лучше, ибо велика была сила внушения мага и безгранична вера в его способности у явившейся на сеанс легковерной жертвы.

Прощаясь с другом, Николя почувствовал, как кто-то дернул его за карман. Решив, что стал жертвой карманника, он обернулся и увидел перепачканную углем мордашку: мальчуган протягивал ему сложенную вчетверо бумажку. Он тотчас подумал о сиротах, что вырастают среди бандитов и убийц в мрачных пристанищах старого города. Как только он взял бумажку, мальчишка тотчас исчез, не дождавшись ни ответа, ни вознаграждения за оказанную услугу. Николя растерялся. Он знал едва ли не всех мальчишек, рыскавших по столице в поисках заработков и готовых исполнить любое поручение. Но этого маленького савояра он видел впервые. Однако ребенок явно знал его, ибо без колебаний подошел прямо к нему. Он развернул записку. Несколько торопливо набросанных строк и заглавная Р вместо подписи. Подобное послание мог отправить только Ретиф. Он не знал почерка Ретифа, однако знал, какое ограниченное образование получали подобные ему самоучки. Всех одинаково учили писать, и у тех, кто на этом этапе останавливался, вырабатывался более или менее однообразный почерк. Однако прочитав записку, в нем зародились сомнения. К тому же некоторые буквы…

«Сегодня вечером в одиннадцать часов вечера. Дверь павильона Самаритен будет открыта. Р.»

Он удивился. Что означает эта записка? Кто, если не Ретиф, хочет с ним встретиться? И почему так поздно? И зачем передавать записку столь таинственным образом? Зачем вообще писать? Ретиф всегда соблюдал осторожность и не любил оставлять следов, иначе говоря, писать записки. Почему вдруг такой хитрец, как он, выбрал столь непривычный для себя способ предупредить его? Ретифу поручили отыскать маленького дрозда, снятого Ренаром. Интересно, нашел ли он его? И можно ли представить себе, что, отыскав дрозда, Ретиф решил вместе с ним явиться на свидание с комиссаром? Поразмыслив, Николя постановил, что подобное предположение имеет право на существование. Во всяком случае, чем он рискует, отправившись на это свидание? Со шпагой на боку и с пистолетом за полями треуголки он отлично вооружен. Хотя, надо признать, в такой поздний час улицы, прилегавшие к Новому мосту, предоставляли отличные укромные уголки для засады. Он хотел предупредить Бурдо, но быстро отмел эту мысль, решив дать инспектору возможность скоротать вечер с семьей. Не считаясь ни со временем, ни с усталостью, Бурдо усердно служил королю и проводил дома далеко не каждый вечер.

После легкого ужина Николя сел играть в шахматы с Ноблекуром. Не желая волновать бывшего прокурора, он не стал сообщать ему о своих последних открытиях, однако невнимательность и небрежная манера игры выдавали его озабоченность. Но то ли от рассеянности, то ли в порыве великодушия Ноблекур не обращал внимания на забывчивость Николя и с радостным видом трижды обыграл его. Игра позволяла почтенному магистрату

убедиться, что он еще не утратил остроты ума, и вселяла в него уверенность, что возраст смекалке не помеха. Вскоре под предлогом усталости Николя удалился, желая как должно подготовиться к ночной прогулке.

Первое, что он сделал, — вычистил подаренный Бурдо карманный пистолет, который наконец вернулся из починки, куда его отправили после того, как его повредила пуля. Проверив спуск, он наполнил маленькую пороховницу и взял достаточное количество свинцовых пуль. Не желая марать фамильную шпагу в уличной потасовке, он взял с собой шпагу-трость, закаленный клинок, вделанный в рукоятку и вставлявшийся, словно в ножны, в полую трость; тяжелой рукояткой трости при необходимости вполне возможно раздробить череп. Эта трость также являлась подарком инспектора. Он пристроил пистолет за полями треуголки, чтобы, подняв руки, сподручней делать выстрел. Внутрь треуголки он по совету Бурдо вставил металлическую шапочку, чтобы не потерять сознание в случае, если удар нанесут сзади или из-за угла. Убедившись, что раны его быстро заживают, он облачился в черный фрак, туго стянул волосы в хвост и надел башмаки из мягкой кожи, позволявшие, в отличие от привычных сапог, бесшумно передвигаться, а в случае необходимости — бежать значительно быстрее. Завершая сборы, он вспомнил сумбурные предсказания Полетты, но постарался поскорее забыть о них.

Он попытался незаметно выбраться на улицу. Но ему не удалось избежать бдительного ока Катрины. Посадив на колени Мушетту, кухарка дремала на кухне; внезапно встрепенувшись, она открыла глаза. При виде Николя лицо ее тотчас обрело то тревожное выражение, какое принимало всегда, когда он уходил из дома ночью и при оружии. Приложив палец к губам, дабы она не успела ничего сказать, он выскользнул за дверь, послав Катрине на прощанье воздушный поцелуй, растрогав ее до глубины души.

Словно тень, скользил он по ночным улицам. Луна пряталась за тучами. Постоянно проверяя, нет ли за ним слежки, он в очередной раз убеждался, что горели отнюдь не все фонари, коим положено гореть. Продвигаясь по улочкам, ведущим к реке, он не встретил никого подозрительного. Навстречу ему попадались праздные зеваки, что, пользуясь вечерней прохладой, отправились погулять, девицы для утех в поисках клиентов, патрули городской стражи, пьяницы да редкие экипажи, пробуждавшие эхо стуком своих колес. Осторожно вступив в пределы интересующего его квартала, он осторожно прошел по улице Моннэ, пересек площадь Труа-Мари и, остановившись на углу набережной Эколь, внимательно огляделся. Оставаясь незамеченным, он некоторое время наблюдал за теми, кто поднимался на Новый мост и спускался по нему.

Внезапно на него налетел перепуганный молодой человек, убегавший от двух преследовавших его солдат. Если бы Николя не опирался на трость, он бы наверняка упал. К счастью для беглеца, успевшего скрыться в ночи, оба преследователя набросились было на Николя, но, узнав в нем полицейского комиссара, они, бормоча извинения, пристыженные, удалились. Это оказались вербовщики, жертвой которых в свое время чуть не стал Наганда[49]; комиссар хорошо знал их повадки. Девицы, крутившиеся вокруг кордегардии, соблазняли наивных юнцов, а вербовщики водили их по кабакам, пока продажная любовь и неумеренные возлияния не разоряли их окончательно. Начисто утратив соображение, юнцы подписывали контракт, ничего не слыша, кроме роковых слов: «Ну, кому еще отсыпать?» — и звона опущенных в кошелек экю.

Внимательно глядя по сторонам, он продолжал наблюдать за дверью в квадратный павильон водокачки Самаритен. С такого расстояния он не мог разглядеть, была ли тяжелая дубовая дверь приоткрыта или же нет. Близился урочный час. Полагаться на часы, что располагались на башенке водокачки, не представлялось никакой возможности, ибо стрелки

месяцами не показывали точного времени. Достав из кармана часы, Николя нажал на кнопку и понял, что настал час действовать.

Пройдя по набережной, он вступил на мост, прошел вдоль парапета и, избегая нежелательных взоров, притаился в первой же нише ограды павильона. Обозрев местность, он убедился, что поток пешеходов иссяк, и только неподалеку, в конце моста, сидит какой-то нищий и, судя по всему, спит. Чтобы добраться до входа, ему оставалось преодолеть всего две ступени. Скользнув к двери, он плотно к ней прижался и надавил плечом; дверь поддалась. Свет, падавший от оставленной на полу свечи, озарял пустое квадратное помещение с деревянной лестницей в глубине и несколькими глухими дверцами в стенах.

Отрезанный от городского шума, он отчетливо различил негромкий монотонный звук, пробудивший его любопытство. Поразмыслив, он вспомнил, что в подвале павильона находится насосный механизм, работавший за счет силы течения и снабжавший водой квартал Лувра, а также фонтаны и источники Тюильри. Прождав довольно долго, он направился к лестнице и начал осторожно, ступенька за ступенькой, подниматься, прижимаясь спиной к стене и готовый встретить угрозу, откуда бы она ни исходила. Продвигаясь вверх, он увидел новую дверь; толкнув ее, он оказался в точно такой же, как внизу, комнате, где на полу также стояла свеча. Сходство помещений побудило его продолжить подъем. Долетавшее до слуха размеренное бряцание напомнило о загадочном видении Полетты. Жара стояла удушающая, пот заливал лицо. Послышался бой часов, и он, вздрогнув от неожиданности, сообразил, что это часы на башне Самаритен с опозданием пробили одиннадцать. Комната, куда он поднялся, оказалась меньше предыдущих. К двери на высоте человеческого роста кто-то кинжалом пришпилил бумажку. Освободив бумажку, он поднес ее к свече и развернул. Почерк, ничем не примечательный, показался ему знакомым: эту странную форму букв он уже где-то видел. Послание не стало для него неожиданностью:

«Всем давно известно, что я не сяду играть, пока не буду уверен, что выиграю».

Эту реплику, вложенную в уста Сардинского короля, он прочел в той сатире, что, завернутая в промасленную бумагу, была найдена на теле Ламора. Что ж, теперь у него есть о чем подумать в ожидании встречи. Однако подумать он не успел: внизу, на первом этаже, громко хлопнула дверь. Спрятав в карман кинжал и записку, он вытащил из трости клинок и начал осторожно спускаться. Сердце учащенно билось, как бывало, когда приходилось вслепую двигаться навстречу неведомой опасности. Скрип ступеней, скрежет дверных петель, шумный ход часовых стрелок и глухое уханье качавшего воду насоса нагнетали тревогу, оглушали и отгораживали от внешнего мира. Спустившись вниз, он увидел, что маленькая дверь под лестницей открыта; за дверью чернел колодец.

Спички отказывались гореть: видимо, промокли от его пота, поэтому, чтобы зажечь свечу, ему пришлось высекать искру и ждать, пока вспыхнет трут. Он пожалел, что не взял с собой потайной фонарь, также подаренный ему Бурдо. Трепещущий язычок пламени слабо освещал лестницу, ведущую куда-то вниз. В голове звенело от гула насосного механизма, скрежетали зубчатые передачи, скрипели натянутые веревки, под натиском речных волн стенали деревянные опоры конструкции. Оглушающий шум давил еще сильнее, чем тишина. Неожиданно повеяло до странности знакомым запахом. Пока он спускался, к окружавшей его какофонии добавились новые звуки, и он попытался сообразить, каково их происхождение. Чем дольше он вслушивался, тем больше ему казалось, что рядом кто-то с силой шлепает на прилавок мясника добрый шмат мяса. Звуки повергали его в ужас, особенно когда до него вновь долетел металлический запах крови.

В глубине подвала ритмично двигался огромный, сделанный из дерева и железа, механизм, приводивший в действие насос. Он решил подойти поближе и чуть не упал, поскользнувшись в вязкой липкой луже. Тогда он поднял свечу, и ему открылось зрелище, жестокость которого едва ли не превосходила те ужасы, что ему доводилось видеть прежде; страшная картина в подробностях запечатлелась в его памяти.

Два огромных параллельных бруса, словно два элемента буквы Н, ворочались, приводимые в движение насосным механизмом: когда один брус поднимался, другой опускался. Под этими подвижными ножницами виднелось тело, колотившееся о брусья при каждом толчке машины. Один брус дробил ноги, уже почти отделившиеся от туловища, другой со всей силой обрушивался на торс. При натяжении ноги, словно в насмешку, взлетали вверх, а голова дергалась, словно у марионетки. Еще немного, и истерзанный, залитый кровью и опутанный вывалившимися наружу внутренностями труп неизбежно распадется на куски. Призвав на помощь всю свою волю, Николя попытался отогнать леденящее душу предположение, убеждая себя, что, прежде чем подвергнуть жертву столь изощренной пытке, ее наверняка лишили жизни, и чей-то извращенный ум издевался уже над мертвецом. Сделав над собой неимоверное усилие, он вгляделся в истерзанные останки и понял, что жертвой стал молодой человек, и теперь то, что от него осталось, ему придется извлекать из губительной западни. Но для этого ему потребуется помощник, ибо остановить работу насоса нет никакой возможности. Значит, придется звать на помощь и приступать к своим обязанностям комиссара.

Поднявшись наверх, он обнаружил, что дверь, ведущая в помещение первого этажа, прикрыта, в то время как он точно помнил, что оставил ее нараспашку. Зная, что иного выхода из павильона нет, кто-то подстроил ему ловушку. Из-за непрерывной работы механизма выбраться наружу через подвал невозможно: угодишь под колесо и кончишь так же, как только что увиденный им мертвец. Остается стоять и ждать, пока противник, потеряв терпение, не начнет действовать первым. Внезапно он вспомнил уловку, не раз спасавшую ему жизнь. Он достал и зарядил карманный пистолет, а затем, сняв фрак и треуголку, накинул фрак на трость и нахлобучил поверх треуголку. Если кто-то подкарауливает его за дверью, появление чучела заставит его совершить необдуманный маневр и выдать себя. Ведущая наверх лестница хорошо просматривалась, и он мог не бояться неожиданного нападения сверху. Не раздумывая долее, он толкнул дверь и просунул в проем фрак. Тотчас прозвучали два выстрела. Он бросился на землю и, целясь в ту сторону, где, судя по вспышкам, произвели выстрелы, разрядил пистолет. Раздался вскрик и топот торопливых шагов, затем хлопнула дверь и наступила тишина.

Похоже, угроза миновала. Тишина, нарушаемая лишь глухим стуком насоса, вновь обрела свою безмятежность. Он зажег свечу. Помещение было пусто. Оглядев фрак, он увидел зиявшие посредине две дыры и с облегчением подумал, что дыры оправдают его внеочередной визит к мэтру Вашону. Вспомнив о замученном молодом человеке в подвале, он быстро оделся, спрятал клинок в трость и, сжимая в руке пистолет, осторожно подошел к выходу, открыл дверь и, выйдя на крыльцо, долго наблюдал за дорогой, ведущей к Новому мосту. Разлитое в воздухе теплой летней ночи спокойствие постепенно снизошло и на него. Однако пережитый ужас не прошел даром: у него закружилась голова. Время шло, гуляющих на Новом мосту становилось все меньше. На другой стороне моста он заметил нищего. Подвернув ногу под себя и выставив вперед деревяшку, заменявшую ему другую ногу, он сидел, протягивая навстречу прохожим кружку для подаяния. Так как нищий занял пост как раз напротив Самаритен, то он вполне мог заметить какое-нибудь подозрительное передвижение или каких-нибудь приметных личностей. Поэтому Николя решил расспросить его.

Увидев, что комиссар идет к нему, нищий протянул ему навстречу свою кружку.

— Подайте милостыню, сударь мой любезный! — хриплым голосом заканючил он.

— Бывший солдат? — спросил Николя, указывая на деревяшку.

— Так точно, кавалер! Сражался под Прагой, под командой генерала Шевера, что упокоен под доской в церкви Сент-Эсташ. Повозка раздробила мне ногу.

Совпадение больно кольнуло Николя: старый солдат, что повесился в камере Шатле, и чья смерть по-прежнему заставляла терзаться его совесть, тоже сражался в Чехии. И он положил в кружку экю.

— Что, кавалер, любовь побуждает вас быть столь щедрым?

— Что вы этим хотите сказать, друг мой?

— Я видел, как вы вышли из водокачки Самаритен вскоре после расфуфыренной особы, старательно прятавшей свое лицо. О, наверняка у нее грозный муж! Но какой лакомый кусочек! Жаль только, не разглядел, отчего она казалась ужасно высокой — из-за прически или из-за каблуков. А какой цыпленочек явился к ней на свидание!

— О чем это вы?

— Да о том, что вслед за дамой явился юный плут.

— Ну и что же?

— Хе-хе! Я не глупец. Я же вижу, вы и есть муженек той не слишком добродетельной особы. Думается мне, кавалер, что и сейчас она вовсе не грехи замаливает. Ну, надо было раньше подсуетиться.

И он презрительно сплюнул.

— А куда направилась эта дама? — продолжал расспрашивать Николя, не обращая внимания на мимику калеки.

— Так она что, не ваша супружница? Вот и отлично, вы сразу показались мне славным малым. А красотка времени не теряла. Мимо проезжал фиакр, она подобрала свои юбки, прыгнула в него, захлопнула дверцу и укатила. Ну и шустрая же бестия!

Николя решил, что пора раскрыть свое инкогнито.

— Я комиссар полиции Шатле и веду очень важное расследование. Ваше свидетельство для меня очень важно.

От удивления солдат выпучил глаза.

— Ох, ну и хорошо же вы маскируетесь! А как докажете, что вы правду говорите?

— Вы умеете читать?

— Немножко, комиссар.

Не желая оказывать давление на свидетеля, Николя предпочел сунуть ему под нос ордер на арест, «письмо с печатью», что лежал у него в кармане. При неверном свете фонаря солдат принялся по слогам разбирать указ и в ошеломлении замер, увидев подпись короля.

— Черт возьми! Верю, верю… Что вы хотите знать?

— Опишите мне молодого человека.

— Того юного хлыща?

— Именно. Можете его описать?

— Я бы сказал, черт, одет как англичанин, и волосы под сеткой.

— В котором часу он вошел в павильон Самаритен?

— Ну, примерно… Девять часов, полчаса долой — словом, в девять с четвертью. Каждый знает, что часы на башне водокачки опаздывают.

— А женщина?

— Ее я не видел. Плутовка наверняка ждала своего обожателя внутри.

— А я?

Старик в нерешительности уставился на него.

— Даже не знаю, что сказать. Я не видел, как вы входили. Но, коли говорить честно, в такую жару я нередко засыпаю.

Солдат говорил правду.

— Как по-вашему, в водонапорную башню может поникнуть каждый кому не лень?

— Я часто здесь сижу и скажу вам, что так было всегда. Говорят, начальник Самаритен относится к своим обязанностям легкомысленно. Не хочет лишний раз себя беспокоить. А потому она и стоит открытая, чтобы всегда можно было прийти и починить. Каждый может войти, но не каждый осмелится, разве что тот щеголек.

— Вы хотите сказать, что он приходит сюда не в первый раз?

— Нет, точно не в первый. Он и раньше приходил, но только не с женщинами. С такими же каплунчиками, как и он.

Хотя Николя считал, что неплохо знает свой город, о том, что павильон водокачки служит рассадником мерзостей, он слышал впервые. Значит, маленький дрозд, избрав Самаритен своим ночным пристанищем, приводил сюда припозднившихся клиентов. Оставалось узнать, кто назначил комиссару свидание в таком подозрительном месте и завлек его в ловушку.

Поблагодарив нищего, он сказал, что его зовут Николя Ле Флок, и в случае нужды он всегда может прийти к нему в Шатле, назвав привратнику его имя вместо пропуска. Затем он повернулся и медленно пошел в сторону площади Труа-Мари. Он явно совершил ошибку, не взяв с собой Бурдо или хотя бы Рабуина. Ведь если бы… Словом, теперь придется составлять уведомление и, теряя драгоценное время, идти в квартальный полицейский участок, в то время как необходимо срочно обшарить каждый уголок водокачки и вызволить из страшных тисков тело. Внезапно он услышал размеренные шаги городского караула. Сержант, командовавший отрядом, остановился и с улыбкой приветствовал его.

— Добрый вечер, господин комиссар. Жан-Батист Гремийон, сержант караульного отряда квартала Лувр. Я имел честь встречаться с вами, когда вы вели дело о заключенном из Фор-Левека.[50]

— Боже мой, сержант, как удачно я вас встретил, я очень рад, — произнес Николя, прекрасно помнивший сержанта, чье честное и добродушное лицо в свое время произвело на него глубокое впечатление.

Отведя сержанта в сторону, он коротко описал ему преступление, совершенное в павильоне Самаритен. Надо тщательно обыскать водокачку сверху донизу. Необходимо достать труп и, принимая во внимание его состояние, раздобыть ящик, чтобы переправить останки в Мертвецкую. Чтобы как следует осмотреть место преступления и отыскать одежду жертвы, понадобится много факелов. Пока сержант исполняет поручение, он вернется на место преступления и приступит к осмотру.

Сержант принялся отдавать распоряжения, а Николя поспешил к водокачке. Старый нищий покинул свой пост, дабы провести ночь в каком-нибудь мрачном пристанище. Войдя в нижний зал, Николя зажег свечу и, бросив взор на пол, увидел множество кровавых следов. Узнав без труда отпечатки своих башмаков, он начал искать следы высокой женщины, дважды виденной его свидетелем, но нашел лишь отпечатки маленьких неровных кругов. Оставалось предположить, что его противник, убегая, передвигался на цыпочках или на каблуках.

Достав черную записную книжечку, он принялся заносить в нее все мелкие детали, способные пролить свет на совершенное преступление. В ожидании караула он осмотрел кинжал и бумагу, найденные им в верхней комнате. Особенно заинтересовал его кинжал: с оружием такой работы ему еще не приходилось встречаться. Скорее всего, кинжал привезли из-за границы. Рассмотрев его поближе, он пришел к выводу, что им недавно пользовались, а потом вытерли, но небрежно: на месте стыка рукоятки и гарды отчетливо виднелись следы крови. Не означает ли это, что сначала им совершили убийство, а потом прикололи к двери послание?

Поднявшись на второй этаж, он еще раз внимательно осмотрел помещение. Решение оказалось правильным: в первый раз от его внимания ускользнул целый ряд мелочей. Как и внизу, его следы пересекались с загадочными следами противника. Помимо следов на полу на дощатой двери он заметил капли крови, подтверждавшие, что преступление совершили раньше, чем пришпилили бумагу к доскам. Но можно ли утверждать, что жертва была истерзана после смерти? Единственной процедурой, способной дать ответ на этот вопрос, является вскрытие, но если караул припозднится, вскрывать будет нечего.

Спустившись вниз, он принялся изучать бумагу, иначе говоря, наконец удосужился рассмотреть оборотную ее сторону. Находка заставила его буквально подскочить от изумления: это снова оказалась партитура, отрывок из какого-то объемного музыкального произведения. Данная улика связывала убийство Ламора, утопленника из Большого канала, с убийством в Самаритен. А значит, убийца лакея герцога Шартрского и тот, кто жестоко расправился в подвале с неизвестным пока молодым человеком, наверняка является одним и тем же лицом.

Размышления его прервало появление Гремийона с отрядом; следом за караульными шли приставы с черным гробом. Николя раздал указания, и все принялись за дело. Одни в поисках новых улик принялись обшаривать водокачку снизу доверху, другие отправились высвобождать труп. Извлечение тела, точнее, его останков, происходило крайне медленно, ибо промежуток времени, когда тяжелые брусья находились далеко друг от друга, оказался необычайно короток. Николя увидел, как из подвала выбрались несколько приставов с белыми, словно полотно, лицами, их тут же вырвало. Наконец кое-как останки собрали и сложили в гроб, куда Гремийон предусмотрительно велел насыпать опилок. Появился караульный, неся в руках бальную туфлю, подштанники и разорванный фрак. С риском для жизни он сумел проникнуть в центр конструкции, служившей опорой для насосного механизма, и выудить оттуда эти лохмотья. Остальную одежду, без сомнения, унесла река.

Вход в павильон водокачки опечатали, и печальная процессия двинулась в сторону Шатле. Разбуженный папаша Мари, зевая, открыл двери Мертвецкой, куда поместили гроб. Николя не строил иллюзий. В такую жару останки следовало похоронить как можно скорее, иначе говоря, завтра. Но надо постараться, чтобы Сансон успел их осмотреть. Добрые порции «укрепительного» папаши Мари подняли настроение всем, кто пал духом, а затем, к великому удовольствию караульных, Николя вручил им пригоршню экю. Поблагодарив сержанта за его действенную помощь, Николя поручил папаше Мари передать записку Сансону, когда тот появится в Шатле, или даже разыскать его и обязательно передать.

В задумчивости войдя во двор дома на улице Монмартр, он тем не менее не забыл снять запачканные кровью башмаки и оставить их на улице под лестницей, откуда их заберет Пуатвен, чтобы почистить. Старый лакей привык, что, возвращаясь из ночных экспедиций, Николя оставлял внизу грязную обувь. Раздевшись, комиссар облился холодной водой из насоса, желая смыть с себя увиденный им кошмар, который, казалось, въелся ему в кожу. Затем, взяв ключ, он тихонько отпер дверь и, бесшумно закрыв ее за собой, поднялся к себе, где его встретила Мушетта; обнюхав его, кошечка неожиданно отскочила и, возмущенно замяукав, исчезла во мраке. Усталость навалилась на него, и он снова вспомнил о предсказании Полетты. Из какой бездны извлекла она свои пророческие слова? А может, она сообщница того, кто хотел убить его? Сегодня его жизнь буквально зависела от фрака, болтавшегося на кончике шпаги. Мысли его стали путаться, и когда на колокольне Сент-Эсташ пробило два, он погрузился в глубокий сон, прибивший его к берегам, о которых он доселе не подозревал. Волны швыряли его, в ушах не смолкали крики, а потом гигантские валы унесли его в такую даль, что когда утром он проснулся, ему показалось, что он вынырнул из черной океанской бездны, наполненной слепыми кошмарами. К счастью, ни одного кошмара он не запомнил.

Понедельник, 10 августа 1778 года.

В девять часов Николя разбудила Катрина: привыкнув, что он обычно встает рано, она стала волноваться. Быстро приведя себя в порядок и проглотив чашку шоколада прямо в спальне, он спустился поприветствовать Ноблекура, коего застал за чтением «Газетт де Франс». Вид у бывшего прокурора был крайне недовольный.

— Черт побери, ну какое мне дело до того, что испанский король присутствовал на заседании Королевской академии! Они пишут об этом исключительно ради того, чтобы сообщить о печальных последствиях невежества народа; но ведь это означает ломиться в открытую дверь! Или вот еще: в Вене начался траур по какой-то неизвестной принцессе, и я не могу понять, зачем мне об этом знать. Нет, вы только послушайте: Австрия богата солью, и вся ее соль в Зальцбурге! А то я не знал! Когда же наконец начнут печатать настоящие новости? Ага, вот хоть что-то интересное: третьего августа в Миланской опере давали «Признанную Европу» Антонио Сальери. Реконструированный по приказу Марии-Терезии после пожара, театр стал называться Ла Скала. Гм, интересно, почему? О-о, а вот и Николя!

— Рад приветствовать вас, господин прокурор. Сегодня утром у вас, похоже, неважное настроение. Осторожно, как бы при вашем темпераменте у вас вновь не разыгралась подагра.

— Тише! Молчите, несчастный! Помянешь черта, а он тут как тут. Я никогда не приглашаю сию особу, однако она взяла привычку являться непрошеной. Сейчас же я чувствую себя прекрасно, а потому меня раздражает, когда в этом листке, — и он яростно потряс газетой, — я нахожу только сообщения о коликах у принцев, о придворном трауре, а также о соляных копях Зальцбурга, до которых мне столько же дела, сколько до прошлогоднего снега! Попросить Катрину принести ваш утренний шоколад?

— Нет, благодарю. Так как она разбудила меня довольно поздно, то сразу же принесла мне завтрак.

— Так, значит, вы вернулись ночью? Я ничего не слышал.

— Я постарался пробраться к себе как можно тише. Однако вечер вчера выдался весьма оживленный. Представьте себе, что…

И он рассказал Ноблекуру о событиях воскресного дня: о встрече с Антоном Месмером и скептических замечаниях Семакгюса, о странном приглашении и трагическом завершении вечера.

Ноблекур покачал головой:

— Ах, как жаль, что вы не послушались Полетты! Интересно, какие такие изменения произошли с этой женщиной? Я долго размышлял и пришел к выводу, что намерения у нее были самые лучшие. Ваша репутация такова, что вряд ли кто-нибудь надеется заставить вас отступить. Она, очевидно, стала инструментом в руках некой превосходящей ее силы.

— В Бретани я знал женщин, которые, не умея ни читать, ни писать, неожиданно начинали пророчествовать, и их предсказания сбывались. Но они были чисты и добродетельны.

— В вас говорит выученик каноника Ле Флока! У нашей Полетты столько пороков, что среди них вполне может затеряться бриллиант простодушия. Нет никого, в ком жили бы одни грехи, как, впрочем, и одни лишь добродетели. Собственная долгая жизнь меня в этом убедила.

Николя принес улики, и они вместе внимательно рассмотрели записку и снятое с двери послание. Первое впечатление Николя, похоже, оказалось правильным. Ноблекур отправился в свой кабинет редкостей и принес оттуда увеличительное стекло. Внимательно приглядевшись, они убедились, что записка, врученная маленьким савояром, и листок, найденный в помещении водокачки, написаны одной рукой: и там, и тут буквы имели необычное начертание. Совпадения продолжали множиться: очередная реплика из сатиры, найденной на трупе Ламора, фрагмент партитуры. Особенно внимательно Ноблекур

рассматривал отрывки партитуры. На одном листке Помимо нот проглядывали несколько слов на латыни. Почтенный магистрат также обратил внимание Николя на дефектную печать ключа соль. В ответ Николя заметил, что каждый типограф имеет свой собственный набор свинцовых литер, отличающийся от других наборов.

— Следовательно, — подвел итог Ноблекур, — ваши предположения имеют под собой реальную основу. В обоих убийствах, которые вы расследуете, просматривается некая общность. Можно говорить о музыкальном сходстве партитур, а также о словах герцога Шартрского, эхом отразившихся в речах Месмера. И все нити ведут в королевскую часовню, к тамошним певчим-кастратам. Возможно, Ренар действительно задумал эти убийства, может, даже стал их исполнителем. Хотя…

— Что хотя?..

— Modus operandi[51] жуткого преступления в Самаритен, разгул кровавых страстей. Во всем этом чувствуется чья-то злая воля, озлобленность, превосходящая человеческое понимание.

— Так вы считаете, что…

— Ни слова больше! Я просто хочу сказать, что чрезмерность всегда требовательна, а нарочитый хаос имеет источником давно копившееся зло. И да отыщется ключ, дабы тайна перестала быть тайной!

Поглощенный мыслями, пробужденными рассуждениями Ноблекура, Николя с наслаждением вдыхал свежий утренний воздух. По дороге в Шатле ему встретились несколько мясников, направлявшихся на свалку: они везли на тачках навоз из стойл. Двигаясь размеренным шагом, комиссар пытался привести в порядок свои запутанные мысли, толкавшие одна другую и в беспорядке разбегавшиеся в разные стороны. В голове постоянно вертелось последнее замечание бывшего прокурора. С кем он имеет дело? Жестокое преступление в Самаритен имеет одного исполнителя или нескольких? Убийство Ламора, чье тело обнаружено в Большом канале, требовало по меньшей мере двух исполнителей. Похоже, Ренар замешан в этом деле, но достаточно ли для обвинения свидетельства караульного и жетона доступа в сады королевы?

Мог ли Ренар стать исполнителем последнего преступления? Скоро он это узнает. Бурдо следует за инспектором по пятам, а время убийства установлено довольно точно: между девятью и половиной одиннадцатого вечера. Да, не забыть сравнить почерк инспектора с почерком записки, принесенной маленьким савояром, и с посланием, найденным в Самаритен. Помимо необходимых при любом расследовании действий, основанных на здравом смысле, его мучил вопрос, который он так и не смог полностью сформулировать. Пытаясь поставить его себе самому, он никак не мог найти простых и доступных слов, а это означало, что он до сих пор не постиг истинного смысла порученного ему расследования.

Стоило ему войти в курс дела и обрести собственное видение случившегося, как встреча с инспектором Ренаром породила множество подозрений и получила неприятное продолжение. И теперь его ни на минуту не покидает ощущение, что каждый его шаг контролируется какой-то неведомой силой. Сила эта не только убивает, но и активно вмешивается в расследование, рассыпая поверх трупов загадочные улики, сбивающие с толку и не поддающиеся разумному истолкованию.

В обоих случаях создавалось впечатление, что преступник намеренно не собирался прятать трупы, оставляя их в общественных местах — то в королевских владениях, то в самом сердце Парижа. Почему вокруг трупов как Ламора, так и молодого человека из Самаритен, являвшегося, скорее всего, маленьким дроздом Ренара, разбросаны улики, словно специально предназначенные для проверки проницательности следователей? Как это узнать? Трупы могли, должны были быть спрятаны так, чтобы их никто не нашел, а и в столице, и за ее пределами укромные уголки, не говоря уж про лес и реки, имелись в достатке. Впрочем, по

размаху преступления существенно отличались одно от другого. Убийцы Ламора попытались замаскировать подлинную причину гибели жертвы, выдав ее за простого утопленника, тогда как на самом деле она скончалась от яда. Неужели он имеет дело с разными преступниками? А может, просто их стало больше или, наоборот, меньше?

В обоих случаях ясно, что убийца, обладающий неслыханной дерзостью, действовал по заранее продуманному плану и вел себя столь бестрепетно, что в Самаритен его, в сущности, безупречный замысел провалился только по причине опытности и присутствия духа комиссара. Что хотел доказать неизвестный, дерзко бросивший вызов полиции? Продемонстрировать уверенность в своей полной безнаказанности? Наглое выставление напоказ своих преступлений, бравада, вызванная, без сомнения, убежденностью, что он находится вне подозрений, подкидывание загадочных улик… Убийца дошел до того, что осмелился призвать на место преступления комиссара полиции, чьей задачей является поймать убийцу и обезвредить его. Николя лихорадочно осмысливал имевшиеся в его распоряжении факты, пытаясь вычленить из них самый весомый и убедительный, на основании которого он смог бы выстроить собственный план. Теперь ясно, что мясник из Самаритен знал его и даже знал, где он живет. Но откуда, но почему? Круг лиц, которые могли сообщить ему эти сведения, не отличался широтой. Ламор? Он сам стал жертвой. О нем все знал Ренар. Неужели же инспектор повинен в страшных преступлениях?

Тут он вспомнил еще одно имя. Ретиф. Филин был в курсе многих событий. Двигаясь ощупью по зыбкой почве, окружавшей преступление, он порицал преступников, однако с интересом наблюдал за ними. Двуличный, он давно сотрудничал с полицией, охотно поставляя ей сведения в надежде, что при случае она закроет глаза на его грешки. Ретиф знал всех участников его нынешнего расследования. Несмотря на опыт и глубокое знание человеческой натуры, в душе Николя до сих пор жила юношеская доверчивость, а потому поверить в предательство ему всегда бывало трудно, тем более в предательство человека, с которым он давно имел дело. Конечно, нравы Ретифа нельзя назвать образцовыми, тем не менее он никогда явно не преступал закон и не совершал злодеяний. А вдруг, исполняя данное ему поручение, Филин совершил оплошность? Но какую, как и в чем? Ретиф всюду совал свой нос, что в соединении с неуемной болтливостью могло привести к чему угодно. Надо бы выяснить, где он сейчас находится. Оправдывая свое прозвище, Ретиф, словно ночная птица во мраке, обладал способностью растворяться в большом городе. Николя решил отправить Рабуина на улицу Бьевр, где проживала жена Ретифа. Супруги состояли в разводе, однако продолжали поддерживать отношения; при необходимости он прятался у бывшей супруги, у нее же встречался с детьми, а когда заболевал, то отлеживался у нее дома, словно заяц в норе.

В Шатле папаша Мари заявил, что после ночных трудов чувствует себя совершенно разбитым; еще он сообщил Николя, что в подвале его ожидает Сансон. Так как на середину дня была назначена казнь, палач прибыл пораньше, чтобы захватить необходимые инструменты из своей комнатушки. Услышав шаги Николя, Сансон выскочил к нему навстречу и, подхватив его под руку, к великому его удивлению, повлек наверх.

— Дорогой Сансон, что означает столь странный прием?

— Друг мой, я не хочу лишний раз терзать ваш взор крайне неприятным зрелищем. Природа ран, кои вы уже видели, в соединении с воздействием ужасающей жары, ускорила естественное разложение, и я полагаю, вам его видеть незачем.

— Ваша забота трогает меня. Простите, что доставил вам столько неудобств, однако обстоятельства требовали срочного обследования останков. Что вам удалось узнать?

— Я догадываюсь, о чем вы прежде всего хотите спросить. Успокойтесь, несчастного сначала убили, а потом подвергли истязанию его тело.

— Вы смогли определить, как он был убит?

— После обследования сердца у меня возникли некоторые соображения. Этот орган избежал воздействия брусьев, иначе говоря, остался неповрежденным. Внимательный осмотр показал, что убийство совершено, скорее всего, длинным тонким клинком. Но скажите, неужели несчастного переехала тяжелогруженая телега?

Николя с облегчением вздохнул: наконец-то его перестанет мучить вопрос, терзавший его с первой же минуты, как он увидел тело. Он рассказал Сансону, где и при каких обстоятельствах нашел труп, и высказал догадки, на основании которых связывал это убийство со своим теперешним расследованием.

— Вы когда-нибудь задумывались, по какой причине клиент может наказать своего дрозда, почему он мстит ему, причем месть эта связана именно с занятиями юнца?

— Откуда возник такой вопрос?

— Уничтожена вся средняя часть тела, а также пах. Быть может, кто-то пожелал покарать несчастного за его грехи? Не кажется ли вам, что в таком изощренном способе наказания, в издевательстве над трупом прослеживается некое маниакальное стремление?

— Разумеется. Но ведь есть еще записка, призвавшая меня в одиннадцать вечера явиться в Самаритен, и тут отношения жертвы с тем, кто надругался над ее телом, совершенно ни при чем. Однако ваше замечание открывает новые перспективы, кои мы непременно учтем в нашем расследовании. Господин де Ноблекур, которому я изложил подробности дела, подозревает, что в этом убийственном, по его словам, безумии присутствует нечто странное, выходящее за рамки обыденного.

Сансон протянул Николя мятую окровавленную бумажку.

— Я нашел ее в кармане фрака жертвы. Похоже, это счет от прачки.

Николя развернул бумажку и прочел:

Прачечная Нале
Возле водопоя в Маконе
Возле моста Сен-Мишель
Счет для господина Жака д'Асси
— 6 батистовых сорочек. 6 л
— 10 подштанников. 10 л
— 5 носовых платков. 3 л
— 6 шейных платков. 4 л
— серебряное шитье. 22 л
— Общая сумма. 45 л

— Черт! Однако эта бумажка многое говорит и о вкусах, и наполняемости кошелька нашего незнакомца. Впрочем, теперь мы знаем его имя, и если оно не вымышленное, оно поможет нам узнать его адрес, чтобы мы могли расспросить соседей о нем и о его привычках.

— Каковы ваши распоряжения относительно тела? В том состоянии, в каком оно сейчас находится, мне кажется неразумным дальше сохранять его.

— Если у него есть семья, мы попробуем ее отыскать. Пока же придется распорядиться похоронить тело на кладбище в Кламаре.

Поблагодарив Сансона, Николя вернулся в дежурную часть. Бурдо только что пришел и, судя по его лицу, пребывал в растрепанных чувствах.

— Пьер, если бы вы только знали, как я рад вас видеть!

Начав перечислять все, что произошло со времени их последнего разговора, он дошел до преступления в павильоне водокачки. По мере того как он рассказывал, лицо инспектора становилось все мрачнее.

— Почему вы не предупредили меня, прежде чем отправиться на такое опасное свидание?

— Я об этом пожалел, но, увы, слишком поздно. Но будь спокоен, твои подарки спасли мне жизнь. Твой карманный пистолет и твоя шпага-трость действовали безотказно!

Желая приободрить инспектора, явно чувствовавшего себя не в своей тарелке, о чем свидетельствовало появлявшееся на его губах некое подобие улыбки, он слегка сглаживал особенно пугающие места своего рассказа.

— Я не только не сумел помочь вам в опасном предприятии, но и не справился с поручением.

Тут только Николя заметил, что Бурдо обращается к нему на «вы», чего давно уже не случалось во время их бесед наедине.

— Господи, Пьер, с чего это ты вздумал говорить мне «вы»?

— Я совершил ошибку и жестоко виню себя в этом. Ты поручил мне следить за Ренаром. Я, разумеется, сделал надлежащие распоряжения, но вчера, когда ты рисковал жизнью, я целый день провел дома с семьей. И вот, я проиграл, и нет мне оправданий.

— Скажи наконец, — со смехом произнес Николя, пытаясь разрядить обстановку, — что случилось, почему ты упорно жаждешь взять вину на себя?

— Должен тебе сказать, — на одном дыхании произнес Бурдо, — что и мои люди, и наши осведомители, словом, вся эта безмозглая челядь, которых мы считаем лучшими нашими агентами, упустили добычу. Ренар ускользнул из их сетей, мы не знаем, где он находится, а он, возможно, является автором нового преступления, и ты мог стать его жертвой.

— Успокойся! Мы найдем его. Как ему удалось ускользнуть?

— Он исчез в воскресенье утром, но я узнал об этом слишком поздно. Они бросились искать его, а когда не нашли, сообщили мне, но это случилось только вчера вечером. А знаешь ли ты, как ему удалось уйти от слежки? Самым наглым образом. Помнишь, как он объяснил нам исчезновение рассыльного в зарослях Волчьего острова?

— Того самого, который, по его словам, являлся связным между ним и автором памфлета, направленного против королевы?

— Именно. Так вот, наш лис удрал тем же путем, и наши люди его потеряли. Всю ночь они караулили возле его дома, продолжили следить, когда он вышел на улицу, следили очень плотно, и все же…

Николя задумался.

— У этого промаха есть и своя положительная сторона. Теперь мы уверены, что инспектор Ренар замешан в темных делишках, что он чувствует себя виновным и, обнаружив, что мы за ним следим, настолько испугался, что решил бежать. Успокойся, Пьер, надолго его не хватит, и вскоре мы выкурим лису из ее норы.

VIII
ДОМ ДЛЯ ПРИСЛУГИ

Я содрогаюсь, когда вижу отверзшиеся предо мной бездонные пропасти.

Расин

Николя покачал головой, и лицо его приняло решительное и упрямое выражение, как это бывало в особенно важные минуты расследования.

— Ошибка совершена, и незачем ее усугублять. Лучше сосредоточимся на расследовании. Разузнаем все, что сможем, об этом д’Асси. Похоже, имя вымышленное. И еще. В воскресенье вечером на Новом мосту высокая женщина села в фиакр напротив Самаритен. Надо выяснить, куда ее отвезли. В такой час фиакры ездят редко, и мне кажется, разыскать кучера особого труда не составит. И надо бы поставить наблюдателя на улицу Пан — если Ренар решит вернуться домой. А еще у меня есть…

Он извлек из кармана несколько бумаг.

— …довольно любопытные записки: мое приглашение явиться в Самаритен и послание, пришпиленное кинжалом к двери комнаты на верхнем этаже водокачки. Этот же кинжал стал орудием убийства.

И он выложил на стол кинжал, завернутый в кусок джутового мешка.

— Записки надобно сравнить с почерком Ренара на предмет установления идентичности. Думаю, отыскать образец его почерка труда не составит. Обрати внимание на кинжал: У него необычная форма. Тебе придется проконсультироваться с оружейником или с торговцем редкостями. Зная происхождение кинжала, нам легче будет отыскать его владельца. Ну же, не вешай нос. У нас впереди масса дел!

— А ты?

— А мне пора в Версаль. Надобно допросить госпожу Ренар и предупредить королеву, что среди ее служанок оказалась жена заговорщика. И я обещал Сартину держать его в курсе расследования. Совершены тяжкие преступления, угрожающие безопасности государства. К тому же…

Николя колебался, что немедленно отметил Бурдо: от него не ускользали ни малейшие изменения в настроении друга.

— …есть о чем задуматься. Появилась ниточка, которая тянется к певчим королевской часовни.

— К певчим?

— Да, точнее, к кастратам. Судя по выражению твоего лица, ты удивлен не меньше меня. Как и все, ты полагал, что кастраты поют в папской капелле или же в Опере, где среди них есть поистине великие голоса, и некоторых мы имели счастье слышать в Париже. О том, что кастраты поют в часовне короля, я узнал от доктора Месмера, использующего кастратов для своих физических, экспериментов. Кроме того, на меня дождем посыпались арии для альта. Одна из Самаритен, а другая найдена на теле Ламора. Впрочем, и тут необходимо кое-что проверить. Надо убедиться, что обе партитуры отпечатаны одним печатником. Мелкие дефекты позволяют определить, в какой типографии выполнена работа. Кстати, возможно, в той же типографии отпечатана и сатира «Королевские игры», явно предназначенная для распространения в обход цензуры. Не исключено, что памфлет против королевы, которым шантажировали Мадам Аделаиду, напечатан там же. Если мы сумеем это доказать, мы сделаем огромный шаг вперед.

— Папаша Мари волнуется, что делать с трупом.

Николя на минуту задумался.

— Его нельзя сохранить; значит, надо как можно скорее предать его земле. Однако если его опустят в общую могилу, его засыплют негашеной известью. На кладбище в Кламаре есть специальный погреб, я прикажу поместить останки туда и следить, чтобы их ненароком не уничтожили.

Успокоив Бурдо и нагрузив его всевозможными поручениями, Николя отбыл в Версаль. Заехав в особняк д’Арране, он застал там одного Триборта. Эме дежурила в покоях Мадам Елизаветы, а адмирал уехал с инспекцией в Шербур. Предупредив мажордома, что в случае необходимости он сегодня заночует у них в доме, он к двум часам направился во дворец, в министерское крыло, где его без проволочек проводили к Сартину. Бывший начальник полиции любовно поглаживал кудри большого темного парика.

— Вы только посмотрите, Николя, какой удивительный иссиня-черный цвет. И знаете, кто прислал мне такую красоту? Торговец из Пловдива, что в оттоманской Фракии, сопроводив посылку цветистым посланием. Вы только подумайте, они там читают «Энциклопедию» и мечтают освободиться от турецкого ига! Не знаю, откуда они узнали мое имя и о моем пристрастии к парикам.

— Быть может, прочли в «Газетт»? Вы просто не представляете, чего там только не печатают. Господин де Ноблекур жалуется, утверждая, что, погрязнув в мелочах, газетчики не пишут ничего существенного.

— Однако, господин наглец, я отнюдь не считаю себя несущественной мелочью.

Тон, впрочем, был шутливым, к тому же министр продолжал сладострастно ласкать парик, давая понять, что он по-прежнему в приятном расположении духа.

— Шерсть ягненка, причем самая тонкая. Никакой завивки. Кольца и волны от природы!

Похоже, ничто не могло испортить благодушное настроение Сартина, а значит, пора рассказывать о ходе расследования, продолжавшего множить сюрпризы и вопросы. Николя уже хотел открыть рот, как внимание его привлекли необычные штучки, разбросанные вокруг рабочего стола министра. Там лежало странного вида колесо, дощечки, сделанные из какого-то непонятного материала, и крошечная модель фиакра с упряжью.

Насмешливо глядя на Николя, Сартин усмехнулся, заметив, в каком тот пребывает недоумении.

— Ага, вижу, эти новинки вас удивляют.

— Что вы хотите, сударь, после парика, прибывшего из Блистательной Порты, я ко всему готов.

— Да будет вам известно, что мне представили необыкновенную личность, бывшего артиллерийского офицера и члена Академии Его Величества короля Сицилии, господина де Монфора. Сегодня он состоит инженером на службе герцога Орлеанского, отца вашего друга, герцога Шартрского.

Николя насторожился.

— Вы же знаете, в этой семье все начиная с регента обожают курьезные эксперименты и всяческие новшества. Этому Монфору позволили воспользоваться мастерскими Королевского дома инвалидов, чтобы сделать… Готов спорить на что угодно, вы ни за что не догадаетесь. Чтобы устроить картонажную мастерскую, или, точнее, мастерскую для постройки картонных экипажей.

— Разве такое возможно?

— Он утверждает, что его картон прочен, как дерево, но не обладает недостатками древесины, ибо гнется, но не ломается. Для постройки большой кареты требуется картон толщиной всего в 2 линии. Таким образом, кузов из картона со стенками такой же толщины, как деревянные, будет гораздо более легким и не сломается при сильном ударе; на нем разве что лак может потрескаться. Есть и еще одно преимущество: экипажи, построенные из картона, выдерживают испытание влажностью, холодом и жарой, ибо при сборке Монфор использует особый клей собственного изобретения. Представьте себе артиллерийские повозки.

Погрузив руки в мягкие кудри парика и разминая их, словно булочник тесто, Сартин с блаженным видом закрыл глаза: похоже, он пребывал на седьмом небе от счастья.

— Значит, этот материал может принимать любые формы?

Сартин выпустил парик, и тот, змеясь кудрями, плавно соскользнул на пол, министр же вскочил и, схватив колесо, замахал им перед носом Николя.

— Этот материал можно соединять с железом! Как и дерево! Сейчас изобретатель сооружает для герцога д’Омона гондолу, способную поднять шестьдесят человек! Вы только подумайте! Секрет прочности его картона заключается в том, что он производится из особой смеси, состоящей из бычьих жил и древесной массы.

— А он сам испытывал свои изобретения?

— Как вы можете так говорить? Я вам что, зевака с ярмарки, готовый проглотить фокус любого трюкача? Необходимость вдохновила его на изобретение. Идея создать экипаж из

картона пришла ему в голову во время путешествия по Африке, где совсем нет дорог. Картонный экипаж легко можно поднять и перенести в нужное место, обойдя глубокие колдобины и ямы. Вы знаете, как я пекусь об улучшении нашего флота. Поэтому я предложил изобретателю поразмыслить над тем, нельзя ли из такого легкого материала создавать военные корабли. Он ответил, что нет ничего невозможного, и заверил меня, что благодаря гибкости его картона ядра будут отскакивать от бортов, а не пробивать их. А если ядро и пробьет обшивку, в ней останется дыра, не более того, и никаких острых щепок или осколков. Вы же сами знаете, какой урон наносят летящие во все стороны обломки деревянной обшивки и прочих снастей из дерева. К сожалению, сейчас инженер не может заняться разработкой моего предложения, ибо полностью загружен работой.[52]

Николя всегда удивлялся склонности недоверчивого и подозрительного Сартина увлекаться всевозможными утопическими проектами, о которых он, впрочем, забывал столь же быстро, сколь быстро ими загорался.

— Раз уж мы говорим об изобретениях…

Министр показал Николя плотный бумажный квадратик.

— Бумага химическая экономичная. Для письма на ней используют грифели из минералов. Преимущество заключается в том, что написанный на такой бумаге текст можно смывать от пятнадцати до двадцати раз, при этом бумага останется неповрежденной. Тетради из этой бумаги, переплетенные в сафьян, можно приобрести в лавке Десноса, на улице Сен-Жак. Какая экономия для наших контор! Надо поговорить об этом с Неккером.

И он желчно усмехнулся.

— Однако что-то меня не туда несет… Николя, я с нетерпением жду вашего рассказа. Надеюсь, господин королевский комиссар, следователь по особо важным делам, вы далеко продвинулись в известном нам деле?

Слушая долгий и подробный рассказ Николя, министр постепенно пришел в такое волнение, что, вспомнив прежнюю привычку, большими шагами нервно замаршировал по кабинету.

Наконец, уперев руки в бедра, он остановился прямо напротив Николя.

— Итак, стоит вам выйти на след, как вокруг вас мгновенно множатся трупы! Да, именно трупы! Не забывайте, вы сами лишь волею случая вышли живым из этой передряги. Подумать только! Вы сообщаете, что Ламор убит, Ренар разоблачен, но бежал, ваш дрозд расчленен на куски, словно Дамьен, в расследовании постоянно всплывают имена двух принцев, тетку короля шантажируют, а на горизонте маячит неизвестная девица. Да, господин комиссар, похоже, вам понравилось играть в загадки!

— Но, сударь, примите во внимание…

— Сударь, я прекрасно знаю все, что вы сейчас скажете, — уже семнадцать лет я слушаю ваши оправдания.

— Сударь, — возмущенно начал Николя, — но ведь это по вашей просьбе.

— Довольно, — ответил Сартин, занимая место за рабочим столом, — останемся там, где мы есть. Я смеюсь не только над вами. Нагромождение невероятных случайностей, о которых вы мне рассказали, и многое другое, что может за этими событиями скрываться, возмущает меня и страшит одновременно. Англичане в засаде. Зашифрованные сатиры. Драгоценность, исчезновение которой может иметь самые плачевные последствия, особенно сейчас, когда королева… И в результате?..

— Сударь, исполняя наш с вами договор, я изложил вам, как продвигается расследование. Сегодня я не в состоянии дать вам ключ от всех загадок, которые, без сомнения, связаны между собой. Я приехал в Версаль, ибо того требует расследование, а вовсе не за тем, чтобы

тревожить ваш покой. Кстати, сейчас на ярмарке Сен-Лоран выставлены парики, признанные шедеврами парикмахерского искусства. Очень советую посмотреть. Ваш покорный слуга.

Ошеломленный выпадом Николя, Сартин покачал головой, а потом, улыбнувшись, добродушно погрозил комиссару пальцем.

В очередной раз убедившись в нежелании Сартина вникать в подробности следовательской кухни, Николя вышел из министерского крыла и пошел через внутренний дворик. Министр, думал он, по-прежнему любит сунуть нос в дела следствия, дабы, когда задачка будет решена, пользуясь своим авторитетом, разделить успех, а точнее, приписать себе львиную его долю. Как только охота начинается, он уже готов и ждет, когда ему принесут подстреленную дичь. Впрочем, дела никогда не идут так, как ему бы хотелось, точнее, как хотелось бы его нетерпеливой натуре. В конце концов ему, несмотря на неудовольствие, придется согласиться с тем, что есть. А потому он станет требовать лишь регулярных отчетов без подробностей, приводящих его в возбуждение и раздражающих до крайности, ибо, привыкнув держать в голове множество неотложных дел, он попросту забывает их и перестает понимать, о чем идет речь. Такой подход к работе следователя напоминает подход читателя, который, ознакомившись с выбранными наугад страницами, желает узнать из них содержание всей книги.

Возможно, именно способность не погрязать в мелочах и возвела Сартина к вершинам власти, сделала из него достойного и верного слугу короля, судью, облаченного в тогу и сосредоточенного на решении больших задач, министра, исполненного долговременных планов и озабоченного претворением их в жизнь. Когда отношения их испортились настолько, что они прекратили общение, Николя представилась возможность измерить бывшего начальника по своим меркам. В результате достоинства господина де Сартина очевидно перевесили его недостатки, являвшиеся, в сущности, отражениями его достоинств.

Встретив Тьерри, первого служителя королевской опочивальни, Николя с сожалением узнал, что двор отбыл в Шуази. Принять такое решение побудила сулящая свежесть близость к реке тамошнего дворца, ибо в теперешнем своем состоянии королева плохо переносила жару. Всегда жизнерадостный, сегодня его собеседник показался Николя чем-то обеспокоенным. А так как их связывали давние дружеские отношения, комиссар решил узнать причину беспокойства Тьерри.

— Весьма признателен, господин комиссар, за вашу заботу, однако не рискую отягощать вас своей столь мелкой проблемой, что, узнав о ней, вы вправе рассмеяться мне в лицо.

Тем не менее он явно хотел поделиться своими трудностями, и Николя легко подтолкнул собеседника к излияниям.

— Не волнуйтесь, я с удовольствием вас выслушаю! Ваш мрачный вид пугает меня! А что касается мелочей, то, как известно, дьявол чаще всего скрывается там, где его никто не ищет.

— Ах, как я рад, что вы меня понимаете! Так вот, полагаю, вам известно; что я отвечаю за состояние кабинетов задумчивости, начиная с того, что примыкает к залу Часов, и вплоть до…

И он, вжав голову в плечи, с озабоченным видом развел руками.

— В общем, я благоустраиваю, борюсь с злоупотреблениями, рассчитываю, экономлю. Требую и заставляю исполнять требования. Прикиньте! Взять, к примеру, рыбу. Одни только осетры обходятся нам в 24 000 ливров в год, в то время как большая часть этих чудовищ — ведь мы закупаем самые большие экземпляры! — подается не на королевский стол, а на стол принцев. И в результате мы дважды платим поставщику! Однако я отвлекся и сейчас перейду к менее серьезной, однако не менее важной теме. Можете себе представить, что, ах, мне даже говорить неловко… что каждую ночь из Малого Двора крадут содержимое ночных горшков!

— Из Малого Двора?

— Или, если угодно, из Дома для прислуги, а если говорить совсем точно, с этажа под кровлей. С южной стороны там находится сорок жилых комнат, из которых тринадцать расположены на антресолях аттика. Другие комнаты смотрят на улицу Сюрантанданс, проложенную, как вам известно, между зданием дворца и монастырем реколлектов. Это не слишком удобные закутки, где ютится кухонная прислуга, мальчишки-рассыльные, кастелянши, подавальщики и даже трубочисты. Также там проживает несколько вдов, коих королевское милосердие не велит выселять. Ах, но я опять удалился от сути дела.

— Нисколько, вы всего лишь подробно описали мне место происшествия.

— Да, конечно. Так вот, несколько недель подряд содержимое ночных горшков похищается с пугающей регулярностью. Собственно, похищаются только жидкие отходы. Горшки выставлены в ряд в коридоре. Зачем и кому это нужно?

— Но, полагаю, горшки эти опорожняют?

— Разумеется, интенданты-золотари каждое утро выливали их содержимое в выгребные ямы, вырытые вокруг дворца; туда выносят накопившееся за ночь содержимое всех дворцовых горшков.

— А вам не приходило в голову, что кто-нибудь открыл торговлю этим… м-м-м… необычным товаром?

— Нет, что вы! Сейчас никто уже не использует мочу для дубления и отбеливания кож. Разве что в глубокой провинции или в варварских странах, о которых мне рассказывали.

— Тогда что же?

— Тогда это просто кража.

— И вы не попытались выследить вора? Кстати, горшки он тоже уносит с собой?

— Нет, он их опорожняет и бросает. Но опорожняет не все. Мне кажется, он забирает ровно столько, сколько в состоянии унести один человек. Разбойник использует ad hoc[53] сосуды из жести. Отвечая же на первый вопрос, скажу, что недавно я вооружил нескольких дюжих лакеев дубинками и велел им с вечера устроить засаду в коридоре и на лестнице. Но когда утром я пришел к ним, они выглядели испуганными и растерянными. По их словам, часа в три ночи раздался размеренный металлический звон, затем послышалось пение, не имевшее, по их словам, ничего общего с пением человеческим, а потом в облаке вонючего дыма перед ними появилось жуткое лицо, окруженное холодным огнем. Да, именно холодным огнем, так они и сказали. Взяв ноги в руки, бедолаги пустились наутек; утром они все еще находились под впечатлением увиденного.

— Невероятно! А горшки снова оказались пусты?

— Да, как обычно. Я рассказал об этом капитану охраны. Предупредили часовых, охраняющих здание. Однако чудовищные кражи продолжаются, и, как видите, я уже изнемог бороться с ними.

— Интересна не сама кража, — задумчиво произнес Николя, — а ее причины. И сопровождающие ее обстоятельства. Давайте поразмыслим вместе. Зачем красть содержимое ночных горшков из Дома для прислуги?

— Видимо, потому, что там его всегда в достаточном количестве и убирают его в строго определенные часы.

— Полагаю, вы правы. Но меня беспокоит вот что: почему вор усложняет себе работу, забираясь под самую крышу здания, где его легче всего обнаружить?

— Дело в том, что нижние этажи здания заняты прислугой, обслуживающей королевские трапезы и часовню-молельню, а также дворцовой охраной и интендантами. У них в апартаментах есть чуланы для устройства отхожих мест или приспособленные для этого гардеробные. А к клетушкам над аттиком ведут несколько лестниц, так что добраться туда труда не составляет.

— Аргумент, удовлетворяющий меня по форме, но не по сути.

— Если бы, господин маркиз, я осмелился…

— Я вас внимательно слушаю. Вы убедили меня в необходимости заняться этим вопросом. Не беспокойтесь: сегодня вечером я совершу обход Дома для прислуги. Скажите, а в других дворцовых зданиях случались подобные кражи?

— Нет. Возможно, конечно, это всего лишь какой-нибудь жалкий лакей, извлекающий из столь странной кражи свою маленькую выгоду.

— Но я не могу понять, в чем эта выгода может заключаться. И что означает спектакль, столь напугавший ваших людей? Хотелось бы понять, что кроется за этой уловкой: грубый карнавальный розыгрыш или нечто иное?

Сделав несколько шагов, комиссар снова повернулся к Тьерри.

— Друг мой, не могли бы вы на сегодняшнюю ночь предоставить в мое распоряжение сторожевого пса со свирепой физиономией, а также несколько сухариков, тех самых, которыми покойный король угощал на ночь своих левреток?

Упоминание о покойном короле, которому служили они оба, заставило их на несколько минут умолкнуть.

— Быть может, стоит призвать егерей, готовящих для короля охоту на кабанов, или псарей, присматривающих за его гончими? Вы не боитесь, что пес…

— Не волнуйтесь, я бретонец, и Мерлин наделил меня способностью разговаривать с животными.

Не сразу сообразив, что Николя шутит, первый служить королевской опочивальни в изумлении уставился на сыщика.

— А может, вам понадобятся помощники? Швейцарцы или гвардейцы?

— Никого не надо. Не стоит пугать дичь, иначе она не покинет своего логова. Я сам с ней справлюсь.

— Тогда я предлагаю вам встретиться в полночь возле ворот Оранжереи. Оттуда по улице Сюрантанданс вы быстро доберетесь до Дома. Конечно, далековато, но если вы случайно кого-то встретите, он решит, что вы выгуливаете собаку. Двери там открыты и днем, и ночью, а привратник ни на кого не обращает внимания. Я нарисую вам, как добраться до самой удобной лестницы.

— Превосходно. Последний вопрос: обитатели комнат ничего не заметили?

— В этот час они обычно спят, а те, до кого докатился слух об ужасном призраке, затаились, ни живы ни мертвы, в своих клетушках.

— Что ж, посмотрим, как оно обернется. Теперь настал мой черед просить вас о помощи. Королева в Шуази. Сопровождает ли ее госпожа Кампан?

— Разумеется.

— А женская прислуга?

— Не вся. Несколько женщин остались в замке, чтобы произвести проверку белья Ее Величества.

— И в их числе госпожа Ренар?

— Да, полагаю, что так. Вы, видимо, хотите расспросить ее относительно кражи универсального ключа королевы?

— От вас ничего не скроешь. И еще. Не желая злоупотреблять своими полномочиями, хотел бы вас просить проводить меня в библиотеку королевы. Мне надобно проверить кое-что, от чего зависит безопасность Ее Величества.

— Господин маркиз, я понял вас с полуслова. Все будет так, как вы пожелаете. Вы хотите, чтобы мы пошли туда вместе? Или мое присутствие…

— Ваше присутствие будет как нельзя кстати.

Через прихожую главной трапезной они прошли во внутренние покои королевы, где царила непривычная суматоха: отсутствие Ее Величества позволяло произвести работы, обычно затрудненные по причине размеренного уклада дворцовой жизни. Горничные, полотеры, чистильщики серебра, слуги, вытирающие пыль с лепнины, карнизов и всевозможных украшений, вооружившись большими щетками, сновали в разные стороны. Хрустальные люстры спускали с потолка и, разобрав на части, тщательно протирали. В безлюдье библиотеки Николя, как обычно, охватило чувство восхищения и покоя. Изумившись двери, украшенной искусно нарисованными книжными корешками, он внимательно и с почтением оглядел передвижные полки, где за стеклами, затянутыми зеленой тканью, стояли книги с вытесненным на переплетах гербом Франции. Внимание Николя привлекло полное собрание сочинений Боссюэ. Он указал на него Тьерри, и тот понимающе кивнул.

— Посмотрите, — произнес комиссар, — на эти позолоченные обрезы с искусно нанесенными страницами. Производит впечатление исключительно достоверное, как и переплеты на дверях.

— Вы правы, это подделки под книги; на самом деле это шкатулки, выполненные в виде книг. Что ж, остается узнать, что они содержат.

— А это мы сейчас проверим, — ответил Николя, беря в руку первый том.

Приподняв крышку-обложку, они нисколько не удивились, обнаружив внутри маленький томик в переплете, покрытом мраморной бумагой цвета зеленого миндаля. Выразительное название не оставляло сомнений относительно содержания томика, а его потрепанный вид говорил о том, что обращались к нему довольно часто.

— Я давно слышал об этих книжках, но никогда не видел их собственными глазами, — произнес Тьерри, — а потому не хотел верить. Ах, вы только подумайте, давать в руки молодой женщины столь фривольные сочинения. Думаю, австрийский министр догадывался, равно как и аббат Вермон, чтец королевы.

— Когда я уезжал в Брест, говорили, что он попал в немилость.

— Не верьте слухам! Он всего лишь ездил в свое аббатство уладить дела, относящиеся лично к нему. Недавно он вернулся и снова каждую неделю проводит два или три дня в Версале, исполняя свои обычные обязанности в кабинете королевы, которая — и я тому свидетель — по-прежнему относится к нему с неизъяснимой добротой и полностью ему доверяет.

— А что говорят слухи о поставщиках такого рода литературы?

— Наиболее осведомленные намекают на происки некой супружеской пары, где муж в силу своих занятий подходит на роль поставщика, а жена — на роль посредницы. Она принадлежит к ближнему окружению Ее Величества и имеет постоянный доступ в ее покои.

— Вижу, у нас с вами одни и те же мысли.

Находка подтверждала подозрения Мерси-Аржанто, его самые худшие опасения. Поставив том на место, они не стали искать новых доказательств и направились в гардеробную, расположенную на нижнем антресольном этаже; там, приложив палец к губам, Тьерри покинул Николя на пороге комнаты, где трудилась госпожа Ренар. Поглощенная работой кастелянша не почувствовала испытующий взгляд комиссара, и он, пользуясь моментом, постарался лучше разглядеть ее. У госпожи Ренар было пикантное привлекательное личико, выдававшее, однако, женщину с характером; впрочем, такие женщины нередко надолго сохраняют очарование молодости. Николя подумал, что Ренар наверняка отличает не только обольстительная внешность, но и талант соблазнительницы, часто присущий женской прислуге, использующей его для завоевания расположения и получение милостей от своей хозяйки, будь та даже самой королевой. Стоя у стола, кастелянша старательно сворачивала

королевские платья и белье, прокладывая их длинными полосами шелковой бумаги. Внезапно, почувствовав у себя за спиной чье-то присутствие, она резко обернулась и вскрикнула от неожиданности.

— Не пугайтесь, сударыня, — миролюбиво произнес Николя. — Я комиссар Шатле, и мне поручено вести дело об исчезновении драгоценности, принадлежащей королеве.

Она надменно вскинула голову.

— Мне кажется, сударь, что по приказу Ее Величества королевы, обладающей правом поступать по своему усмотрению, дело это поручено инспектору Ренару, моему мужу.

— Мне это известно, однако по причине отсутствия результатов начальник полиции принял иное решение. И поэтому я здесь. Могу ли я узнать ваши соображения относительно этой кражи?

— Я жду ваших вопросов, сударь, хотя и сомневаюсь, что вы имеете право их задавать.

— Тем не менее позвольте начать, — промолвил он, не ответив на ее выпад. — Будучи приближенной к королеве, вы в силу вашего положения, без сомнения, имеете наиболее верное представление о том, как могла случиться эта кража, и лучше, чем кто-либо, сможете рассказать мне об этом.

— Даже не знаю, что вам сказать. Никто не знает, ни где, ни когда точно случилась кража. Не исключено, что драгоценность сама найдется, ведь она вполне могла завалиться за шкаф или закатиться под ковер. Такое случается каждый день. В тот день королева поздно ночью отправилась в спальню к королю. Утром слуг известили о пропаже. Вот, пожалуй, и все, что я могу вам сказать.

— Благодарю вас. Еще вопрос. Говорят, вы поставляете книги в библиотеку Ее Величества.

Ему показалось, что руки женщины, только что аккуратно расправлявшие шелковую бумагу, непроизвольно сжались в кулаки.

— Это не моя обязанность, сударь. Не знаю, кто мог вам такое рассказать. Но кто бы он ни был, он солгал. Опять этот иностранец решил подгадить…

Николя, всегда с интересом наблюдавший за непроизвольными реакциями свидетелей, не преминул отметить изменения, произошедшие в речи супруги Ренара. Произнесенной в сердцах просторечной фразой она невольно выдала свою истинную сущность, не имевшую ничего общего с жеманством надменной дамы, какой ей хотелось казаться. Интересно, кто этот иностранец, о котором она говорит с такой злостью? Видимо, Мерси-Аржанто; верный паладин принцессы наверняка, не сдержавшись, пригрозил наглой кастелянше.

— Но, сударыня, что плохого в том, что вы приносите Ее Величеству книги? Вы же состоите у нее на службе.

Не распознав ловушку, она вздохнула и, оперевшись на стол, как бы ненароком поддернула юбку, выставив напоказ свою еще вполне соблазнительную икру. Она улыбалась, однако в глазах ее, словно у загнанного зверя, метался страх.

— Вы совершенно правы, сударь. В сущности, я готова вам вторить: что в этом плохого? Тем более что я руководствуюсь желаниями королевы.

— А какие сочинения интересуют Ее Величество?

— Религиозные, сударь, исключительно благочестивого содержания.

Ответ прозвучал слишком быстро; при этом госпожа Ренар нервно похлопывала пальцами себя по щеке. Интересно, могла она не знать содержания передаваемых ею книг?

— Религиозные? Что ж. Но разве ваши обязанности оставляют вам время бегать по книжным лавкам в поисках нужных сочинений?

— Вы все правильно понимаете. Я не сама их покупаю.

Я не настолько образованна, поэтому даже не знаю, где их продают.

Ее ответ содержал немало противоречий.

— Так, значит, вы просто передаете книги Ее Величеству?

И кто их вам поставляет?

Он почувствовал, что его прямой вопрос попал в цель. Окинув его надменным взором, кастелянша принялась разглаживать листы шелковой бумаги.

— Я не вправе назвать вам его имя.

— Поверьте, я не собираюсь предпринимать никаких шагов, способных оскорбить вашу чувствительность; тем не менее, сударыня, щепетильность, коя в вашем случае вполне уместна…

С тревогой слушая его витиеватую речь, она от волнения кусала губы, силясь понять, куда он клонит.

— …не дает вам права — и я вас об этом предупреждаю — оказывать неповиновение магистрату, исполняющему распоряжения короля. Ваше упорство удивляет меня и заставляет думать, что за вашим отказом кроется нечто недозволенное.

— Сударь, не настаивайте. Иначе я пожалуюсь королеве.

— Боже, сударыня! Вы заставляете меня перейти к печальным фактам, которые, как я полагаю, вы нисколько не заинтересованы доводить до сведения Ее Величества.

— Что вы хотите этим сказать? И на каком основании вы мне угрожаете?

— Не прикидывайтесь невинной овечкой. В Париже имеется тюрьма под названием Сальпетриер, куда помещают бесчестных женщин. Вам, случаем, она не известна?

Она снова тяжело облокотилось на стол, но теперь не из кокетства, а чтобы удержаться на ногах. Резко побледнев, она уставилась на него широко распахнутыми от страха глазами.

— Сударь, — запинаясь, проговорила она, — какое мне дело до какой-то там тюрьмы?

— Вы все прекрасно поняли. Несколько лет назад, при покойном короле, следствие заинтересовалось деятельностью и доходами вашего супруга, исполнявшего обязанности инспектора по надзору за книжными лавками. Выяснилось, что ваш муж, инспектор Ренар, торговал конфискованными книгами; к тому же, пользуясь смятением арестованных торговцев, он тайно забирал, то есть попросту крал, у них золото, деньги и драгоценности. За эти проступки сьера Ренара посадили в Бисетр, а его жену и сообщницу — в Сальпетриер. Но в один прекрасный день оба вновь очутились на свободе и, явно ощущая чью-то могучую поддержку, стали вести себя еще более вызывающе. Так уверены ли вы, сударыня, что королеве будет приятно узнать, что ее очаровательная кастелянша, в прошлом осужденная за мошенничество, продолжает вершить свои махинации, снабжая ее книгами, которые достаточно только показать королю, как тот немедленно обрушит на голову кастелянши меч правосудия?

Николя показалось, что госпожа Ренар сейчас набросится на него.

— Сударь, вы суете нос не в свое дело. Это государственная тайна. Вы даже не представляете, что грозит наглецу, посмевшему перейти…

— Перейти что, сударыня? Не пытаетесь ли вы мне угрожать? Тогда к предъявленным вам обвинениям добавится еще и оскорбление королевского магистрата. Еще один вопрос: где сейчас находится ваш супруг?

Ему почудилось, что она скрипнула зубами.

— Если бы и знала, не сказала. Идите к черту, там его и найдете!

Внезапно, вскинув руки, она набросилась на комиссара с намерением расцарапать ему лицо. Когда попытка не удалась, она принялась вопить и звать на помощь, одновременно разрывая шнурки на корсаже и стаскивая лиф платья, дабы те, кто сбегутся на ее крики, сразу

поняли, что Николя пытался покуситься на ее добродетель. Когда добыча ускользнула от нее, она, упав на спину, изогнулась, изо рта ее повалила пена, и она затряслась в конвульсиях. В этот момент появился Тьерри в сопровождении двух стражников; те быстро привели одержимую в порядок.

— Вы явились очень вовремя, — с усмешкой произнес Николя.

— Друг мой, я прекрасно понимаю, что вы подумали, и вы совершенно правы. Я знаю эту даму, она настоящий демон. Поэтому я явился несколько ранее и даже слышал кое-что из ваших речей. Зная ее способности…

— Что ж, мне остается только себя поздравить.

— …и предполагая, какой оборот могут принять события, я захватил с собой охрану. Не будем предавать огласке сей печальный эпизод, случившийся в покоях королевы, иначе весь Париж завтра будет говорить о нем до тех пор, пока не отвалится язык.

— Я вам признателен за вашу предусмотрительность. Черт побери, в каком дурном окружении оказалась королева!

— Ренар давно беспокоит госпожу Кампан. Наконец вы ее разоблачили. Полагаю, она и украла драгоценность?

— Этого я утверждать не могу. Скорее всего, она является сообщницей, однако…

— Какое решение вы приняли? Что с ней делать?

— Окружим случившееся мраком молчания, как сказал бы господин де Сартин. У меня имеются надлежащие полномочия. Ей надо заткнуть рот и, не привлекая внимания, вывести из дворца, посадить в карету, отвезти в Париж и запереть в одиночной камере Сальпетриер. Раз вы слышали наш разговор, значит, знаете, что это место ей хорошо знакомо.

— Вы все еще сердитесь на меня? О! Но ведь я хотел как лучше!

— Нисколько не сержусь, друг мой. Ваше вмешательство оказалось как нельзя кстати. Кто повезет ее? Я не могу покинуть Версаль, и вы знаете, почему.

— Не беспокойтесь, мои люди позаботятся о ней. Но коменданту Сальпетриер необходимо предъявить ордер.

Порывшись в карманах, Николя вытащил подписанное королем «письмо с печатью».

— Осталось только вписать имя и условия заключения. Это я поручаю вам.

— А королева?

— Она еще несколько дней пробудет в Шуази. Потом ей сообщат, что госпожа Ренар внезапно тяжело заболела и оставила службу, дабы отправиться в Париж для лечения. И немедленно тайно известить госпожу Кампан о том, что произошло на самом деле. Она поможет нам подготовить королеву к неприятной новости. А сейчас до вечера.

Николя покинул апартаменты королевы, предоставив Тьерри заниматься вопросом перевозки жены Ренара в Париж. Когда он шел по парку, его обогнала карета, увозившую кастеляншу; карету окружал плотный конвой. А что, собственно, он может ей предъявить, вновь подумал Николя. Разве что кражу драгоценности. Но он никак не мог убедить себя, что кража произошла во дворце. Зачем жене Ренара совершать столь необдуманный поступок, который в случае разоблачения повлечет за собой тяжкое наказание, клеймение раскаленным железом и позорный цветок лилии, навеки въедающийся в кожу? Да и что она могла знать? Для похитителя опасно привлекать к делу сообщников: чем больше сообщников, тем больше риск провала. В сущности, помимо прошлых грехов она виновна только в том, что компрометировала королеву, поставляя ей непристойные издания. А так как при дворе ничего не удается сохранить в секрете, хорошо бы понять, когда началась кампания по очернению репутации королевы: когда та собралась подарить Франции наследника или еще раньше? Если послушать Ноблекура, кастеляншу можно обвинить только в том, что она, ловко используя сплетни, создавала нелестный, но весьма убедительный образ Ее Величества, ибо речи,

исходившие от приближенной королевы, воспринимались как истина. Да, в этом она, несомненно, виновна, а значит, пробыв срок в тюрьме, заслуживает изгнания из Парижа. Без сомнения, ее приговорят именно к такому наказанию.

Что же касается отношений между супругами Ренар, то они, похоже, не слишком близкие и весьма двусмысленные. Не исключено, что супругов связывают исключительно преступные замыслы, а вовсе не сердечная привязанность. Если верить Мерси, госпожа Ренар обманывает мужа направо и налево. Любовные пристрастия Ренара к ганимедам позволяют выдвигать любые гипотезы. Ответ госпожи Ренар на вопрос о муже свидетельствует об отсутствии нежных чувств. Не стоит ли в таком случае проявить любопытство и попытаться отыскать кого-нибудь из ее случайных любовников, в частности, того, с кем видел ее Мерси в стенах дворца? Может, его тоже есть основания подозревать? Но вот только в чем?.. Он чувствовал, что начинает ходить по кругу. Значит, пора заняться делом и опросить других прислужниц королевы. Без сомнения, зависть и ревность помогут ему извлечь на свет крупицы истины.

Когда неприятное впечатление от неожиданного появления Тьерри рассеялось, он осознал, что вмешательство первого служителя королевской опочивальни оказалось не только полезным, но и похвальным. Он никогда не таил обиду, это чувство было ему чуждо. Впрочем, покопавшись в глубинах собственной совести, он извлек на свет имя Бальбастра и осознал, что на этого человека у него до сих пор есть зуб. Конечно, сейчас он о нем не вспоминает, почти не вспоминает. Заплаканная тень Жюли де Ластерье долго не давала ему выбросить из головы этого субъекта. Он снова принялся обдумывать случившееся. Благодаря предусмотрительности Тьерри ему удалось избежать неприятной сцены с непредсказуемыми последствиями. Почувствовав себя игрушкой темных сил, чьи козни ему никак не удается разрушить, он глубоко вздохнул.

Среди множества окружавших его тайн одну он намеревался прояснить как можно скорее. Каким образом полицейский инспектор, заключенный в тюрьму за кражи, подделки и незаконное присвоение доходов, не только сумел выйти на свободу, но и восстановиться в прежней должности? Знакомый с тайным закулисьем власти, Николя не строил иллюзий. Возвращению инспектора способствовал кто-то очень влиятельный и могущественный. Не Сартин и не Ленуар, так как оба крайне заинтересованы в разоблачении Ренара. Получается, речь идет о ком-то, кто имеет вес как в полиции, так и в окружении короля. Перед его внутренним взором немедленно предстала фигура покойного Сен-Флорантена, министра королевского дома, скончавшегося год назад. Этот искушенный в интригах человек нередко использовал ради собственной, а значит, и королевской выгоды темные ходы, по которым пролегает путь наиболее охраняемых секретов. Секретная служба покойного короля состояла из множества невидимок, которых при необходимости сведущий человек мог собрать вместе. Пользуясь безграничным доверием повелителя, старый министр держал в руках нити всех интриг. Все марионетки находились у него под контролем; заставляя их повиноваться себе — не путем ли шантажа? — он в меру способностей использовал их на общее благо. Когда же Сен-Флорантена не стало, куклы, оказавшись на свободе, продолжили исполнять роль шпионов, внедренных в окружение королевы. Только теперь они действовали ради собственной выгоды. Иного объяснения чудесного возвращения Ренара он не видел.

Николя долго блуждал по аллеям парка. Ему хотелось повидаться с Луи, обнять его. Но мальчик уехал в Шуази вместе с двором. С болью в сердце Николя думал об ускользающем времени. Сыну его минуло семнадцать. Еще немного, и в мальчике, как когда-то в нем самом, заговорит кровь Ранреев. Ранрей издавна служили королю на поле брани. Воинственная натура пробудилась в Луи как ни в ком ином, и сын наверняка уступит зову крови. Как и Николя, он станет рисковать жизнью, только на поле боя. Задыхаясь от пропитавших воздух зловонных миазмов, исходящих от гниющей воды, обливаясь потом от удручающей жары, комиссар брел по дорожке королевского сада; внезапно его охватил страх, и он содрогнулся. Ему показалось, что он вновь слышит пушки Уэссана. Однако это рокотала надвигавшаяся на Версаль гроза.

Обладая привилегией пользоваться придворными экипажами для собственных нужд, он велел отвезти себя в особняк д’Арране. На кухне Трибroom хлопотал у плиты: он готовил себе ужин. Николя с интересом наблюдал за уверенными движениями старого моряка. Тот только что бросил в котелок мелко нарезанную морковь, лук, чеснок и собранные в саду пряные травы. Потом он обвалял в муке мясные обрезки, из тех, что мясники обычно отсекают от благородных кусков, вслед за овощами бросил их в котелок, все хорошенько перемешал и поставил на огонь. Как только соус загустел, он плеснул в него добрую порцию водки, вспыхнувшей так сильно, что ему опалило волосы, а потом бросил приправу, состоявшую из соли, перца и какого-то черного порошка. Блюдо настолько заинтриговало Николя, что тот решил расспросить о нем повара.

— Это пушечный порох, офицер. Он придает блюду особый вкус, причем довольно приятный.

Николя расхохотался.

— Если бы я осмелился, — продолжал Трибroom, — я бы пригласил вас отведать моей стряпни, ежели, конечно, у вас нет возражений.

— Черт побери, — отозвался Николя, которого давно мучил голод: сегодня ему не довелось пообедать. — Время благоприятствует, солнце заходит, и я не имею ничего против.

Пока Трибroom в саду накрывал на двоих каменный стол, кушанье пыхтело на плите. Мажордом сходил в подвал за вином, и оба, довольные, уселись за стол.

— Боже, — воскликнул Николя, — запах этого блюда возбуждает аппетит. Кто бы мог подумать, что оно приправлено черным порохом!

— Господин де Верженн, который у нас обедал и которому адмирал рассказал об этом, нисколько не удивился. Он лишь сказал, что прусский король Фридрих Великий также подсыпал пороху в блюда из дичи.

— А какое сочное мясо!

— Еще бы! Я приятельствую с подручным из мясной лавки. Здесь обрезки от самых лучших кусков.

Они радостно разложили кусочки по двум тарелкам. Неожиданно Николя в голову пришла идея.

— Трибroom, друг мой, я хочу сделать вам не самое увлекательное предложение. Не хотите ли вы на сегодняшний вечер стать моим помощником и отправиться со мной в опасную экспедицию, дабы послужить королю?

Трибroom взволнованно вскочил и отдал честь:

— Всегда к вашим услугам, господин офицер.

— Не могли бы вы запрячь кабриолет адмирала и отвезти меня в Версаль?

— В любую минуту!

Комиссар обрисовал диспозицию: Трибroom высадит его у ворот Оранжереи, потом, оставив экипаж где-нибудь поблизости, вернется и начнет патрулировать вокруг Дома для прислуги, стараясь не пропустить ни одной подозрительной личности. Переодевшись в лохмотья, Трибroom со своими ранами и недугами вполне сойдет за нищего. Николя взял бумагу и карандаш и набросал план театра их будущих военных действий.

— Вот здесь ворота Оранжереи. Чтобы подойти к Дому для прислуги, я пойду по левой стороне улицы Сюрантан-данс. Вам знакомо это здание?

— А как же, я его хорошо знаю.

— Вы оставите кабриолет на улице Потаже, и, сохраняя дистанцию, последуете за мной. Как только я войду в Дом, вы начнете обеспечивать постоянное наблюдение за зданием, обходя его со стороны улицы Реколле и улицы Шансельри. При любой неожиданности,

особенно при появлении человека с непомерным грузом, вызывайте караул. Но будьте осторожны, этот человек может быть опасен. Думается мне, что он попытается улизнуть по улице Реколле, дабы затеряться в старом квартале Версаля, в узких улочках прихода Сен-Луи.

Радуясь неожиданному обороту, который принял ничем не примечательный вечер, Триборт быстро собрал со стола и, насколько позволяли его хворобы, побежал переодеваться и готовить кабриолет для ночной вылазки. В половине двенадцатого перед изумленным взором комиссара предстал чрезвычайно живописный нищий; старый моряк одновременно напоминал и пирата, и завсегдатая Двора чудес.

За несколько минут до наступления полуночи Николя вышел из кабриолета и направился к воротам Оранжереи, где его ждал Тьерри, держа на сворке огромного дога. По мере приближения Николя пес ворчал все громче и злее. Когда Николя подошел, он увидел, что первый служитель королевской опочивальни скорее мертв, чем жив.

— Ах, как я рад вас видеть! Это чудовище уже раз двадцать собиралось меня сожрать; мне пришлось скормить ему два пакета печенья.

— Как его зовут?

— Плутон.

— Так вот, Плутон, — произнес Николя, поднимая палец и опускаясь на корточки, чтобы лицо его оказалось на уровне морды молосса, — ты очень хороший пес, и мне нужна твоя помощь.

К величайшему изумлению Тьерри, пес с блаженным визгом улегся на землю и перевернулся на спину. Николя почесал ему грудку и брюхо. Пес сел и, радостно потявкивая, принялся лизать руку комиссара. Кулек с остатками ужина, извлеченный из кармана фрака комиссара, довершил завоевание собачьей души.

— Вот и все! Фридрих Великий вновь оказался победителем, — воскликнул Николя, иногда позволявший себе вводить в заблуждение своих помощников.

— Глазам своим не верю.

— Это все уроки Мерлина. А теперь исчезайте, возвращайтесь во дворец. Чем меньше мы будем здесь толпиться, тем больше у нас шансов на успех. Предупредите гвардейцев, несущих караул у министерского крыла, чтобы при первом же зове они примчались ко мне на помощь.

Тьерри ушел, а Николя в сопровождении Плутона, который то и дело терся головой о ногу своего нового друга, отправился к Дому для прислуги. Опасаясь упустить неизвестного вора, он ускорил шаг. Как его и предупреждали, привратник спал крепким сном, и он беспрепятственно проник в здание. Запалив свечу, он, приказав Плутону сидеть тихо, что тот и исполнил, склонился над планом, врученным ему Тьерри. После нескольких неудачных попыток Николя наконец отыскал лестницу, ведущую прямо под кровлю, точнее, одну из лестниц, ибо таковых было несколько.

Возможность разными путями достичь цели усложняла его задачу, ибо у вора имелось несколько путей отступления. Начав подниматься, он быстро добрался до верха, задул свечу и угостил печеньем вытянувшегося рядом Плутона. Устроившись в стенной нише, он наблюдал за длинным коридором, куда выходили двери нескольких комнатушек. Когда глаза его привыкли к темноте, он отчетливо разглядел ночные вазы, выстроившиеся в линейку на одинаковом расстоянии друг от друга. За время его ожидания обитатели комнатушек дважды выходили в коридор опустошить свои ночные горшки.

Когда время приблизилось к трем, вдалеке послышался шум. Плутон проснулся и грозно заворчал. Николя погладил его, пес с благодарностью лизнул ему руку и умолк; однако чувствовалось, что он весь напрягся и приготовился к прыжку. Шум приближался, и скоро Николя различил шаркающие шаги, сопровождавшиеся бряцанием железа. Сердце его сильно

забилось, словно перед боем или на охоте, когда дичь неожиданно выскакивает из зарослей. Звуки доносились с противоположного конца коридора.

Внезапно он увидел мерцающий свет, не освещавший ничего вокруг. Возле его ног, напрягшись, задрожал Плутон. Интересно, что заставило его дрожать: страх или инстинкт охотника? Далее события разворачивались с невероятной стремительностью. Николя вскочил. Холодный огонь, неуклонно двигавшийся вперед, оказался совсем близко. Именем короля комиссар велел ему остановиться. Огонь остановился и, повернувшись вполоборота, бросился бежать. Велев Плутону догнать и взять дичь, комиссар спустил его с поводка. В один прыжок пес исчез из поля его зрения. Он слышал, как собачьи лапы стучат по паркетному полу, затем в наступившей тишине раздался сухой треск, а следом жалобный вой.

Выхватив из кармана пистолет, Николя выстрелил в воздух. С потолка посыпалась штукатурка. Громкими криками он позвал гвардейцев. Из распахнувшихся дверей в коридор с воплями выскакивали полуголые жильцы. В мгновение ока все пространство оказалось заполненным перепуганными и орущими людьми. Чтобы пробиться в другой конец коридора, Николя пришлось применить грубую силу. Добравшись до цели, он увидел лестницу и в несколько прыжков преодолел лестничный пролет. На лестничной площадке аттика он наткнулся на недвижное тело Плутона. Ощупав его, он понял, что собака еще дышит. Тогда он зажег свечу и увидел, что его товарищ весь в крови. При каждом шаге под ногами что-то скрипело, словно по площадке рассыпали песок. Быстро спустившись вниз, он убедился, что там все спокойно. Со стороны улицы Сюрантанданс тяжелым шагом бежал караульный отряд во главе со знакомым ему лейтенантом, а следом за ними, обливаясь потом, трусил Тьерри. Вскоре подбежал и Трибknopf. Оказалось, он тоже ничего не видел — ни до громко прозвучавшего в ночной тишине выстрела Николя, ни после выстрела.

Перекрыли все входы и выходы. Николя вместе с гвардейцами обшарил каждый уголок дома, коридор за коридором, этаж за этажом, но так и не нашел ни малейшего следа ночного посетителя. Неразрешимая загадка приводила Николя в бешенство. На лестнице стоял неприятный запах, успевший проникнуть во все комнаты; его отнесли на счет загадочных варев, которые, невзирая на запреты разводить огонь по ночам, готовили себе некоторые обитатели комнатушек. Николя взял на руки несчастного Плутона; собака по-прежнему тяжело дышала.

Операция провалилась, а тайна осталась. В надежде, что загадочный визитер больше не сунется в Дом для прислуги, Николя поблагодарил лейтенанта и его людей. Вместе с караулом удалился и Тьерри, с грустью заметив, что, следуя обычаю королевской псарни, раненых собак в живых не оставляют, а приканчивают на месте. Но Николя успокоил его. Никто не собирается убивать такую отважную и преданную собаку. Он берет все на себя, обо всем позаботится и сделает все возможное, чтобы спасти пса. И с помощью Триборта уложил собаку в кабриолет.

Дома они осторожно положили Плутона на стол в кухне. Триборт, многому научившийся во время службы на кораблях Его Величества, осмотрел рану, нанесенную, судя по ширине, кинжалом или ножом. Удар пришелся на левое плечо, видимо, в тот момент, когда собака прыгнула на неизвестного. Рану очистили, промыли водкой и промокнули губкой. Затем Николя увидел, как Триборт взял толстую иглу, напомнившую иглу сапожника, отрезал кусок суровой нитки, натер ее жиром, вставил в иглу и, сблизив края раны, принялся аккуратно зашивать ее; закончив дело, он смазал шов медом. Плутон, очнувшись, принялся старательно вылизывать руку лекаря.

— Черт побери, это он мед слизывает.

— Нет, матрос, это он вас благодарит.

Уложив Плутона на старое одеяло, Николя и Триборт рассказали друг другу, что довелось увидеть каждому, и расстались, чтобы успеть поспать до наступления утра.

Вторник, 11 августа 1778 года.

Громкое пение дрозда, пробудившегося с первыми лучами солнца, разбудило Николя. Не дожидаясь, пока ему принесут горячей воды, он привел себя в порядок и направился в кухню, откуда доносились голоса и взрывы хохота. Распахнув дверь, он увидел за столом Триборта и Бурдо; на столе стояло блюдо с ветчиной и свежим хлебом. Оба его помощника держали в руках стаканчики и как раз собирались опустошить их. У их ног, тихо поскуливая, лежал Плутон; судя по тому, что нос его мелко подрагивал, а глаза заинтересованно смотрели по сторонам, было понятно, что пес пошел на поправку.

— Боже, — воскликнул Николя, — однако, голубки мои, утро еще не наступило, а вы уже со стаканами в руках!

— Это все потому, что ночь оказалась коротка, господин офицер! И вдобавок жаркая. Приходится восполнять запасы жидкости в организме, особенно когда работаешь языком.

— Мы познакомились, — раскрасневшись, радостно сообщил Бурдо.

— Что ж, мне остается только присоединиться к вашему завтраку.

И Николя принялся излагать инспектору события предшествующей ночи.

— М-да, — задумчиво проговорил тот, — весьма любопытное приключение, однако оно не имеет ни малейшего отношения к нашему расследованию.

— Никакого.

— Черт побери, — воскликнул Триборт, отрезая Николя третий ломоть ветчины, — не могу понять, как вору удалось сбежать незамеченным? Держите, отличный кусочек, с жирком. Скажу честно: постное мясо мне в глотку не лезет.

— В самом деле, ответа на этот вопрос нет.

— Не мог он пройти незаметно. Как только раздался выстрел, а прозвучал он громко, словно из пушки, так дом тотчас окружили со всех сторон. Я с одной стороны, караул с другой. Ни одной кареты не стояло — не проехало…

Подкрепившись, Николя повел Бурдо в парк. Жара еще не началась, и розы, усеянные мелкими капельками росы, источали удушающий аромат.

— Расскажи мне, какие новости заставили тебя подняться так рано и отправиться разыскивать меня в Версале?

— Рано? Вовсе нет. Тебе показалось. Впрочем, я не ужинал и не спал. К счастью, твой матрос… После нашей встречи я пробегал целый день и часть ночи.

— Но, похоже, не напрасно.

— Совершенно верно! Сначала о д’Асси. Он подкидыш, в двенадцать лет отданный в учение к часовщику в Лизье. Через год сбежал, прихватив часы и кассу учителя. Я нашел приказ о его розыске. Настоящее имя Жак Саном. Полиция нравов несколько раз арестовывала его, однако никто не догадался связать его дело с делом сбежавшего воришки. Работал натурщиком у художников, пока наконец не занялся своим особым делом. Клиентов чаще всего ищет в Воксхолле, в Атенее или в Тюильри. Остроумный, любит сорить деньгами, задолжал поставщикам, играет, но редко. Соседи Ренара по улице Пан видели его. Он часто приходил к нему и оставался на ночь. И, самое главное, в ночь смерти Ламора он действительно был там, как нам и сообщил Ретиф. Но утром он вышел из дома один.

— И что это значит?

— Что Ренар не пошел вместе с ним.

— Но он мог выйти позднее.

— А вот и нет, тут наше уязвимое место. Он не ночевал у себя. Привратница, что ведет хозяйство инспектора, утверждает, что дома его не было. Следовательно, в ту ночь он от нас ускользнул, обведя вокруг пальца и Филина, и нас заодно.

— Это все меняет!

— Да еще как! Но и это еще не все. Приглашение в Самаритен, доставленное маленьким савояром, действительно написано рукой инспектора. Сравнение образцов почерка не оставляет сомнений. Но листок, пришпиленный к стене, напротив, написан не его рукой.

— Итак, то, что мы полагали ясным, снова запутывается. Что еще?

— О! Кинжал, который ты мне дал, оказался итальянской работы. Такие имеют хождение в Перудже. Это подтвердили оружейник и два торговца редкостями, так что ошибка исключается. И, наконец, пробегав весь вечер, я нашел кучера, подвозившего высокую даму, прыгнувшую в фиакр возле Самаритен.

— Скольким же я тебе обязан, Пьер!

— Кучер сообщил мне, что отвез ее в Версаль и высадил на улице Сатори.

— Значит, решение надо искать в Версале. Все, что ты мне сейчас сообщил, говорит о том, что Ренар является сообщником неизвестного из Самаритен. Или… Однако как ловко продумана интрига. Записка для меня, убийство д'Асси и исчезновение Ренара в ночь убийства Ламора, совершенного несколькими исполнителями, рисуют поистине пугающие картины. А с улицы Пан больше нет новостей? Инспектор не появлялся? Необходимо его найти. Чем заняты наши осведомители?

— Ренар исчез бесследно: он не появлялся ни дома, ни в своем участке, ни в управлении полиции. Растворился в природе.

Николя шел, опустив голову и скрестив на груди руки.

— Подведем итоги. Универсальный ключ королевы украден. Уверен, кража совершена в Опере. Вокруг этой штучки складывается заговор. Ряд высокопоставленных особ заинтересован очернить Марию-Антуанетту. Англичане и их наемники готовы использовать любую возможность, чтобы ослабить королевство. Картина первая. Картина вторая. Двуличный Ренар поставляет королеве непристойные книжки и сам организует шантаж, угрожая опубликовать памфлет, ставящий под сомнение добродетель Ее Величества. Он предлагает выкупить этот памфлет полиции и Мадам Аделаиде. Мы подозреваем Ламора. Он убит. У Ренара нет алиби. Д'Асси, способный кое-что нам прояснить, погибает ужасной смертью. В этот раз Ренар, похоже, выступает подручным убийцы. Можем ли мы утверждать, что они оба также повинны в отравлении лакея герцога Шартрского?

— А универсальный ключ?

— Мне кажется, именно он является главной ставкой в этой игре, а быть может, и не только в этой.

— Что ты хочешь сказать?

— Если мысль невозможно четко сформулировать, лучше ее не высказывать. Или высказывать, но не сразу.

В этот момент в аллею парка, окружавшего особняк д'Арране, с шумом въехала придворная карета. Из нее, вытирая льющийся градом пот, выскочил всклокоченный господин Тьерри. Завидев Николя, он бросился к нему.

— Друг мой, ах, какая новость! Я так спешил сообщить ее вам! О боже, я чуть не задохнулся.

Николя усадил его на каменную скамью.

— Успокойтесь. Вы меня пугаете. Что случилось?

— В Доме для прислуги сегодня утром полотер, что проживает в аттике…

— Что полотер?

— …увидел под одной из дверей кровь. Он закричал, позвал на помощь. Сбежались люди. Выломали дверь. И знаете, что там нашли? Ах, вы просто не поверите!

— Ну же, говорите! — тормошил его сгоравший от нетерпения Николя.

— Обнаружили окровавленное тело инспектора Ренара, вокруг которого валялись жестяные бутылки. А знаете, кто проживал в этой комнате?

— Разумеется, нет!

— Госпожа Ренар, кастелянша королевы!

IX
ЛАБИРИНТ

Неужели твой заплутавшийся разум не сможет найти выход из лабиринта?

Малерб

Новость буквально пригвоздила Николя и Бурдо к скамье. Они сидели, в остолбенении глядя друг на друга.

— В комнате госпожи Ренар! Это усложняет задачу! Неужели сам инспектор ходил по ночам красть содержимое ночных сосудов? Но для каких целей?

— Все говорит за то, что это именно он, — произнес Тьерри. — Когда вы сами все увидите, у вас тоже не останется сомнений.

— Ламор, д’Асси и Ренар мертвы. Как теперь отыскать четвертого участника драмы, на которого все указывает как на убийцу? Смерть инспектора не закрывает ни одну главу, лишь отсылает в неизвестность. Мы гонимся за дичью, потеряв ее след. И никаких наломанных веток, чтобы указать нам путь. Мы снова вынуждены играть в прятки с призраком. Как убит инспектор?

— На первый взгляд его ударили ножом в самое сердце.

— Полагаю, вы позаботились о том, чтобы на месте преступления никто ничего не трогал?

Бросив вопросительный взор на Бурдо, которого он видел впервые, Тьерри перевел взгляд на комиссара.

— Ах, да! Пьер Бурдо, мой помощник и мое второе я. Господин Тьерри де Виль д’Аврэ, преемник Лаборда.

Приподняв треуголки, мужчины раскланялись.

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, да будет мне дозволено уточнить, что после событий сегодняшней ночи Дом для прислуги находится под постоянным наблюдением. В нем совершено преступление, а территория находится в юрисдикции Главного прево. Поэтому я немедленно доложил обо всем министру королевского дома господину Амло де Шайу. Тот, с облегчением вздохнув, сообщил мне, что по приказу Его Величества ведение дела поручено лично маркизу де Ранрею. Одним словом, он умывает руки. Зная ваши привычки, я велел никому ничего не трогать, а для вящей сохранности запретил кому бы то ни было заходить в комнату, где совершено преступление. На всякий случай наложил печати, запретив их срывать даже в исключительных обстоятельствах.

— Вы поступили очень мудро.

— Полагаю, вы намерены ехать в Версаль? Не составите ли мне компанию? Мой экипаж к вашим услугам.

— Благодарю.

Плутона доверили заботам Триборта. По возвращении Николя пообещал решить участь пса, смотревшего на него тревожным взором. Наклонившись к собаке, он погладил ее и что-то прошептал на ухо. Вздохнув, пес вытянул морду на кухонном полу и слегка взмахнул хвостом.

Дорогой Николя молчал, и спутники не решались нарушить его молчание. Наконец на подъезде к большой парижской дороге он заговорил:

— Я возлагал большие надежды на Ренара, но теперь о них придется забыть. В этом клубке накручены рваные нити. То, на что можно было бы воздействовать сверху, бесследно испаряется… Придется возвращаться к началу, заново анализировать все улики, заново раскладывать все по полочкам или, наоборот, все смешать. Смешение улик иногда дает неожиданные результаты, позволяющие увидеть перспективу. А если на помощь придет наш добрый друг случай… Да, ищейки в лабиринте гипотез, нос уткнулся в землю, нюх работает. Нельзя упускать ни единой мелочи! Чтобы пролить свет на загадку, все имеет значение!

— Однако, — начал Бурдо, не решившийся прервать монолог Николя, — у нас имеется госпожа Ренар. Так как теперь она вдова, то, я полагаю, она с большей благосклонностью отнесется к нашим вопросам. У нее нет больше такой поддержки, как прежде. Если она захочет добиться снисхождения, она заговорит.

— О, если бы вы только видели, какой спектакль она устроила нам вчера, вы бы не говорили так уверенно. Если она действительно, утратив разум, отдалась на волю страстей, тогда у вас есть шанс получить от нее интересующие вас сведения, но если эта лишенная стыда и совести женщина еще лучшая актриса, чем Рокур, вы из нее ничего не вытяните, лишь увидите очередной спектакль.

— Боюсь, Пьер, господин Тьерри прав. Придется много потрудиться, чтоб заставить ее заговорить. Впрочем, скоро мы это узнаем. Недаром говорят, к каждому замку найдется свой ключ!

Прибыв в Дом для прислуги, Николя развил бурную активность. Больше всего он опасался, как бы убийство не наложило печать молчания на уста возможных свидетелей. С удивлением обнаружив на лестницах и в коридоре множество кровавых следов, он не сразу сообразил, что во время ночного переполоха славный Плутон, со всей злостью бросившийся на неизвестного, наверняка укусил его. Следовательно, кровавые следы мог оставить не только раненый пес, но и укушенный им неизвестный.

Перед дверью в комнату госпожи Ренар Тьерри проверил печати, затем снял их и отошел в сторону, предоставив комиссару возможность первому войти в помещение, где было совершено преступление. Помимо запаха бойни Николя поразило обилие вытекшей крови. В маленькой вытянутой комнатушке слева стояла узкая кушетка, втиснутая между двух встроенных шкафов, справа виднелся крошечный камин. Напротив входа находилось мансардное окно, возле которого лицом к двери лежал труп, опутанный веревками и ремнями, вкупе напоминавшими сбрую. К сбруе крепились жестяные сосуды с широкими горлышками, заткнутые большими пробками. Николя заметил воронку, служившую, без сомнений, для переливания содержимого ночных ваз. Наклонившись, он увидел торчащий из спины кинжал.

— Кто-нибудь входил в комнату? — спросил Николя у Тьерри.

— Когда сорвали дверь, первым вошел гвардеец; он сообщил о покойнике, а потом, поставив дверь на место, запретил всем входить внутрь без моего присутствия.

— Следовательно, один человек вошел, и он же вышел.

Ступая на цыпочках, Николя внимательно разглядывал пол и что-то бормотал себе под нос, словно разговаривал сам с собой.

— Посмотрим. След подкованного башмака. Это стражник. Ага, вот и другой, непохожий… гораздо меньше. А вот и третий. Может, все и сойдется. В конце концов, после того как ее ударили кинжалом, жертва вполне могла сделать несколько шагов, прежде чем рухнуть на пол. Гм, конечно, у камина. Все же, видимо, тело тащили. А вот и еще следы. Каблук! Он мне что-то напоминает. Самаритен! Пьер, мне нужна помощь!

Они оттащили труп в сторону. Неподвижные и уже помутневшие глаза Ренара производили зловещее впечатление. На бескровном лице застыло выражение удивления, смешанного со страхом.

— Давайте избавим его от этой упряжи.

— Николя, смотри! Она затянута у него на спине!

Они освободили тело от загадочных пут. Похоже, кто-то хотел выдать Ренара за неизвестного вора, грабившего Дом для прислуги. Нанеся удар в спину, убийца вынужден был закрепить свое приспособление для бутылок на спине у жертвы, иначе ему пришлось бы вынимать кинжал из раны.

Наклонившись над телом, Бурдо тотчас отпрянул; лицо его побледнело.

— Я даже без очков вижу, что тот самый!

— Тот самый?

— Кинжал, точно такой же, как в Самаритен! Ты еще велел мне выяснить его происхождение.

Николя присел на корточки и осторожно извлек кинжал из раны.

— Господи! Клинок сам выскальзывает из тела! По-моему, его уже один раз вынимали.

Выйдя в коридор, он увидел Тьерри. Тот стоял, приложив к носу платок; видимо, ему стало худо. Николя достал табакерку и предложил ему понюшку.

— Скажите, кто-нибудь касался орудия убийства?

— Разумеется, нет, — ответил между двумя чиханьями первый служитель королевской опочивальни, — караульный лишь наклонился над телом, но, увидев рукоять кинжала, не стал ничего трогать.

Николя вернулся к Бурдо, который, водрузив на нос очки, аккуратно отлеплял от раны окровавленный клочок бумаги, пронзенный лезвием кинжала.

— Николя, он оставил здесь вот это.

— Я только что поговорил с Тьерри. Теперь понятно: кинжал вынимали, чтобы пришпилить им бумагу.

— Как в павильоне Самаритен?

— Совершенно верно, только здесь ее пригвоздили к телу.

Выглянув в коридор, он позвал:

— Господин Тьерри, попросите принести мне таз с водой.

Через минуту гвардеец принес ведро чистой воды, и Николя опустил туда листок. По мере того как кровь размывалась, слова на бумаге становились видны все более отчетливо.

— И что ты там прочел? — спросил Бурдо.

— Вот, слушай: «Саксония. Вот уж неудача так неудача: иметь на руках три козыря и проиграть».

— Заметь, снова отрывок из «Королевских игр», вырезанный из печатного экземпляра. Это преднамеренное убийство.

— По крайней мере, не случайное. Ночные события могли подстегнуть убийцу.

— Обыщем карманы, — произнес Бурдо.

Итог оказался скуден: часы, носовой платок, кошелек из стальных колец, содержавший два экю, шесть монет по пол-экю и несколько су. Обыск шкафов также не дал результатов. В них не оказалось ни женских платьев, ни тех мелких дамских штучек, которые кастелянша королевы, женщина еще молодая, должна была бы хранить, чтобы иметь возможность в любую минуту привести себя в порядок. И только несколько сухариков и початая бутылка вина свидетельствовали, что комната обитаема.

— Пьер, госпожа Ренар здесь явно не живет. Надо расспросить ее об этом поподробнее. Скорее комнатой пользовался ее супруг и еще кто-то. Сбитые простыни на кушетке говорят о том, что не так давно на ней спали.

— Что, если Ренар, пока мы искали его повсюду, отсиживался в комнате супруги? Мы же не выясняли, где живет его жена, а только собирались это сделать. Хитрец мог держать пари, что даже если мы узнаем, где обретается его супруга, нам и в голову не придет, что он скрывается у нее!

— Пожалуй, ты прав. Теперь давай еще раз вспомним события предшествующей ночи. Ренар прятался здесь со вчерашнего или позавчерашнего дня. Неизвестный, его сообщник — явно частый гость Дома для прислуги. Напуганный мною и укушенный Плутоном, он убегает и прячется в этой комнате, от которой у него, без сомнения, имеется ключ. Поэтому мы его и не нашли. Следы крови, принятые в темноте за кровь собаки, остались незамеченными. Он вбегает в комнату, не ожидая — или же ожидая — застать там Ренара; разбуженный шумом, инспектор вскочил с постели. Уверен, он спал одетый. О чем они заспорили, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но не стоит забывать, что они играют на одной стороне. Так что же случилось? Ссора? Схватка? Или же кто-то решил избавиться от ставшего обременительным сообщника?

— Теперь понимаешь, почему из «Королевских игр» взята цитата о трех козырях? Ламор, д'Асси и Ренар.

— Значит, убийца знал, что Ренар скрывается здесь, а мы об этом даже не подозревали. Итак, он убивает Ренара. В доме переполох, все ходы и выходы тщательно охраняются, и выйти со своим снаряжением убийца не может. Тогда он надевает его на труп, но, заметьте, надевает задом наперед.

— В твоих рассуждениях есть слабое место, Николя. Зачем надо выдавать Ренара за похитителя ночных горшков и привлекать внимание к странной амуниции? Есть же прилипшая к ране бумага.

— Повторяю еще раз, а ты постарайся меня понять. Он специально надевает сбрую задом наперед, ибо считает нас дураками. Он абсолютно уверен, что ему удастся ускользнуть от нас, а потому любыми способами привлекает наше внимание к уликам, боясь, что мы их не заметим. Он уверен в своей безнаказанности, уверен, что мы никогда не разоблачим его. Он провоцирует нас, бросает нам вызов. В третий раз. Но, как известно, гордыня — это грех. Мы поднимаем перчатку и принимаем вызов.

— Согласен! Но как, по-твоему, ему удалось выбраться из дома?

— Вчера вечером, а точнее, сегодня утром, когда после моего выстрела началась паника и полуодетые люди стали выскакивать в коридор, любой ловкий малый, а он, заметь, необычайно ловок, мог, сбросив с себя лишнюю одежду, смешаться с толпой, а потом потихоньку исчезнуть во мраке.

— Но ты же мне говорил, что все выходы тщательно охранялись!

Тут наконец вмешался Тьерри; уже несколько минут он безуспешно пытался вставить слово:

— Друзья мои, друзья, мне кажется, я знаю ответ на ваш вопрос. Мне только что сообщили, что в подвале здания обнаружены кровавые следы, ведущие в чулан для дров.

— И что же?

— Дело в том, что в чулане есть люк, выходящий на улицу Реколле; через этот люк сгружают дрова и связки хвороста. Но самое интересное, что люк никогда не запирается. Кроме того, один из караульных, патрулировавших сегодня ночью, видел, как из люка вылезла женщина с узлом в руках; решив, что это девица для утех, он даже попытался пристать к ней.

— Он описал вам ее?

— Очень высокая, выше его почти на голову. Конечно, не последнюю роль сыграли каблуки, ибо следы в подвале четко указывают…

— Разумеется, друг мой, каблуки, конечно, каблуки!

— Но это еще не все. Солдат, который подошел к ней, не смог разглядеть ее лица, ибо она прятала его под глубоко надвинутым капюшоном.

— Неужели, — насмешливо произнес Бурдо, — мы имеем дело с монашкой-капуцинкой, которая кутается в плащ, в то время как все вокруг подыхают от жары?

— Возмущаться — значит понимать! И мы непременно во всем разберемся!

— Получается, что она улизнула и от твоего матроса!

— В эту минуту Триборт находился на улице Сюрантан-данс.

— Продолжаю, — вновь вступил в разговор Тьерри. — Солдата поразил исходивший от девицы странный запах.

— Кого? Триборта?

— Нет, гвардейца.

— Странный запах, — задумчиво повторил Николя. — Значит, ничего общего с устойчивым запахом кухни. Я никак не могу разгадать загадку наших постоянно повторяющихся деталей. Той ночью в коридорах и на лестницах тоже пахло странно. Похоже, дорогой Тьерри, это та самая вонь, что сопровождала появление холодного огня.

— Нельзя ли нам поговорить с тем малым, который обнаружил кровь, вытекавшую из-под двери Ренара? — спросил Бурдо.

— Он живет через две двери отсюда.

— И чем он занимается?

— Водонос, подносит воду в покои королевы.

— А такая должность еще существует? Впрочем, этого следовало ожидать.

Николя закашлялся, желая предупредить Бурдо о неуместности его язвительного тона.

— Кого здесь только нет. В Доме живут не только слуги, но и те, кто охраняет Их Величества. А малый сейчас у себя. Я велел ему не трогаться с места и ждать вас.

Тьерри подвел их к двери, открыл ее и остановился. В комнате находился молодой человек; завидев посетителей, он резко захлопнул дверцы встроенного шкафа. Николя сжал локоть Бурдо. Ему сразу бросилось в глаза роскошное убранство крохотной комнатушки и изящные гравюры на затянутых дорогой материей стенах. Помещение более походило на будуар, чем на жилище младшего слуги. Комиссар немедленно укорил себя за скоропалительные выводы, основанные скорее на предрассудках, нежели на разумных доводах. Он точно знал, что хороший вкус не является привилегией знати. Его сдержанность не ускользнула от Бурдо, который, в свою очередь, снисходительно пожал плечами. Они давно понимали друг друга без слов.

Молодой человек отличался высоким ростом, имел правильные черты лица, голубые глаза и настолько бледную кожу, что она даже казалось сероватой. Густые каштановые волосы были стянуты лентой. Он стоял, уныло свесив руки; лицо его явственно выражало тревогу.

— Комиссар полиции короля, которому поручено расследовать смерть вашего соседа.

— Моего соседа? Вы ошибаетесь. Я его не знаю.

Он начал оправдываться, не дослушав обращенных к нему слов Тьерри.

— Как вас зовут? — кротко спросил Николя.

— Жак Госсе.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года.

— Что вы делаете во дворце?

— Я водонос.

— А ваши родители?

— Матушка живет в Париже, в предместье Сен-Мартен, отец умер два года назад.

Так как Николя продолжал вопросительно смотреть на него, молодой человек, похоже, лихорадочно соображал, что еще он может добавить.

— Отец служил помощником жарильщика на королевской кухне.

— Прекрасное и благородное занятие. Следовательно, он занимал эту маленькую комнату. Впрочем, расскажите мне, что произошло сегодня утром.

Хотя лоб его по-прежнему покрывали капельки пота, молодой человек, по-видимому, успокоился. Сделав глубокий вдох, он приступил к рассказу.

— Сегодня у меня выходной, и я встал пораньше, чтобы пойти подышать свежим воздухом.

Николя отметил отсутствие логики между двумя предложениями.

— Сейчас так жарко! Все очень просто. Проходя мимо двери, я заметил темные пятна. Мне показалось, что это краска. Я нагнулся и тогда… Ну я и поднял тревогу.

«Чтобы заполучить свидетельство в свою пользу», — про себя заключил Николя.

— Он так разволновался, — добавил Тьерри, — что прибежавший гвардеец нашел беднягу близким к обмороку!

Госсе, похоже, не одобрил излишне взволнованной реплики первого служителя королевской опочивальни.

— Просто кровь прилила к сердцу.

— Скажите, друг мой, — начал Бурдо, понимая, почему Николя не хотел сам задавать этот вопрос, — вы превратили ваше жилище в настоящий будуар. Вам наверняка нравится проводить здесь время. Скажите, откуда вы так хорошо разбираетесь в тканях?

Юноша покраснел до корней волос.

— Мой брат работает обойщиком, он помог мне украсить комнату.

Бросив выразительный взгляд в сторону инспектора, Николя взял Госсе за плечи, аккуратно вытолкал его из комнаты и под предлогом кое-что уточнить повел его по коридору — к великому удивлению Тьерри.

— Здесь нас никто не слышит, — начал комиссар. — Скажите, вы знали госпожу Ренар, которой принадлежала эта комната? — и он указал рукой на дверь — Та самая комната, где сейчас лежит труп убитого.

— Нет.

— Нет? Точно нет?

— Нет. Ну, может, я и встречал ее.

— Конечно, встречали. Здесь, во дворце.

— Возможно.

— Где?

— Не помню.

— Вы не слишком-то разговорчивы.

— Служба требует сдержанности, господин комиссар.

— Что ж, мудро, а еще мудрее изрекать подобные истины. Благодарю вас. Полагаю, у нас еще будет время поговорить.

Казалось, молодой человек почувствовал облегчение; однако когда он хотел направиться к себе, Николя удержал его за рукав.

— Вы знали убитого?

— Нет, сударь.

— Это супруг госпожи Ренар, кастелянши королевы, той самой, с которой вы совершенно не знакомы.

Внезапно побледнев, юноша пробормотал нечто неразборчивое и, оттолкнув идущего ему навстречу довольного Бурдо, бросился к себе.

— Ты совсем запугал юное создание! Полагаю, я правильно понял твое подмигивание?

— Несчастный думает, что он вывернулся! Ну, давай, рассказывай. Готов держать пари, ты нашел нечто интересное.

— Ты угадал. Никто просто так не захлопывает шкаф перед носом полиции. Захлопывают, когда хотят скрыть то, чего не должен видеть посторонний взор.

— Вы сделали открытие? — спросил Тьерри.

— Еще какое! Шкафы до отказа набиты платьями и бельем. Да каким красивыми, каким тонким! Я было подумал, что этот здоровяк горазд переодеваться, но так как париков там нет, то, полагаю, это любовное гнездышко, где обретается очаровательная кокетливая птичка.

— Что ж, для старушки совсем не плохо! Особенно для той, что гладит панталоны королеве и при этом почитает себя превыше всех.

Они не заметили, как откуда-то выскочила молоденькая женщина, низенькая блондинка в хлопковом платье.

— …и вышвыривает честных девушек из комнат их возлюбленных! — проверещала она, уперев руки в бока. — Вот, возьмите хоть Жака, он еще вчера был со мной, а теперь вот… Впрочем, вам это, наверное, не интересно, — уже более спокойно проговорила она.

— Что вы, мадемуазель, меня все интересует. Как вас величать?

— Этьенетта Данкур, прислуга на кухне, к вашим услугам, сударь.

И она, словно обезьянка, изобразила придворный реверанс.

— Ваши слова крайне меня заинтересовали. Так, значит, Жак Госсе упал в объятия вышеназванной дамы?

— Дамы? Вы называете эту стерву дамой? Старая шлюха, наживающаяся на незаконной торговле поношенными тряпками королевы. Теми, что ей отдают, и теми, что она крадет! Идите, посмотрите, что творится в шкафах у Жака. Она складывает туда обноски, украденные у Австриячки!

— Вы забываетесь, мадемуазель! — возмущенно воскликнул Тьерри.

— Я-то забываюсь, а она уж точно не забывается. Те наряды она бережет для себя, а остальные продает.

— Значит, Госсе ее любовник.

— Любовник? Игрушка! Она ему в матери годится!

— Благодарю, богиня ревности, — прошептал Бурдо на ухо Николя. — Наша признательность украсит твой алтарь.

— Как долго длится их связь?

— Несколько месяцев, сударь!

— А точнее? Насколько я понимаю, прежде вы были любовниками. Он резко порвал с вами?

— Он стал со мной холоден, перестал разговаривать, а если разговаривал, то нес какую-то чушь. А однажды…

Она залилась слезами.

— Однажды… в день…

— В какой день?

— Ближе к маю. Он сказал, что больше не хочет иметь со мной ничего общего. Сложил мои вещи и выставил их за дверь. Сказал, что если я люблю его, то я должна исчезнуть из его жизни, иначе он потеряет шанс на будущее. А такой шанс предоставляется редко, быть может, всего лишь раз, и он не может от него отказаться. И с тех пор он запретил мне приходить к нему.

— Что ж, — сказал Николя, — вы чувствуете себя несчастной, но это пройдет. Более того, я уверен, он раскается и вернется к вам.

Она вскинула голову.

— Ах, ну вот еще, нужны мне объедки от старой кокетки! А вы и вправду так думаете?

В этом вопросе отчетливо прозвучала надежда.

— Конечно! Обычно ссоры между любовниками так и разрешаются. Поэтому воспользуйтесь случаем. Спасибо, что были с нами откровенны. Не исчезайте.

Вытирая глаза уголком передника, она удалилась семенящей походкой.

— Дорогой друг, — обратился Николя к Тьерри, — вы знаете господина де Сартина. У меня остались здесь дела. Будьте так любезны, известите его о событиях сегодняшней ночи. Ему надобно как можно скорее смирить раздражение Главного прево, в чью юрисдикцию мне снова приходится вторгаться.

— Бегу, лечу. До скорого, господин маркиз. Ваш слуга, господин инспектор!

— Какой вежливый человек! — заметил Бурдо, не оставшийся равнодушным к обходительным манерам господина де Виль д'Аврэ.

— Еще бы! Счастье, что именно он унаследовал Лаборду. Его Величество сделал его своим доверенным лицом. Он знает все, может все сделать или все разрушить. У него очень острое чутье, и он быстро понял, что я являюсь лицом, облеченным властью — о! совсем маленькой властью, — а потому со мной следует считаться. Я пожал протянутую мне руку сразу после смерти покойного короля, и теперь мы, вместо того чтобы враждовать, во всем поддерживаем друг друга.

— У него манеры придворного.

— Да, он поставил все свои таланты на службу королю.

— Говорят, он себе на уме и ловко преумножает свое состояние.

— Его семья издавна пребывает возле трона. Его отец служил нынешнему королю, когда тот был совсем юным и носил титул герцога Беррийского. А знаешь ли ты, что сей вежливый придворный в пятнадцать лет уже был мушкетером и полковником, командиром драгунского полка Руаяль-Дофин? Пойдя по стопам отца, он приобрел свою должность за триста тысяч ливров.

— Черт побери! Откуда он сумел раздобыть такую сумму?

— Его Величество помог ему.

— Каким образом?

— Отписав ему прибыль с одного из генеральных откупов. Во всяком случае, я предпочитаю, чтобы короля окружали богатые люди. Их труднее подкупить.

— Зато им становится проще округлять свои состояния.

Николя не хотел ступать на скользкую почву.

— В нашей работе полезно быть в дружеских отношениях с тем, кто ночует в комнате короля.

Николя опасался, как бы Бурдо не завел свою вечную песню, плод чтения философов, труды коих он поглощал в редкие свободные минуты, когда не был занят на службе или в семье.

— Что ж, давай продолжим беседу с юным красавчиком. Полагаю, теперь он будет более разговорчив. Нам надо знать все.

Двигаясь следом за Бурдо, Николя увидел, как тот, открыв дверь в комнату молодого человека, неожиданно с воплем бросился внутрь. Ворвавшись следом, он увидел, что Бурдо держит Госсе на руках: молодой человек пытался повеситься на простыне, привязав ее к торчащей из потолка балке. Вскарабкавшись на табурет, Николя высвободил шею юноши, и тот безжизненно повис на руках Бурдо. Инспектор прибыл вовремя, когда стул только начинал падать. Теперь Госсе лежал на полу и плакал.

— Что-то в Доме для прислуги слишком много плачут, — проворчал Николя. — Лучше бы честно во всем признаться и все объяснить.

— Ну как, полегчало? Даю вам две минуты, чтобы успокоиться, — обратился к несчастному юноше Бурдо. — С шеей вашей все в порядке.

— Сейчас я вам объясню, что я от вас жду, — суровым тоном начал Николя. — И прошу отметить, я с вами откровенен. Мы знаем, что у вас была подружка по имени Этьнетта, но вы променяли ее на госпожу Ренар. А теперь расскажите нам правду о событиях сегодняшней ночи, а быть может, и иных ночей. Вы вышли из комнаты рано утром, однако, вместо того чтобы свернуть направо, к ближайшей лестнице, вы повернули налево, чтобы взглянуть на темное пятно, изначально довольно мелкое и, добавлю, едва различимое в плохо освещенном коридоре. Так что, господин Госсе, советую вам честно во всем признаться, чтобы у нас не закрались подозрения относительно вас.

Госсе затряс головой:

— Я никого не убивал. Я боялся, что обвинят меня.

— Подозрения еще не доказательства, — изрек Бурдо. — Чтобы избежать неудобств, вы пошли на обман. Разве так поступают? Так вот, чтобы мы поверили в вашу искренность, начинайте по порядку — с событий сегодняшней ночи.

Подавленный, юноша на секунду задумался, а потом слова потоком полились из него:

— Придется вернуться немного назад. Примерно год назад я встретил Жанну в коридоре.

— Жанну?

— Госпожу Ренар. Во дворце.

— Можете не рассказывать, — насмешливо произнес Николя, — вас видели в коридоре, за дальними комнатами больших апартаментов, когда вы…

Покраснев, он опустил голову, словно ребенок, застигнутый на месте шалости.

— Это она.

— Зная эту даму, готов вам поверить.

— Затем она стала жить со мной. Убранство комнаты — это ее рук дело.

— А брат-обойщик?

— Тут я сказал правду.

— Но скрыли ее, отвечая на другие вопросы. Что вы скажете по поводу богатых туалетов в вашем шкафу?

— Одни принадлежат Жанне. Другие, по ее словам, достались ей после ежегодного обновления гардероба королевы. Лишние платья королева отдает своим служанкам. Однако я заметил, что на них очень дорогие кружева, и спросил ее об этом. Но она всегда умолкала, когда я задавал такие вопросы.

— Согласен; я так и вижу эту сцену. Но что же нарушило вашу идиллию?

— Уже несколько месяцев, как Жанна…

— А точнее?

— Начиная с января или февраля. У нее как будто изменился характер, она стала вспыльчивой, озабоченной. Я сказал ей об этом. Не раз задавал вопросы. Она отказывалась отвечать. Несколько ночей подряд она ночевала в своей прежней комнате. Я стал ревновать. Решил, что она принимает там мужчину, и сказал ей об этом. Она разозлилась, но потом объяснила, что речь идет о торговле старым платьем. И пригрозила, что, если я не перестану за ней следить, она меня бросит.

— Вернемся ко дню вчерашнему.

— Я ждал ее как обычно, и даже раньше, потому что двор уехал в Шуази. Время шло, а Жанны все не было. Около трех часов наверху раздался страшный шум. Последние недели у нас только и говорят, что о таинственном воре, опорожняющем ночные горшки! Поэтому я не тронулся с места, решив, что вора наконец поймали. Прождав еще немного, я заснул. Проснувшись утром, я увидел, что Жанны по-прежнему нет. Я встал и отправился к дверям ее комнаты, чтобы послушать, не доносится ли оттуда ее голос. А когда я попытался подглядеть в замочную скважину, я увидел под дверью кровавое пятно, и поднял тревогу. Неужели вы думаете, что если бы я был убийцей, я бы стал звать на помощь?

— Уже лучше! — удовлетворенно произнес Николя. — А скажите, видели ли вы ночного визитера, что приходил к госпоже Ренар?

— Однажды я видел в коридоре человека высокого роста. В другой раз это была женщина, кутавшаяся в вуаль. Но она точно выходила не от Жанны.

— А вы никогда не пробовали проследить за этими подозрительными субъектами? — спросил Бурдо.

Воцарилась тишина.

— Я долго не решался, но однажды любопытство оказалось сильнее. Я спустился по правой лестнице, чтобы оказаться у выхода раньше загадочного посетителя. Я дважды пытался его выследить. И оба раза никого не увидел, словно он растворялся в темноте или прятался в чьих-то комнатах.

— Или, — прошептал Николя на ухо Бурдо, — выходил через подвал и дровяной люк. Мне кажется, маленький водонос говорит правду. Вряд ли он все выдумал.

— Конечно, он может оказаться сообщником, но мне так не кажется.

— Известно ли вам, — продолжил Николя, обращаясь к Жаку Госсе, — что сегодня ночью инспектор Ренар ночевал в комнате своей жены?

— Я этого не знал.

— Вы могли это предполагать?

— Он никогда не приходил сюда. Жанна сохраняла за собой комнату с целью запудривать глаза остальным. Иногда она заходила туда, чтобы посмотреть на часы, но надолго не оставалась и, как только путь был свободен, проскальзывала ко мне.

— Сегодня ночью вы не заметили ничего особенного, такого, что бы поразило вас?

— А чего особенного, сударь?

— Что-нибудь необычное.

Госсе задумался.

— Постойте, сейчас соображу. Когда я отправился шпионить за Жанной, в воздухе стоял какой-то странный запах.

— Какого рода? — спросил Бурдо.

— Даже не знаю, как сказать. Мне от него стало плохо, рвать потянуло. Сладковатый и прилипчивый одновременно. Он напомнил мне… Нет, не могу вспомнить что!

— Что ж, — проговорил Николя, — вы пытались ввести в заблуждение власть, пытались обмануть полицейского при исполнении. Однако хочу надеяться, что вы раскаялись. Соберите

ваши вещи и немедленно покиньте комнату. Я наложу печати, чтобы все оставалось без изменений до тех пор, пока не настанет время выяснить, что принадлежит даме, а что похищено из гардероба Ее Величества. Совершенно очевидно, что на время следствия вы отстраняетесь от работы во дворце. Ваша мать или брат смогут вас приютить?

— Надеюсь, — опустив голову, ответил молодой человек.

Под бдительными взорами обоих сыщиков он быстро собрал свою одежду, свалил ее на расстеленную на полу простыню и связал в узел. Выйдя в коридор, он обернулся, поклонился обоим магистратам, взвалил узел на плечи и тяжелым шагом направился к лестнице. Неожиданно дорогу ему преградила Этьенетта; она подошла к нему и сжала ему руку. Он молча высвободился и продолжил путь к лестнице. Девушка в отчаянии взглянула на Николя.

— Не теряйте надежды, — бросил он ей. — Он еще не оправился от потрясения….

Тщательный обыск обеих комнат не принес ничего нового.

— Что будем делать? — со вздохом спросил Бурдо. — Убийца опять опережает нас на много шагов. Чем дальше мы углубляемся в чащу расследования, тем больше улик нас окружает, однако каждое новое преступление множит наше бессилие. Убийца смеется над нами и сеет вокруг трупы.

— Вряд ли он смеется. Это, как я уже сказал, своего рода провокация. Я чувствую, как он столь уверен в своей неприкасаемости, что позволяет себе оставлять улики, которые, что бы он ни думал, непременно приведут нас к нему.

— В добрый час! По крайней мере, ты по-прежнему полон сил. И я тебя слушаю. Что делать? Куда идти?

— Не будем задирать нос, спрячем в карман честолюбие и проведем обычное полицейское расследование. Ты выполнишь все необходимые формальности, а потом отправишь тело в Шатле. Причина смерти ясна, но все же. Также ты предупредишь господина Тьерри, что это мы позволили Госсе удалиться. И пусть он как можно быстрее пришлет кого-нибудь, кто сможет рассортировать туалеты королевы. А мне придется остаться в Версале и кое-что выяснить. Я бы хотел получить ответы на вопросы, связанные с кастратами из королевской часовни: что-то слишком часто о них стали вспоминать.

— Ты действительно думаешь, что сумеешь что-нибудь нарыть в этом направлении?

— Не знаю. В нашем положении нельзя пренебрегать ничем. Опыты, интересующие герцога Шартрского, повторяющиеся намеки, куски партитуры для контратенора… Что все это значит? Я не знаю, но повторюсь: не стоит ничем пренебрегать. Доктор Месмер написал мне имена певчих из часовни, близких к принцу. Вот с ними мы и попробуем разобраться.

Николя ощущал потребность подвигаться и, покинув Дом для прислуги, отправился бродить по парку. Пересек партер, немного помедлил в Бальном зале, посидел на каменной скамье и двинулся дальше. Влекомый какими-то смутными ощущениями, он дошел до часовни. Дверь в святилище была открыта; он вошел внутрь; убранство часовни показалось ему еще более внушительным и величественным, чем во время парадных служб. Задрав голову, он принялся рассматривать роспись свода. Когда он восхищенно взирал на фигуру Господа, более напоминавшего Зевса-громовержца, тишину нарушило пение: где-то под куполом исполняли Confiteor tibi Domine.[54] По-видимому, пела женщина, однако он никогда еще не слышал такого нежного и приятного голоса. Гибкий и бархатистый, чудесный голос словно вырывался из хора ангелов, окружавших Отца Небесного; легкий и одновременно звонкий, он прекрасно дополнял роскошное убранство часовни. Придя в себя от восхищения, Николя решил узнать, кто с первых же звуков сумел покорить его. Отыскав вход на лестницу, он поднялся на возвышение и там, возле органного корпуса, увидел пожилого человека. Держа в руках партитуру, он стоял, закинув голову, и оглашал своды чудесными колоратурами.

Николя сел на верхнюю ступеньку и слушал, пока исполнитель не умолк. Тогда он встал и направился к нему. Певцу оказалось немало лет. Старомодный парик обрамлял одутловатое лицо, вокруг маленького рта висели складки, как у бульдога. Темные круги под глазами резко выделялись на землистой, словно обсыпанной мелом коже, поражавшей своей бледностью. Он выглядел рыхлым и чахлым, а высокий рост и полнота лишь усиливали это впечатление.

— Сударь, — произнес с поклоном Николя, — для меня большое счастье услышать ваше пение, поэтому прошу меня простить, что я сразу не выдал свое присутствие.

— Тут нет ничего дурного, сударь, — ответил певец с сильным итальянским акцентом. — Я давно не пою здесь, но когда-то я имел честь принадлежать к хору королевской капеллы. Нынче я с полным правом наслаждаюсь отдыхом, но иногда, влекомый ностальгией, я прихожу сюда, сударь, и пою. В конце концов, часовня сейчас пустует, ибо двор еще не вернулся в Версаль.

Внезапно Николя сообразил, кого он только что слушал.

— Насколько я понял, у вас ведь контральто, сударь?

— Было, сударь, было. Я Сильвиано Барбекано, к вашим услугам.

— Много ли осталось ваших собратьев?

— Увы, практически не осталось. Раз уж вы столь любезны и ваша любознательность простирается столь далеко, скажу, что покойный король решил слить воедино хор певчих, исполнявший песнопения в часовне, и камерную капеллу.

— А по какой причине?

Барбекано потер большой палец об указательный.

— О-хо-хо! Деньги, лишние траты. Стремление ужаться. В капелле упразднили должности вышедших из моды серпентов и прочих старинных инструментов, а вместо них взяли гобои и рожки. Отсюда и дальнейшие изменения. Певчих стали заменять музыкантами. Нас, контральто, то есть кастратов, осталось совсем немного.

И он с подозрением посмотрел на Николя. Однако тот оставался бесстрастным.

— Монархи нас больше не жалуют. Его Величество не любит музыку. Королева любит своих немцев и предпочитает новинки.

Он печально покачал головой.

— Полагаю, вы знаете тех, кто продолжает здесь петь?

— Конечно. Естественно, хуже, чем раньше. Когда-то в саду, прилегающем к Нотр-Дам, стояло симпатичное здание, Итальянский домик. Вы и сейчас можете им полюбоваться. Мы жили там все вместе. А сколько очарования вносил в нашу жизнь сад! Баньера, самый старый среди нас, скончался в том домике в возрасте ста двух лет. У него даже в старости сохранялся необычайно красивый голос, о котором говорили, что с ним не сравнится ни женский голос, ни чье-либо контральто.

— Вас послушать, сударь, так вы идете по тому же пути.

— О, вы слишком любезны! По сравнению с ним я еще мальчишка. Но, возвращаясь к нашему дому, скажу, что в 1758 году его продали. С тех пор ботаник господин Ле Моннье изрядно обогатил тамошний сад.

Обернувшись, кастрат окинул взором часовню.

— Мы все исчезнем когда-нибудь. Знаете ли вы, сударь, что в 1715 году четыре кастрата, сменяя друг друга, восемь суток несли караул возле останков великого короля? Это были те малые почести, которые мы могли воздать тому, кто проявлял к нашему искусству искренний интерес.

— Могу ли я, сударь, задать вам один вопрос, услышанный мною несколько дней назад?

— Сударь, я к вашим услугам.

— Речь идет о так называемых магнетических экспериментах, проводимых герцогом Шартрским над некоторыми из ваших собратьев. Быть может, вы что-то слышали об этом?

— Ах, сударь, в нашем кругу мы до сих пор смеемся над этими экспериментами. Кому только пришла в голову мысль, что наша природа может до такой степени измениться!

— А кто участвовал в этих опытах?

— Бальбо, Манджарелли и я. Любопытно, что вы со мной заговорили. Видите ли, несколько дней назад мы обсуждали эти опыты во время ужина, который я устраивал. Разумеется, позубоскалили немножко, каждый внес свою лепту шуток. Кроме Бальбо.

— Его не было на том вечере?

— Был, но он так рьяно налег на шампанское, что быстро утратил дар связной речи. Он заснул на месте и уехал от меня только во вторник утром, когда пробило девять. У него кружилась голова, так что он и тогда не сказал ни слова.

— А остальные? — со смехом спросил Николя; он опасался, как бы собеседник не вывел его на чистую воду.

— Разлетелись часов в пять утра. В этом году лето столь жаркое, что приходится вовсю пользоваться ночной прохладой.

— Когда-то, — продолжал Николя, стараясь, чтобы его вопросы не походили на допрос, — я часто ходил в Лувр на концерты духовной музыки и с восхищением слушал Stabat Mater Перголезе в исполнении кастрата Аюто и мадемуазель Арди. Это было то ли в 62-м, то ли в 63-м.

— В 63-м. У вас прекрасная память, сударь. А вы случайно не музыкант? Быть может, ваше имя, сударь.

— Николя д'Эрбиньяк, — ответил Николя, воспользовавшись названием одного из своих бретонских поместий. — Я всего лишь любитель и играю на бомбарде, традиционном инструменте своей родной провинции. Я знаком с господином Бальбастром.

Пусть этот гнусный тип хоть где-нибудь пригодится, подумал он.

— Он пишет очаровательные пьески. Очень модный композитор, — произнес итальянец.

Сказано, однако, было без энтузиазма.

— Господи, — продолжал Барбекано, — если бы я осмелился…

— Не стесняйтесь, прошу вас.

— Сегодня я пригласил к обеду господина Бенжамена де Лаборда, бывшего первого служителя королевской опочивальни покойного монарха. Господин де Лаборд подготовил сочинение о музыке. Не согласитесь ли вы стать четвертым участником обеда? Будет еще мой друг Бальбо, о котором вы уже наслышаны. Без сомнения, ваше присутствие, присутствие столь просвещенного любителя…

— Как тесен мир! Господин де Лаборд — один из ближайших моих друзей. Поэтому я, не опасаясь злоупотребить вашей добротой, с удовольствием принимаю приглашение.

— Я не слишком разбираюсь в кухне и умею готовить только блюда моей родной провинции Умбрии. Сам я родом из Норчии, как, впрочем, и Бальбо. Но, предупреждаю вас, мы станем говорить о музыке.

— Это лишь возбуждает мой интерес! Куда мне прийти и в котором часу?

— Не угодно ли вам явиться ко мне в тринадцать часов? Я живу в антресольном этаже дома на рыночной площади, над лавкой зерноторговца. Ошибиться невозможно. Вам знакомы эти места?

В памяти немедленно всплыли картины мучных мятежей.

— Да, вот уже два года как. Отлично, сударь, я вас благодарю и прощаюсь, но лишь на время.

Он не стал спускаться обратно в часовню, а прошел по хорам до королевской ложи, расположенной прямо напротив алтаря, и вышел в салон Геркулеса, дабы оттуда спуститься вниз. Но когда он вошел в салон, к нему навстречу, ковыляя на толстых ногах, направился молодой человек. Николя тотчас узнал графа Прованского, брата короля. Глаза, гнездившиеся на невыразительном пухлом лице Прованса, смотрели пристально и холодно, словно претензии, имевшиеся у принца, были адресованы именно Николя. Комиссар поклонился наследнику трона.

— Господин маркиз, — произнес Прованс, чуть заметно улыбаясь, — не уделите ли вы мне несколько минут? Но прежде мои поздравления, своей храбростью вы вполне заслужили крест Святого Людовика. Не удивляйтесь, брат рассказывал мне о ваших подвигах с таким пылом, с каким говорят о войне те, кому — увы! — никогда не доведется попасть на поле боя.

Николя подумал, что мог бы многое сказать в ответ принцу.

— Я к услугам Вашего Высочества, — произнес он.

Прованс указал на скамью.

— Давайте сядем, — вымолвил он, беря Николя под руку и опираясь на нее при ходьбе. Он сел, однако комиссар остался стоять.

— Ну же, к черту этикет, мы не на приеме. Садитесь.

Наступила довольно долгая пауза, свидетельствовавшая о том, как трудно принцу изложить суть дела.

— Вы любовались работами Куапеля, Лафосса или Жувене?

— Всех троих. Во время службы отвлекаться не позволяет либо благочестие, либо необходимость внимательно наблюдать за Его Величеством, безопасность коего я обязан обеспечивать.

— Вы единственный, кто во время службы думает о благочестии! Вы любите сказки, сударь?

— Когда они хорошо кончаются.

— Увы, вынужден вас разочаровать: сказка, которую я намерен вам рассказать, не имеет конца. Впрочем, начала я тоже не знаю, равно как и середины; только несколько коротких эпизодов. Да и те весьма сомнительны.

— Если Ваше Высочество обратились ко мне, значит, вы полагаете, что я смогу заполнить лакуны.

Прованс вскинул голову, отчего складки плоти у него на шее слегка разгладились. Похоже, он оценил смелость ответа.

— Сначала небольшое вступление. Даете слово, сударь, сохранить мой рассказ в тайне?

— Суть рассказа или лицо, от которого я имею честь его услышать?

— Особенно лицо. Итак, слово маркиза де Ранрея?

— Его слово или слово Николя Ле Флока одно стоит другого, ибо они принадлежат одному и тому же человеку. Так считал ваш дед, да примет его Господь под свою святую десницу!

— Черт побери! Ну и характер. Не сердитесь. Это просто словеса, принятые в разговорах между благородными людьми. Полагаю, сударь, вам известно, что моя тетка Аделаида не умеет держать язык за зубами. Она по секрету рассказала мне, что обратилась к вам. Мой дед, коего вы только что вспомнили, высоко ценил вас, а потому все поют вам хвалы.

Николя подумал, что сдержанность отнюдь не является добродетелью королевского семейства. В сущности, если поразмыслить, хранить секреты умеет, возможно, только король.

— Его Высочество может заметить, что я ничего не подтверждаю, но и ничего не оспариваю. Полагаю, Его Высочество с уважением отнесется к обязательствам, кои могут быть

у меня по отношению к вашей августейшей тетке, коей я имею честь служить вот уже почти два десятка лет.

— Вы именно тот человек, который мне нужен, — с восторгом воскликнул Прованс. — Я все расскажу вам, хотя рассказ мой и не имеет ничего общего с рассказом тетушки.

«Куда он, черт побери, клонит?» — подумал Николя.

— Представьте себе семью, очень богатую семью, где всеми богатствами распоряжается старший сын, у которого нет наследника мужского пола. И вот жена его беременеет.

Мимо с поклоном проследовал лакей в голубой ливрее, и принц на минут прервал рассказ.

— …рассказывать дальше?

— Ваше Высочество может не продолжать.

Маленький толстяк смерил его надменным взором.

— Почему же, сударь?

— Потому что я знаю, что Ваше Высочество мне скажет.

— И что, например?

— Что дурные люди предложили младшему брату опорочить жену старшего брата, со всеми вытекающими последствиями. Но так как младший человек честный и любит своего брата, он не хочет, чтобы зло свершилось, а, напротив, хочет остановить задуманную махинацию. Но как?

Холодный взор принца пронизывал его насквозь.

— Nil agit exemplum, litem quod lite resolvit!

— Nam furis! An prudens ludis me, obscura canendo?[55]

— Ах, Ранрей, друг мой, в игре в цитаты вам нет равных! Какие познания! Какое близкое знакомство с Горацием!

— Что еще, Ваше Высочество?

— Собственно, все. Мне хотелось, чтобы вы знали. Чтобы комиссар Шатле был в курсе.

— Но у вашей сказки отсутствует мораль.

— О чем это вы? Какая еще мораль? Маркиз, надо уметь вовремя остановиться. Это высшее искусство. Недавно об этом вышла книга некоего аббата Дюнуара. В сущности, он плагиатор, но Александр среди плагиаторов: он присваивает все, что сам прочитывает. Бельгард, Жоли де Флери, аббат Манжен, Николь, Лабрюйер и даже архиепископ Парижский: каждый из этих авторов внес свою лепту в его труд!

— Ваше Высочество, я поражен широтой ваших познаний. И все же, каковы будут выводы?

— О боже, человек должен уметь держать себя в руках, особенно наедине с собой. В политике я сторонник тишины, а потому полагаю, что человек осмотрительный, поступающий осторожно и с оглядкой, никогда не выдает свои истинные мысли, не высказывает то, что думает, не имеет обыкновения объяснять свое поведение и свои намерения, и, не желая изменять истине, не всегда выражается ясно, ибо истину следует открывать далеко не каждому.

Судя по его лицу, принц удовлетворил свою мелочную гордыню, набросав в сих выспренных словах портрет Николя.

— Ваше Высочество, после ваших слов я просто не могу не рассказать вам содержание той басни, что вертится у меня в голове.

— «Quid tamen vedit sibi fibula, si licet ede».

— Снова Гораций! Так вы хотите, чтобы я объяснил вам суть этой басни? Нет ничего проще. У королевы украли ценную вещь, что может быть чревато неприятными последствиями. Вещь ищут, равно как и того, кто ее украл. Предатели поднимают вокруг пропажи возню.

Вокруг украденной драгоценности кишат мошенники, жаждущие поправить свое финансовое положение; все ищут, кому бы ее продать. Узнав об этом, Его Величество поручает некоему комиссару Ле Флоку начать расследование. Вот, собственно, и весь сюжет басни.

Прованс выдержал удар, сохранив бесстрастное выражение лица, что, впрочем, ему, бесспорно, удалось.

— Думаю, господин маркиз, что мы друг друга поняли.

— Ваше Высочество позволит мне задать ему последний вопрос?

— Задавайте, но я оставляю за собой право не отвечать на него.

— О! Вопрос совершенно невинный. Каким образом вы узнали, что я зашел в часовню?

Принц улыбнулся, словно гурман при виде изысканного блюда.

— Ха-ха! Вот я и сумел заинтриговать нашего комиссара. Хорошо, я вам отвечу. Находясь в апартаментах Мадам, расположенных в левом крыле дворца, со стороны Оранжереи, в окно, выходящее на улицу Сюрантанданс, я увидел, как вы вышли из Дома для прислуги. Потом вы отправились гулять по парку, а я следил за вами из окна.

Упоминание Дома для прислуги насторожило Николя: он не любил подобного рода случайностей.

— А еще, — продолжил Прованс тоном юного старца, — хочу вас поздравить с чудесным сыном. Вам, разумеется, известно о моей страсти к лошадям. Так вот, он отличный наездник. А я, как вам известно, являюсь полковником, владельцем нескольких полков, в том числе и кавалерийского. Кстати, у меня имеется несколько патентов, и я полагаю, все лишь порадуются, когда увидят его в числе моих лейтенантов. Впрочем, у нас еще будет время поговорить об этом. Прощайте, господин маркиз.

С этими словами наследник трона, переваливаясь с ноги на ногу, удалился, а у Николя неожиданно возникло странное предчувствие, что принц перешел дорогу своей судьбе.

X
КУХНЯ И АЛХИМИЯ

Сначала убедитесь, что все самое худшее случилось, а потом беспокойтесь о последствиях.

Фонтенель

Двигаясь через анфиладу комнат больших апартаментов, Николя даже не пытался разогнать осаждавшие его неприятные мысли. Одна из них касалось впечатлений, оставшихся у него от разговора с графом Прованским. Он никак не мог найти ответ на вопрос, обязан ли он блюсти верность члену королевской семьи, к которому не питает ни добрых чувств, ни уважения. Но более всего его тревожило, что этот член семьи, внук почитаемого им покойного короля, может оказаться наследником трона, а возможно, и будущим монархом. Если хорошенько поразмыслить, то предложение оказать покровительство Луи в обмен на его услуги прозвучало настолько незамаскированно, что он имел полное право воспринять его как оскорбление. Неужели таким образом принц хотел добиться его расположения, иначе говоря, его умения молчать и в нужный момент держать язык за зубами? Он с отвращением вспомнил самодовольного коротышку, похожего на обезьяну. Упрекнув себя за раздражительность, кою он в глубине души всегда осуждал, он, дабы воспрянуть духом, подумал о нынешнем короле, оказывать услуги которому ему было только в радость.

Николя удручала необходимость вести расследование при дворе. Что подтолкнуло принца обратиться к нему, совершить сей поистине неожиданный поступок? А ведь принц не только отыскал его, он еще и стерпел, когда некий Ле Флок, комиссар полиции Шатле, отпускал в его адрес весьма недвусмысленные иронические замечания. Что побудило принца запастись долготерпением? Неужели он испугался, что, в случае если события примут нежелательный оборот, его роль в кознях, направленных против королевы, выплывет наружу и станет известна

королю? История королевства изобиловала заговорами коварных братьев. Николя попытался представить себе, в каком настроении пребывает Прованс. Разумеется, он действовал как любитель, заинтересованный заполучить универсальный ключ королевы, чтобы, имея его в руках, начать торг. В игру вполне могли вмешаться англичане, для которых важен результат: скандал, марающий честь и достоинство королевы.

Но что такого узнал Прованс, что заставило его выйти из тени и обратиться к Николя? Страшная игра настолько напугала его, что он, бросив карты, решил бежать из-за стола, где множатся опасности и может пролиться кровь? Возможно, изображая чистосердечие и с лицемерной улыбкой доверяя приближенному к королю следователю по особо важным делам свои тревоги и заботы, он, таким образом, готовил себе пути отступления. Упорно возвращаясь в мыслях к четкому объяснению принца, откуда тот наблюдал за ним, Николя пытался ответить на вопрос, почему Прованс подчеркнул, что находился в апартаментах Мадам, окна которых выходят на Дом для прислуги. Неужели этим уточнением он хотел снять с себя подозрения в сообщничестве с разыскиваемым преступником? Но ведь никому даже в голову не приходило, что он мог подвергать себя такому риску. С другой стороны, если принц каким-то образом связан с событиями предшествующей ночи, не было ли это своего рода знаком, которым он давал понять, что готов произвести некий обмен? Николя не мог этому поверить. Раздраженный до крайности мутными речами Прованса, он решил остановиться на самом, с его точки зрения, правдоподобном объяснении: события, отголоски которых докатились до принца, стали разворачиваться не так, как хотелось бы Его Высочеству, вынудив его тем самым искать пути отступления и обратиться к Николя.

Николя и Лаборд вместе поднялись на антресольный этаж; хозяин встретил их, как и подобало, вполне куртуазно. В тесной квартирке с развешанными на стенах итальянскими пейзажами и гравюрами на темы музыки царил отменный порядок. Когда они вошли в маленькую гостиную, где стоял клавесин, навстречу им поднялся высокий человек, представившийся певчим королевской часовни Винченцо Бальбо. Николя внимательно оглядел певчего. Больше всего его поразило узкое с резкими чертами лицо, обладавшее, несмотря на чрезмерную вытянутость, какой-то неуловимой красотой. В близко посаженных глазах, не мигая смотревших на него, полыхало темное пламя. Общее впечатление смягчало некое подобие улыбки, однако понять, постоянна она или речь идет о сиюминутном изгибе губ, возможности не представлялось. Когда певчий встал, друзья, озадаченные первым впечатлением, и вовсе застыли от изумления. Певчий не встал, а, скорее, выпрямился — настолько он был высок. Стоило ему выпрямиться, как обнаружилась чудовищная нелепость его фигуры. Тощие ноги поддерживали искривленный торс, с которого свисал выдающийся вперед живот, казавшийся каким-то чужеродным телом — настолько он не соответствовал облику певчего. У Барбекано Николя тоже заметил выходящие за рамки обычного недостатки телосложения, однако у него они не бросались в глаза, возможно, по причине солидного возраста, ибо тот был значительно старше Бальбо. Бальбо возвышался над гостями, словно стоял на ходулях.

Церемонно, как обычно бывает в присутствии новых лиц, все заняли свои места. Повисло стесненное молчание; тогда Лаборд с присущей ему легкостью, приобретенной при дворе, начал разговор, быстро подхваченный хозяином дома, который поначалу явился его единственным собеседником. Темой обсуждения стали мотеты Делаланда, написанные, как полагали, специально для контральтиста. Тут оба певчих затеяли спор, ибо их мнения по вопросу расходились, а скромные познания комиссара не позволяли ему рассуждать на эту тему. Затем заговорили о Баньера, с которым Барбекано поддерживал отношения в юности.

— Господа, — произнес Бальбо, — трудно себе представить, что он добровольно подверг себя мучительной операции, дабы сохранить без изменений качество своего исключительного голоса.

— И все же это так, — произнес его собрат, — он сам, по собственной инициативе, велел кастрировать себя, когда проживал во Франции, и оказался под угрозой высылки, ибо такова была воля короля.

— Который никогда не угрожал напрасно, — добавил Бальбо. — И все же король остановил карающую длань, занесенную над артистом, ибо высоко ценил его голос.

— Скажите, а правда ли говорят, что он был не слишком красив?

— О! Не просто некрасив, а уродлив! Ростом чуть выше карлика, спереди и сзади горб, ноги кривые и хромые, а нос и подбородок почти соприкасались, как у куклы, изображающей Пульчинеллу!

— У куклы?

— Точнее, у марионетки. Но как только он начинал петь, все забывали о его внешности, завороженные потрясающим тембром его голоса!

Лаборд, без сомнения, понимая, куда может завести вопрос, который он намеревался задать, сделал паузу, а потом вновь взял слово.

— Полагаю, господа, вы все, а особенно вы, дорогой Барбекано, знаете, в каком я восторге от вашего таланта и какое глубочайшее уважение он мне внушает. Но, увы, я также знаю, что ради него вам приходится претерпевать страдания не только физические, но и моральные. Когда понимаешь, насколько суровы испытания, что приходится вам преодолевать, хотелось бы спросить, каким образом принимается такое решение.

— О, на столь деликатно поставленный вопрос нельзя не ответить; думаю, мы с Бальбо сможем разъяснить вам все, что вам хотелось бы знать.

Бальбо буркнул нечто неодобрительное.

— Здесь, во Франции, — невесело начал Барбекано, — нас называют неполноценными каплунам, французы нас презирают, для них мы являемся объектами бесконечных насмешек. И хотя слово «кастрат» не может оскорбить даже самое деликатное ухо, французского синонима для него нет. Это очевидное доказательство того, что непристойным или позорящим слово становится не столько от тех представлений, которые с ним связаны, сколько от его окружения, от обычая употреблять вместе с ними слова, характеризующие его одобрительно или же дурно. В противоположность итальянскому, где слово castrato называет прежде всего род занятий, французское слово напоминает об операции, изменяющей человека, о позорном насилии над личностью.

Сказано было искренне, акцент же усилил произведенное речью впечатление.

— Мы не принадлежим к этим людям, — примиряющим тоном произнес Лаборд. — Да и как можно осуждать того, кто стал жертвой собственного отца, решившего подвергнуть ребенка операции ради удовольствия толпы!

— А знаете, кто заставил отца принять такое решение? Нищета, господин Лаборд, нищета! В каждом мальчике может дремать великий голос. Ценой этой роковой жертвы многие бедные семьи спасаются от голода.

— И готов держать пари, — добавил Бальбо, — что на сотню прооперированных детей только у нескольких будут изумительные голоса.

— Простите мое невежество, — вступил в разговор Николя, — однако объясните, каким образом подобная операция ведет к желаемым результатам?

Сверкая глазами, Бальбо собрался отвечать, но Барбекано поспешил опередить его.

— Дело в том, — начал он, — что в результате операции удается сохранить тот же размер гортани, что и в детстве. Голосовая щель остается узкой, как у мальчиков, опущение гортани не происходит, а следовательно, голосовые связки не удаляются от резонирующей полости, что придает голосам кастратов необычайную чистоту и звонкость. У кастратов не происходит ломки голоса, поэтому они способны исполнять пассажи большой длительности. В провинции Умбрия, в частности в Норчии, откуда я родом, издавна делали операции, превращавшие мальчиков в кастратов.

— А чтобы избежать оскорбительных вопросов, которые непременно придут вам в голову, — горьким и вызывающим тоном произнес Бальбо, — скажу сразу, что мы такие же люди, а не диковинки для показа на ярмарках.

Напрасно Барбекано примиряющим жестом поднял руку.

— Я еще не все сказал. Например, нам запрещают жениться, но не потому, что мы ни на что не способны, а потому, что Церковь запрещает браки без возможности произвести потомство. Поэтому, господа, женщины видят в кастратах только любовников. Но примеров таких множество, ибо мы в состоянии удовлетворить и их желания, и наши собственные. Я говорю это для того, чтобы…

— Действительно, об этом велось много споров, — примиряющим тоном подхватил Барбекано. — Так, в 1667 году Салези женился на своей возлюбленной. Вся Саксония им сочувствовала. В результате долгих скандальных дебатов между законниками и теологами ему удалось преодолеть запрет Церкви. А те потом еще долго спорили, какие решения должны воспоследовать из этого прецедента.

Старая служанка в темном чепце объявила, что обед готов. Хозяин дома вздохнул с явным облегчением: скользкая тема наконец была закрыта. Он повел гостей в маленькую восьмиугольную комнату, где потолок заменял натянутый, словно у палатки, холст. Окошко выходило во фруктовый сад, где ветви деревьев сгибались под тяжестью персиков и абрикосов. Беседа приняла менее опасное направление. Долго обсуждали жару, неожиданно воцарившуюся во всем королевстве, а также всевозможные погодные отклонения, которых в уходящем веке насчитывалось немало. Наконец служанка поставила на стол удивительно ароматное блюдо.

— Паста с черными трюфелями. Блюдо, которое готовят в Норчии, моем родном городе, — с гордостью объявил Барбекано.

— Мой дорогой, — произнес Лаборд, — маркиз д’Эрбиньяк весьма интересуется кулинарным искусством и был бы вам весьма признателен, если бы вы рассказали, как готовят кушанье, источающее столь дивный аромат. Не правда ли, Николя?

Комиссар, похоже, настолько задумался, что перестал слышать застольный разговор и даже не услышал обращенных к нему слов друга. Запах стоявшего на столе блюда пробудил в нем смутные воспоминания, постепенно приобретавшие все более отчетливые очертания. Он не первый раз сталкивался с этим запахом, и каждая встреча была связана с неприятными ощущениями. Однако он сумел взять себя в руки и, встрепенувшись, с улыбкой подтвердил слова Лаборда.

— О, никаких секретов! Как говорят у вас во Франции, один миг — и все станет ясно. По этому рецепту готовят пасту во всех старинных домах Нерчии. Как обычно, пасту варят в горячей соленой воде; главное — не переварить. Потом воду сливают, а пасту помещают в большую миску и посыпают мелко нарезанными трюфелями; трюфелей вам понадобится пять или шесть. Потом приступаете к приготовлению соуса.

Сосредоточенный вид Николя говорил о том, что он внимательно слушает итальянца.

— …берем зубчик чеснока и обжариваем его в масле; как только тот начнет темнеть, тотчас вынимаем его. Затем в масло, впитавшее приятный запах чеснока, бросаете с

полдюжины нарезанных анчоусов, доливаете немного мясного бульона, кладете очищенные и припущенные помидоры, соль, перец и специи по вкусу.

Николя продолжал осмысливать сделанное им открытие. Преследовавший его запах, запах, висевший в коридоре Дома для прислуги и уловленный им в жилище госпожи Ренар, оказался запахом чеснока, обладавшим неповторимыми оттенками, кои воспринимались совершенно по-разному. В одном случае они возбуждали аппетит, а в другом — угнетали своей тяжестью, цепкостью и тошнотворностью, пробуждая ужас и ощущение неведомой угрозы.

Беседа свернула на технику пения кастратов. С полным ртом Бальбо начал рассуждать о природе bel cantare, часто прерывая свою речь, чтобы основательно приложиться к стакану. Его страстные монологи вкупе с резкими интонациями и бурной жестикуляцией делали его похожим на марионетку. Барбекано с расстроенным видом безуспешно пытался остановить порыв друга.

— Утверждаю и готов многократно повторить, что мы должны ввести более тонкую градацию, принимать во внимание самые ничтожные звуки, заставлять слышать самые что ни на есть тончайшие нюансы. Надо не просто связывать звуки, делать паузы, повышать или понижать голос. Нет! Дай мне выразить, описать и выкрикнуть всю ярость, всю силу, показать неожиданные развязки, явить непредвиденные модуляции, выдать трели и каденции.

На губах его и в уголках рта выступила пена.

— Как вы находите это вино из Пьемонта? — напрасно пытался перевести беседу в иное русло Барбекано — его никто не услышал.

— А ведь есть еще возвышенный стиль, изысканный, неповторимый, способный передать самые пленительные страсти, доведенные до крайней степени своего выражения! Ну и кто, кроме нас, может это сделать? Кто?

И к величайшему смущению своего собрата, он так сильно хлопнул ладонью по столу, что принесенное служанкой блюдо подпрыгнуло и едва не опрокинулось.

— Свинина с кервелем, — объявил Барбекано, — came di maiale alia salsa di cerfolglio. Мясо обжаривается в оливковом масле, а не в гвоздичном, которое зачастую хотят всучить нам у вас на рынке.

Не думая о том, что его слова в устах любителя bel canto могут показаться странными, Николя с жаром произнес:

— То, что они называют гвоздикой, всего лишь разновидность мака, который усмиряет зубную боль; однако употреблять его в больших дозах опасно, ибо можно отравиться. В малых же дозах мак нередко добавляют в оливковое масло.

— Узнаю прилежного ученика Комуса, — воскликнул Барбекано, невольно подыграв комиссару. — Так вот, я добавляю еще шалфей, толченые ягоды можжевельника и капельку красного вина, а потом тушу мясо часа полтора на медленном огне. Мясо же, филейная часть, берется со спины.

— Кусок, богатый вкусовыми оттенками, нежный и лакомый, — прокомментировал Николя.

— О, да вы, как я вижу, знаток! Для соуса я мелко рублю шалфей вместе с чесноком, солью, перцем и добавляю чуточку мягкого ароматного уксуса, который мы называем бальзамическим, и немного оливкового масла. Все хорошенько перемешиваю и, выложив мясо на блюдо, обмазываю его полученной смесью и обкладываю маленькими луковичками, маринованными с медом.

После первого же кусочка за столом воцарилась долгая тишина.

— Боже, какое нежное мясо, — томным голосом произнес Лаборд, — просто тает во рту! А этот изысканный запах шалфея!

От такой похвалы Барбекано даже покраснел от удовольствия.

— Нам всегда рекомендуют мед, — вернулся к прежней теме Бальбо, — он отлично смягчат горло. А нам надобно его беречь, ведь нам часто приходится напрягать его. Когда нижние ноты звучат полно и закругленно, пение становится более нежным, даже при переходе к верхним нотам. Достичь нужного звучания низких звуков гораздо важнее, чем, подражая птичьему свисту, издать два верхних звука кряду.

— Вы оба родом из одного города. Ваши семьи знакомы друг с другом?

Бальбо подозрительно уставился на Николя. Ответил Барбекано:

— Нет, потому что между нами тридцать лет разницы.

— Ваша семья проживает там по-прежнему?

— Понятия не имею, — промолвил Бальбо. — После того, что с нами сделали, зачем они нам?

— Я очень признателен господину Бальбо за те подробности, кои он мне сообщил; без сомнения, они обогатят мою работу.

— А я, — начал Бальбо, — хотел бы еще сказать.

Грязные тарелки убрали и поставили на стол десерт, поэтому объяснения кастрата пришлось отложить.

— Рецепт этого блюда я вам не скажу, — произнес Барбекано, — ибо это семейная тайна, и я обещал матушке никому ее не раскрывать.

— Глупо уносить его с собой в могилу, — проворчал Бальбо.

— Вместе со многими иными вещами, друг мой! Ах, это не важно! Тем более что господин д'Эрбиньяк, столь тонко разбирающийся в кулинарии, возможно, распознает, что входит в состав десерта, именуемого княжеским.

— Княжеский десерт. Какое многообещающее название!

Отправив в рот кусочек, Николя ощутил на удивление гармоничное сочетание ингредиентов, являвшее подлинную симфонию вкуса.

— Я бы сказал, что бисквит пропитан несколькими видами алкоголя, одним из коих, безусловно, является ром, а в густой крем внутри добавлена некая субстанция, что в сочетании дает восхитительный вкус.

Барбекано добродушно улыбнулся.

— К сожалению, не могу вам сказать. Но я преклоняюсь перед тонкостью вашего вкуса.

Бальбо бесцеремонно перебил его.

— Возвращаясь к теме нашей беседы, послушайте вот это.

Он вскочил, оттолкнул стул и, отступив на пару шагов, продышавшись, запел. И тут с ним произошло буквально волшебное превращение: позабыв о его нелепой внешности, сотрапезники внимали поистине божественной мелодии. Для Николя она стократно превосходила все, что ему когда-либо доводилось слышать. Чистота нот и их бархатистость, нежные переливы трелей оживляли чувства и проникали в душу. Рискованное, на грани возможного, исполнение привело слушателей в неописуемый восторг. Когда певец умолк, надолго воцарилась тишина.

— Эта ария — подлинное чудо! — воскликнул Лаборд. — Я имею в виду как собственно произведение, так и совершенство исполнения. Кто автор этого сочинения? Порпора? Галуппи?

Глядя, как, горделиво встрепенувшись, высокая фигура певца выпрямилась, Николя вспомнил петуха, готовящегося издать свой громкий крик.

— Нет. Это пока безымянное произведение. А его автор — я.

Столь торжественное заявление повергло Лаборда в изумление.

— Больше я ничего не скажу, и на этом, дорогой мой Барбекано, позволю себе откланяться. Господа!

Не дожидаясь, пока присутствующие исполнят предписания вежливости, Бальбо вышел из комнаты.

— Он всегда такой, — вздохнул хозяин дома. — Надеюсь, вы простите его за неучтивость. Он часто ведет себя странно и всегда всем недоволен. Вот уже много лет он работает над большой оперой под названием «Падение Трои». Ария, которую он нам сейчас исполнил, дает лишь слабое представление о ее достоинствах. Его опера порывает с прежними традициями, и, может, именно потому он все еще не нашел того, кто бы согласился ее поставить. Но он не в состоянии отказаться от этой мысли. Более того, он решил сам ее поставить и теперь отчаянно ищет денег для постановки. Он рассчитывал на наследство одного из наших старейшин, который его очень любил. Ведь из-за дальности расстояний и сопутствующего им забвения узы, связывающие нас с родными, рвутся, поэтому мы часто становимся наследниками друг друга. К сожалению, старейшина умер, не составив обещанного завещания. С тех пор он словно не в себе. Я заметил, что он, всегда отличавшийся стройностью и худобой, за последние месяцы сильно растолстел. Боюсь, как бы в надежде обрести необходимые средства для осуществления своей фантазии, он снова не сел за игорный стол. Бедный Винченцо! Его честолюбие превосходит его возможности. Он мечтает увидеть на сцене огромные храмы и дворцы, богатые костюмы и сверкающие украшения, сложную машинерию, знаменитого деревянного коня и светящихся призраков, мечтает устроить бури и грозы. Что еще сказать? Не знаю, что он хочет этим доказать, какую утрату восполнить.

— Он ограничивается пением в королевской часовне?

— Нет. Он принимает участие в концертах, что устраивают в садах, а в этом году — по желанию королевы — и на террасах Трианона.

Поблагодарив смущенного хозяина за гостеприимство и выслушав ответные слова об оказанной ему чести, друзья вышли на рыночную площадь.

Лаборд предложил Николя подвезти его в Париж. Предложение было принято с радостью, однако с условием заехать в дом к адмиралу д’Арране: Николя хотел переодеться и забрать с собой Плутона. Дабы оправдать свой интерес к кастратам, поющим в королевской капелле, комиссар по дороге рассказал другу о последних событиях. И хотя четкой версии у него еще не сложилось, modus operandi и улики, найденные на местах всех трех преступлений, указывали, что действовал один и тот же человек. Однако каким бы странным ему ни показался Бальбо, если верить Барбекано, в ночь убийства в Самаритен у него было алиби. Конечно, кинжалы итальянской работы, но можно ли считать эту улику главной? Вездесущий аромат, где присутствовали нотки чеснока и нечто непонятное, также оставался загадкой.

В особняке д’Арране их встретил Триборт. Старый моряк помог Николя собрать вещи и переодеться. Тем временем Лаборд, который, подобно покойному королю, любил собак, отправился завоевывать доверие Плутона: пес очевидно шел на поправку и уже пытался передвигаться на трех лапах.

— Воистину отважный зверь! Давайте перенесем его ко мне в карету!

Около пяти часов Николя прибыл на улицу Монмартр; его появление вызвало необычайное оживление среди обитателей дома Ноблекура. Но при виде молосса мальчишек-подмастерьев, обычно встречавших комиссара под аркой, как ветром сдуло. Николя волновался, не зная, какой прием окажут бедняге Плутону. Предупрежденный заранее господин де Ноблекур спустился посмотреть на собаку; добродушный вид пса сразу завоевал его симпатию. Подбежавший к нежданному гостю Сирюс оказался тотчас придавлен тяжелой лапой. Песик с трудом высвободился из дружеских объятий, однако не обиделся и принял нового друга. Марион и Катрина обрадовались: теперь есть кому их защищать и кому скармливать остатки еды. Пуатвен же заявил, что новый питомец составит прекрасную

компанию лошадке, чувствующей себя в стойле немножечко одиноко. Он оказался прав: завидев Плутона, пегас радостно закивал головой и заржал. Что же касается Плутона, то тот, похоже, умел не только травить кабанов, но и обладал неисчерпаемым добродушием, распространяя его на всех, кто проявлял к нему интерес. Только Мушетта никак не могла смириться с новым обитателем дома; когда тот уставился на нее своими добрыми глазами, она, выгнув спину, громко зашипела и, распушив хвост, словно ершик для чистки бутылок, принялась с остервенением исторгать ругательства прямо в морду оторопевшему псу. Не встретив отпора, она сменила гнев на милость и с достоинством приблизилась к собаке. Николя поднял кошечку на руки, поцеловал в нос, погладил по голове и снова опустил на землю. Убедившись, что любовь к ней хозяина осталась прежней, она обвела всех довольным взором и с достоинством удалилась, предпочитая завязать более тесное знакомство с загадочным чудовищем тет-а-тет.

Оставив Плутона под присмотром домашних, Николя поспешил в Шатле, где возле привратницкой увидел Бурдо и Семакгюса. Сансон не сумел прийти по причине семейного торжества. Инспектор смотрел на него столь загадочным взором, что Николя сразу понял: есть новости.

— Однако вид у тебя весьма зазнайский, — промолвил Николя. — Похоже, тебе удалось что-то накопать.

— Не просто что-то. В дежурной части надежно заперта ночная птичка, которую мы сумели поймать в капкан, поставленный в одном из ее тайных гнездышек. Можешь поблагодарить Рабуина, Сортирноса и всех рассыльных, что по их приказу прочесали весь Париж в ее поисках.

— Отлично! Тогда, любезный мой, идем, допросим ее. А вы, Гийом, не могли бы пока начать осмотр тела инспектора Ренара? Мы скоро присоединимся к вам.

В дежурной части, вытянув ноги и — несмотря на жару — кутаясь в свой вечный темный плащ, сидел Ретиф. Николя подумал, что сейчас писатель гораздо больше напоминает летучую мышь, чем филина.

— Приветствую вас, господин де ла Бретон, и выражаю свою искреннюю радость по поводу очередного нашего с вами свидания. Я никак не могу понять, откуда у вас взялась необъяснимая склонность ускользать от любящих вас друзей. Особенно когда у них есть к вам вопросы, на которые они хотели бы получить исключительно честные ответы. Предупреждаю вас, в противном случае дозволенные вам вольности во всех смыслах данного слова тотчас окажутся недозволенными, и на вас обрушится тяжелая длань королевского правосудия. И я лично, несмотря на всю мою к вам симпатию, прослежу за этим.

Бурдо украдкой посмеивался, слушая напыщенную речь Николя. Ретиф сидел, опустив голову; съехавшая на лоб старая треуголка не позволяла видеть его взгляд. Откашлявшись и прочистив горло, он сказал:

— Вы же видите, господин комиссар, в какое отчаяние повергает меня одна только мысль о том, что я не угодил вам. Однако надобно выслушать и мои доводы, оправдывающие, хотя и не извиняющие, мои отсутствия и исчезновения.

— Я вас слушаю.

— Боюсь, что наши с вами встречи засекли. Я стал получать угрозы, а потому предпочел скрыться.

— Какие угрозы и как вы их получали?

— На бумажке кто-то нацарапал, что, если я продолжу чирикать с фликом, он мне перышки пообрывает.

— И где же эта бумажка?

— Нету. Я ее уничтожил.

— И я должен тебе верить? Это все твои доводы, Ретиф?

— А разве недостаточно?

— Они не в моем вкусе и нисколько меня не удовлетворяют. Сейчас я объясню, почему. Ведь это вы известили меня запиской о юном дрозде, знакомце инспектора Ренара?

— Разумеется. По вашей просьбе я сделал все, что мог, чтобы найти его, и нашел.

— Но зачем посылать записку, когда есть риск, что ее перехватят? Прежде, сударь, вы не допускали подобных промахов.

— Раз нас засекли, то встречаться было бы еще опасней.

— Значит, на сей момент есть основание полагать, что вам угрожают?

Ретиф молчал.

— А вы знаете, что случилось во время того свидания в Самаритен? По-прежнему не хотите отвечать? Что ж, тогда я сделаю это за вас. Найденный вами милашка-дрозд убит и с помощью водяного насоса разодран на куски, а ваш слуга только волею неба сумел выбраться из расставленной ему ловушки живым и здоровым.

Неожиданно Ретиф запротестовал:

— Неужели вы, господин комиссар, зная, какое почтение я к вам питаю, могли поверить, что я сознательно послал вас на смерть? Я тут ни при чем, так угодно обстоятельствам.

— Довольно, хватит кривляться, я уверен, у обстоятельств имеется имя, а если говорить без обиняков, на пути у нашей птички встал пушистый зверек, именуемый лисой. Разве не так?

Николя вздохнул.

— Все еще молчим? Неужели вы не видите, что я по-прежнему вас ценю, а вы постоянно пытаетесь уронить себя в моих глазах. Но, быть может, вы будете более разговорчивы, если я вам скажу, что сегодня вечером в Версале зверски убит инспектор Ренар?

Услышав эту новость, Ретиф чуть не заскакал от радости, и ни Николя, ни Бурдо просто не могли этого не заметить.

— Мне кажется, — произнес инспектор, — данное известие вас взбодрило.

— Вы правы, перед вами мне нечего стыдиться. Эта скотина, что занесла над моей головой дамоклов меч, больше не сможет мне угрожать.

— Прекрасная эпитафия! — воскликнул Николя. — А нельзя ли узнать, кто вложил сей меч в руку инспектора?

— Полагаю, вы знаете обо мне достаточно, чтобы об этом догадаться.

Он быстро обрел привычный надменный вид и сбивчивую речь.

— Вы правы, тем более что сейчас это неважно. Но теперь я жду от вас подробнейших объяснений, а не отговорок и увертток.

— Собственно говоря, Ренар узнал, что я охочусь за его хорошеньким дроздом, и приказал мне. Ну что вы хотите? Я не мог поступить иначе, пришлось передать вам записку с приглашением встретиться в павильоне водокачки. Ничто не предвещало…

— А потом вы испугались последствий своего предательства и забились в нору?

Ответом Николя была тишина, нарушаемая лишь доносившимся издалека городским шумом.

— Что ж, молчание — знак согласия. Но теперь вы мой должник. Подумайте хорошенько, я ведь могу арестовать вас не только как соучастника убийства, но и как участника покушения на магистрата при исполнении. Отныне вы обязаны являться по первому нашему зову. Бежать к нам, как только вас начнут искать. Идите и будьте осторожны. До свидания, господин Ретиф.

Согнувшись в три погибели и пятясь задом до самой двери, писатель удалился, ухитряясь по дороге отвешивать обоим сыщикам почтительнейшие поклоны.

— Хм, мы не узнали ничего нового, а все, что узнали, предчувствовали заранее.

— Ты сам позволил ему уйти.

— О! Он принесет больше пользы на улице, нежели в стенах темницы. Нельзя упрекать Ретифа за то, что Ренар использовал его так же, как используем его мы сами. Увы, это неприятная сторона нашего ремесла.

Они спустились в морг, где Семакгюс завершал осмотр тела инспектора. На краю дубовой столешницы лежала странная упряжь из ремней и прикрепленных к ним жестяных бутылей.

— Ничего нового я вам не скажу. Удар нанесен очень точно, а потом кинжал повторно вонзили в рану. Тут нет никакой тайны.

— И все же, — начал Николя, — мне бы хотелось кое-что проверить. Пьер, помнишь, что ты обнаружил, осматривая экземпляры листовки, побывавшие в руках у Ленуара и Мадам Аделаиды?

— На них отчетливо виден отпечаток большого пальца со шрамом.

Подойдя к трупу, Николя поднял правую руку и внимательно посмотрел на большой палец. Затем вынул экземпляр памфлета и поднес его к руке мертвеца.

— Порез на пальце хорошо виден. Можно разглядеть даже следы типографской краски. Посмотрите, след от этого пальца явственно отпечатался на обоих экземплярах. А мы чуть было не поверили, что Ренар действительно исполнял роль посредника между полицией и авторами гнусных листовок!

— А знаешь… — загадочным тоном начал Бурдо.

— Что?

— …я нашел печатника! Это Ратино с улицы Вьей Драпри, приход Сен-Круа-ан-Иль. Мошенник пополнял свой карман, подпольно набирая небольшие тексты в обход цензуры. Теперь он в наших руках, мы следим за ним. Но главное…

— Что? Я сгораю от любопытства.

— Сей печатник занимается изданием партитур.

— Партитур? Как интересно! Любопытное совпадение. Ноты, найденные на теле утонувшего в Большом канале Ламора, представляют собой отрывок музыкального произведения, написанного для кастрата.

Он сообщил корабельному хирургу все, что тот еще не знал о деле, поведал об обеде у Барбекано, не забыв подробно описать меню, неуместное поведение Бальбо и, наконец, непонятное сходство запаха, сопровождавшего призраков из Дома для прислуги, с запахом чеснока.

— Чеснока? Ну конечно же, черт побери! — воскликнул Семакгюс и широким шагом заходил по комнате, пытаясь на ходу натянуть фрак. — Вы сами подсказали мне!

Наконец, успокоившись, Семакгюс взглянул на часы и предложил всем вместе отправиться в один из их любимых трактиров, где он за стаканом доброго вина расскажет им, какая блистательная мысль его только что посетила. По такому случаю Николя решил отложить допрос вдовы Ренар на завтра. Быть может, одиночество и неведение сломают ее сопротивление и заставят говорить. Вскоре друзья уже сидели под прохладными гостеприимными сводами таверны «Пье-де-Беф». Николя потребовал для себя только легкой закуски, ибо после вчерашнего пира у Барбекано он еще не успел проголодаться. Однако его просьбу оставили без внимания, и трактирщик, земляк Бурдо, принес им поистине гигантское блюдо с паштетами, колбасками, окороком и сосисками, два кувшинчика вина с шинонских виноградников и вдоволь свежего ароматного пшеничного хлеба.

— Итак, дорогой Гийом, — начал Николя, — можно ли узнать, что подтолкнуло вас к открытию, коим вы пожелали поделиться с нами?

— Оно родилось из сопоставления двух терминов, употребленных вами, дорогой Николя. После того как вы рассказали о загадочных призраках, что с некоторых пор регулярно посещают Дом для прислуги, и задали вопрос о возможной природе запаха, их сопровождающего, вы сказали, что аромат блюд, которыми угощал вас старый певчий, напомнил вам тот запах, точнее, вы поняли, что тот запах напоминал благоухание чеснока.

— Не вижу связи.

Проглотив два кружочка колбаски, Семакгюс запил их стаканом вина.

— Вы когда-нибудь слышали о Булонском камне?

— Кажется, на него намекал Ноблекур в одной из своих забавных историй, коими он нас иногда потчует. Речь шла о фальшивых чудесах или о чем-то в этом роде. Но я помню очень смутно.

— Я был при этом, — вступил в разговор Бурдо. — Мы обсуждали легенды о живых покойниках. А Николя без устали рассказывал нам про своего бретонского ankou.

— Совершенно верно, — произнес Семакгюс. — Некий тип с большой фантазией и богатым воображением обманывал своих ближних, являя им ярко светившееся в темноте распятие. Немедленно заговорили о чуде. На самом деле он просто обработал сей предмет культа особым составом. Камень растирали в пыль, затем смешивали с водой и яичным белком и лепили маленькие пирожки. Потом, когда жидкость испарялась, пирожки прокаливали и снова измельчали в пыль.

— Настоящий кулинарный рецепт! И что из этого следует?

— Узнаете, если не будете перебивать меня. Особенностью источать свет обладает не только ряд минералов, при брожении некоторых веществ также происходит свечение. Например, могут светиться намокшее сено, мука, пары спирта или гниющие отходы, как, например, содержимое выгребных ям. Вспомните также блуждающие огоньки на кладбищах. В наш просвещенный век человеческий гений способен заменить природные вещества искусственными, обладающими теми же свойствами. Химики обнаружили, что фосфор можно получить посредством смешения кислоты с воспламеняющейся субстанцией. Первым открыл фосфор немец Брандт. А теперь, господа, проглотите все, что у вас во рту, дабы не поперхнуться от удивления. Дело в том, что фосфор получают путем выпаривания мочи!

— Не хотите же вы сказать, — начал Николя, — что…

— Я не просто говорю, я утверждаю! Получив некоторое количество застарелой урины, ее выпаривают, а оставшееся вещество помещают в тигель, где подвергают кристаллизации, а потом посредством определенных манипуляций получают отличный прозрачный желтый фосфор, который лепится и режется, словно воск. На воздухе такой фосфор горит, выделяя при горении запах, напоминающий запах чеснока. Да, Николя, выраженный запах чеснока. Холодный огонь горит в темноте, как светлячок. И будет гореть, если его нанести на одежду или на кожу. Если им начертать буквы на стене или на картоне, они станут светиться в темноте. Мне кажется, это наиболее убедительное объяснение вашей загадки.

— Неужели при определенном старании каждый может получить фосфор? — в изумлении спросил Николя.

— Необходимо лишь следовать инструкции и использовать нужное оборудование. Многие состоятельные люди устраивают у себя дома химические кабинеты, где есть все необходимое для проведения экспериментов.

Беседу прервал трактирщик, поставивший на стол новое блюдо — большой деревянный круг с разложенными на нем тонкими ломтиками копченого сала, щедро посыпанного перцем. Закрыв глаза, Николя стал размышлять вслух.

— Следовательно, есть основания полагать, что таинственный ночной посетитель Дома для прислуги ходил туда, чтобы красть сырье, необходимое для изготовления фосфора. Таким

образом, можно объяснить появление призраков и холодных огней, что сильно напугали наших свидетелей. Ночной вор, видимо, намазал фосфором лицо или маску. Тем не менее я не могу поверить, что он отважился на такое опасное предприятие единственно с целью добычи искомого сырья!

— Убежден, — произнес Бурдо, — идея пришла ему в голову только после того, когда он понял, что в состоянии осуществить ее.

— Больше всего меня поражает, что мы снова возвращаемся к кастратам из хора при королевской часовне: улики, партитуры, странности одного из певчих. Однако у этого певчего есть неопровержимое алиби. Да и зачем ему убивать?

И снова он не сумел выразить словами давно закравшуюся к нему в голову мысль.

— Заметьте, дорогой Николя, получение фосфора — процедура непростая, требующая специальных знаний и практических навыков, которыми вряд ли обладает певчий, даже если он кастрат!

— Не будем забывать, — поддержал Семакгюса Бурдо, — что убийца, оставивший после себя трупы в Большом канале, в павильоне водокачки и в Доме для прислуги, постоянно провоцирует нас. Каждое убийство сопровождается цитатой из «Королевских игр». Следовательно, в нашем лабиринте имеется путеводная нить. Кража универсального ключа королевы должна повлечь за собой некие действия. Все вертятся вокруг этой драгоценности. Но трупы множатся, и образуется пустота. Шартр, скомпрометировавший себя ранее, уезжает тотчас после убийства своего фактотума, Ренар и его дрозд исчезают. Наконец, ты рассказываешь нам, как аккуратно вытащил свою булавку из игры Прованс. И теперь мы стоим перед стеной, с которой, надеюсь, мне удалось сбить несколько мерлонов.

— О чем ты сейчас говоришь, Пьер?

— Помнишь дело некоего Жака Симона, что состоял в переписке с англичанами? По приказу Вержена я принимал участие в его аресте. Когда я допрашивал его в Бастилии, он признался, что является одним из звеньев в цепочке нелегальной торговли книгами.

— Но это не имеет отношения к нашему делу, нелегальная торговля оказалась лишь прикрытием.

— А вот и нет! Я говорил тебе, что Симона решили отпустить на свободу при условии, что он навсегда покинет Францию.

— И что же?

— …а до тех пор за каждым его шагом будут пристально следить.

— Не дерзну предположить, что произошло дальше.

— Выйдя из тюрьмы, он мгновенно исчез из поля зрения наших агентов — словно растворился. Нам сообщили о его бегстве слишком поздно: те, кому поручили за ним следить, вместо того чтобы сразу доложить своим начальникам, долгое время пытались — впустую — сами отыскать его.

— Это были люди Ленуара?

— Нет. Люди того, кого лучше не называть.

— Понимаю! Значит, этот Симон по-прежнему обретается где-то во Франции и, возможно, уже вернулся в Париж или в Версаль.

— Я бросил все наши силы на его поиски. Сегодня у нас одиннадцатое августа. С тех пор как он покинул Париж, прошло пять или шесть дней, так что самое время ему вернуться обратно.

— А если он уже в Версале.

— Ты думаешь…

— Черт! У нас осталось не так много подозреваемых. Вор, укравший универсальный ключ. Предвижу мрачные переговоры с теми, кому сей предмет нужен, чтобы обесчестить королеву. Помимо Шартра и Прованса, для которых участие в подобной интриге является скорее бравадой, нежели серьезной попыткой навредить Марии-Антуанетте, я вижу лишь англичан и их секретные службы. Симон, очевидно, сговорился с ними, и он — если, конечно, мы его найдем — может привести нас к обладателю драгоценности.

— Похоже, — отозвался Семакгюс, — этот ключ, подобно магниту, притягивает тех, чье честолюбие готово извлечь из него выгоду.

Возмущаясь отсутствием аппетита у Николя, Бурдо и Семакгюс накинулись на блюдо с горячими шкварками.

— Не забывайте, — пытался защищаться тот, — помимо новостей у меня в желудке еще не переварился окорок Триборта и итальянский обед!

— Если хорошенько подумать, — промолвил Бурдо, — все нити дела ведут в Версаль. Несмотря на всех наших осведомителей, отыскать Симона в Париже — то же, что пытаться отыскать иголку в стоге сена. К тому же у этого типа настолько заурядная внешность, что изменить ее легче легкого. Уверен, он скоро появится в Версале, а потому нужно сосредоточить наши поиски именно там. Возможно, он наконец приведет нас к тому, кто является организатором всего дела.

Бурдо предстояло направить в Версаль самых опытных агентов для наружного наблюдения, а также людей для проверки гостиниц и меблированных комнат на предмет проживающих там иностранцев. Штабом операции избрали особняк д'Арране: туда будут отправлять срочные послания, и при первой же возможности будет заезжать комиссар. Предусмотрев все, что только можно, Николя попрощался с друзьями и отбыл на улицу Монмартр, где нашел Плутона, мирно спавшего в сарае возле старой лошадки, и Катарину, как обычно, дремавшую в кухне. Она ложилась поздно, ибо, даже когда он уезжал из Парижа, она привыкла ждать его допоздна. Разбудив ее и поцеловав в щеку, он ласково велел ей отправляться спать, а сам поднялся к себе. Стоило ему лечь, как появилась Мушетта; она долго ходила по кровати, делая вид, что не замечает его, а потом с подозрительным видом принялась его обнюхивать. Результат проверки удовлетворил ее, и она змейкой обвилась вокруг хозяина, уткнувшись мордочкой ему в подбородок. Это было последнее, что запомнил Николя: он поднял руку, чтобы приласкать кошечку, но рука бессильно упала, и он погрузился в сон.

Среда, 12 августа 1778 года.

Господин де Ноблекур задумчиво размешивал ложечкой отвар шалфея, в то время как Николя с завидным аппетитом поглощал бриошь, щедро намазывая ее вишнево-малиновым вареньем, присланным в подарок госпожой Сансон.

— Больше всего меня озадачивают послания, которые оставляет ваш убийца. Это настоящая мания, возведенная в систему; начинаешь задумываться, не скрыт ли в этих отрывках тайный смысл.

— Надо отметить, — с набитым ртом заговорил Николя и едва не задохнулся, попытавшись проглотить целиком большой кусок бриоши, — первое убийство, когда мы выловили труп из Большого канала, несколько отличается от других. Разумеется, на теле жертвы мы нашли бумаги, но в них не было никакого вызова.

— Только потому, что вы еще не вступили в игру.

— Первое преступление потребовало от убийцы подыскать себе помощника, коим, без сомнения, стал Ренар.

— Заметьте, дорогой Николя, — промолвил Ноблекур, буравя взором горшочек с вареньем, так что комиссар счел за лучшее отодвинуть его подальше от почтенного магистрата, — мы имеем дело с преступником, который не только разбирается в ботанике — вспомните ваш дурман вонючий! — но и обладает недурными познаниями в алхимии, точнее, в химии. Это сужает круг подозреваемых.

— Нам нужны новые улики, иначе мы не запустим следственную машину! Мы не можем опираться на пустоту!

— Ба! Пустота не существует, есть только ее видимость. Соберите все рассеянные в пустоте элементы. Если вы уверены, что универсальный ключ украл тип в маске, что разговаривал с королевой на балу в Опере, ответьте на вопрос: зачем ему красть это украшение? Он получил приказ или действовал по собственному разумению? Ему нужны деньги, и он хотел продать его? Он проигрался в карты? Разорен женщинами? Каковы причины его поступка? Зачем он убил Ламора? Видимо, потому что вы его заподозрили, а инспектор Ренар предупредил его. Почему зверски расправились с малышом д’Асси? Потому что Ретиф сунул нос во владения Ренара — все того же Ренара! — и пришлось убрать неудобного свидетеля того, что произошло еще до появления утопленника в Большом канале. И, наконец, почему Ренар? Ссора сообщников, один из которых захотел заграбастать себе все? Добавьте сюда странные кражи в Доме для прислуги. Уверен, преступник чувствует, как свора гончих неуклонно идет по его следу; значит, он начнет спешить и совершать ошибки, которые приведут его к гибели. Вдобавок есть основания полагать, что ваш преступник повредился разумом: некоторые факты красноречиво свидетельствуют об этом. А значит, гордыня его погубит. Он уверен, что вы клюнули на те улики, которые он вам подбросил, и это дает мне основание утверждать, что его ждет провал. Сюда, ату его, друг мой, как кричал покойный король.

Николя собрался уходить, но Ноблекур окликнул его:

— Могу ли я попросить вас об одном одолжении?

— Сударь, для вас я готов сделать невозможное.

— О, об этом речь не идет. Я знаю, вы любитель живописи. Не могли бы вы сопроводить меня к одному из моих старых друзей? Он художник и великолепный рисовальщик, словно родившийся с карандашом в руке. Я регулярно навещаю его, дабы посмотреть последние работы. Завтра, по холодку, часам к девяти, Пуатвен отвезет нас к нему. В этот час мы точно застанем его дома.

— С радостью. А как зовут вашего рисовальщика?

— Действительно, забыл вам его представить. Это Габриэль де Сент-Обен, что проживает на улице Бовэ, возле площади Лувр. Увы, на третьем этаже, а лестницы там изрядно высоки, и мне понадобится ваша помощь.

Николя быстрым шагом направился в Шатле. Шрамы затянулись и более не стесняли его движений. Рассуждения бывшего прокурора приободрили его, и у него появилась надежда отыскать недостающие улики, чтобы связать воедино разрозненные нити загадочного дела. Внутренний голос тихонько нашептывал ему, что всегда, когда кажется, что горизонт сплошь затянут тучами, на небе непременно появится крошечный просвет.

У входа в старинную крепость его поджидал рассыльный с запиской от Бурдо. Инспектор до рассвета отбыл в Версаль, дабы организовать там поиски Симона. Николя велел незамедлительно проводить его в одиночку, где содержалась госпожа Ренар. Та сидела на охапке соломы; испытания нисколько не смирили ее надменности. Увидев Николя, она вскинула голову и, скрестив на груди руки, окинула его презрительным взором.

— Что ж, сударь, можете смеяться над своей жертвой. Но предупреждаю вас, как только Ее Величество узнает, как вы со мной обошлись, она восстановит справедливость. И, поверьте, я не стану вас жалеть, когда вы окажетесь в немилости.

— Довольно, сударыня. Перестаньте пускать пыль в глаза. Никто не знает, где вы находитесь. А если Ее Величество и узнает, то, ознакомившись с вашими проступками, она потребует наказать вас, и как можно строже.

Передернувшись, Ренар уперлась обеими руками в пол, словно собираясь вскочить и броситься на него.

— Что?! О чем это вы? — вдруг взвилась она, трепеща от ярости. — Меня хотят погубить? Интересно, в чем это смеют меня обвинять?

— О, сударыня, не делайте вид, что вам ничего не известно. У нас имеются доказательства того, что вы воровали белье и платья королевы и подпольно торговали ими у себя в комнате, точнее, в комнате вашего дружка, что служит водоносом во дворце. Вас вывели на чистую воду. Вы также обвиняетесь в преступлениях, которые вполне можно определить как оскорбление величеств. Поэтому предлагаю вам подумать и прекратить запираться; чистосердечное признание облегчит вашу участь.

— Я протестую, сударь, да, протестую.

— И совершенно напрасно. Неужели вы станете отрицать, что вашим любовником был Жак Госсе? Отрицать, что вы променяли его на другого? У нас есть свидетели.

— А, знаю! Та маленькая шлюха.

— Что ж, я был уверен, что вам прекрасно известны все обстоятельства, свидетельствующие не в вашу пользу. Видимо, дальнейшие разговоры бесполезны, и мне придется кое-что вам показать.

Вошел тюремщик и, отвязав сопротивляющуюся госпожу Ренар, повел ее по извилистым тюремным коридорам в Мертвецкую. Комиссар решил показать ей труп мужа, дабы посмотреть на ее реакцию. Он не любил жестоких экспериментов, но сейчас иного выхода у него не было. Едва вступив в сырой подвал, где лежали трупы, выставленные для опознания, госпожа Ренар, дрожа всем телом, устремила взор не на выложенных шеренгой мертвецов, а на ремни и баклаги, сложенные в ногах одного из тел. Внезапно она вскрикнула и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Достав табакерку и взяв понюшку, дабы заглушить запах разложения, отравлявший воздух, несмотря на рассыпанную всюду соль, Николя не торопился отдать приказ снять простыню с трупа, пытаясь сообразить, какие преимущества можно извлечь из перемены настроения госпожи Ренар, наконец-то утратившей свой надменный вид.

— Так, значит, это он? — холодно произнес комиссар.

Переведя на него невидящий взор, она неожиданно сделала резкое движение и, вырвавшись из рук державшего ее тюремщика, бросилась к трупу и сорвала прикрывавшую его простыню. При виде обескровленного лица покойника физиономия госпожи Ренар мгновенно изменилась. Казалось, наряду с облегчением она ощутила какую-то дикую, первобытную радость, мгновенно пришедшую на смену бурному горю, охватившему ее при мысли, что под простыней скрыто тело кого-то иного. Поняв, что он снова ничего от нее не добьется, Николя решил хотя бы формально продолжить допрос.

— Сударыня, вы узнаете инспектора Ренара, вашего супруга?

— Зачем вы меня об этом спрашиваете? Это и так ясно.

— Он был убит в вашей комнате в Доме для прислуги. Я не обвиняю вас в убийстве, вы в это время находились здесь, но, быть может, вы знаете, кто мог это сделать?

— Не знаю, и не мое это дело — строить догадки.

— И вас нисколько не волнует убийство супруга? Неужели вам все равно?

— А вы всерьез считаете, что может быть иначе? — вызывающим тоном произнесла она.

— Когда мы вошли сюда, я заметил, что зрелище ремней и жестяных сосудов взволновало вас. Возможно, вы полагали, что под простыней находится тело кого-то иного.

— Он еще и претендует на чтение моих мыслей! Да от здешней вони и неприглядного зрелища выложенных, словно по линейке, трупов, можно с ума сойти!

— Вижу, сударыня, вы упорно не желаете оказывать содействие полиции короля. В таком случае мне придется проститься с вами… ну, скажем, до воскресенья, чтобы у вас было время подумать о своей участи. После вас переведут в Бисетр, где, как вам известно, вас поместят в одиночную камеру и забудут о вас.

— Сударь!.. В Бисетр! — воскликнула она, заламывая руки. — Вы не посмеете!

— Посмею, сударыня. Впрочем, вы можете помочь себе, сообщив мне имя человека, чье тело в жестокую для вас минуту почудилось вам под этим ветхим покровом. Вполне понятная жалость. Нет? Тогда не взыщите. Уведите ее в камеру и проследите, чтобы ей как следует связали ноги и руки. Полагаю, у мошенницы осталось еще немало сил.

Печальное воспоминание о старом солдате, ветеране битвы при Фонтенуа, повесившемся здесь, в одиночной камере Шатле, снова пробудило в нем угрызения совести. Быстро покинув мрачный подвал, он вышел из крепости и быстро зашагал по улице. Сейчас его присутствие в Версале не требовалось, и он решил заняться иными делами. В надежде найти новую зацепку он хотел осмотреть жилище Ренара. Не помешало бы также посетить печатника, которого отыскал Бурдо. Печатник жил ближе всего, на острове Сите, поэтому сначала он решил отправиться туда.

Проехав по мосту Менял, экипаж свернул в улицу Вьей Драпри. Типография находилась в самом конце улицы, возле церкви Сен-Пьер дез Арси. Николя любил готический Париж с его высокими домами, просевшими и покосившимися за несколько веков своего существования; высокие крыши домов соприкасались друг с другом, напоминая ему старинные города Бретани. В нише над дверью лавки печатника стояла небольшая статуя святого Людовика Евангелиста, покровителя печатников. Толкнув дверь, он оказался в темной маленькой конторке; шавка, удобно развалившаяся в плетеном кресле, завидев его, принялась звонко лаять, иногда прерывая лай протяжным воем. Через пару минут в конторку, задыхаясь, вкатился пузатый коротышка, ужасно похожий на Франклина, точнее, на половинку Франклина. Он вытирал тряпкой испачканные типографской краской руки. Успокоив цербера, он поднял на лоб очки и подозрительно оглядел Николя.

— Господин Ратино?

— Он самый, к вашим услугам.

— Николя Ле Флок, комиссар полиции Шатле. У меня к вам несколько вопросов.

— Один из ваших собратьев уже приходил ко мне, расспрашивал о каких-то пустяках.

— М-да, пустяки. Хорошо, пусть будут пустяки. Однако без дозволения инспектора и понимания с вашей стороны… Впрочем, решайте сами.

Кусая губы, коротышка тяжело дышал; потом он снял очки и грязной тряпкой принялся утирать струящийся по лицу пот.

— Сударь, мне бы хотелось поговорить с вами о партитурах, напечатанных в вашей типографии. До недавнего времени я простодушно полагал, что ноты размножают посредством переписывания от руки.

— Разумеется, когда речь идет о коротких произведениях и малом числе экземпляров. В типографию приносят объемные сочинения, особенно когда хотят получить много экземпляров. Или же сделать оттиск с листа оригинала.

— Такие случаи, полагаю, не слишком часты.

— Увы, нет! Композиторы редко к нам приходят. Однако…

— Что однако?

— Недавно мы напечатали оперу.

— Оперу? И кто же автор?

— Это был безымянный заказ. Какой-то человек принес рукопись, а потом пришел сверить оттиски. Когда все было готово, он забрал экземпляры и расплатился. Разговорчивостью он не отличался.

— И давно это было?

— Вскоре после карнавала.

— Как бы вы описали этого человека?

— Нелепая фигура, довольно красивое лицо и поразительная худоба.

— А как называлась опера?

— Что-то из мифологии. Троя… Троянский…

— «Падение Трои»?

— Да, именно так.

Николя поблагодарил типографа; с ним все ясно. Заказчик же по описанию походил на Винченцо Бальбо. Однако его не в чем упрекнуть. И все же в его теперешнем деле с неистребимым упорством возникал то один, то другой кастрат из королевской часовни. Мелочи, совпадения и сопоставления тревожили его интуицию, заставляли беспрестанно бросать жребий. Размышления о Бальбо или о Барбекано ни к чему не приводили: оба имели безусловное алиби. Неужели он о чем-то забыл? С каждым днем картина становится все сложнее, а он до сих пор не мог понять, какую из улик считать главной.

Пока он добирался до улицы Пан, ему в голову пришла новая идея. Несмотря на тщательный обыск, в карманах Ренара не нашли ни одного ключа. Подъезжая к жилищу инспектора, он вновь столкнулся с этой проблемой. Выйдя из экипажа возле дома и увидев калитку, о которой говорил Ретиф, он подошел и, убедившись, что среди резных украшений скрыт деревянный кругляш, надавил его. Калитка отворилась. За воротами начинался маленький, вымощенный камнем двор. Дом стоял в глубине, дверь была открыта. Он вошел и направился к лестнице, как вдруг, грозно потрясая метлой, навстречу ему выскочила старуха.

— Куда это вы так торопитесь? — визгливым голосом спросила она его.

— Я иду к господину Ренару.

— Господина Ренара нет дома. А вы, собственно, кто?

— Я комиссар полиции.

— Ну вот, еще один. Знаешь ли, красавчик, с нас хватит.

Николя забеспокоился.

— Вы говорите, тот, кто приходил, был из полиции?

— Да, высокий такой, одетый так же, как и вы. Может, он и вовсе ваш брат?

— А он предъявил вам какие-нибудь бумаги, подтверждающие его должность?

— Нет! А вы, собственно, не будете ли столь любезны чего-нибудь мне предъявить?

Он вытащил из кармана «письмо с печатью», и старуха недоверчиво уставилась на бумагу. Читать она явно не умела, однако печать произвела на нее впечатление.

Продолжая что-то бурчать себе под нос, она, недобро глядя на Николя, посторонилась. Поднявшись на третий этаж, сыщик вытащил из кармана набор отмычек и, быстро справившись с простеньким механизмом, открыл дверь. Пред взором его предстала картина разорения. Опередивший его неизвестный — видимо, тот, о котором говорила консьержка — перевернул квартиру вверх дном. Все ящики оказались выдвинуты, а их содержимое раскидано по полу, шкафы распахнуты настежь, ковры содраны, кровать разворошена. Книги из небольшого шкафчика подверглись варварскому обращению: их сбросили на пол и содрали с них обложки. В камине явно жгли бумаги. Пришелец уничтожил все улики. Увидев воткнутый в дверь кинжал, точно такой же, как нашли в павильоне Самаритен и в Доме для прислуги, комиссар

горько улыбнулся. Кинжалом незнакомец пришпилил очередное послание. С досадой схватив бумагу, Николя увидел перед собой строки из «Королевских игр».

Вот уж неудача так неудача: иметь на руках три козыря и проиграть.

У меня нет ни короля, ни козыря, а только дама, да и ту некому охранять. Какие уж тут ставки.

Николя поежился. Самоуверенный противник явно бросал ему вызов. Скрытый смысл этих фраз и содержащаяся в них угроза обеспокоили его. В какую даму, если не в королеву, целил неизвестный? Тревога приливом захлестнула все его существо. Надо срочно действовать и завершать дело; но как?!

XI
РИСУНКИ СЕНТ-ОБЕНА

Кто распутает эту путаницу?

Паскаль

Четверг, 13 августа 1778 года.

К концу дня, после долгих скитаний по улицам Парижа, он остановил свой выбор на таверне на улице Сент-Андре дез Арк. В одиночестве сев за стол, он заказал мозги, обжаренные в сухарях, и салат из цикория с сухариками и яйцом. Он хотел очистить мысли от всего лишнего и заново, кирпичик за кирпичиком, проверяя, чтобы каждый камень плотно прилегал друг к другу, выстроить новое здание нынешнего запутанного дела. Оставив в стороне загадочную работу интуиции, обычно подсказывавшей ему плодотворные решения, сейчас он намеревался исходить только из логики и разума. Но как бы он ни сортировал улики, какие бы логические ходы ни придумывал, внутренне он был убежден, что все вертится вокруг певчих Королевской капеллы. Однако полагать виновником одного из своих знакомых он не имел никаких оснований.

По дороге домой он продолжал обдумывать эту дилемму, но ответа так и нашел. Засыпая, он все еще продолжал решать неразрешимую задачу.

Проснувшись на заре, Николя увидел, что привыкший рано вставать господин де Ноблекур уже спустился к завтраку. Рассказав о вчерашних событиях, Николя с горечью поведал, что, сколько бы он ни думал о деле, результата нет как нет.

— Размышляя о вашем расследовании, мне показалось вполне уместным выйти за пределы рационального. Ибо если вы подозреваете кого-то, если все улики указывают на него, хотя у него и имеется неоспоримое алиби, что из этого следует?

— К великому своему стыду, боюсь, что ничего. Я ничего не могу придумать.

— Ну же, не притворяйтесь наивным! Подойдите к вашему расследованию так, как я вас учил. Вам поручили вести это дело после возвращения из Уэссана. Из всего, что вы мне рассказали, я делаю вывод, что один из подозреваемых может оказаться убийцей. Но на время одного из преступлений у него имеется алиби, причем алиби прочное, я бы даже сказал излишне прочное. Этакое алиби из алиби. И хотя оно основано на показаниях одного только Барбекано, вы сделали вывод, что подозреваемый не может быть замешан в двух других убийствах. Но если алиби фальшивое, а убийц несколько, ваше здание рушится как карточный домик!

— Увы, у меня нет оснований подойти к делу с другой стороны.

— Вспомните прошлые расследования. Историю мести герцогу де Рюиссеку. Разве не вы установили, что мадемуазель де Лангремон и девица Бишельер — одно и то же лицо? А это заставляет задуматься, разве не так?

По дороге на улицу Бовэ Николя молчал, обдумывая слова, сказанные ему утром бывшим прокурором, но не пришел ни к какому выводу. В квартале Лувра, в старом доме, где жил

художник, лестницы оказались узкими, с высокими истертыми ступенями, и ему пришлось помогать Ноблекуру подняться на третий этаж, куда тот прибыл совершенно запыхавшийся. Николя удивился, что известный художник живет столь скромно. Прежде чем постучать в квартиру, Ноблекур предупредил его, чтобы тот не пугался при виде необычной внешности художника и его невообразимой неопрятности. Они постучали; в ответ послышались шаркающие шаги; дверь приоткрылась, и показался среднего роста человек лет шестидесяти; увидев друзей, он гостеприимно распахнул дверь. Бледное лицо с крупными чертами отдаленно напоминало бычью морду, подбородок задирался кверху, нос тянулся книзу. Расплывшись в доброй улыбке, он пропустил обоих магистратов в свое жилище, где Ноблекур со всеми подобающими церемониями представил художнику Николя. Сент-Обен смотрел на гостя, но, похоже, не видел его.

— Я почти ничего не вижу, — наконец произнес он, вытаскивая из кармана очки. — Я близорук и вдобавок без зубов.

Художник засмеялся, обнажив полностью лишенные зубов челюсти. На нем была надета старая рубаха, запятнанная краской, и штаны до колен; старые растоптанные башмаки постоянно сваливались с ног. Если бы Николя встретил его на улице, он принял бы его за нищего. Единственная комната служила и мастерской, и жилищем. Кровать, шкаф, маленькая горка, комод, угловой шкафчик, стол, несколько разномастных стульев и две печи составляли небогатую обстановку. Всюду виднелась пыль и грязь, на полу валялись окаменевшие ошметки. Картину довершали мольберты, картины разных размеров, муляжи, альбомы с рисунками, сваленные на полу книги, клавесин, маленький орган, скрипка и виола. Чтобы взять два пригодных для употребления стула, Сент-Обену пришлось прокладывать дорогу через беспорядочное нагромождение вещей. Усадив гостей на стулья и налив им вина в щербатые стаканы, он устроился на столе.

— Как себя чувствует мой старый друг? — спросил Ноблекур, скорчив мину при первом же глотке.

— О, каждый новый день я устаю больше, чем в день предыдущий. Здоровье мое расшатано.

— Но вы продолжаете работать?

— Ах, работу я не брошу никогда. Я родился с карандашом в руке.

— Надо вам сказать, — произнес почтенный магистрат, обращаясь к Николя, — наш друг рисует всегда и везде, рисование — его страсть, и в ней с ним не сравнится никто. Благодаря его рисункам через сто лет люди будут знать, как выглядел наш Париж. Он великий художник.

— Увы, так думаете только вы!

Покопавшись в своем беспорядке, он вытащил оттуда маленькие альбомы с зарисовками.

— Я же помню, Эме, как вам нравится рассматривать мои бытовые наброски, сценки, которые мне удается подсмотреть на городских улицах.

— А вы знаете, как я ценю ваш острый взор, подмечающий любые мелочи нашей повседневной жизни. Вот, смотрите, Николя: в отличие от модной нынче манеры не прерывать линию, Сент-Обен предпочитает преумножать штрихи, множит их и карандашом, и пером, и в результате его наброски оживают.

Николя любовался разлетевшимися по полу набросками. Внезапно внимание его привлек лист, выпавший из большого альбома: на нем были нарисованы люди, гуляющие в каком-то саду.

— Неутомимый рисовальщик, — продолжал вещать Ноблекур, — он рисует везде: на полях каталогов, на любых попавшихся под руку клочках бумаги. Во время прогулки он зарисовывает прохожих, во время проповеди — проповедника.[56] Вот, к примеру…

— Сударь, — взволнованно воскликнул Николя, — могу я попросить вас об одной услуге?

— Для друга Ноблекура я готов на все.

— Я хотел бы взять у вас взаймы.

— Ах, если речь идет о деньгах, то вряд ли мой скромный кошелек удовлетворит вас.

— Нет! Вы меня не поняли. В связи с расследованием, которое я веду по поручению Его Величества, меня заинтересовал вот этот рисунок.

— В таком случае он ваш. Вы выбрали его из стопки, предназначенной для сожжения.

— Боже, почему?

— Потому что это повтор. В 1760-м я уже рисовал гуляющих в саду Тюильри. С той работы был выполнен раскрашенный акварелью офорт, так что это копия, причем не самая лучшая. И если она вам действительно нужна, то окажите любезность и возьмите ее себе.

— Вы даже не представляете, как она мне нужна! Но еще один вопрос: вы рисуете только с натуры или же добавляете немного вымысла — например, вымышленных персонажей или какие-нибудь окружающие их мелочи?

Сент-Обен хитро улыбнулся:

— Вижу, на что вы намекаете. Вы очень наблюдательны, сударь. Уверяю вас, я рисую только то, что вижу. Мне по нраву любые проявления жизни, поэтому мне не нужно ничего выдумывать.

— Благодарю вас, мэтр.

— Вот так всегда, — поджал губы Ноблекур, — они беседуют, а я в стороне!

Визит продолжался. Николя восхищался набросками сцен парижской жизни, архитектурными зарисовками, этюдами будущих картин. Ноблекур приобрел небольшой офорт, изображавший одну из скульптурных групп Лепотра в саду Тюильри. Зная щедрость своего друга, Николя подумал, что тот наверняка заплатил большую сумму, нежели ту малость, которую робко попросил у него Сент-Обен. Желая сделать подарок Луи и отблагодарить хозяина, он приобрел сепию под названием «Аполлон, играющий в шахматы с Марсом».

Возвращаясь домой на улицу Монмартр, Николя придвинулся к окошку фиакра и, пользуясь падавшим в него светом, внимательно рассматривал рисунок, подаренный ему Габриэлем де Сент-Обеном. Он был уверен, что не ошибся, и сердце его колотилось от волнения. Тем более что рисовальщик ничего не добавлял от себя, гарантируя точность зарисованной сценки.

— Кто бы мог подумать, что он уничтожает такие шедевры! Вот уж действительно приобретение по сходной цене!

— Вы даже не представляете, сколь ценен для меня этот рисунок. Мое расследование сразу продвинется далеко вперед.

— Что вы такое говорите?! Ага, значит, вы от меня что-то скрываете!

Николя протянул ему зарисовку. Ноблекур достал очки и принялся ее рассматривать.

— Черт возьми, не вижу ничего особенного. Гуляющие, элегантно одетые, собачка. Очень похожа на Сирюса! Дети. Скульптурная группа Лепотра, полагаю, это «Эней, выносящий Анхиза из Трои». Следовательно, сад — это Тюильри. Нет, черт побери, нет! Ничего не понимаю, просветите меня.

— Посмотрите на этих двух гуляющих, — произнес Николя, указав пальцем на заинтересовавшие его фигуры, — да, этих, под каштанами. Вас они не удивляют?

— М-м, пожалуй, у них есть некоторое сходство.

— Это вы называете сходством? Да один просто копия другого, за исключением нескольких мелочей, которые я потом вам разъясню.

— А кто они?

— Прежде чем вам ответить, я хочу рассмотреть эти фигуры через увеличительное стекло.

Прибыв домой, они поспешили в библиотеку Ноблекура, где Николя, взяв увеличительное стекло, стал внимательно разглядывать рисунок.

— Необычная манера Сент-Обена заключается в бесконечных карандашных штрихах, в наложенных мазках туши, соединенных с пятнышками гуаши, что в совокупности дает верное изображение жизни, скрупулезно передает реальность. А благодаря тщательной проработке лиц он достигает портретного сходства. Теперь смотрите, что я хочу сказать.

Удобно устроившись перед цилиндрической формы секретером, Ноблекур выдвинул крышку, положил на нее локти и приготовился смотреть.

— Вы правы, — начал почтенный магистрат, — двое под каштаном похожи как две капли воды. Однако один толстый, а у другого на носу очки. Похоже, именно это сходство вас и поразило, хотя я по-прежнему не понимаю, чем. Что нового извлекли вы из этого рисунка для своего расследования?

— А то, — торжественным тоном произнес Николя, — что персонаж, дважды изображенный на рисунке Сент-Обена, есть не кто иной, как Винченцо Бальбо, певчий-контральтист из Королевской капеллы. Но ведь автор утверждает, что рисует только то, что видит, и его наброски можно считать застывшими картинками из жизни.

— Ох, простите, сразу и не сообразил. О чем бишь вы мне недавно говорили? О том, что, возможно, мы имеем дело с близнецами? Вот вам и подтверждение. Что ж, давайте порассуждаем. Вспомним все события и постараемся составить подробное описание подозреваемого.

— Вы понимаете, это открытие перечеркивает мои шаткие гипотезы и укрепляет мои подозрения. Отныне ни у кого нет абсолютного алиби.

— Не стоит мчаться закусив удила. Мы слишком резко сменили почву, но она кажется мне весьма зыбкой, пожалуй, даже слишком зыбкой.

— Что вы этим хотите сказать?

— Послушайтесь моего совета и давайте поступим, как я предложил. Берите перо, чернильница уже здесь. Попытаемся обрисовать наш персонаж, вычислить его привычки. Для этого придется вспомнить все имеющиеся улики, вплоть до ничтожных мелочей.

— Прежде всего бросается в глаза жестокость, с которой совершены преступления, кроме, пожалуй, первого, когда преступник, возможно, действовал вместе с сообщником.

— Итак, жестокость!

— Знание ядов. Использование дурмана обыкновенного…

— Следовательно, он разбирается в простых веществах. Возможно, ботаник?

— Дважды на месте преступления нашли кинжалы итальянской работы.

— Винченцо Бальбо и Барбекано — уроженцы Норчии, города в провинции Умбрия.

— Еще?

— Наличие специального жетона для посещения королевских садов.

— Следовательно, имеет сообщников во дворце.

— Судя по тому, какой страх охватил госпожу Ренар в Мертвецкой, когда она увидела накрытое простыней тело, она, возможно, знает подозреваемого.

— На этом основании мы можем исключить кастрата из числа подозреваемых?

— Похоже, нет, ибо единственным недостатком кастратов является неспособность к зачатию потомства.

— Памфлеты, — продолжал Ноблекур, — а также найденные на местах преступлений куски партитуры и отрывки из «Королевских игр» напечатаны в одной и той же типографии.

— Типограф напечатал неизданную оперу Бальбо.

— Трудно не заметить столько совпадений. Однако встает вопрос: если есть брат-близнец, способный обеспечить алиби, зачем рисковать, прогуливаясь вместе в Тюильри?

Николя взял рисунок Сент-Обена.

— Каштан даст нам ответ: видите, листья только начинают распускаться, значит, рисунок сделан в марте или апреле, задолго до первого убийства и, смею предположить, когда никто не помышлял совершать преступление.

— Что мы еще забыли?

— Использование фосфора предполагает знание химии. Может ли певчий обладать такими познаниями? Придется опросить поставщиков, торгующих необходимыми приборами для получения фосфора.

Дневная жара давала о себе знать, и Ноблекур, скинув фрак, занял место в кресле бержер, прикрыл глаза и надолго умолк.

— Очевидно, жестокости нашего персонажа сопутствует гордыня, заставляющая его все время провоцировать нас. Маленький дрозд умер поистине ужасной смертью. Кошмарная мясорубка, без сомнения, имеет для убийцы важное значение. Из чего следует, что мы имеем дело не просто с опасным преступником, а с диким животным, ловким, опасным и невменяемым, уверенным в собственной неуязвимости. Вам следует действовать осторожно и наносить удар наверняка — если, конечно, наши выводы правильны. А главное, чтобы никто не перешел вам дорогу!

— Поэтому, — произнес Николя вставая, — я и отправляюсь дать отчет Ленуару, а затем поеду в Версаль, дабы перед решающей битвой переговорить с министром морского флота.

Николя повезло: начальник полиции находился у себя в управлении, расположенном на улице Нев-Сент-Огюстен. Войдя в кабинет, комиссар увидел, как Ленуар, весь в поту, пытается рассортировать принесенные ему бумаги, читая их и одновременно ставя подпись; подписанные бумаги одна за другой летели на пол. При виде Николя лицо его озарилось радостью.

— Неужели вы пришли отвлечь меня от работы и сообщить хорошие новости?

— Пока я в этом не уверен. Вы же, сударь, как вижу, чем-то озабочены и раздосадованы?

— Дела идут совсем не так, как бы хотелось. Сартин до сих пор не знает, что стало с адмиралом д'Эстеном. Неизвестность повергает в смятение наших стратегов, и они не могут прийти к соглашению, как нам согласовать действия наших морских и сухопутных сил. Караван из десяти английских торговых судов, следовавших из Китая, Бенгалии и Коромандела, легко обошел наши патрульные линкоры и спокойно пристал к берегам островного королевства.

— А что король?

— Его Величество находится в Шуази вместе с двором, где каждый на свой лад пытается развлечь королеву. Однако по причине ее состояния выбор развлечений ограничен. Король впервые сел играть в фараон. Все расценили этот поступок как знак наивысшего уважения, оказанного собственной жене. Остается лишь пожелать, чтобы сей знак не превратился в привычку, ибо игрок из Его Величества никудышный. За игорным столом его нетерпение служит ему дурную службу, а вид карт приводит его в ужас.

Да, чуть не забыл. Военный совет, состоявшийся в Бресте, не принял ожидаемых от него решений. Выслушав обвинение и защиту, арестованных офицеров признали невиновными; совет опубликовал решение, где говорится, что, несмотря на ошибки и оплошности, допущенные во время сражения при Уэссане, никто не вправе сомневаться ни в способностях вышеозначенных офицеров, ни в их верности трону. В ознаменование сего решения герцог Шартрский дал в их честь грандиозный обед. Впрочем, воздавая справедливость мужеству принца, уверен, что если бы он не участвовал в том бою, победа адмирала д'Орвилье, а с ним и Франции, была бы гораздо более убедительной! Собственно говоря, обвинительный приговор

офицерам явился бы косвенным осуждением герцога Шартрского. Вообразите себе последствия.

— Я весь внимание, сударь.

— Решение совета означает, что герцог вскоре вернется ко двору. Его встретят с чопорным видом, как умеют встречать только в Версале. А потом утопят в похвалах и осыплют пустяковыми милостями. Он разозлится, а его уязвленное самолюбие подтолкнет его устраивать пакости гораздо более опасные, нежели прежде. Он начнет сводить счеты. Так что будьте осторожны, друг мой.

После Прованса — Шартр, а в недавнем прошлом д'Эгийон… Не многовато ли высокопоставленных особ, затаивших против него злобу? С усилием отбросив эту мысль, он коротко отчитался о состоянии дел на сегодняшний день. С каждым его словом изумление Ленуара возрастало. Когда он умолк, генерал-лейтенант на минуту задумался и смущенно, словно стесняясь, произнес:

— Я в курсе дела Симона. Мне приятно слышать, что вы заключили мир с Сартином. Однако, зная вас обоих, боюсь, как бы новое недопонимание в определенных вопросах…

Честный Ленуар умолк, явно подыскивая подходящие слова.

— Надо вам сказать: в тот момент, когда был отдан приказ о высылке Симона за пределы королевства, министр распорядился…

— Сударь, я слишком долго знаю господина де Сартина, чтобы не догадаться, что произошло дальше. Он поручил своим людям сопровождать Симона, одновременно приказав им позволить ему бежать при первой же возможности.

— Но откуда вы знаете?

— Простая дедукция, — с улыбкой ответил Николя, — я уже снял траур, а потому не собираюсь портить нашу дружбу придирками к таким, в сущности, мелочам.

— Вы же знаете, помимо париков у него есть еще любимые игрушки. Он не желает входить в детали, но тотчас взвивается, узнав, что ему о них не доложили, и все время гонится сразу за несколькими зайцами!

Поблагодарив начальника полиции за полезные сведения, Николя попросил выделить ему людей, так как преступник, скорее всего, скрывается в Версале; просьба была немедленно удовлетворена. Зная, что значит работать с сетью агентов, Ленуар также вручил ему письмо в казначейство, позволявшее следователю по особо важным делам в случае необходимости действовать при помощи звонкой монеты. Отправившись в конюшню, Николя попросил оседлать ему Резвушку. Кобыла, как всегда, встретила его радостным ржанием и весело забила копытами. Он нежно погладил ей веки, она в ответ фыркнула ему прямо в шею. Совершив привычный ритуал, он вскочил в седло и пустился в путь.

Перебравшись через Сену, он выехал на песчаную дорогу, ведущую в Версаль. Жадно глотая свежий воздух, он пустил коня в галоп и попытался выкинуть из головы все удручавшие его мысли. Однако новый поворот в расследовании не давал ему покоя. Наличие у Винченцо Бальбо брата-близнеца давало ответы на многие вопросы, до сих пор остававшиеся загадкой, но не на все. Новая развязка казалась слишком простой, не соответствующей сложности дела и той жестокости, с которой совершались убийства.

Как обычно, он заехал в Фос-Репоз, в особняк адмирала д'Арране. Обрадованный его скорому возвращению, Триборт поинтересовался здоровьем Плутона. Адмирал все еще находился в Бресте: он принимал участие в военном совете.

— А мадемуазель? — спросил Николя.

— Ну, что вам сказать? — лукаво подмигнул Триборт. — Мадемуазель дома. Однако из-за проклятой жары она решила освежиться и отправилась на пруд, ну, тот, что находится возле парка. Думаю, она сейчас плещется там как карп, очень миленький карлик!

Николя задумался. Солнце стояло в зените. Настало время обеда, а значит, у него есть несколько свободных часов. Провожаемый понимающим взглядом старого матроса, он углубился в парк, предварительно дав указания позаботиться о его лошади. Выйдя за ограду, отделявшую парк от леса, он отыскал тропу, спускавшуюся к небольшому озерцу, укрывшемуся в тени деревьев, и под прикрытием редких зарослей орешника бесшумно приблизился к берегу. Эме плескалась в озере в костюме наяды. Любуясь очаровательным созданием, Николя ощутил, насколько он грязен и как от него разит кожей и конским потом. Быстро раздевшись, он потихоньку погрузился в воду, оказавшуюся даже не теплой, а горячей. Проплыв под водой, он вынырнул возле Эме, и та, обернувшись, издала испуганный вскрик. Он обнял ее, и они вместе ушли под воду. Она прижалась к его груди, и в ту же минуту он забыл об окружавшем его жестоком мире, о трупах, заговорах и заговорщиках. От ласк Эме дыхание Николя участилось; казалось, ему наконец-то удалось избавиться от всех тревог, копившихся с начала сражения при Уэссане. В этот волшебный миг он ощутил радость жизни — во всей ее полноте, не омраченную горестными мыслями и исполненную пылкой и нежной любви.

Вот он, устав после охоты, весь в поту,

Покрытый грязью из лесных овражин,

Ложится с вами, льня губами к лону,

И жажду он любовью утоляет.[57]

Выбравшись на берег и растянувшись на траве, они в какой-то миг заснули. Пробудившись первым, Николя не стал будить Эме, а тихо одевшись, отправился в дом. Там он привел себя в порядок и переоделся. Ухмыляющийся Трибroom привел ему Резвушку. Николя сказал, что если кто-то станет его искать, отвечать, что он отправился к министру морского флота, и, сев на лошадь, поскакал в Версаль. Отводя кобылу в Большую дворцовую конюшню, он с изумлением обнаружил, что стрелки часов показывают пять. Время сна на берегу пруда пролетело очень быстро. Он заспешил к министерскому крылу, где его без проволочек провели к министру.

Судя по выражению лица, Сартин пребывал не в духе. Его внимание было приковано к объемистому досье, откуда он время от времени извлекал стопки бумаг и откладывал в сторону. Наконец рука его с пером замерла в воздухе, и он недоумевающее взглянул на Николя.

— Итак, сударь, — произнес он в высшей степени насмешливым тоном, — вы по-прежнему претендуете на звание сеятеля трупов! Осквернив Большой канал, запятнав кровью Самаритен, вы принялись за Дом для прислуги. И, дерзну я вам доложить, в довершение вы арестовали любимую кастеляншу Ее Величества. Что ж, полагаю, сейчас вы приведете мне преступников, связанных по рукам и ногам.

— Не обещаю, это было бы слишком самонадеянно. Однако могу утверждать, что след совсем свежий, и мы движемся по нему с должной скоростью.

Зная, что Сартин не любит вдаваться в подробности, он кратко изложил свои последние шаги, коснувшись дела Симона и мер, предпринятых им для поимки шпиона, который, судя по всему, должен прибыть в Версаль, дабы снестись с вором относительно украденного ключа королевы. Отбросив перо и запачкав чернилами досье, министр морского флота вскочил и в ярости забегал по комнате.

— Опять! Опять он переходит мне дорогу и портит тщательно задуманную операцию! Если Симон сумел бежать, это не значит, что мои люди ни на что не способны! Это я отдал такой приказ! Догадываетесь, почему? Впрочем, ваша несносная привычка никому не доверять…

— Сударь, — уязвленным тоном проговорил Николя, — не вы ли говорили мне, что операция отложена? К тому же она пока не принесла никаких результатов, а следовательно, никто и ничто не скомпрометированы.

Сартин не ответил. Вошел слуга и протянул министру запечатанное письмо. Распечатав его, министр сел в кресло и, обхватив голову руками, задумался.

— Садитесь, Николя, похоже, я был не прав, что вспылил. Ошибки оправдывают ваши опасения. Мне сообщили, что сьер Симон, избавившись от тесной опеки моих людей, попытался полностью от них избавиться. И эти растяпы не придумали ничего лучше, как взять его в кольцо. Произошла перестрелка. Он мертв.

Николя с удовлетворением отметил, что на этот раз задача оказалась для Сартина непосильной, и тот, не сумев решить ее, принес свои извинения. Тем не менее оборвалась еще одна нить.

— Ваш след кажется мне весьма сомнительным. Каким образом кастрат, поющий в Королевской капелле, может быть замешан в этой истории? Я себе этого представить не могу.

— Трудно признать очевидное: у похитителя ключа королевы больше нет сообщников. Шартр и Прованс, без сомнения, в этом заинтересованные, отошли в сторону, а Симон, работавший на англичан…

— Не будем о нем говорить, — перебил его Сартин, — поступайте, как считаете нужным. Как всегда.

Вместо прощания он погрузился в свои бумаги, как некогда делал Сен-Флорантен. Так как двор все еще находился в Шуази, во дворце ему больше делать было нечего, и, полагая, что у Бурдо может возникнуть необходимость встретиться с ним — как было условлено — в доме д'Арране, Николя решил вернуться в Фос-Репоз. Выехав из Большой конюшни, он пустил кобылу рысью. Проехав с полпути, он с изумлением увидел, как ему навстречу мчится карета адмирала д'Арране. Желая привлечь внимание кучера, он поднял Резвушку на дыбы. Его маневр достиг успеха: подобрав вожжи, кучер остановил упряжку. Из кареты тотчас выскочили Бурдо и Триборт. Спешившись, Николя взял поводья и направился к ним; Резвушка покорно следовала за ним.

— Что случилось, друзья мои? — тревожно спросил он, глядя на их взволнованные лица, не сулившие ничего хорошего.

— Николя, мы тебя разыскиваем. Мадемуазель д'Арране пропала.

— Господи, какое несчастье! — причитал Триборт. — Наши люди прочесали шестами весь пруд. Мы боялись, что… Но ведь она плавает как рыба!

У него подкосились ноги, и, чтобы удержаться, он прислонился к шее лошади. Ледяная лавина, подобная той, что обрушилась на него, когда он узнал, что Луи исчез из коллежа в Жюйи, придавила его к земле. Резвушка заржала, словно разделяя тревогу своего повелителя.

Достигнув особняка д'Арране, он галопом промчался по дорожке, ведущей к дому, проскакал по саду, а потом, заставив взмыленную лошадь перепрыгнуть через невысокую изгородь, помчался к пруду. Картина, представшая его взору, еще больше разбередила ему душу. Два десятка людей — садовники, крестьяне, соседи, Рабуин и его агенты — окружили пруд и с баграми в руках исследовали его темные глубины. Смеркалось, люди начали зажигать факелы. Спрыгнув в лошади, он стал расстегивать камзол. Тут, запыхавшись, на берег выбежал Бурдо; он сразу понял намерения комиссара.

— Николя, это безумие! Вода мутная, темная, она полна ила, ибо уже несколько часов люди ворочают в ней шестами. Ты ничего не увидишь. А если, к несчастью… Нет, не стоит даже пытаться. Позволь им сделать все возможное.

Внезапно в голову Николя пришла страшная мысль, и он содрогнулся. Пред взором его предстали маленькие белые туфельки с лентами, позеленевшими от соприкосновения с травой, и тонкая льняная туника в мелкий цветочек, на которой она заснула.

— Где ее одежда? Вы нашли ее? Кто мне ответит? И ее соломенная шляпка?

— Н-никаких следов, — ответил заикаясь Рабуин; его нижняя губа тряслась; он впервые видел своего начальника в таком волнении. — Быть может, они были на ней, когда…

— Не будем терять голову, — продолжал Бурдо. — Ты уехал из дома около половины четвертого, чтобы встретиться в Версале с Сартином. Что она делала, когда вы расстались?

— Мы искупались, — смущенно проговорил Николя, желая скрыть истинное значение своего ответа, — а потом задремали на траве, на берегу пруда. Я не хотел ее будить. Почему, ну почему?!!

— Успокойся! Все не так плохо, как может показаться на первый взгляд. Когда ты уходил, она была одета?

Николя смерил Бурдо яростным взором.

— Нет!

— Тогда, если она… Так, может, надо поискать ее одежду?

— А она случаем не в доме? Уснула.

— Как ты догадываешься, это была первая мысль Триборта.

— Она никуда не выходила, в этом я уверен, — заявил старый моряк, наконец доковылявший до пруда. — Быть может, надобно поискать ее в леске вокруг пруда? Но вряд ли она могла там потеряться, ведь она с детства знает в нем каждую тропинку. Но как знать? Вдруг она упала, или ее бросило в жар. С этими дамами все возможно!

— Верная мысль, и не стоит ею пренебрегать, — проговорил Бурдо, увлекая Николя подальше от пруда; комиссара терзали воспоминания об убийстве Жюли де Ластерье.

Они углубились в низенький лесок, точнее, в заросли кустарника. Рабуин первым заметил какую-то вещицу, болтавшуюся на кончике ветки; чтобы рассмотреть ее в сумерках, пришлось подойти к ней вплотную. С ужасом Николя узнал туфельку своей возлюбленной; на ее белом шелке отчетливо виднелись пятна грязи и крови. Пока Рабуин отвязывал туфельку, Бурдо крепко прижимал к себе Николя.

— Николя, — произнес Рабуин, — внутри что-то есть.

Вытащив свернутый в трубочку листок бумаги, он протянул его комиссару. Тот развернул листок и прочел вслух: «У меня последние козыри и я приберегу их до конца игры».

О, Господи!

— Опять «Королевские игры», — пробормотал Бурдо. — Кошмар!

— Получается, — тихо, словно самому себе, прошептал Николя, — что дама, которую некому охранять, вовсе не королева, а Эме?

— Откуда он мог о ней узнать?

— Пьер, ты же знаешь, при дворе нет тайн, а он близок ко двору. К тому же, как ты помнишь, у нашего противника в сообщниках был Ренар, а он наверняка знал обо мне все.

— Николя, — раздался из кустов голос Рабуина, — мне кажется, ты можешь успокоиться. Конечно, на туфельке есть кровь, и вокруг упало несколько капель. Но никаких луж или потоков. Мадемуазель, скорее всего, оглушили, или она оцарапалась о колючки. Так что самого худшего не произошло, тащили они не труп, ну, то есть не тело.

— Рабуин прав, — воскликнул Бурдо, — ее похитили!

Вдохнув, Николя попытался убедить себя согласиться со словами Рабуина.

— Друзья, продолжим наши поиски: возможно, мы найдем еще какие-нибудь следы.

Стемнело. Триборт побежал созывать людей, продолжавших обшаривать пруд, и вскоре они пришли, неся в руках факелы. Поиски продолжились, и через какое-то время они вышли на пологий склон; вниз сбегала тропинка. Опустившись на колени, Рабуин внимательно осмотрел рассохшуюся от жары землю.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Бурдо, светя ему факелом.

— Да, вижу! Следы лошади, везущей двойной груз. Без сомнения, здесь проехал похититель со своей добычей.

— Все на военный совет! — воскликнул Николя; в нем снова пробудилась надежда.

Они собрались в гостиной дома д'Арране. Триборт щедро разлил всем рому.

— Первое, что беспокоит меня более всего: чего хочет похититель? Он вполне мог выставить свои требования. Что ему надо? Выкуп? Пропуск? Пока вместо требований мы имеем загадочную и по всем признакам угрожающую фразу.

— Мне кажется, — произнес Бурдо, — наш противник находится на последнем издыхании, а потому особенно опасен. Он может использовать мадемуазель д'Арране как разменную монету.

— Согласен! Но на кого менять?

— Увы! У нас целое поле для догадок.

Николя помрачнел. Тревога волнами захлестывала его разум, клещами сжимала сердце.

— Будем надеяться, что речь идет не о безумце, мотивы поступков которого понять невозможно. Логика диктует, что похититель универсального ключа королевы должен действовать втайне, постоянно следить, чтобы на него не пало ни малейшего подозрения. А что видим мы? Ужасные преступления всегда сопровождаются броскими уликами. Неужели речь идет о непонятной извращенной игре, изобретатель которой ждет, когда же его наконец поймают? Или речь идет о чрезмерной гордыне, заставившей его увериться в собственной безнаказанности? Мы ходим по кругу, словно лошади в манеже.

— Надо действовать, и быстро, — продолжил Бурдо. — Все предположения и подозрения ведут нас к певчим-кастратам Королевской капеллы. Давайте действовать в этом направлении. Где живет твой каплун?

— Мы не знаем. Возможность его причастности к делу обнаружилась буквально в последние минуты. Я считаю, что наиболее разумно обратиться к его другу Барбекано, и как можно скорее.

— Берем мой экипаж, — предложил Бурдо, — и немедленно в путь. Где он живет?

— На рыночной площади.

— А я остаюсь на вахте.

Сидя в экипаже, мчавшем их в Версаль, Николя безуспешно пытался обрести необходимое ему сейчас спокойствие. Однако бледный призрак, соединивший воедино черты Жюли де Ластерье и Эме д'Арране, неустанно преследовал его. Он чувствовал, как сидящий рядом Бурдо, застыв от напряжения, хочет с ним заговорить, но, не в силах подобрать слов утешения, хранит угрюмое молчание. Прибыв на рыночную площадь, они постучали в дверь Барбекано; ждать пришлось довольно долго; наконец на пороге, в длинной ночной рубашке и ночном колпаке, появился перепуганный хозяин и сразу принялся извиняться, что заставил их ждать: время позднее, и он уже спал.

— Сударь, — произнес Николя, — должен вам признаться: я комиссар полиции Шатле. По поручению короля я расследую преступление, в котором, возможно, замешан ваш собрат и друг Винченцо Бальбо.

На лице итальянца отразилось искреннее изумление.

— А вы, сударь, оказались в непростом положении свидетеля, который, как нам кажется, добровольно или по неведению помог преступнику создать алиби.

— Ma, signore, — сдавленным голосом воскликнул Барбекано, от волнения переходя на родной язык, — perche Lei. Почему вы не верите моим словам? Я сказал вам чистую правду. А

говоря о Винченцо, я честно вам признался, что если его талант певца и композитора приводит меня в восторг, то я отнюдь не могу сказать того же о его характере.

— В вашей правдивости я не сомневаюсь. И все же, сударь, один вопрос. Вы рассказали, что как-то раз, когда Бальбо ужинал у вас, он быстро напился до такой степени, что утратил дар речи. Вы готовы это подтвердить?

— Клянусь честью, сударь, так оно и было.

— Хорошо. Я вам верю, тем более что не могу доказать обратное. Можете ли вы подтвердить, что это был именно Бальбо, а не кто-то иной?

— Кто-то иной?

— Да, иной, но столь похожий на Бальбо, что вы могли бы ошибиться?

— О, как я могу ответить на ваш вопрос? Если это был полный двойник моего собрата, то вы сами ответили на свой вопрос! В таком случае моим доверием злоупотребили, и я могу только повторить, что в тот вечер Бальбо был не похож на самого себя. Даже его обычные надменность и говорливость покинули его; впрочем, я отнес это на счет излишней выпивки.

— Я вас понимаю. Еще вопрос. Вы сказали, что родом из того же города, что и Бальбо. Из Норчии, не так ли?

Барбекано кивнул головой.

— Вы знакомы с его семьей? Не знаете, есть у него брат?

— Я гораздо старше его и покинул свою провинцию задолго до того, как он прибыл во Францию. Однако помнится мне, что во времена моего детства в городе жил аптекарь с таким же именем. Увы, больше я ничего не могу вам сказать.

— Ваши показания вкупе с имеющимися у нас сведениями во многом проясняют ситуацию, и — не стану скрывать — свидетельствуют в пользу вашей честности и порядочности.

— О, я счастлив это слышать из уст друга господина де Лаборда, коего я имел честь принимать у себя за столом.

— Сударь, — промолвил Николя, растроганный достойным ответом Барбекано, — я очень вам признателен и прошу вас, поверьте, мне самому очень жаль, что служба королю иногда вынуждает нас докапываться до истины не самыми изысканными способами. А теперь, сударь, скажите, где живет Винченцо Бальбо?

— В местечке под названием Лаорнэ, при выезде из Версаля, возле дороги Сатори; у него там маленький домик.

— Вы бывали там?

— Один раз, и очень давно.

— Не окажите ли вы нам услугу и не проводите ли нас туда?

— Сударь, я всего лишь старик, но если мои услуги нужны и полезны королю, я не стану торговаться. Мне надо лишь несколько минут, чтобы одеться.

Экипаж Бурдо мчался во мраке ночи. Николя отметил, что, сев в карету, Барбекано тотчас заснул, что свидетельствовало о чистой, не запятнанной ложью душе. Сам он по-прежнему пытался отогнать неодолимо осаждавшие его мрачные мысли. Разумеется, Эме жива, но как долго жестокий убийца намерен сохранять ей жизнь? Вспоминая мельчайшие подробности событий последних дней, он без устали делал заметки в своей черной записной книжке; увы, после каждой фразы он ставил знак вопроса.

Отыскать жилище Бальбо в кромешной ночной тьме оказалось не просто. Пришлось выйти из кареты, зажечь потайные фонари и долго блуждать в потемках, возвращаясь в одно и то же место, пока наконец за высаженными в ряд деревьями они не увидели старый дом, напоминавший ферму. Они открыли калитку, и в свете фонарей перед ними предстал

небольшой сад, точнее, сад, совмещенный с огородом. В доме, похоже, спали. Чтобы не поднимать шума, Николя прибег к своей отмычке. Дверь послушно, без скрипа, отворилась.

Они вошли в зал с низким потолком, обставленный под гостиную, с большим каменным камином, креслами и столом. У стены стоял клавесин, всюду валялись книги и музыкальные инструменты. В помещении рядом находилась кухня; возле плиты Николя с удивлением заметил ведро, полное мелкого песка. На деревянной столешнице стояли два брошенных прибора. Николя провел пальцем по тарелкам: остатки пищи успели засохнуть. Похоже, дом был пуст. Они обошли все три скудно обставленные комнаты второго этажа, открыли все шкафы с одеждой, старательно обшарили карманы. Наконец во внутреннем кармане плаща Бурдо наткнулся на смятую бумажку и, поднеся фонарь, развернул ее.

— Николя, иди сюда, смотри, что я нашел в глубине кармана!

И он протянул ему расправленную бумагу.

— Здесь написано: гостиница Менье, улица Реколле, за ночь 3 ливра 6 су. Оплачено 20 апреля 1778 года. Это счет. Гостиница Менье? Гостиница Менье. Это в Версале. Очень тихое место. Там можно и перекусить.

Но Николя одолевали совсем иные мысли.

— Пьер, скажи, в каком костюме ты нашел бумажку? Это очень важно.

Бурдо полез в шкаф и вытащил оттуда плащ цвета темной сливы.

— Здесь!

Взяв плащ, Николя внимательно осмотрел его, пощупал ткань, а потом попросил Бурдо надеть его. Затем, сняв с инспектора плащ, достал из шкафа фрак и попросил его примерить; при попытке Бурдо натянуть фрак тот затрещал по швам.

— М-да!

— Николя, скажи мне наконец, чего ты хочешь? Или ты решил выступить в роли мэтра Вашона, что обшивает нашу знать?

— Послушай, предположительно мы имеем дело с двумя очень похожими братьями, но один крупнее другого. Только вот какой?

— Это загадка?

— Почти. За обедом у Барбекано хозяин дома сказал, что из-за волнений, вызванных нехваткой денег, проигрышами и рухнувшими надеждами на наследство, Винченцо Бальбо резко растолстел. На рисунке Сент-Обена изображены два человека с одинаковыми лицами, только один в очках, а другой более плотного телосложения.

— И потому ты придаешь большое значение размеру плаща, в кармане которого я нашел счет из гостиницы Менье?

— Совершенно верно. Кому принадлежит этот плащ: Винченцо, когда его еще не затронули денежные заботы, или же кому-то другому, кто очень на него похож?

— Ты всегда обгоняешь меня на крутых поворотах, — с усмешкой произнес Бурдо. — Но, полагаю, я догадался, о чем ты сейчас думаешь. Если этот плащ принадлежит неизвестному, которого мы разыскиваем, значит, он останавливался в гостинице, название и адрес которой мы только что узнали, а значит, наш путь лежит в эту гостиницу. Как только мы туда доберемся, мы сможем выяснить личность незнакомца.

Слушая Бурдо, Николя продолжал рыться в ящике комода. Неожиданно он наклонился и, вытянув оттуда черную с золотом маску, поднес ее к носу, понюхал и удовлетворенно закивал головой.

— Наконец-то удача нам улыбнулась! Если я не ошибаюсь, это та самая маска, что на балу в Опере, когда был украден универсальный ключ, закрывала лицо наглого незнакомца, осмелившегося приблизиться к королеве!

— Что ж, еще одна улика. Но почему ты ее обнюхивал, словно она пахла «Водой королевы Венгрии»?

— Чтобы узнать, дружище, не пахнет ли она случаем чесноком или фосфором!

Они вернулись к карете, где в ожидании спал Барбекано. Не теряя времени, они пустились в путь. Высадив певчего на рыночной площади, они поблагодарили его и, повелев молчать о событиях сегодняшнего вечера, отправились на тихую улочку Реколле. Их торопливые шаги эхом отдавались на пустынных улицах. На дверях гостиницы Менье висела цепочка с ручкой на конце, устройство, без сомнения, предназначенное для припозднившихся постояльцев. Пришлось дергать за него довольно долго, пока наконец ставни на втором этаже не распахнулись и жалобный женский голос спросил, чего им надо в столь поздний час. Желая поторопить хозяйку, Николя суровым голосом велел открывать: полицейская проверка. Немного поломавшись, хозяйка все же спустилась и принялась открывать дверь, что заняло немало времени, ибо пришлось не только отпирать замок, но и отодвигать поистине бесчисленные щеколды и засовы. Наконец дверь открылась, и маленькая женщина, облаченная в капот и ночной чепец, подозрительно уставилась на них опухшими от сна глазками. Им снова пришлось представиться, и только тогда она нехотя впустила их в дом.

— Сударыня, полагаю, вы и есть госпожа Менье?

— Да, сударь, вдова Менье. Мой бедный муж скончался от приступа подагры три года назад. С тех пор, сами видите…

Не намереваясь терять время, выслушивая историю семьи Менье, Николя сразу перешел к делу.

— Сударыня, надеюсь, вы верная подданная короля?

— Сударь, — воскликнула она, напуганная столь неожиданным вопросом, — как можно! Самой собой разумеется.

— Я в этом не сомневался. И вы в точности выполняете все распоряжения полиции Его Величества?

— Разумеется, все до единого.

— Следовательно, вы ведете книгу постояльцев и заносите в нее всех путешественников, что останавливаются в вашей гостинице? А так как война у ворот, то вы, полагаю, докладываете инспектору, наблюдающему за перемещениями иностранцев по территории нашего королевства, обо всех без исключения иностранных гостях, что ночевали у вас?

Ошеломленная его вопросами, она, не понимая, куда он клонит, продолжала кивать.

— И книга посетителей у вас в порядке? Я хотел бы взглянуть на нее.

Она зашла за стойку, служившую одновременно конторкой, и достала откуда-то снизу толстую книгу, обтянутую тканью в цветочек. К великому неудовольствию матроны, Николя стремительно схватил ее и принялся листать, пробегая глазами числа, пока не нашел страницы с датой, указанной на счете, обнаруженном в кармане плаща Бальбо. Там, где стояло «вторник, 21 апреля 1778 года», внимание его привлекло чернильное пятно, посаженное прямо на имя одного из постояльцев. Прочесть можно было только его занятие: негоциант. Повернув книгу записей, он ткнул пальцем в пятно и сурово посмотрел на трактирщицу.

— Не могли бы вы оказать мне любезность и объяснить происхождение этого пятна?

— Сударь, сударь, не сердитесь! Поймите, я так разволновалась, так разволновалась, когда обнаружила эти чернила. Я бедная женщина. Помнится, когда был жив покойный Менье, такое тоже случалось. Ах, это было в 1760, или, нет, в 1763 году. Один путешественник…

— Сударыня, прошу вас, не теряйте времени.

— Да. Хорошо. Этот господин. О, очень любезный. Красивый мужчина высокого роста. Шляпа всегда надвинута на лоб. Шляпа необычной формы. Я так и не сумела рассмотреть его лицо. Очень разговорчивый. Думаю, иностранец. С певучим выговором. Он постоянно донимал

меня плющом, что увивает фасад гостиницы. О, да, это была целая история. Видите ли, он называл это растение его латинским названием. Hetrice?.. Hedrica? Что-то в этом роде, я не помню. В сущности, этот плющ — настоящее ползучее отродье! Одна из моих кузин мне посоветовала… Ах, она так несчастна в браке! Она…

— Ближе к делу, сударыня, ближе к делу!

— На чем я остановилась? Он наговорил мне столько слов, что я не проверила, что он там написал. А так как он рассчитался вечером, а уехал рано утром, то больше никаких сведений о нем у меня не осталось. Ах, как я долго переживала! Поэтому-то он и остался у меня в голове.

Провожая их до кареты, она показала им плющ, оплетавший фасад гостиницы. Бурдо приказал возвращаться в особняк д'Арране.

— Надо бы спросить Семакгюса латинское название плюща, — произнес он. — Ты сам учил меня, что всякая мелочь имеет значение.

— Ты очень любезен, Пьер. Ибо помнится мне, что это ты в свое время наставлял меня, когда я изучал ремесло под началом бедняги Лардена.

— Чернильное пятно пришлось очень кстати. Если кто-то хотел скрыть свое имя, лучшего и придумать нельзя!

— Думаешь, это вдова Менье?

— Нет! Тот, кто воспользовался рассеянностью сей безмозглой канарейки.

— Если ты думаешь о том же персонаже, что и я, следовательно, ты тоже полагаешь, что чернила пролиты специально, и нам надо только понять, сделал ли он это добровольно, или ему кто-то приказал.

— Если твой каплун хотел использовать брата, то, разумеется, ему надо было замести следы. У него был прямой интерес скрывать его приезд и окружить его, как говаривал Сартин.

— …непроглядным мраком! Ты читаешь мои мысли, словно раскрытую книгу! Теперь у нас есть основание для дальнейших шагов. Винченцо Бальбо приглашает к себе из Норчии брата. С его помощью организует себе алиби, а сам тем временем обделывает свои темные делишки. Возможно, его брат является аптекарем или ботаником. Обладает ли он познаниями, необходимыми для превращения урины в фосфор? Не исключено, что братец стал невольным сообщником Бальбо. На ужине у Барбекано певчий упомянул про свой план постановки оперы. Я прекрасно помню, как он говорил о светящихся призраках.

— Ты считаешь, он сказал брату, что ему нужен фосфор для театральных масок?

— Да! А на самом деле он нашел ему иное применение.

Бурдо вздохнул.

— Что будем делать?

— Тот, кого мы преследуем, знает о нас больше, чем мы о нем, и вдобавок в его власти находится Эме. Поэтому велим нашим людям вести наблюдение за его домом.

— Он вряд ли дерзнет туда вернуться!

— Согласен. Но не будем пренебрегать ни единой возможностью.

— На что он теперь надеется?

— Не знаю. У него на руках козырь, позволяющий ему начать торг.

— Шантаж?

— Возможно. Больше всего я боюсь, что он начнет действовать за пределами логики. Все говорит за то, что мы имеем дело со взбесившимся чудовищем. Значит, искать объяснения его поступкам не имеет смысла.

Триборт встретил сыщиков на пороге. Он успел подготовить комнату для Бурдо. Чувствуя смертельную усталость, Николя отправился к себе и рухнул на кровать. Подушка его еще хранила легкий запах жасмина, и он прижался к ней, пытаясь сдержать рыдания. Потом он долго лежал с открытыми глазами и погружался в пучину отчаяния, ибо не мог найти ни единой зацепки для надежды.

XII ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

Так вот, преступления сии задуманы не человеком и не существом разумным […], они суть порожденье наигнуснейших козней.

Гермес Трисмегист

Пятница, 14 августа 1778 года.

Всю ночь вокруг дома Бальбо царила тишина. Николя велел отвезти себя в Версаль, где наедине поговорил с Сартином. Потрясенный, министр заставил его подробно изложить, какие приняты меры, и предложил отправить курьера в Брест к адмиралу д’Арране. Он полагал, что нельзя держать в неведении отца Эме.

Бездействие угнетало Николя, и он отправился бродить по опустевшим аллеям парка. Усевшись на траву вблизи боскета Жирандоль, он упивался резким ароматом самшита. Мозаика улик по-прежнему не складывались в единую картину, и он попытался проанализировать их заново. Ему казалось, что причина первого убийства ясна. Подозрение, павшее на Ламора, несомненно, обеспокоило Ренара и неизвестного. Они поняли, что следствие вскоре доберется до них. То же самое можно сказать и о жестоком убийстве малыша д’Асси: его связь, деловая или иного характера, с инспектором Ренаром могла оказаться опасной, и его пришлось устранить. Но стоило задуматься об убийстве инспектора, как его интуиция заходила в тупик. Во всех возможных версиях оба оставшихся в живых заговорщика, причастные к краже универсального ключа, были не только полезны, но и необходимы друг другу. Неужели между ними произошла ссора, заставившая неизвестного избавиться от Ренара? Но почему они поссорились? А может, как робко шепчет ему интуиция, причиной явилась жена Ренара, кастелянша королевы? Со стороны принцев помощи ожидать нечего. Ренар, скорее всего, играл роль посредника между неизвестным, Шартром и Провансом, однако последний предусмотрительно вышел из игры.

Ничего не оставалось, как снова прибегнуть к рутинным полицейским мерам: дать поручения осведомителям и регулярно выслушивать их доклады, установить наблюдение за всеми одиноко стоящими домами вокруг королевской столицы, выяснить, откуда взялись жестяные бутыли и ремни, и расспросить тех немногих, кто в Париже торгует химическими приборами, необходимыми для превращения урины в фосфор. Если сегодня ничего не случится, завтра он уедет в Париж и начнет новую кропотливую работу. Он плохо переносит бездействие, а работа, без сомнения, заставит его забыть страшные картины, что всплывают у него в памяти, и ему никак не удается прогнать их. Но сейчас он чувствовал настоятельную потребность забыться и перестать думать о работе.

Суббота, 15 августа 1778 года.

Отдав последние указания Бурдо и организовав цепочку из агентов для быстрой передачи срочных новостей, он ранним утром выехал со двора дома д’Арране. На большой дороге Резвушка радостно забила копытом: в утренние часы воздух был еще относительно свеж. Задумавшись, Николя предоставил лошади самой выбирать, какой аллюр ей сейчас подходит.

В доме на улице Монмартр его встретили радостно, как всегда встречали после продолжительного отсутствия, державшего всех в тревожном напряжении. Но стоило ему сообщить о похищении Эме д’Арране, радости как не бывало. К всеобщей печали присоединился и приехавший в гости Семакгюс.

Войдя в гостиную Ноблекура и увидев спящего рядом с Сирюсом Плутона, на спине которого устроилась подремать Мушетта, Николя удивился и обрадовался. Словно крошечный Давид, восседающий на Голиафе, кошечка при виде Николя торжествующе замяукала, стараясь привлечь внимание хозяина, довольного воцарением мира. Впрочем, в доме, где властвовали доброта и взаимопонимание, иначе и быть не могло.

— Бедняжка Эме! — с жалостью воскликнул Ноблекур. — Как-то она перенесет это испытание!

Николя изложил свои соображения относительно двух братьев, похожих, судя по рисунку Сент-Обена, друг на друга как две капли воды, что позволяло одному добровольно или невольно делать алиби другому. Говоря об убийце, он вновь высказал опасения, как бы тот не оказался безумцем, ибо, судя по постоянным провокациям, его отличала неуемная гордыня и абсолютная уверенность в полной своей безнаказанности.

— Да, — задумчиво произнес Семакгюс, — это хуже всего.

— На что он надеется, совершив столь неожиданный поступок? Он сжигает за собой мосты. Что он задумал?

— Ноблекур, вы долгое время исполняли обязанности прокурора. Не припомните ли вы случаев, способных помочь нам разобраться в нынешних преступлениях?

Почтенный магистрат хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

— Надо вам сказать, недавно я перечитывал «Близнецов» Плавта. Поразительный пример того, какие недоразумения может повлечь за собой полное сходства двух братьев! Что же касается ответа на ваш вопрос, то я вспоминаю служанку, обвиненную в убийстве пятерых грудных младенцев, которых ей, одного за другим, поручали нянчить. Расследование велось со всей строгостью, ибо в те времена полицию обвиняли в похищении детей. Возбужденный народ вспыхивал, словно сухой мох, вынуждая власти отвечать жесткими полицейскими мерами. Наконец эмоции отошли в сторону, и выяснилось, что когда этой женщине было двадцать лет, кормилица уронила ее первенца, и он умер. В повседневной жизни женщина осталась такой же неприметной, как и ее товарки, но при виде младенца становилась словно одержимая, и в ней пробуждалось желание убивать. На месте ее преступлений оставались следы, причем довольно броские, но, к сожалению, ваши предшественники их не замечали. И она решила, что если будет привлекать внимание правосудия к своим преступлениям, то сумеет избежать его карающей руки. Хотя мне кажется, что, сама того не понимая, она хотела, чтобы ее разоблачили. Можем ли мы сделать из этого выводы?

— Разумеется, и не один, — воскликнул Семакгюс. — Вы предложили нашему вниманию историю, поучительную во многих отношениях. Во-первых, причиной одержимости часто является некое событие. Во-вторых, преступления, совершенные в состоянии одержимости, часто похожи на месть ненавистному обществу, позволившему произойти трагическому для преступника событию, а также завуалированное желание понести наказание.

— Я понимаю ход вашей мысли, дорогой Гийом, но что вы можете сказать применительно к настоящему делу?

— Что вы на правильном пути! Все, что мы знаем о Винченцо Бальбо, прекрасно укладывается в канву наших рассуждений. Не станете же вы утверждать, что дикий обряд кастрации калечит только тело, не затрагивая душу? Вы имеете дело с изначально искалеченным человеком, болезненно переживающим свою неполноценность.

— Так вы считаете, что Винченцо Бальбо.

— Вспомните, что вам про него рассказывали. Он не достиг тех высот, на которые удалось подняться многим его знаменитым собратьям, пользующимся поддержкой короля. Стоит вам порыться в памяти, как вы тотчас вспомните их имена. Контральтист в Королевской капелле, разумеется, весьма почетная должность, но…

— Что «но»?

— Но для уязвленного самолюбия этого мало! Вы представили его как надменного, самоуверенного, почитающего себя великим творцом в своей области. Уверенный, что создал шедевр, он хочет увидеть свою оперу поставленной в невиданных доселе декорациях, и невзирая на приличия и естественную стыдливость, гордо заявляет о своей кастрации. От человека, чье безрассудство подогревается непомерными амбициями, можно ожидать чего угодно!

— Увы! Бедная моя Эме.

Время течет, думал Николя, ему нет дела до несчастий смертных. Почему на смену счастью непременно приходит беда, предусмотреть которую невозможно? Неужели это плата за столь редко выпадавшие ему минуты счастья? Антуанетта, в прошлом именовавшая себя Сатин, втянута в тайную и опасную игру в Лондоне, Жюли де Ластерье убита, Эме похищена.

— Хотите, я поеду с вами?

— Ваше присутствие поможет мне, — взволнованно отозвался Николя на предложение Семакгюса, — а ваш опыт и знания поистине могут оказаться бесценными.

И он изложил свои соображения, где и как искать Бальбо. Многие мелкие детали в его рассказе неожиданно наполнялись глубоким смыслом.

— Разрозненные частицы непременно собираются вместе и становятся единым целым, — вещим голосом проговорил Ноблекур. — Единство в множестве.

Корабельный хирург бросил понимающий взгляд на Николя.

— Наш сиамский жрец изрек очередную истину.

— Можете сколько угодно смеяться и шутить, но я настоятельно прошу обратить внимание на мои слова. Вы уже имели возможность убедиться в их точности! А вы, Николя, помните, что, как говаривала цветочница Бабет[58], добиться можно всего, надо только очень захотеть.

Пуатвен отвел Резвушку в конюшню. Николя намеревался купить ее, но все забывал сказать об этом Ленуару. Сейчас он сел в комфортабельный экипаж Семакгюса, и тот, взяв на себя руководство операцией, велел кучеру трогать, выбрав маршрут так, чтобы заехать в Королевский ботанический сад. Неугасимая страсть к ботанике побуждала бывшего корабельного хирурга часто посещать это место. Подъехав к саду, они ненадолго расстались; пока Семакгюс расспрашивал своих коллег, Николя, дабы не пугать ученых мужей своим полицейским мундиром, остался ждать в небольшом, необычайно живописном садике, именовавшимся Лабиринтом. Садик был разбит рядом с улицей Королевского сада, и в нем чудом сохранилось очарование сельской местности. Небольшой холм в центре венчала круглая скамья, откуда удобно было созерцать экзотические деревья, высаженные господином де Бюффоном, выращивавшим их из привезенных путешественниками саженцев. Вдалеке, в туманном мареве, расстилался Париж, город прекрасный и одновременно опасный. Любуясь открывшейся перед ним картиной, Николя на миг забыл о своих тревогах. Скоро вернулся Семакгюс; судя по его лицу, ему удалось узнать нечто важное.

— Я отправился по правильному адресу: поговорил с сотрудниками господина Кювье. Любителей химии у нас немного, потому и поставщик, снабжающий их приборами, всего один. Такого рода заказы выполняются только на фарфоровой мануфактуре в Севре.

— Что ж, едем по бульвару Миди, а дальше по берегу Сены. Каменный уголь, необходимый любому химику для нагревания своих колб и реторт, продается на набережной Четырех Наций или же возле ворот Сен-Бернар, прямо на песчаном берегу.

— Вперед!

По дороге Семакгюс пытался отвлечь Николя от печальных мыслей, рассказывая ему о чудесах королевского зоологического кабинета, где представлены останки животных, обитающих во всех четырех стихиях. Выехав из Ботанического сада, они, держась правой

стороны, проследовали по бульвару Миди, бравшему начало на востоке города, прямо напротив Арсенала, и уходившему в сторону Дома инвалидов. Эта малолюдная улица позволяла быстро пересечь город с востока на запад.

— Не слышали, не хотят ли построить новый мост, чтобы соединить бульвары севера и юга? — спросил Семакгюс.

Он хотел разговорить Николя, дабы тот по привычке не предавался пережевыванию одних и тех же мрачных мыслей.

— Господин Ленуар не перестает проталкивать это предложение. Такой мост соединил бы предместья Сент-Оноре, Руль и Шайо с предместьем Сен-Жермен, с Пале-Бурбон и с Инвалидами. Растущий город настоятельно требует сооружения еще одного моста.

Исчерпав сей сюжет, корабельный хирург умолк, и воцарилась тишина. Тогда Семакгюс решил вернуться к Зоологическому кабинету Его Величества, рассказывать о котором он мог часами.

— Некая мадам де Монтрей изобрела неподражаемый способ не только сохранять чучела пернатых, но и придавать им на удивление естественное положение. До сих пор насекомые безжалостно портили хранящиеся в кабинете экземпляры. Чучела же, вышедшие из ее рук, не только сохраняют свое оперение и краски, но и пребывают в таких изящных позах, что кажется, будто их придала им сама природа.

— Не правда ли, — проглотив брошенную ему наживку, отозвался Николя, — что анатом Оноре Фрагонар проводил эксперименты на трупах, превращая их в мумии? Мне рассказывал об этом Сансон, который поставлял ему тела, необходимые для опытов.

— Совершенно верно; он довел подражание реальности до степени совершенства и стал выставлять результаты своих анатомических экзерсисов. Лет двадцать назад мне довелось попасть в Мэзон-Альфор и увидеть его «Всадника Апокалипсиса», где не только человек, но и лошадь являют собой анатомический препарат, или, проще говоря, мумифицированное тело без кожи.

Внезапно сообразив, что в нынешних обстоятельствах выбранная тема явно неуместна, Семакгюс закусил губу. К счастью, поднимавшиеся впереди густые клубы темного дыма известили их о том, что они подъехали к Севрской мануфактуре. Неприветливый консьерж направил их в отделение заказов, где продавали образцы фарфоровых изделий. Служитель с подозрительным взором и физиономией землеройки тотчас начал вилять и уходить от ответов на вопросы, задаваемые Николя. Наконец, долготерпение комиссара лопнуло, и он, к великому изумлению Семакгюса, схватил скользкого типа за шиворот и тоном, не терпящим возражений, приказал принести книги заказов за нынешний, 1778 год. Мгновенно утратив всю свою наглость, служитель побежал трусцой и вскоре вернулся с огромным, переплетенным в кожу фолиантом. Вырвав фолиант из рук служителя, Николя принялся лихорадочно листать его. Вскоре радостный возглас известил, что он нашел то, что искал. Водрузив на нос очки, Семакгюс принялся вслух читать строчки, на которые пальцем указал ему Николя:

— «Понедельник, 30 апреля 1778 года. Г-н Тома, четыре больших стеклянных шара, с отверстием. Срок поставки 3 месяца. Примерная стоимость: 450 ливров, половина стоимости оплачивается при заказе». О, здесь еще приписка, сделанная другой рукой: «в настоящее время вышеуказанных изделий нет в наличии, заказчик обещал вернуться завтра». А вот и последнее сообщение: «Так как заказчик не появился, работа к исполнению не принята». Однако, странно!

Стремясь загладить впечатление от дурного приема, оказанного им комиссару, служитель подошел и перегнулся через плечо Семакгюса.

— Если господам угодно меня послушать, я скажу, что продукция наша весьма высокого качества, а потому стоит дорого. Видимо, наши цены испугали клиента, и он отправился в иное место купить то, что у нас ему оказалось не по карману.

— Что вы хотите этим сказать? — поинтересовался Николя. — Разве химические приборы изготовляют не только в Севре?

— Вижу, вы не в курсе тонкостей торговли химическими приборами. Сейчас многие увлекаются химией, и торговля сия быстро развивается.

Открывшись, шлюзы его красноречия закрываться явно не собирались.

— …благодаря любителям, которые толком не умеют ни разложить вещество на составляющие, ни извлечь квинтэссенцию из минералов и растений.

Сделав таинственное лицо, он понизил голос:

— Многие, особенно те, кто понаглее, почитают ее тайной наукой, и чем меньше они в ней разбираются, тем большими знатоками себя считают. Они занимаются ею без всякого метода и руководства, да еще и обводят вокруг пальца дураков, которые слушают их и открывают им кредит. Поэтому, сударь, я советую вам поискать в городе.

— А разве есть другие места?

— Разумеется — если, конечно, вам не нужны совершенные приборы в великолепном исполнении.

— Но как же так?

— Если вы хотите приобрести посредственный инструмент для химических опытов, вам надобно идти к печникам.

— Печникам?

— Да, сударь. По сути, это гончарные мастера, изготовляющие печи, тигли и перегонные кубы для химиков, обжигальщиков, плавильщиков, винокуров.

— И где же, черт побери, их искать?

— На площади Конти, улице Мазарен и в предместье Сен-Жак.

Николя приобрел для Эме очень дорогую чашку с блюдцем, украшенную цветочным декором. Держа в руке шляпу, служитель, низко кланяясь, проводил друзей до кареты; покупка Николя привела его в восторг, равно как и экю, которое щедрый и смущенный собственной резкостью Николя сунул ему в руку.

Карета покатила в Париж.

— Вы разоритесь, друг мой!

— Это бретонское поверье — когда надеешься на встречу.

— Не будем пока об этом. Что вы скажете о нашем визите?

— Гийом, я извлек из него массу полезных сведений. Через несколько дней после прибытия нашего незнакомца в Версаль некий господин Тома приезжает в Севр заказать химические приборы. Потом по неизвестной нам причине отказывается от заказа.

— Высокая стоимость?

— Вполне возможно.

— Есть еще одна любопытная вещь, — промолвил, просветлев лицом, Семакгюс: он явно хотел сообщить Николя нечто крайне интересное.

— Вы хотите дать мне подсказку?

— О! Не узнаю ученика иезуитов из Ванна. Неужели от вас ускользнула столь важная деталь? Почему Тома?

— Было бы слишком хорошо, если бы он назвался собственным именем. Здесь он поступил так же, как и у вдовы Менье: там чернильное пятно, а здесь выдуманное имя.

— Вы правы, но это еще не все. Когда пользуешься вымышленным именем, зачастую незаметно для себя выдаешь собственное имя.

— Что-то я перестал вас понимать. Уж не принялись ли и вы ноблекуризировать?

— Нисколько! Хотя, как вам известно, зрение у нашего друга гораздо острее, чем у многих. Вы только подумайте, почему бы этой фамилии не быть собственным именем незнакомца? Тома — имя древнее, оно восходит к еврейскому имени Theoma, а то, в свою очередь, к имени из еще более древнего языка. А так как большинство наших собственных имен обладает значениями, давайте посмотрим, куда приведет нас это имя. Например, Николя напоминает о победе и народе, Гийом — о воле и шлеме.

— Что ж, теперь мы полностью экипированы для войны. А имя Тома?

— А это имя означает «близнец».

— Разумеется, сей факт надо принять во внимание. Но ведь речь может идти и о простом совпадении.

— Никаких совпадений! Исходя из того, что нам известно, совпадения быть не может. Мог он предположить, что подвергает себя риску, назвавшись таким именем? Похоже, мои рассуждения оставили вас равнодушным и сейчас вы боретесь с самим собой.

— Вы не правы, — жалобно произнес Николя, — просто я не хочу предаваться несбыточным надеждам.

Хирург промолчал. Решив, что только действие может заставить Николя позабыть о своем горе, он приказал кучеру поторопиться, и тот, пустив коней в галоп, быстро, насколько позволяли уличные заторы, привез их к реке. Безуспешно обойдя несколько торговцев каменным углем, расположившихся на набережной Четырех Наций, они наконец наткнулись на субъекта, вспомнившего после долгих усилий о большом заказе, размещенном где-то в конце мая. Субъект сказал, что обычно не запоминает заказчиков, но заказ был уж очень велик, тем более что надвигалось лето, и угля покупали мало. А тут, чтобы перевезти мешки, заказчик даже прислал нанятую им подводу. И он указал на человека с трубкой в зубах, сидевшего на парапете. Человек с трубкой согласился порыться в памяти и довольно быстро вспомнил, что действительно сопровождал в Версаль подводу, а вместе с ней и какого-то типа высокого роста. Его еще поразил сочный фиолетовый цвет плаща этого типа. Припоминая, куда он доставил телегу, он сказал, что это был одиноко стоящий дом, точнее, амбар где-то в окрестностях Версаля. Длинный тип в плаще вел его таким извилистым путем, что он толком ничего не запомнил. Собирать дальнейшие сведения друзья отправились на улицу Мазарен, благо она располагалась в двух шагах от набережной. Расспросив печников, они нашли того, кто, на их счастье, вел книгу продаж. В этой книге 1 марта 1778 года была сделана запись о продаже сосудов, тиглей и перегонных кубов, необходимых для занятий химическим искусством. И еще одна важная деталь. Проданные приборы увезли на подводе, груженной каменным углем. Вернувшись на набережную Четырех Наций, они отыскали хозяина подводы, и тот признал, что не счел нужным уточнять, что по дороге они заезжали на улицу Мазарен, чтобы забрать груз.

Время шло, и Семакгюс, внимательно наблюдавший за состоянием друга, то впадавшего в глубокую меланхолию, то бессмысленно суетившегося, решил, что пора отдохнуть и подкрепить силы. Невзирая на сопротивление Николя, он повез его к их общей старой приятельнице, мамаше Морель, содержавшей таверну рядом с мясными рядами Сен-Жермен. Обстановка старого прокуренного трактира с изрезанными дубовыми столами благотворно подействовала на Николя. Трактирщица, нисколько не изменившаяся, несмотря на почтенный возраст, с искренней радостью обняла их, прижав к своей обширной груди. На столе немедленно появился кувшин с сидром, пара стаканчиков и длинные хрустящие полоски истекающего жиром жареного шпика.

— Хозяюшка, — выразительно подмигивая, начал Семакгюс, — постарайся взбодрить нашего друга Николя, ему сейчас это очень нужно. Что ты можешь нам предложить?

Уперев руки в бока, она подошла вплотную к их столу.

— В таком случае, мальчики, вам сначала надобно нечто мягкое, а потом нечто ободрительное. Что вы скажете о телячьей голяшке, вываренной в тройном бульоне? А к ней приложим парочку гарниров: шпинатное рагу а-ля Ширак, иначе говоря, шпинат в масляном соусе, и цветную капусту под соусом из каперсов.

— А чем вы нас взбодрите после этих нежностей?

— О! Непременно взбодрю! Полагаю, голубчики, вы ведь не откажетесь от свиных языков в рубашке? Ошпарив язычки и приправив, я плотненько укладываю их в глиняный горшок, затыкают пробкой, и они томятся там не меньше недели. Потом, дорогие мои, я сливаю жидкость и принимаюсь толочь ягоды можжевельника, лавровый лист, тмин, базилик, пряные травы, розмарин, шалфей и шнитт-лук. Добавляю соли и селитры, потом все хорошенько перемешиваю и отправляю в горшок к моим язычкам. Встряхнув как следует горшок, чтобы все языки покрылись моей смесью, я оставляю их еще на недельку. А потом запеленываю их в рубашку из свининки.

— … рубашку из свининки? — с интересом переспросил Николя.

— Да, в рубашку, в платьице, как тебе больше нравится! Ну, зачем прерывать такую песню? В довершение я подвешиваю их над очагом, и там они висят недели две, хотя в принципе могут висеть и год. Поданные с разными приправками, они радуют и сердце, и душу. А если к ним добавить горшочек красненькой водички…

И она заговорщически подмигнула Семакгюсу.

— Что она хочет сказать? — спросил Николя, от которого не ускользнули перемигивания Семакгюса с трактирщицей.

— То, что впервые со времени нашего знакомства она выставит тебе вино! Ты же знаешь, у нее нет разрешения на продажу спиртного. Но, узнав, как тебе сейчас плохо, наша достойная хозяйка ради тебя идет на риск.

Разговор быстро перешел на результаты сегодняшних поисков. К сожалению, они оказались не столь убедительны и не открывали новых перспектив в расследовании.

— Primo, — начал Николя, — который из братьев взял на себя покупку приборов? Если предположить, что один только что прибыл во Францию, мне кажется, вряд ли он бы смог свободно разъезжать по Парижу.

— Однако о вашем певчем тоже речи быть не может, тем более что коричневый плащ никак не может быть плащом сливового цвета, о котором упомянула вдова Менье.

— Еще один способ заметать следы. А что думает наш ученый о тиглях и ретортах?

— Ученый полагает, что для получения фосфора с равным успехом можно использовать как стеклянные сосуды, так и глиняные.

— Мы теряем время, — вновь охваченный тревогой, произнес Николя. — Почему мы еще не в Версале, почему не ищем по всем дорогам?

Мамаша Морель принесла дымящуюся голяшку в окружении гарнира и глиняный горшок, который поставила на стол, многозначительно кивнув Семакгюсу. Друзья молча принялись за мясо в собственном соку; хорошо проваренное, оно оказалось настолько нежным, что его можно было есть ложкой.

— Отвечая на ваш вопрос, напомню, что ваши люди и Бурдо, который один стоит десяти, находятся в Версале. К сожалению, собранные нами сведения не могут привести нас к дому неизвестного, ну да привозили химические сосуды и каменный уголь. Но если что-то понадобится или что-то случится, вас отыщут в любую минуту! Вы же сами все организовали. А как же иначе? Ведь у нас лучшая полиция в Европе!

Последнюю фразу он произнес, подражая интонации Сартина; Николя улыбнулся.

— Вы правы. Заметьте, как ловко наш неизвестный ввел в заблуждение возчика, проведя его такой запутанной дорогой, что тот более не в состоянии найти дом, куда отвозил груз!

— Его действия можно истолковать двояко: или он действительно превосходно знал дорогу и запутывал следы, или, наоборот, знал ее плохо, а потому постоянно ошибался и сворачивал не туда. В первом случае речь идет о вашем Бальбо, а во втором… Словом, если это не он, значит, это его брат!

— Готов держать пари, что верным окажется первое предположение: проще притвориться, что не знаешь дороги, нежели плутать, потому что в самом деле ее не знаешь.

Принесли свиные языки в сопровождении горчицы, корнишонов, маринованного лука и вишен в уксусе. Тут же лежали розовые, с прожилочками, ломтики убоины в окружении тонких хрустящих шкварок. Несмотря на жаркую погоду, благодаря своей простоте это блюдо оказалось не только вкусным, но и изрядно подкрепляющим. Семакгюс заметил, что еда влияет на состояние духа; эту же мысль по-своему им изложила мамаша Морель. Отвлекая Николя от мрачных мыслей, корабельный хирург отпускал шуточки и делал любопытные замечания. Николя ценил усилия друга и изо всех сил старался скрыть свое настроение.

— Во времена, когда развлечения занимали мой ум чаще, нежели серьезные занятия, во время приступов раскаяния мне казалось, что жизнь моя являет собой непрерывное падение в бездну. Однако нет таких состояний тела и ума, кои бы не поддавались воздействию пищи. Моим любимым блюдом тогда была свежая скумбрия, приправленная ломтиками лимона и померанца; нежное мясо этой рыбы, полагаемое исключительно легким для пищеварения, смягчало мои терзания и вселяло надежду. Хотя, как мне кажется, дело тут не в рыбе, а в маринаде, обладавшем особыми вкусовыми ощущениями. То же мы можем сказать и об этих свиных языках, что кажутся нам столь вкусными благодаря приправам.

Поддержав предложенную Семакгюсом тему, Николя заметил, что в детстве ничто его так не утешало, как сухое печенье, намазанное соленым маслом. Когда он особенно остро ощущал свое сиротство, оно помогало ему сохранять бодрость духа.

Понимая, что друг его по-прежнему поглощен печальными мыслями, Семакгюс не стал продолжать разговор и расплатился по счету.

Николя решил отправиться в Шатле и допросить госпожу Ренар. Он надеялся, что одиночество и мрачная тюремная обстановка сделали ее более сговорчивой. А чтобы добиться истины, он, не питая иллюзий относительно сей женщины, решил выдать ложь за правду. По дороге он рассказал другу, как повела себя госпожа Ренар при виде закрытого простыней тела, выставленного в Мертвецкой. Она явно боялась увидеть кого-то другого, а когда обнаружила тело супруга, нежданная радость со всей силой вырвалась на волю. Сейчас он хотел убедить ее, что тот, кого она так боялась потерять, во всем признался; возможно, тогда она сама решит все рассказать. О, разумеется, он понимал, что подобный метод нельзя назвать честным, но когда на весы брошена жизнь Эме, он готов на все. Семакгюс посоветовал ему в случае удачи сказать правду, ибо Николя не хуже его знает, что отчаяние — плохой советчик, и узница может наложить не себя руки. Весьма чувствительный к подобным вопросам, Николя пообещал непременно последовать его совету.

Прибыв в Шатле и убедившись, что из Версаля никаких известий не поступало, они спустились в камеру госпожи Ренар. Та сидела на соломе, сжимая руками концы повязанной на груди косынки; при виде посетителей она, поджав губы, уставилась на них недобрым взглядом. Окинув узницу внимательным взором, Николя оценил изменения, произошедшие с ней за время заточения. Хорошенькая в прошлом женщина, чья красота поддерживалась за счет пудры, притираний и прочих уловок, сейчас выглядела старой и жалкой, иначе говоря, такой же, как все те женщины, которых ему приходилось помещать в камеру на время расследования.

— Сударыня, надеюсь, вынужденное пребывание в сем пристанище побудит вас чистосердечно во всем признаться. В противном случае вы знаете, что вас ожидает.

— Рано радуетесь, сударь, воскресенье еще не настало, и вам меня не запугать. Когда королева…

— Не стоит уповать на Ее Величество. Королеве неизвестно, где вы находитесь. А если она и узнает, вряд ли ваша участь ее заинтересует. Впрочем, двор еще не вернулся в Версаль. А воскресенье завтра.

— На что вы надеетесь, сударь?

— Что ваш разум возобладает над вашим упрямством. У вас есть выбор: обвинение в краже и незаконной торговле королевским платьем или же соучастие в трех убийствах, незамедлительно приведущее вас на эшафот. Не говоря о допросах, коим вас непременно подвергнут. Так как же, сударыня?

— Вы полагаете, что я — флюгер, и поворачиваюсь туда, куда ветер дует? С чего это я сегодня признаюсь в том, в чем отказалась признаться вчера? Если я сказала «нет», значит, мне вам больше нечего сказать.

— Как вам угодно. Однако должен заметить, положение изменилось, и у нас появились основания подозревать вас в еще более тяжких преступлениях.

Николя не любил роль, которую ему приходилось играть сейчас перед этой падшей женщиной. Он физически ощущал жестокость произносимой им лжи, однако представшее перед ним лицо Эме д'Арране, чья судьба, возможно, зависела от признаний госпожи Ренар, заставило его отбросить щепетильность. Приблизившись к Николя, Семакгюс незаметно взял его за руку и тихо кашлянул. Тепло дружеской руки приободрило Николя, и он продолжил:

— Сударыня, придется вам сказать, что нам все известно.

— Все? — усмехнулась она.

— Вам смешно? Вы полагаете, что успели натворить столько, что мы никогда не распутаем ваш клубок?

— Ах, понимайте, как хотите. Продолжайте ломать комедию, но вряд ли ваши дырявые сети способны выловить хоть какую-нибудь рыбу.

— Значит, все же есть, что ловить?

Она не ответила, однако лицо ее побледнело, и на нем отразилась тревога.

— Некто, кто хорошо вас знает, многое рассказал о вас.

Опустив голову, она продолжала хранить молчание.

— Он ничего не скрыл, пожелав в торжественную минуту очистить совесть.

— О какой минуте вы говорите?

Похоже, ее начинала охватывать паника.

— О той, когда мы предстанем пред высшим судией.

— Высшим… судией, — пробормотала она. — Что это значит?

— Увы, сударыня! Такой прекрасный голос… Но черт побери, какой мошенник!

Она встрепенулась, рот ее открылся, однако с губ не сорвалось ни звука.

— А сколько смертей — и все ради безделушки, которую в конце концов вернули владелице! Ее Величество очень рада, что подарок короля снова у нее. Кстати, сударыня, Винченцо Бальбо признался, что это вы рассказали ему о драгоценности и о том, что королева надевает ее при каждом удобном случае. Так что…

Звеня цепями, она вскочила и издала вой, напомнивший Николя волков, часто рыскавших вокруг аббатства Сен-Жильда. Где-то вдалеке под сводами старинной тюрьмы эхом отозвались чьи-то крики.

— Сударыня, я понимаю, смерть вашего возлюбленного причинила вам боль. Но теперь вам нечего терять. Благоразумие подсказывает, что лучше честно рассказать все, что вам известно.

Неожиданно она пошатнулась и стала падать. Подскочивший Семакгюс подхватил ее на руки, осторожно уложил на солому и, взяв кувшин с водой, вылил его содержимое ей на лицо. Никола громко приказал позвать папашу Мари с его настойкой. Привратник прибыл настолько быстро, насколько ему позволяли старые ноги. Корабельный хирург разжал узнице зубы, влил в рот несколько капель укрепительного и легонько похлопал ее по щекам. Придя в себя, узница громко зарыдала; среди ее причитаний чаще всего звучало имя Винченцо.

Испытывая вполне понятное чувство сострадания к сильному горю, Николя тем не менее продолжал допрос:

— Сударыня, установлено, что Винченцо Бальбо был вашим любовником, и вы просто обязаны помочь нам в поисках его убийцы.

Поняв двойной смысл его слов, она горько улыбнулась.

— Как и где вы его встретили?

Сопротивление госпожи Ренар было сломлено.

— В первый раз в часовне, а потом на концертах во дворце.

— Это вы рассказали ему об универсальном ключе королевы?

— Он расспрашивал меня, как королева проводит время, и я рассказала ему о ее любимой безделушке… и ему пришла в голову мысль украсть ее. Он убедил меня, что это проще простого. Алмазы можно вынуть и продать по одному. Тогда мы будем богаты и сможем уехать в Вену. Он надеялся поставить там свою оперу. Имея доступ к шкатулке с драгоценностями Ее Величества, я в день поездки на бал ослабила застежку украшения, чтобы Винченцо смог легко им завладеть.

— Где вы встречались?

— В Доме для прислуги. Он объяснил мне цель своих ночных вылазок. Он приходил собирать вещество, необходимое для его будущей великой постановки.

Она говорила монотонно, глядя в одну точку.

— Великой постановки?

— Его оперы. Он хотел, чтобы в ней появлялись призраки в светящихся масках.

— А водонос?

— Он служил мне прикрытием. Винченцо прятался в моей комнате. А малыш Жак — ничтожество, он верил каждому моему слову.

— Но вы же были его любовницей? Что по этому поводу говорил Винченцо Бальбо?

— О, у него была великая душа! Он не обращал внимания на такие мелочи. Временные сложности…

И она снова зарыдала.

— Сударыня, вы знаете человека по имени Ламор?

— Нет.

— Вы причастны к убийству вашего мужа, инспектора Ренара?

— Я всегда помогала ему в делах, но я не любила его, хотя и не настолько, чтобы желать его смерти. Впрочем, сударь, вы сами сообщили мне, что он убит.

Обернувшись к Семакгюсу, Николя увидел, как тот знаком просит у него разрешения поговорить с узницей.

— Сударыня, — с задумчивым видом начал он тихо, — меня смущает одна мелочь. Вы утверждаете, что были любовницей Винченцо Бальбо, и нашему удивлению нет границ. Ведь речь идет о кастрате, человеке, которого суетная молва издавна осыпает насмешками.

Оскорбленная, она гордо вскинула голову.

— Он любил меня, сударь, и та мелочь, о коей вы столь бесцеремонно мне напоминаете, нисколько не мешала ему доставлять женщине удовольствие, на которое она вправе рассчитывать, и которого она никогда не получала от собственного супруга. О, мой Винченцо! Такой нежный, такой внимательный, такой пылкий.

И она застонала, раскачивая головой в разные стороны.

— Боюсь, — прошептал Семакгюс, — мы больше от нее ничего не добьемся.

— Должен ли я сказать, что обманул ее? — еще тише спросил Николя.

— Нет, теперь я так не думаю. Не нужно. Только прикажите глаз с нее не спускать. Преступника рано или поздно возьмут, живым или мертвым. Но даже если его возьмут живым, его все равно отправят на виселицу.

Обдумывая показания госпожи Ренар, они покинул Шатле. Садясь в карету, Николя почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. Это был Сортирнос, устроившийся возле крепостной стены со своими ведрами и павильоном уединения.

— Николя, меня не хотели впускать, — печальным тоном произнес он. — У меня для тебя записка: ее передали по цепочке и еще сказали, что тебе надо срочно возвращаться в Версаль.

— Спасибо! — произнес Николя, давая Сортирносу монету. — Вот видите, Гийом, я предчувствовал — что-то непременно случится, и весьма серьезное. Хотя я не вижу ничего, сулящего утешение.

Напрасно Семакгюс старался отвлечь друга от мрачных мыслей. Перед взором Николя проходили картины одна мрачней другой. У ворот Конферанс образовался затор. Николя был настолько возбужден, что, выпрыгнув из кареты, выхватил у оторопевшего кучера кнут и, несмотря на громкие протесты, принялся расчищать путь, хлеща лошадей в стоящих впереди упряжках. Впервые видя его в таком исступлении, Семакгюс не стал ничего говорить, понимая, что слова вряд ли помогут другу. Николя не мог себе простить, что не взял Резвушку, которая, помчавшись галопом, в два счета доставила бы его в Версаль. Внезапно сообразив, что его поведение является исключительно невежливым по отношению к Семакгюсу, он подскочил к нему и сжал его руку; ответным рукопожатием тот дал ему понять, что он на него не в обиде. Вскоре показался лес Шавий, за ним лес Фос-Репоз и — посреди парка — особняк д’Арране. Сердце Николя забилось так часто, что ему стало трудно дышать. На ходу спрыгнув на землю, он побежал к дому. Когда он подбежал к двери, та внезапно распахнулась, и в проеме возник хрупкий силуэт его возлюбленной. От волнения ноги его подкосились, и когда Эме подбежала к нему, он, не вставая с колен, прижал ее к себе и зарылся лицом в ее длинные волосы, заструившиеся по его плечам. Страстно сжимая в объятиях любимую женщину, которую он уже не надеялся увидеть, он зарыдал, и стоявший рядом Семакгюс смущенно отвернулся. Наконец, выпустив Эме из рук, он оглядел ее: несмотря на грязное платье и заострившиеся черты лица, Эме улыбалась. Внезапно он увидел, как к ним приближается знакомая фигура. Не веря своим глазам, он резким движением отодвинул Эме за спину и, выхватив шпагу, двинулся вперед. Холодная ярость затопляла его, выплескивалась через край. В последнюю минуту разум, остатки коего еще не успела поглотить жажда мести, напомнил ему, что не пристало нападать на безоружного. Остановившись, он с удивлением услышал крик Эме:

— Николя! Что вы делаете! Этот человек спас меня!

— Спас?! Каким образом? Этот человек? Ничего не понимаю.

Смущенно улыбаясь, незнакомец приветствовал Николя.

— Что вы здесь делаете, Винченцо Бальбо? — в новом порыве ярости закричал Николя.

— Тише, Николя, успокойтесь! — дружески произнес голос в глубине коридора. — Не станете же вы убивать безоружного под моей крышей, особенно когда этот безоружный является спасителем нашей Эме?

На пороге в сопровождении сияющего Триборта появился адмирал д'Арране.

— Я совершенно разбит: чтобы добраться до Версаля, я, как какой-нибудь мальчишка-лейтенант, мчался верхом от подставы до подставы! И, черт побери, не поручусь, что я ни разу не задремал в седле! Но мне повезло: лошади прекрасно знали дорогу! Я прибыл едва живой, но тотчас воскрес, ибо сей господин привел нам Эме. А чтобы рассеять всяческие недоразумения, знайте, Николя, что спаситель наш — не Винченцо Бальбо, о дурных делах которого мне успели поведать, а его брат-близнец Томмазо Бальбо.

Стремительно забросив шпагу в ножны, Николя устремился к незнакомцу и сжал его в объятиях.

Затем, отступив, он с изумлением уставился на абсолютного двойника певчего, встреченного им у Барбекано. Братья отличались только выражением глаз: Винченцо глядел на мир горделиво, Томмазо — кротко и доброжелательно. Впрочем, и сам он выглядел робким и застенчивым, особенно по сравнению со своим взрывным братом. Высокого роста, он отличался полнотой, которую Винченцо начал приобретать лишь несколько месяцев назад.

Взглянув на часы, адмирал пригласил всех пройти в гостиную.

— Время торопит. Сейчас быстро расскажем, как все произошло, и едем в Версаль… Господин де Сартин ждет подробного отчета…

— Сударь, я не хотел бы прерывать вас, однако в деле, которое я расследую, насчитывается три убийства и одна попытка похищения. Я знаю виновного, так что пора действовать.

— Увы, сударь, — подал голос Томмазо Бальбо, — мой брат мертв.

— Полагаю, сударь, надо начать рассказ с похищения мадемуазель д'Арране.

— Я собиралась вернуться домой, — бесцветным голосом начала Эме, — как вдруг меня кто-то схватил и потащил через кустарник к лесной тропинке. Мне заткнули рот, связали и, перекинув через седло, повезли; по дороге я потеряла сознание. Очнулась я в темном погребе, наполненном едким дымом. Когда я начала задыхаться, появился этот господин, развязал меня и вывел наружу. Мы долго блуждали по лесу, но наконец группа людей, посланная Бурдо, вышла на нас возле крошечной деревеньки…

— Роканкур, — уточнил Бурдо; никто не заметил, когда он вошел в комнату. — Мы уже отчаялись и собирались возвращаться назад, но тут на помощь пришел счастливый случай. Потом я приказал нашим людям отыскать дом, где держали мадемуазель.

— Мы вам очень благодарны, сударь! — произнес Николя, обращаясь к Томмазо Бальбо. — Но у нас, разумеется, есть к вам вопросы. Итак…

— Итак, Николя, — пророкотал глухой голос адмирала, — экипажи готовы, а терпение, как известно, не принадлежит к числу добродетелей нашего министра.

Все встали и отправились рассаживаться по каретам: адмирал, Эме и Томмазо сели в одну, Семакгюс, Бурдо и Николя — в другую. Прежде чем закрыть дверцу, Николя отыскал взглядом Рабуина, обладавшего способностью возникать именно тогда, когда в нем особенно нуждались. Под заинтригованными взорами Семакгюса и инспектора Николя довольно долго давал осведомителю какие-то указания, и тот — в знак согласия — молчаливо кивал головой. Наконец кучеры щелкнули кнутами, и кортеж двинулся во дворец. К удивлению обоих друзей, Николя всю дорогу молчал. Семакгюс даже шепнул на ухо Бурдо, что их друг, видимо, еще не пришел в себя от радости. Когда они все вместе вошли в кабинет министра, хозяин его суетился вокруг сундучка из ценных пород дерева, где в нескольких обитых бархатом отделениях

лежали обернутые в шелковую бумагу парики. Преклонив колена перед этими сокровищами, Сартин один за другим разворачивал парики, сделанные из льна, конского волоса и натуральных волос, сопровождая появление каждого парикмахерского шедевра радостным возгласом. Увидев явившееся к нему сообщество, он с видимым сожалением оторвался от своего занятия. Приказав слуге принести для посетителей кресла, он с видом судьи сел за рабочий стол.

— Вот видите, Николя, вместо того чтобы тащить мне трупы, как это делают некоторые… адмирал д'Арране, явив недюжинный вкус, отправил мне сундук с поистине бесценными париками, найденный нашими благородными корсарами на одном из судов Его Величества короля Англии. И да будет ему за это моя великая благодарность! Итак, господа, где ключ королевы?

— У нас его нет. Но мы уверены, что этот господин прольет свет на интересующий нас вопрос.

И Николя указал на Томмазо Бальбо.

— Сколь ни велика наша признательность за спасение мадемуазель д'Арране, полагаю, сударь, вы понимаете, что мы с нетерпением ждем вашего рассказа.

Итальянец встал и, согнувшись в три погибели, отвесил всем почтительный поклон.

— Благодарю вашу светлость за то, что вы предоставили мне возможность изложить мою печальную историю. Я родом из Норчии, что в провинции Умбрия. Мой отец был аптекарем и обладал обширными познаниями во многих областях науки. Однако тамошние врачи оклеветали его, и он разорился. В семья было много детей, и мальчиков, и девочек. Ради общего блага отец с тяжелым сердцем решил посвятить одного из сыновей искусству бельканто. Мы были близнецами. Выбор пал на меня; я не возражал.

— И что же произошло?

— О! Так как мы были очень похожи, нас одевали по-разному. Но у нас вошло в привычку переодеваться в платье друг друга, и никто, даже наши родители, этого не замечали. В то роковое утро мой брат Винченцо надел мою одежду…

«Интересно, не сам ли он его к этому подтолкнул», — подумал Николя, когда Томмазо не стал ничего уточнять.

— И его подвергли бесчеловечной операции, позволяющей предупредить ломку и сохранить голос во всей его чистоте, мой голос, считавшийся лучшим в певческой школе нашего прихода. Когда несчастье вышло наружу, было уже поздно. У брата оказались весьма посредственные способности, и карьера его сложилась не слишком удачно…

— Но, — заметил Николя, — я слышал его исполнение а капелла и…

— Он упорно работал и на сегодня достиг значительных успехов, хотя их и не сравнить с успехами тех, кто обладал музыкальными способностями с детства. С тех пор он меня возненавидел, причем со временем ненависть его только возрастала. В начале этого года я, к своему изумлению, получил от него письмо, где он уверял, что простил меня, что слава вот-вот ему улыбнется и что он хочет, чтобы я разделил с ним его удачу. Я в то время находился на грани отчаяния. Гонимый теми же докторами, что разорили моего отца, мне тоже пришлось бросить свою торговлю.

— А чем вы торговали? — спросил Николя; внимательно слушая рассказ итальянца, он время от времени что-то помечал в своей записной книжке.

— Я продавал лекарственные травы и составлял простые снадобья, лечил болячки и простуды. После долгих размышлений я решил ответить на приглашение брата. Я хотел наконец примириться с ним; к тому же для меня это был отличный выход из создавшегося положения. Прибыв во Францию, я убедился, что его братский порыв совершенно искренний.

Он посвятил меня в свои замыслы, скрыв, однако, темную их сторону. Каждый шаг, который мне приходилось совершать, имел свою мрачную изнанку, но я не знал о ней.

— А когда ваш брат попросил вас приготовить яд?

Томмазо Бальбо заколебался.

— Честно говоря, он пожаловался мне, что его дом наводнили крысы, а средство, которое он применяет, на них не действует. Он стал клянчить у меня верное средство против крыс, и я, воспользовавшись найденными у него в саду колючими коробочками дурмана вонючего, приготовил ему то, что он просил.

— Нет ли у этого опасного растения иного названия?

— Я знаю только это. Также…

— И еще, — не обращая внимания на нетерпеливый жест Сартина, прервал итальянца Николя. — Когда вы изготовили состав и передали его брату?

— Точно не помню… В начале июня. Но я заметил, что воспользовался он им не сразу. Также он иногда просил меня ради забавы подменять его. У меня это плохо получалось, и чтобы меня не разоблачили, мне приходилось молчать, а чтобы молчание мое не выглядело странным, приходилось изображать неумеренность в питье.

— Прошу вас, давайте поговорим про изготовление фосфора, служившего вашему брату для недобрых дел.

— Я был уверен, что все его поступки продиктованы страстным желанием увидеть на сцене написанную им оперу, для которой он постоянно придумывал необыкновенные сценические эффекты. Он хотел, чтобы к зрителю в полной темноте вылетала стая призраков, а за сценой звучало торжественное пение — разумеется, в его исполнении. Он так верил в реальность воображаемых им картин, в восторги публики, что иногда казалось, что он уже побывал на своем спектакле!

— Вы говорите об этом с таким волнением…

— Его страсть оказалась заразительной. Тем более что он не терпел никакой критики.

— Обосновавшись в окрестностях Версаля, вы ездили в Париж?

— Однажды по моей настойчивой просьбе брат отвез меня туда. Я хотел посмотреть город. Мы побывали в Нотр-Дам, в галереях Лувра, в Тюильри.

— Мы еще вернемся к вашему подпольному существованию. Как вы узнали, что ваш брат похитил мадемуазель д’Арране?

— Позавчера он прискакал на ферму, где я живу и где он устроил лабораторию для получения фосфора, и привез с собой безжизненное тело мадемуазель, кою тотчас отнес в подвал и запер на два оборота ключа. Я попросил его объяснить, в чем дело. Он отказался, сказав, что речь идет об интересах, превосходящих мое разумение, а потому мне лучше не вмешиваться. Я ответил, что мне надоели его тайны, и попытался заставить его говорить. Тогда он впал в ярость, как некогда в детстве, когда его припадки приводили в ужас наших родителей. Он кричал, что я ничтожество, посредственность, и если я думаю, что он простил меня, то я ошибаюсь: он просто воспользовался мною как инструментом. Потом он стал…

— Что стал?

— Он стал мне угрожать. Мы подрались. Он начал меня душить, и мне с трудом удалось оттолкнуть его. Он отлетел назад и ударился об угол стола. Увы! Он скончался на месте. Стол пошатнулся, задел реторты, те от удара раскололись, осколки покатились, задев тигель с горящими угольями. Огонь вспыхнул мгновенно. Я безумно испугался. Нельзя было терять ни секунды. Схватив ключ, я бросился в подвал и вывел оттуда мадемуазель.

— И где же этот ключ? — поинтересовался Николя.

— В спешке я потерял его.

Вошел слуга и что-то шепнул на ухо Сартину.

— Пусть войдет и будет краток, — изрек министр.

Рабуин вошел и низко поклонился собравшимся. Поискав взглядом Николя, он подошел к нему, и они долго шепотом совещались, вызвав раздражение министра. После чего Рабуин вновь поклонился и вышел.

— Превосходно! — воскликнул Сартин. — Надеюсь, теперь нам объяснят, что происходит?

— Сударь, должен вам сообщить, что ферма, которую мы столь долго искали, обнаружена благодаря дыму, поднимавшемуся над горящим домом. Когда огонь стих, из-под пепла извлекли изуродованный до неузнаваемости труп. И никаких следов вышеозначенного предмета.

— Продолжайте поиски. Вновь полученные сведения подтверждают показания свидетеля. Мне кажется, что свет разума все же позволит нам завершить это изрядно затянувшееся расследование.

— …которое, в сущности, длится всего несколько дней… Могу ли я продолжать, сударь?

— Я просто вспоминаю, с чего все началось… Давайте, господин комиссар, завершайте, и желательно побыстрее.

Николя хлопнул в ладоши, и к всеобщему удивлению в кабинет вкатилась низенькая тучная особа, одетая как простая горожанка; в руках она держала плеть какого-то растения. Испуганно озираясь, она останавливала взор на каждом, пока не дошла до комиссара; улыбнувшись ему, она понимающе кивнула.

— Господин Бальбо, прежде чем эта женщина уйдет, скажите, вы знаете ее? Смотрите внимательно.

— Нет, не знаю, сударь. Впервые вижу…

— Хорошо, не будем настаивать…

— О, как всегда! Не будем настаивать! Похоже, нам снова хотят продемонстрировать эксперименты, которые ни к чему не приводят.

— Иногда верный путь видится не сразу. Еще один вопрос.

Подойдя к незнакомке, он взял у нее из рук растение и помахал им перед носом Томмазо Бальбо.

— Вам знакомо это растение?

— Разумеется. Это плющ.

— Знаете ли вы латинское название плюща?

— Увы, нет!

— Сейчас мы вам его предъявим.

Он протянул Бальбо листок бумаги, тот взял его и прочел.

— Латинское название плюща — hedera. Теперь, сударь, я стал более образованным, и благодарен вам за это, хотя и не понимаю смысла того, что здесь происходит.

— Полагаю, сударь, мы тоже стали умней, и сейчас я вам это докажу.

Впоследствии, вспоминая этот час, свидетели признавались, что ничего толком не поняли, ибо события разворачивались с поистине головокружительной скоростью. Подбежав к стене, украшенной всевозможным оружием, Николя схватил кинжал и, бросившись к Бальбо, схватил его за шиворот, вытащил из кресла и вонзил кинжал прямо ему в живот. Зрители вскрикнули от ужаса, Сартин, побледнев, вскочил и замахал руками. Дальше стало еще интереснее. Вместо крови из живота Бальбо заструился песок, и вскоре на паркете образовалась небольшая песчаная горка. А следом за песком из отверстого чрева, сверкая в лучах заходящего солнца и горящих факелов, выпал универсальный ключ королевы.

Итальянец отскочил в сторону и, словно загнанный зверь, завертел головой в поисках выхода.

— Схватить Томмазо Бальбо! — крикнул Сартин. — Взять под стражу!

Словно предугадав приказ министра, Бурдо вместе с подбежавшим Рабуином набросились на преступника. Бальбо яростно отбивался, но удар по ногам заставил его рухнуть на колени; в этом положении его удалось связать.

— Итак, — начал сияющий Сартин, подбирая драгоценность и сдувая с нее песчинки, — значит, истинный виновник кражи — брат, прибывший из Италии?

— Нет, сударь, вы ошибаетесь. Перед вами Винченцо Бальбо, контральтист из Королевской капеллы. Я обвиняю его в убийстве Ламора, слуги герцога Шартрского, проститута Санома по прозванию д'Асси и инспектора Ренара. Также я считаю его виновным в гибели его брата-близнеца Томмазо Бальбо, чьи останки, определить принадлежность которых уже практически невозможно, найдены на сгоревшей ферме неподалеку от Роканкура.

— Что?! Сударь, объясните нам, как вы пришли к таким… м-м-м… непонятным выводам?

— Господа, я требую правосудия! Я Томмазо Бальбо, и мое единственное преступление состоит в попытке увезти с собой эту безделушку, чтобы, продав ее, начать новую жизнь. Я не знал, кому она принадлежит.

Он говорил столь убедительно, что Сартин заколебался.

— Господин комиссар, а вы уверены, что не ошибаетесь?

— Будет ли мне позволено объяснить все по порядку?

— Мы вас слушаем. Но прежде вам следует обосновать ошеломивший нас поступок; вы ведь, полагаю, сознавали, что идете на риск?

— Я был уверен в своей правоте, и по многим причинам. Прибыв в дом к д'Арране и обрадованный благополучной развязкой, я, обуреваемый признательностью к человеку, спасшему мадемуазель д'Арране, бросился обнимать его и благодарить. Заметьте, из-за жары мы все сейчас носим легкую одежду. Так вот, обняв его, я почувствовал, что уперся в нечто твердое, похожее на мешок с песком, и тотчас вспомнил про ведро с мелким песочком, удивившее меня в доме Винченцо Бальбо. Еще я вспомнил, как в ту ночь, когда в Доме для прислуги мы едва не поймали человека с сосудами, полными урины, у меня под ногами также хрустел песок. Думаю, когда Плутон вцепился в Бальбо, мешок его прорвался.

— Что за Плутон? Почему я раньше не слышал этого имени? — уязвленным тоном спросил Сартин; стоило ему заподозрить, что от него что-то скрывают, как он тут же приходил в дурное расположение духа.

— Речь идет, скорее, о цербере, собаке, караулящей врата ада. Плутон — молосс из королевской псарни.

Сартин возвел очи горе.

— Второй довод — женщина, кою я попросил предстать перед вами. Вдова Менье, содержащая тихую и уютную гостиницу. В конце апреля, а точнее 21 апреля 1778 года, у нее останавливался иностранец, негоциант, прекрасно, хотя и с легким акцентом, говоривший по-французски. Только вот…

— Что вот?

— …он поставил чернильное пятно на свое имя, точнее, заменил имя кляксой. Сей негоциант прекрасно разбирался в ботанике: например, он называл плющ, увивающий дом вдовы Менье, его латинским названием hedera. Полагаю, вы заметили, как этот человек без труда прочел слова, написанные на бумажке очень мелким почерком, в то время как Томмазо Бальбо при чтении надевал очки.

— Откуда вам это известно?

— Помог поистине невероятный случай. Когда во время своей единственной прогулки по городу братья, стоя в аллее сада Тюильри, что-то читали, их зарисовал художник Сент-Обен! Кстати, сразу скажу, что так называемый Томмазо Бальбо признал, что приготовил яд для крыс; сей яд, однако, подсыпали несчастному Ламору, а затем разыграли спектакль с целью внушить нам, что Ламор утонул в Большом канале. Вскрытие…

— Ради всего святого, избавьте нас от подробностей вскрытия!

— Хорошо. Итак, Томмазо, будучи ученым ботаником, почему-то не называет растение, из которого приготовил яд, его латинским именем datura. Вдова Менье — она готова подтвердить свои показания — узнала в этом Бальбо своего апрельского постояльца. Но он сказал, что никогда ее не видел. И это правильно! Если бы это был Томмазо, он бы тотчас ее узнал; но признавать лицо, которое видишь впервые, значит идти на риск, ибо не знаешь, что с этим лицом связано. Вышеизложенные доводы, собранные вместе, побудили меня совершить неожиданный для вас поступок.

— И все же я еще раз спрашиваю вас: вы знаете, почему убили Ламора?

— Надеюсь. Доказательством служат как улики, так и наши предположения. Ламор поехал к Бальбо в Версаль. Ренар, озабоченный подозрениями, павшими на лакея герцога Шартрского, по нашим предположениям, опередил его. Посовещавшись, сообщники решают убрать Ламора, ибо он стал опасен для их содружества. И придумывают способ устранения приятеля. Приходит Ламор, все трое садятся пить кофе с сухариками. Во время вскрытия остатки…

— …хорошо, хорошо, продолжайте!

— Подмешанный к кофе и проглоченный Ламором дурман, или datura, делает свое дело. На двух лошадях Бальбо и Ренар отправляются на берег Большого канала и там инсценируют смерть от утопления. Потом Ренар играет роль перед караульным Морских ворот, что возле Маленькой Венеции.

— Я Томмазо Бальбо, — стоя на коленях, молил итальянец. — Если бы это был не я, зачем бы я стал спасать мадемуазель д'Арране?

Николя повернулся к нему.

— Действительно, любопытный вопрос. Зачем, говорите вы? Да за тем, что Винченцо ее бы не пощадил. О, разумеется, слава Господу, что вы ее пожалели, но сделали вы это потому, что она являлась для вас своего рода гарантией, пропуском, правом на нашу признательность, благодаря которой вы хотели избежать лишних вопросов. Короче говоря, вы были уверены, что ее спасение поможет вам незаметно исчезнуть и начать переговоры, ибо…

— …ибо, дражайший Николя, на переговоры сии мы накинем покров мрака, — прервал его Сартин.

— …ценная вещь лежала у вас в животе. Вы утверждаете, что вы не Винченцо Бальбо? Хорошо. Пусть доктор Семакгюс пройдет вместе с вами в заднюю комнату, осмотрит вас, а потом скажет, кто вы такой.

Итальянец завыл, забился, пытаясь избавиться от веревок. Сартин приказал увести его. Зрители долго молчали, а потом заговорили все разом. На глазах у взволнованного адмирала Эме с рыданиями бросилась в объятия Николя. Сартин, не дожидаясь продолжения сцены, повлек комиссара к окну.

— Друг мой, время не ждет. Мы с вами отправимся в Шуази успокоить короля и передать драгоценность королеве. Похоже, вы выиграли все сражения… Без вас… Но объясните мне, я до сих пор не все понял. Мне ясны причины убийства Ламора, но чем им помешал юный д'Асси?

— Наши друзья Семакгюс и Ноблекур имеют на этот счет особое мнение: они оба задаются вопросом о вменяемости преступника. Совершая жестокое убийство, на кого обрушивал преступник свой гнев — на жертву или на себя самого?

— Как это?

— Уверенный в собственной безнаказанности, он убивал и истреблял, теша свою гордыню… хотя, быть может, на самом деле он хотел быть пойманным. Повсюду на своем пути он, словно вызов, оставлял цитаты из «Королевских игр». И зверским образом изуродовал тело несчастного проститута, желая устранить то, что делало юнца мужчиной, дабы тот стал таким же, как он.

— Боже, ну и фантасмагория! Боюсь, наши друзья слегка заговариваются, не идите за ними по этому пути. И скажите: почему Ренара убили в Доме для прислуги?

— Без сомнения, Бальбо вызвал его туда запиской. Но мы не смогли ее найти. Я слишком поздно прибыл на улицу Пан. Выдав себя за полицейского, Бальбо побывал там раньше и уничтожил ее. Остатки ее я обнаружил среди золы в камине. Он также забрал рукописи памфлетов, предложенных Ренаром Ленуару и Мадам Аделаиде; в руках загнанного в угол человека эти листки могли стать козырной картой. Со смертью инспектора Ренара и арестом Бальбо опасность уменьшилась, но вы же знаете, клеветнические памфлеты возникают постоянно, словно феникс из пепла!

— Но зачем он убил своего сообщника?

— В вопросе содержится ответ. Его голова не является царством разума. Все жаждущие заполучить универсальный ключ вдруг куда-то подевались, и оказалось, что ценность украшения измеряется исключительно стоимостью бриллиантов. Произошла ссора из-за ключа или взыграла ревность обманутого мужа? Я не могу достоверно определить причины этой трагедии. Словом, исчезнуть должны были все. Кража на балу в Опере стала началом роковой цепочки событий, где переплелись и месть, и любовь, и гордыня, и безумие.

Наклонившись к уху Николя, Сартин прошептал:

— А… принцы?

— Беременность королевы пробудила в них желание половить рыбку в мутной воде. Они предприняли кое-какие шаги, на их кухнях сочинили мерзкие памфлеты, но вам прекрасно известно, что заговорщики такого высокого полета сами никогда не марают рук и при первых же подозрениях отходят в сторону, дабы ничем не рисковать. Один отправился на море, другой остался караулить на суше…

— Ах, сколько совпадений! — проговорил Сартин, обращаясь, скорее, к самому себе. — Королевский дом… Шартр… Прованс! Кругом измены… Человеческое честолюбие жаждет почестей, не думая о сопряженном с ними риске. А ведь только почести, заслуженные честным путем, могут обеспечить нам спокойствие. Легко получить должность, гораздо труднее удержаться на ней… Везде тебя подстерегают ловушки, каждый шаг может завести тебя в пропасть.

ЭПИЛОГ

Все может стать для нас ловушкой, везде засады, везде разруха.

Караччиоли

Суббота, 19 декабря 1778 года.

У королевы завершились первые схватки. В связи с приближавшимся событием Николя уже несколько дней ночевал в комнатах господина Тьерри, в любую минуту готовый бежать в большие апартаменты. Одеваясь, Николя вспоминал слова Сартина, сказанные в тот день, когда Винченцо Бальбо приняли за его брата-близнеца. Неужели он уже тогда предчувствовал грядущие события, вплоть до тех, что станут грозить ему потерей должности?

Так как общественное мнение склонно порицать тех, кого прежде превозносило до небес, герцогу Шартрскому пришлось покинуть флот. Министр морского флота при поддержке королевы убедил короля отказать герцогу в должности Великого Адмирала. Предложенная ему взамен должность гусарского полковника и командующего легкой кавалерией не удовлетворила принца. Тщательно скрываемая горечь поражения заставила его переметнуться

в лагерь противников королевы и Сартина. Считая министра виновником его унижения, принц и его окружение неустанно преследовали его сарказмами и насмешками. Враждебное отношение Неккера, назначенного Главным контролером финансов, и придворных, занятых исключительно составлением заговоров, сделали жизнь Сартина поистине невыносимой. Почувствовав, что силы его на исходе, Сартин бросился к ногам короля, который поднял его и при свидетелях, одним из которых стал герцог Орлеанский, отец Шартра, подтвердил все полномочия министра.

Николя посмотрел на часы: пробило четыре. Следом за Тьерри он направился в апартаменты королевы. В прихожей, устроившись в креслах, ожидали члены королевской семьи. Тьерри приоткрыл дверь парадной спальни, затем Николя услышал, как он шепчется с придворной дамой, голос которой показался ему знакомым. Потом дверь закрылась.

— Госпожа Кампан сообщила, что королеву перенесли на кровать для родов. Король уже там. Как только господин Вермон, врач Ее Величества, даст знак, нам придется пропустить в спальню членов королевской семьи и толпу желающих.

— Толпу?

— Дорогой, разве вы не знаете обычаев? Роды наших королев всегда проходят при большом стечении народа, дабы никто не усомнился в легитимности рождения наследника. Этикет предписывает пускать всех, кто захочет присутствовать при этом событии, без различия пола и званий. Прислушайтесь… слышите глухой топот? Новость уже облетела всех, и сейчас сюда спешит народ.

Далекий гул, разбавленный криками и смехом, по мере приближения становился все громче и звучал на удивление грозно. Уже несколько недель все в королевстве с тревогой ожидали исхода родов королевы. Народ прибывал отовсюду; в Версале цены на гостиницы и продовольствие возросли втрое. Нация единодушно жаждала обрести дофина.

Около шести часов господин де Вермон распахнул дверь и громко объявил, что «королева рожает». Члены королевской фамилии вскочили с кресел и, подгоняемыми толпой народа, ринулись в спальню, звонко топая каблуками по паркету. Бурное людское течение подхватило Николя и увлекло за собой. За одну минуту спальня наполнилась сотней любопытных лиц. Николя заметил двух маленьких савояров: с обезьяньей ловкостью мальчишки забрались на шкаф и оттуда с удобством наблюдали за происходящим. Стоя у изголовья кровати, король смотрел на раскрасневшуюся и истекавшую потом королеву, прижимавшую к губам носовой платок. В комнату набивались все новые и новые любопытные, и скоро в ней стало совершенно нечем дышать. Смешение запахов немытых тел, резких духов, свечной сажи и крови порождало нестерпимую вонь.

— Королева задыхается! — внезапно воскликнул акушер. — Воздуха! И горячей воды… Надо пустить кровь.

Король в растерянности озирался по сторонам. Лицо его просветлело, когда он увидел сумевшего пробраться к нему Николя.

— Ко мне, Ранрей! Окно, надо открыть окно!

Растолкав обеими руками толпу, король расчистил проход для Николя, и они вместе ринулись к наглухо запертому и законопаченному по зимнему времени окну, не сразу поддавшемуся их объединенным усилиям. Наконец окно распахнулось, и в спальню ворвался поток свежего морозного воздуха. Тем временем кровь прихлынула к голове королевы, и та в немой мольбе открыла рот. Воду все не несли, и первый надрез пришлось делать всухую. Кровь забила фонтаном, быстро наполнив пять тазов. Королева пришла в себя. Роды продолжались. Каждый раз, когда раздавался крик королевы, король со всей силой сжимал плечо стоявшего рядом Николя. Принцесса де Ламбаль от волнения потеряла сознание, и ее унесли. Ребенок родился ближе к полудню. Его первый крик встретили таким шквалом аплодисментов, что, казалось, стены дворца содрогнулись. Когда королева без сил откинулась на подушку,

сообщили пол ребенка. Собравшиеся пришли в замешательство, хотя где-то вдалеке аплодисменты по-прежнему не стихали. Изумленная наступившей тишиной, измученная родами королева приподнялась на подушках и, слабо взмахнув рукой, умирающим голосом произнесла: «Это девочка» — и потеряла сознание. Тьерри, Николя и караульные принялись вытеснять из спальни толпу, растекавшуюся по большим апартаментам. По пути они едва не сбили две ширмы, ограждавшие кровать, но, к счастью, предусмотрительный король велел крепко-накрепко привязать их прочными веревками. Появились привратники; они хватали за шиворот и выпроваживали самых назойливых любопытных. У выхода из больших апартаментов Николя увидел Прованса и Шартра: принцы разговаривали, стоя в оконной нише. Судя по беспечному выражению их лиц, они болтали о пустяках. Но когда Николя прислушался, до слуха его донеслась сказанная братом короля фраза, весьма его обеспокоившая: «Партия всего лишь отложена, настоящая игра еще впереди». Заметив комиссара, Шартр направился к нему.

— Господин маркиз, — начал он, — до меня дошел слух, что вы были готовы обнажить шпагу, защищая мою честь. Это похвальный поступок, и я вам признателен.

Слова были гладкие, однако ледяной взор выдавал истинные чувства герцога. Вместо ответа Николя церемонно поклонился обоим принцам. Он прекрасно понимал, что заговорщики не угомонятся, и достойным слугам короля, таким, как Сартин, всегда будет грозить опасность. Не устанут они и поливать грязью королеву, которая своим легкомыслием сама поставляет своим врагам пищу для клеветы. Только что в зале Бычий глаз распространилась очередная сплетня, очернявшая как Ее Величество, так и преданных ей придворных дам. Долгожданному рождению сопутствовала смерть. Накануне Винченцо Бальбо доставили на Гревскую площадь. Пока телега ехала по улицам, осужденный пел, и пел так прекрасно, что толпа, сопровождавшая телегу, прониклась к нему великой жалостью. Наконец-то певчий нашел свою публику. Его повесили, вызвав на площади большие беспорядки. В тот же день вдову Ренар перевели из Шатле в Бисетр, где ей предстояло провести неопределенно долгое время.

Чувствуя потребность прогуляться, Николя направился в сад. Как и все, он ощущал легкое разочарование от того, что родилась девочка. Словно в ясный полдень ночная мгла неожиданно окутала мир своим мрачным покровом. По небу бежали тучи, сквозь которые время от времени проблескивало равнодушное солнце. Все казалось неживым, недвижным и безгласным. На душе было холодно. Напрямую, сквозь заросли кустов, он направился к Большому каналу. Подобно схлынувшим водам отлива, завершавшийся год, как всегда, оставлял после себя черепки, осколки и обломки. Призраки войны, страхи, жертвы, замученные Бальбо, и утраченная вера в благородство человеческой натуры неотступно преследовали его. И вдруг, словно улыбка мимолетной и хрупкой надежды, в зарослях промелькнул солнечный луч.

Николя вздохнул полной грудью. Туманному будущему он по-прежнему противопоставлял свое постоянство, честь, веру и верность королю, а также дружбу и любовь… Подобный морю, Большой канал простер перед ним свою гладь. Ощутив запах гниющих водорослей, ему вдруг показалось, что он слышит шум прибоя и крики чаек. Он станет исполнять свой долг, чего бы ему это ни стоило.

Бисао — Ла Бретеш, октябрь 2007 — ноябрь 2008 г.

Примечания

1

См. «Таинственный труп».

2

Отмычка — ключ, с помощью которого можно открывать различные замки; его особая бородка беспрепятственно проникает в замок любой конструкции и отодвигает запорные штифты.

3

Этот ключ был украшен 531 алмазом.

4

См. «Таинственный труп».

5

Эмпирей — часть неба, расположенная выше прочих, где обитают боги.

6

Мадемуазель Дени — племянница Вольтера, проживавшая вместе с ним в Фернее.

7

Иосиф II, брат Марии-Антуанетты, который в 1777 г. во время своего путешествия во Францию давал наставления зятю.

8

Портрет этот сохранился, и на нем можно прочесть надпись: «Подарено королем господину Ленуару, начальнику полиции и Государственному Советнику. 1778 год».

9

Дюбуа — кардинал и ближайший советник регента Орлеанского.

10

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

11

Лафонтен. «Похороны львицы». — *Пер. Я. Таировского.*

12

Герцог Шартрский (1747–1793) — Филипп Орлеанский, будущий Филипп Эгалите.

13

Герцог де Пантьевр (1725–1793): сын графа Тулузского, признанного бастарда Людовика XIV, рожденного от госпожи де Монтеспан.

14

Кармонтель (1717–1806) — художник-портретист, инженер, писатель, которому принц поручил наблюдать за ходом строительства.

15

За несколько лет — с 1781 по 1784 г. — замысел был исполнен.

16

Открытие, которому читатели наверняка порадуются вместе с автором!

17

«Ла Бель Пуль» дважды хотели подвергнуть досмотру: первый раз это случилось в январе 1778 года, а второй — 17 июня того же года; в тот день неподалеку от бухты Гульвен корабль вступил в бой с линкором «Аретуза».

18

Эмманюэль де Риву — персонаж романа «Таинственный труп».

19

Жак Ноэль Сане (1754–1831) — инженер-кораблестроитель.

20

Ив де Кергелен де Тремарек (1734–1797) французский моряк, исследователь.

21

Жюльен Крозе (1725–1782) французский моряк, исследователь.

22

Accelerando — постепенно ускоряя (ит.).

23

Когда на балу в Опере граф д’Артуа оскорбил герцогиню, Шартр встал на сторону Артуа; вступившийся за герцогиню супруг вызвал Артуа на дуэль.

24

См. «Таинственный труп».

25

См. «Дело Николя Ле Флока».

26

5 мая 1778 года.

27

Ренар (renard) (фр.) — лисица, лис.

28

Цит. по: М. Монтень. Опыты. М., Голос, 1992.

29

См. «Мучная война».

30

Намек на знаменитый в то время порнографический роман «Картезианский привратник».

31

Так Мерси-Аржанто величал Марию-Терезию.

32

Автор подчеркивает, что дело 1778 года о книгах и памфлете имеет под собой историческую основу, получившую вольную трактовку.

33

Определение принадлежит маркизу д’Аржансону.

34

Мольер. Ученые женщины. — *Пер. М. Тумповской.*

35

Мольер. Амфитрион. — *Пер. В. Брюсова.*

36

Автор подчеркивает, что дело 1778 года о книгах и памфлете имеет под собой историческую основу, получившую вольную трактовку.

37

Bouchee a la reine (фр.) — букв.: «кусочек королевы», слоеная корзиночка, наполненная мясом под соусом.

38

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

39

Напомним читателю, что эти факты почерпнуты из биографии подлинного инспектора Гупиля и его жены. Действительность всегда превосходит вымысел.

40

Матье Франсуа Пиданса де Меробер (1708–1779).

41

См. «Дело Николя Ле Флока».

42

Мари Тюссо (1761–1850) — создательница Музея восковых фигур в Лондоне, открытого в 1835 году на Бейкер-стрит.

43

Филипп Курциус (1741–1794) содержал в Париже кабинет восковых фигур, коллекцию которого завещал Мари Тюссо.

44

Ж.-Б. Руссо. «Амимона». — *Пер. А.Х. Востокова.*

45

«О воздействии планет на человеческое тело» (1766).

46

Век Просвещения прославился своими техническими идеями, одна любопытней другой, но подавляющее большинство из них были обречены на провал. К этим последним относятся и разработки Монфора.

47

С устранением причины устраняется следствие (лат.).

48

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

49

См. «Призрак улицы Руаяль».

50

См. «Таинственный труп».

51

Способ действий (лат.).

52

Век Просвещения прославился своими техническими идеями, одна любопытней другой, но подавляющее большинство из них были обречены на провал. К этим последним относятся и разработки Монфора.

53

Для этого (лат.).

54

Исповедуюсь тебе, Господи! (лат.)

55

Пример, что на вопрос отвечает вопросом, не может доказать ничего!

— Отчего волнение тебя охватило? Ведь если кровь твоя холодна, зачем ты начал игру, меня осыпав загадками? (лат.)

56

Отсылаю читателя к великолепному каталогу выставки работ Габриэля де Сент-Обена (1724–1780), состоявшейся в Лувре в 2008 году.

57

Робер Гарнье (1545–1590) — французский поэт.

58

Цветочница Бабет — так шутливо называли аббата де Берни (1715–1794), министра Людовика XV, будущего кардинала и посла Франции в Риме.